МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РФ
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Р. ГАМЗАТОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Актуальные проблемы истории народов Кавказа и Юга России»

Материалы V Международной научной конференции.

14-15 мая 2026 г.

МАХАЧКАЛА 2026

Печатается по решению Научно-экспертного совета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова» (протокол № 1 от 08 октября рег. № 9)

УДК 63.3 (2 Рос Даг)

ББК 94 (470.67)

А 43

Ответственный редактор: к.и.н., доцент Султанбеков Р.М.

Рецензенты:
Булатов Б.Б. – д.и.н., профессор кафедры истории России ДГУ
Магарамов Ш.А. – к.и.н., доцент, директор ППК ДГПУ им Р. Гамзатова

Актуальные проблемы истории народов Кавказа и Юга России// Материалы V Международной научной конференции. Махачкала: ДГПУ им. Р. Гамзатова, 2026. - 390

Издание сборника статей производилось в авторской редакции.

За содержание представленной информации ответственность несут авторы

Сборник содержит статьи преподавателей, ученых из разных регионов России и ближнего зарубежья, представленные на Международную научную конференцию «***Актуальные проблемы истории народов Кавказа и Юга России***», (14-15 мая 2026 г.)

Султанбеков Р.М. 2026@

ФГБОУ ВО ДГПУ им. Р.Гамзатова, 2026@

Кафедра истории, 2026@

Предисловие

14-15 мая 2026 года в г. Махачкала в Дагестанском государственном педагогическом университете им. Р. Гамзатова состоялась ежегодная Международная научная конференция «Актуальные проблемы истории народов Кавказа и Юга России». Мероприятие, организованное кафедрой истории и историческим факультетом, было приурочено к Году единства народов России и собрало более 70 исследователей из ведущих научных центров и вузов России, а также из стран ближнего зарубежья Абхазии, Азербайджана и Южной Осетии.

Конференция, начавшая свою работу 14 мая с Пленарного заседания, объединила как признанных ученых-кавказоведов, так и тех, кто только начинает свой путь в науке — аспирантов и магистрантов. Столь широкий состав участников позволил взглянуть на историю и современность региона под разными углами.

Программа конференции охватила внушительный пласт времени: от глубокой древности до наших дней. Дискуссии развернулись вокруг шести фундаментальных блоков:

- **Методология и источники.** Участники обсудили, как меняется современное кавказоведение, какие новые подходы и архивные материалы позволяют переосмыслить устоявшиеся концепции.
- **Исторические связи.** Особое внимание уделили тому, как складывались отношения народов Дагестана с соседями по Кавказу и Россией на протяжении столетий — от средневековья до эпохи Нового времени.
- **Социальный и экономический срез.** Эксперты проанализировали культурные и экономические трансформации, которые происходили на Юге России в последние века.
- **Геополитический узел.** Отдельная сессия была посвящена сложной «игре интересов» между Россией, Турцией и Ираном в XVII–XIX веках, которая во многом определила судьбу региона.
- **Эпоха потрясений.** Ученые детально разобрали роль народов Кавказа и Дагестана в бурных событиях революционного периода и Гражданской войны.
- **Уроки истории.** Завершающим аккордом стало обсуждение темы Великой Отечественной войны, где лейтмотивом выступило единство народов как решающий фактор, обеспечивший победу Советского Союза.

Торжественное мероприятие началось приветственной речью официальных лиц представителей науки и образования.

С приветственным словом к собравшимся обратился проректор по научной работе и цифровизации ДГПУ им. Р. Гамзатова Магомед Абдуллаевич Сурхаев.

От имени ректора университета Наримана Асваровича Асварова, он передал теплые слова приветствия и пожелал участникам конференции плодотворной и творческой работы. Далее в своем выступлении он подчеркнул важность проведения подобных научных форумов для глубокого изучения многовековых взаимоотношений народов Кавказа и России.

Теплые слова приветствия также прозвучали от проректора по учебно-методической работе ДИРО Министерства образования и науки РД Ахмеда Джабраиловича Курбанова, декана исторического факультета Закира Мукаиловича Мирзаева и заведующего отделом Института истории и этнологии им. А.А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана Гассанов Гаджи Нуру оглы.

В рамках пленарного заседания было заслушано девять докладов, охватывающих широкий спектр тем отечественной и зарубежной истории. Особый интерес вызвали выступления: д.и.н., профессора ДГПУ им. Р. Гамзатова Магомеда Раджабовича Гасанова – об истории древней Кавказской Албании; д.и.н., профессора, зам. директора Федерального исследовательского центра ЮНЦ РАН, г. Ростова на Дону, Евгения Федоровича Кринко – о проблеме эвакуации населения из западных областей страны на Северный Кавказ в начале войны; проректора по учебно-методической и научной работе ГБУ ДПО РД «Дагестанский институт развития образования», д.и.н., доцента Ахмед Джабраиловича Курбанова – о подготовке учебников региональной истории для школ республики Дагестан; профессора, член-корреспондента Северокавказского центра международной академии архитектуры, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания Владимира Бутусовича Бесолова - об актуальных проблемах архитектуроведческого аспекта кавказоведения; зав. кафедрой истории Дагестана, д.и.н., профессора ДГУ Абдулкадыра Исаевича Омарова(фото 4) – о проектах и вариантах царской администрации включения Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи в пер. пол. XIX века; главных научных сотрудников ИИАЭ ДФИЦ РАН к.и.н., Лейлы Ганиевны Каймаразовой и к.и.н., Юлии Михайловны Лысенко – о характеристике материалов «письма-газеты» «Дагестан своим фронтовикам», издававшейся в Махачкале комиссией по истории Великой Отечественной войны для фронтовиков-дагестанцев в 1943–1945 гг. в контексте отражения единства народов страны и народов многонационального Дагестана; д.и.н., ведущего научного сотрудника, Комплексного научно-исследовательского института

АН Чеченской Республики, Салмана Мирзакевича Джамирзаева – о цивилизационном аспекте этногенеза чеченцев в контексте кавказоведческого составляющего и других.

Далее конференция продолжила работу в секционных заседаниях, где участники углубились в актуальные вопросы кавказоведения. В первой секции всего было заявлено 17 докладов. Участники секции в своих докладах отметили, что на рубеже XVI – XVIII вв. Дагестан являлся зоной столкновения интересов Ирана, Турции и России; занимал важное стратегическое и геополитическое положение, располагаясь на пересечении транзитных торговых путей из Азии в Россию и Европу.

Тема «Социально-экономическое и политическое развитие народов Кавказа и Юга России в XX веке» нашла отражение в научных докладах, заявленных во второй секции. Всего было заявлено 25 докладов. В их докладах нашли освещение такие актуальные проблемы кавказоведения как: первая мировая война и политика ведущих стран Европы и Востока; основные направления внешней политики стран кавказского региона и России в новейшее время; вопросы культурного развития народов Кавказа и Юга России; аграрная политика России в кавказском регионе в начале XX века; проблемы межнациональных отношений на постсоветском пространстве; вопросы развития науки и образования в новейшее время.

В третьей секции прозвучали доклады, посвященные героизму мужеству советских людей на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны. Всего было заявлено 17 докладов. В ходе обсуждения докладчики выразили единодушное мнение: решающим фактором в достижении Победы в Великой Отечественной войне стало нерушимое единство и дружба народов СССР. В современных условиях, когда предпринимаются попытки фальсификации событий Второй мировой войны, роль научного сообщества возрастает многократно. Наша общая задача — отстаивать историческую правду, противостоять искажению фактов и обеспечивать преемственность поколений, чтобы память о подвиге наших предков оставалась незыблемой.

Проведение Международной научной конференции «Актуальные проблемы истории народов Кавказа и Юга России» стало значимым мероприятием в современном кавказоведении, наметила пути дальнейшего развития кавказоведческих исследований. Конференция подтвердила, что интерес к истории Кавказа остается не только высоким, но и крайне востребованным для понимания современных процессов в регионе.

РАЗДЕЛ 1. НАРОДЫ ДАГЕСТАНА, КАВКАЗА И ЮГА РОССИИ В ДРЕВНОСТИ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ.

УДК 94
(470.67*)*

Гасанов М.Р.
д.и.н., профессор кафедры истории
Дагестанский государственный педагогический университет
им. Р. Гамзатова.
г. Махачкала, РФ

Связи Албании с Сарматией

Аннотация: Статья посвящена исследованию многоаспектных связей между Кавказской Албанией и Сарматией. Автор анализирует ключевые этапы и направления взаимодействия данных этнополитических объединений, детально рассматривая экономические контакты, культурное влияние и военно-политические союзы. Публикация позволяет расширить научные представления о роли кочевого фактора в историческом развитии государств древнего Кавказа.

Ключевые слова: Кавказская Албания, Сарматия, сарматы, кочевой фактор, этнополитическая история, военно-политические союзы, культурное взаимодействие, древний Кавказ.

По данным античного автора Страбона на севере Албания граничила с сарматской равниной [1.С.182]. Первое сообщение о стране «Сарматия» восходит к известному греческому ученому-естествоведу Теофрасту (372-287 гг. до н.э.), который в своем сочинении «О водах» наряду со «Скифией» называет и «Сарматию». Об этой стране сообщает и автор IIIв. до н.э. Антигон Карисский [2.С.38,39].

Сарматы – ираноязычные племена, которые в последние века до н.э. расселялись в предкавказских степях вплоть до предгорий Кавказа. Активное проникновение в приморские районы Дагестана было связано со стремлением сарматов овладеть важными стратегическими и торговыми путями, ведущими в Закавказье и Переднюю Азию. Полагают, что савроматы, продвинувшиеся на Северный Кавказ, образовали союз во главе с сираками.

Один из этапов сарматской миграции, датируемый концом III-Iв. до н.э., связан с активностью политических союзов во главе с языгами, роксоланами и аорсами. Сарматские миграции приобретают региональный характер, а «великое переселение народов» начинается на этом этапе. Родственными сарматам (савроматам) были аорсы. По словам Страбона аорсы владели

огромной территорией и господствовали над значительной частью Каспийского побережья. Под их контролем находились некоторые пути из Юго-Восточной Европы в Закавказье и Переднюю Азию. Натиск сарматских племен в их движении к Кавказским горам испытывали в различной степени все местные племена равнин и предгорий, но исторические последствия расселения сарматов для разных регионов края были неодинаковы.

Торговый обмен и военно-политические контакты населения Сарматии с Албанией сыграли важную роль в нивелировке культуры различных племен и народов. Некоторое влияние сарматов на дагестанских горцев отразилось в эпизодических переменах обряда захоронения и в довольно редких случаях находок оружия, зеркал, посуды сарматских типов.

Одним из результатов связей дагестанских племен с сарматами явилось почти повсеместное распространение сарматских типов оружия – всаднических мечей, наконечников стрел, и не случайно Страбон писал о том, что горцы – албаны были вооружены подобно скифам и сарматам [3.С.26].

С утверждением политического господства сарматов начался процесс «сарматизации» [4. С.9], или сарматской аккультурации (новые вооружения, костюм и его украшения, некоторые черты обряда и пр.) Северного Кавказа.

Сарматское нашествие для населения Северного Кавказа было неожиданным. Однако такая внезапность их появления здесь не мешала в дальнейшем их контактам с местным населением. Ручки – звери на сарматской посуде – влияние культуры древних горцев, сосуды с носиками, сосуды типа мисок – пиал с широкими краями и выпуклости внутри – тоже влияние местной культуры. Археологам известны даже могильники с сарматскими вещами, но со скорченными костяками и в каменных ящиках (могильник Яман-су на границе Чечни и Дагестан, могильник Карабудахкент). Полагают, что название племен «утидорсы», которые сохранил античный автор Плиний Старший в сочинении «Естественная история», и является названием того смешанного с сарматами населения «удин», или «удов», которое занимало Прикаспий [5.С.55].

Сармато-аланские племена оказали некоторое влияние на дагестанское население, восприняв в свою очередь, местные оседлоземледельческие культурные традиции. Эти контакты возникли и в ходе аланских походов 35, 72 и 135 гг. в Закавказье и Переднюю Азию. Так, в 35г. во время войны Парфии и Армении, с одной стороны, Иберии и Албании, с другой, обе противоборствующие стороны на помощь привлекали сарматские племена [1.С.239,274].

И позже аланы, в составе которых были и предки дагестанских горцев, совершали походы в Закавказье через Дербентский проход.

Аланы совместно с албанскими войсками вели борьбу также против парфян и римлян.

Связи дагестанского населения эпохи Кавказской Албании с сарматами отразились в археологических и этнографических материалах. Имеющиеся материалы позволяют говорить о наличии на территории Дагестана в албано-сарматское время двух групп памятников, соответствующих, как полагают исследователи, двум археологическим культурам. В первую группу входили памятники горного, предгорного и приморского Дагестана. Вторая группа охватывает памятники северных равнинных районов Терско-Сулакского междуречья [6.С.72].

Керамическое производство сарматов последних веков до нашей эры – первых веков нашей эры испытывало значительное влияние Кавказской Албании с ее высокоразвитым керамическим производством, отличавшимся своеобразием форм и высоким качеством выполнения керамики. В сарматских погребениях появляются курильницы с отделением и ритуальные чаши, идентичные дагестанским. Дагестанскими по происхождению считают и отдельные формы кувшинов первых веков нашей эры – с цилиндрическим горлом и округлым туловом, с орнаментом в виде валиков и косых насечек [6.С.47].

Как показывают погребальный обряд и инвентарь памятников Дагестана, большему сарматскому влиянию подверглись районы приграничной с ними территории и по Прикаспийской торговой дороге. Эти материалы свидетельствуют как об этнических контактах, так и о посредничестве сарматских племен в культурном общении местного, оседлого дагестанского населения эпохи Кавказской Албании с населением Причерноморья и Поволжья [7.С.251].

В погребальном обряде населения Дагестана албано-сарматского времени прослежено немало сарматских черт, в частности, посыпка покойника мелом [8.С.141].

Влияние сарматской культуры в Дагестане, как и в других районах Северного Кавказа, хорошо прослеживается в первых веках нашей эры – в эпоху Кавказской Албании.

Наличие двух встречных культурных потоков – албанского с юга и сарматского с севера – и позволило определить данный период в истории дагестанских племен как албано-сарматский.

Вместе с тем факт бытования на Кавказе форм сосудов, находящих аналогии в сарматской керамике, по мнению исследователей, не является

свидетельством проникновения на территорию Северного Кавказа сарматских племен, а говорит лишь о контактах северокавказских и сарматских племен при несомненном преобладании воздействия северокавказской культуры на сарматскую.

Кавказская Албания играла важную роль в связях сарматского населения с государствами Закавказья и Передней Азии. С другой стороны, сарматы принимали активное участие в торгово-экономических и военно-политических связях Кавказской Албании с различными странами и народами.

Список источников и литературы:

1. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Составители В.Ф.Патракова, В.В.Черноус. Ответственный редактор М.Р.Гасанов. Ростов-на-Дону. 1990.
2. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М. 1984.
3. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIIIв. М.1988.
4. Крупнов Е.И. Предисловие // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. №23. М.-Л. 1951.
5. Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М. 1965.
6. Абрамова М.П. Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматскую эпоху // Советская археология. 1987 №4.
7. Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени. Махачкала. 1996.
8. Бакушев М.А. Мел в погребальном обряде населения Дагестана албано-сарматского времени // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала. 2005.

УДК 93

Адыгёзалов К.М. оглу
Преподаватель Губинского филиала
Азербайджанского государственного педагогического университета
г. Куба, Республика Азербайджан

К истории аграрной политики Российской империи в Карабахском регионе

Аннотация. В статье на основе нормативно-правовых актов Российской империи, архивных материалов и научных исследований рассматривается

аграрная политика царского правительства в Карабахском регионе в XIX – начале XX вв. Анализируются особенности землевладения, формы крестьянской зависимости, правовой статус мусульманского и христианского населения, а также социально-экономические последствия аграрных реформ для региона.

Ключевые слова: Карабах, Российская империя, аграрное законодательство, землевладение, крестьянство, реформы.

После включения Карабахского ханства в состав Российской империи в начале XIX века аграрные отношения региона стали объектом активного правового регулирования со стороны царской администрации [1,с.234]. Земельный вопрос имел ключевое значение, поскольку сельское хозяйство являлось основой экономики Карабаха, а население преимущественно состояло из крестьян, связанных с землей различными формами повинностей и налоговых обязательств. Целью настоящего исследования является комплексный анализ аграрного законодательства Российской империи в Карабахском регионе и выявление его специфики в сравнении с другими окраинами империи.

До присоединения к России аграрные отношения в Карабахе регулировались нормами мусульманского права (шариата) и местными обычаями (адатами). Земля формально считалась собственностью хана, однако на практике существовали различные формы владения и пользования: мюльк, вакф, общинные земли. Крестьянство выплачивало натуральные и денежные подати, а также несло повинности в пользу феодальной знати.

С установлением российской власти прежняя система не была ликвидирована сразу. Имперская администрация, стремясь к стабильности, на первых этапах сохранила многие традиционные формы землепользования, адаптируя их к общим принципам российского права.

Ключевым документом, определившим правовой статус Карабаха, стал Кюрекчайский договор 1805 года, а затем Гюлистанский договор 1813 года [2,с.76]. Эти соглашения закрепили переход региона под власть Российской империи и создали правовую основу для внедрения имперского законодательства.

В 1820–1830-е годы были приняты специальные положения, регулирующие управление закавказскими территориями. Земли бывших ханств объявлялись государственными, однако значительная их часть передавалась в пользование местной знати, признанной дворянством Российской империи. Таким образом, аграрная политика сочетала элементы централизации и компромисса с местными элитами.

В Карабахе в XIX веке сосуществовали несколько форм землевладения [3,с. 112–130]:

1. Государственные земли – находились в ведении казны и сдавались крестьянам в пользование за определённые повинности.
2. Частновладельческие земли – принадлежали бекским и меликским родам, а также русским переселенцам.
3. Общинные земли – использовались сельскими общинами на коллективной основе.

Аграрное законодательство Российской империи постепенно усиливало позиции частной собственности, что вело к расслоению крестьянства и росту земельной аренды.

Крестьянство Карабаха отличалось этноконфессиональной неоднородностью, что находило отражение в правовом регулировании. Мусульманские крестьяне, как правило, находились в большей зависимости от землевладельцев, тогда как христианское население (в том числе армянское) нередко пользовалось определёнными налоговыми и правовыми льготами.

До реформы 1861 года крестьянские повинности включали оброк, барщину и натуральные поставки [4,с. 45–67]. Отмена крепостного права в центральных губерниях империи не была напрямую распространена на Закавказье, однако в 1870-е годы были приняты специальные положения, регулирующие выкупные отношения и закрепление земель за крестьянами.

Реформы 1860–1870-х годов стали важным этапом трансформации аграрных отношений в Карабахе. «Положение о поземельном устройстве крестьян Закавказья» закрепило за крестьянами определённые земельные наделы, но условия выкупа часто были экономически обременительными [5,с. 201–230].

В результате реформ усилилось товарное земледелие, расширились посевы зерновых и технических культур. Вместе с тем сохранялись социальные противоречия, связанные с малоземельем и ростом арендных платежей.

Аграрная политика Российской империи в Карабахе имела противоречивые и многоуровневые последствия [6,с. 154–176]. С одной стороны, была создана правовая база для интеграции региона в общеимперское экономическое пространство, развивались рыночные отношения, усиливалась товарность сельского хозяйства. Вовлечение Карабаха в общероссийский рынок сопровождалось ростом зернового производства, расширением виноградарства и животноводства, а также постепенным внедрением денежных форм налогообложения.

С другой стороны, неравномерное распределение земли и этноконфессиональные различия в правовом статусе населения усиливали социальную напряжённость. Значительная часть крестьянских хозяйств страдала от малоземелья, что вынуждало их прибегать к аренде земель у крупных собственников на кабальных условиях. В архивных материалах конца XIX века неоднократно отмечаются жалобы крестьян на рост арендной платы и злоупотребления со стороны землевладельцев.

Особое значение имела политика переселения и наделения землёй новых групп населения, что изменяло традиционную структуру землепользования и усиливало конкуренцию за земельные ресурсы. Эти процессы, в сочетании с сохранением феодальных пережитков, формировали социальную базу для аграрных конфликтов.

К началу XX века аграрный вопрос оставался одним из ключевых факторов общественно-политической нестабильности в регионе.

В начале XX века аграрные отношения в Карабахе развивались в условиях нарастающего кризиса имперской системы управления [7,с.89]. Несмотря на отдельные попытки корректировки земельной политики, основные противоречия — малоземелье, социальное расслоение деревни и неравенство в землепользовании — сохранялись. Законодательные инициативы начала века носили фрагментарный характер и не привели к системному решению аграрного вопроса.

Революционные события 1905–1907 годов выявили ограниченность прежней аграрной политики и показали необходимость коренных преобразований. Однако до падения Российской империи данные преобразования так и не были реализованы в полном объёме.

Аграрное законодательство Российской империи в Карабахском регионе представляло собой сложный комплекс правовых норм, сформированный под влиянием местных традиций и общеимперских интересов. Оно сыграло значительную роль в трансформации социально-экономической структуры региона, но не смогло полностью решить земельный вопрос, что предопределило сохранение аграрных противоречий вплоть до революционных событий начала XX века.

Список источников и литературы:

1. Кюрекчайский договор 1805 г. см.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II. – Тифлис, 1868.

2. О правовом статусе земель бывших ханств см.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXV. – СПб., 1860.

3. О формах землевладения в Карабахе см.: Бурнов А. Н. Аграрные отношения в Закавказье в XIX веке. – М.: Наука, 1980.
4. О крестьянских повинностях и налогах см.: Сборник сведений о Кавказе. – Тифлис, 1871.
5. О реформах 1860–1870-х гг. см.: Алиев И. Г. Социально-экономическая история Азербайджана XIX – начала XX вв. – Баку: Элм, 2004.
6. О социально-экономических последствиях аграрной политики см.: Сумбатзаде А. С. Азербайджан в составе Российской империи. – Баку, 1998.
7. О положении Закавказья в начале XX века см.: Шопен И. И. Исторический памятник состояния Армянской области. – СПб., 1852.

Алиева К.Г. кызы,
доктор философии по истории
в.н.с. Института ИАЭ им. А. Бакиханова
НАН Азербайджана
г. Баку, Республика Азербайджана

Развитие обрабатываающей промышленности и ремесленных отраслей в Сурмалинском уезде Эриванской губернии (конец XIX – начало XX веков)

Аннотация. В представленной статье исследованы развития хлопководства и связанных с ним перерабатывающих предприятий в Сурмалинском уезде в указанный период на основе первоисточников и официальных статических показателей. В последние десятилетия XIX века и в начале XX века в Сурмалинском уезде Эриванской губернии стремительно росло число предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции. Растущий спрос на очищенное хлопковое волокно со стороны текстильных фабрик Центральной России дал мощный импульс развитию хлопководства и роста хлопкоочистительных предприятий в регионе.

Ключевые слова: Эриванская губерния, Сурмалинский уезд, хлопкоочистительные установки, очищенное хлопковое волокно, маслобойных заводы, винодельческиепредприятия.

В Эриванской губернии, в томчисле в Сурмалинском уезде, в конце XIX – первых десятилетиях XX века развивались различные сферы промышленности и ремесла. Из-за развития товарного земледелия особенно быстро росли предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. К ним относились хлопкоочистительное производство – внедрение новых устройств для отделения хлопкового волокна от семян и производство растительного масла – выжимка масла из семян кунжута, клещевины, льна и

конопли. Кроме того, почти во всех крупных населенных пунктах имелись водяные мельницы для помола зерновых культур – пшеницы и ячменя. Определенное место занимали и другие ремесленные сферы: ковроткачество – изготовление из шерсти ковров, паласов, хурджинов и подобных изделий, производство медной и глиняной посуды, изготовление красителей и красильное дело. Только количество винодельческих, виноградо-фруктово-водочных и спиртоочистительных предприятий, в отличие от других регионов Эриванской губернии, росло очень медленно, что было связано с тем, что большинство населения региона составляли мусульмане – азербайджанцы и курды.

В официальных источниках, относящихся к этому периоду, отмечалось, что в губернии не было фабрик, однако функционировали различные заводы. Но большинство производственных предприятий, упоминаемых в источниках того времени как заводы, представляли собой очень мелкие, кустарные производственные цеха [9, с.117]. Зачастую на таком предприятии работал всего один работник, который одновременно являлся и его владельцем.

Все эти мелкие предприятия перерабатывали местное сырье и продавали готовую продукцию населению тех же местностей. Главными причинами этого были, во-первых, невысокое качество производимой продукции; во-вторых, отсутствие в масштабах губернии железнодорожного транспорта, позволяющего дешево и быстро доставлять товар потребителям в другие регионы. Исключение составляли лишь хлопкоочистительные заводы, отправлявшие очищенное хлопковое волокно на хлопчатобумажные фабрики Центральной России.

В советский период отдельные вопросы состояния ремесленных отраслей, кустарного производства, а также о создании и развитии промышленных предприятий на Южном Кавказе, в том числе в Эриванской губернии, в XIX и первых десятилетиях XX века были отмечены в монографии грузинского ученого П. В. Гугушвили [5]. По этой теме в Азербайджане еще в советский период были написаны очень ценные труды, сохраняющие свою значимость и в наши дни. В связи с этим следует особо отметить монографии А.С.Сумбатзаде [11], М.А.Исмаилова [6,], Т.Т.Велиева [3].

Однако в этих работах исследовались различные отрасли промышленности начала XX века лишь в Бакинской и Елизаветпольской (Гянджинской – К.А.) губерниях Азербайджана, частично в Закатальском округе, а также в Нахичеванском и Шарур-Даралагезском уездах Эриванской губернии.

После восстановления независимости Азербайджанской Республики в 90-х годах XX века, особенно в последнее время, значительно возросло внимание к проведению исследований, связанных с Западным Азербайджаном – Эриванской губернией. В частности, монографии И.Ф.Казимбейли [7] и Э.Т.Гараева [4] привлекают внимание как солидные исследовательские труды, посвященные экономической жизни Эриванской губернии во второй половине XIX – начале XX веков. Тем не менее, поскольку в этих работах рассматривается хозяйственная жизнь всего региона Западного Азербайджана, вопросы развития кустарного производства и промышленности в Сурмалинском регионе затронуты лишь вскользь.

В представленной статье впервые в отечественной историографии на основе обширного фактического материала и статистических показателей комплексно исследованы отрасли кустарного производства, а также создание промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции в Сурмалинском уезде в конце XIX века и первые десятилетия XX века.

Промышленные отрасли. В 80-90-х годах XIX века в Эриванской губернии начали возникать и развиваться предприятия попереработке сельскохозяйственной продукции. Среди них особенно быстро росли количество и производственная мощность хлопкоочистительных, винодельческих, спиртоводочных, и маслобойных предприятий. Согласно обзору Эриванской губернии за 1883 г., в том году в губернии действовали 49 винодельческих и винокуренных заводов с 493 рабочими, которые произвели продукции на сумму 282 200 рублей. Кроме того, существовало 207 маслобойных заводов с объемом производства 57 850 рублей и 961 рабочим, а также 12 хлопкоочистительных предприятий с объемом производства 2 600 рублей и 24 рабочими. 31 гончарная мастерская со 109 рабочими в течение 1883 года выставила на продажу гончарные изделия стоимостью 5 940 рублей. В тот год по всей губернии функционировало в общей сложности 576 промышленных предприятий с общим объемом производства 413 634 рубля и 2 550 рабочими [8, 1883 г., вед. № 2]. Согласно обзору Эриванской губернии за 1883 г., в том году в Сурмалинском уезде действовало 10 маслобойных заводов с производственной мощностью 6 500 рублей и 40 рабочими, а также 12 хлопкоочистительных предприятий с производственной мощностью 2 600 рублей и 24 рабочими. Кроме того, имелось 6 гончарных мастерских (с годовым доходом 1 600 рублей и численностью рабочих 18 человек). Всего в том году по уезду функционировало 28 промышленных предприятий с общей

производственной мощностью 10 700 рублей и 82 рабочими [8, 1883 г., вед. № 2, с.88].

Эти статистические показатели демонстрируют, что в 1880-х годах Сурмалинский уезд занимал слабые позиции в промышленном производстве в масштабах всей губернии. Исключение составляли лишь хлопкоочистительные предприятия, которые полностью приходились на долю этого уезда, что, в свою очередь, доказывало его лидерство в сфере очистки хлопка, равно как и в его производстве.

В обзоре Эриванской губернии за 1883 г. не отражено, сколько водяных мукомольных мельниц функционировало в губернском масштабе и по уездам. Однако на основе статистических данных за 1890-1891 годы можно утверждать, что и 8–10 лет назад водяные мельницы являлись главным производственным предприятием в масштабах губернии. В 1890 году по губернии действовало 2781 мелкое производственное предприятие – завод, из которых 1 932 единицы, или 69, 5 процента, составляли водяные мельницы. В том же году в губернии также существовало 373 хлопкоочистительных завода и 177 маслобойных заводов.

На всех существующих предприятиях по губернии работало всего 4 783 рабочих, то есть на каждое предприятие в среднем приходилось по 1–2 человека [9, с.118].

В 1891 году по губернии действовало 3 213 мелких производственных предприятий – заводов, общая производственная мощность которых составляла 895 440 рублей. Большинство этих предприятий – 2 217 единиц, или 69 процентов, составляли мельницы. В том же году в губернии насчитывалось 318 хлопкоочистительных заводов, 235 винодельческих и винокуренных заводов, 200 маслобойных заводов. На всех заводах по губернии работало всего 5 660 рабочих, то есть на каждое предприятие в среднем приходилось по 1–2 человека [8, вед. № 2].

Согласно Обзору Эриванскойгубернии за 1891 год, в том году в Сурмалинском уезде действовало 298 производственных предприятий (общая производственная мощность – 23 630 рублей, количество рабочих – 299 человек), в число которых входили 194 водяные мельницы (производственная мощность – 12 500 рублей, количество рабочих – 194 человека), 83 хлопкоочистительных предприятия (производственная мощность – 10 200 рублей, количество рабочих – 83 человека), 13 маслобойных заводов (производственная мощность – 300 рублей, количество рабочих – 13 человек), 1 кирпичный, 2 известеочистительных цеха и 6 красильных мастерских [8, вед. № 2]. Эти статистические показатели также

подтверждали абсолютное преобладание кустарного производства, как в Эриванской губернии, так и в Сурмалинском уезде в рассматриваемые годы.

Интересно, что в конце XIX века сохранялась аналогичная картина. Согласно Обзору Эриванской губернии за 1900 год, в том году в губернии существовало 3470 так называемые заводы, из которых 2 204, или 63, 5 процента, составляли мельницы. На всех производственных предприятиях губернии числился 8 291 рабочий, и ими было произведено продукции на сумму 1 388 429 рублей. Это означало, что в том году на каждом предприятии в среднем работало по 2 – 3 рабочих [8, 1900 г., вед. № 2]. Из произведенной в 1900 году по губернии продукции на сумму 1 388 429 рублей доля 2 204 водяных мельниц составила 409 315 рублей, или 29, 5 процента от общего дохода [8, 1900 г., вед. № 2].

В 1900 году в Сурмалинском уезде функционировало всего 354 производственных предприятия, ежегодный доход которых составлял 44 075 рублей, а численность рабочих – 660 человек. Из этих предприятий 196 единиц составляли мельницы (общая производственная мощность – 22 630 рублей, численность рабочих – 196 человек), то есть на долю водяных мельниц приходилось 55, 4 % всех предприятий и 51, 3% годового дохода по уезду. Кроме того, в том же году в уезде действовало 95 хлопкоочистительных предприятий (общая производственная мощность – 12 710 рублей, численность рабочих – 130 человек), 38 винодельческих и винокуренных заводов (общая производственная мощность – 6 000 рублей, численность рабочих – 240 человек), 14 маслобойных заводов (общая производственная мощность – 1 355 рублей, численность рабочих – 59 человек), 6 гончарных мастерских (общая производственная мощность – 1 200 рублей, численность рабочих – 30 человек) и 5 красильных цехов (общая производственная мощность – 180 рублей, численность рабочих – 5 человек) [8, 1900 г., вед. № 2]. Согласно обзору Эриванской губернии за 1901 год, в том году 3 494 завода губернии с 6 744 рабочими произвели продукции на сумму 1 163 953 рубля. На долю мельниц пришлось 2 331 единица этих предприятий, то есть 66, 7 %, а также 401 081 рубль или 34, 5 % от общего дохода [8, 1901 г., с.11].

Эти статистические показатели демонстрируют, что кустарное производство продолжало занимать ведущие позиции в масштабах Эриванской губернии. Они также отражают, что общий экономический кризис, начавшийся в Центральном промышленном районе Российской империи, оказал серьезное влияние и на Эриванскую губернию, в результате чего общее производство сократилось на 174 476 рублей, или на 13 % по сравнению с 1900 годом. Согласно обзору Эриванской губернии за 1911 г., в

том году в губернии существовало 3 806 так называемые заводы. На всех производственных предприятиях губернии насчитывалось 10 608 рабочих, а полученный доход составил 2 299 962 рубля. Из этих предприятий 2 261 единица, или 59, 4 процента, приходилась на мельницы. В том году на мельницах работало 3325 рабочих, и они принесли 383 354 рубля дохода [8, 1911 г., вед. № 4]. То есть и в первые десятилетия XX века в масштабах губернии мельницы занимали главное место среди производственных предприятий.

Список источников и литературы

1.https://www.kumitaizabon.tj/ru/taxonomy/term/226/content/jumhuriyat.tj?qt-quicktabs=1 (2%)
2.https://www.kumitaizabon.tj/ru/taxonomy/term/226/content/content/jumhuriyat.tj?qt-quicktabs=2 (2%)

УДК 94

Ахмедов Д. С.
магистрант 1 года обучения
исторический факультет
дагестанский государственный педагогический университет
Научный руководитель: д.и.н., проф. М.Р. Гасанов

Ричинское сражение 1239 года: анализ источников.

Аннотация. Изучение Ричинского сражения позволяет нам по-новому взглянуть на стратегию монгольских походов и на то, как именно горские общества выстраивали свою оборону. Это была борьба за сохранение своего уклада жизни, культуры и политической самостоятельности. Анализ эпиграфики и исторических хроник того периода помогает восстановить картину того, как разрозненные общины объединялись перед лицом общей угрозы, превращая каждый аул в неприступную крепость.

Ключевые слова: монголы, Рича, Магъу-дере, Дербент, эпиграфические надписи, героическая борьба, Ширван.

Начиная с 20-х годов XII в. над Дагестаном и над всем Ближним Востоком нависла опасность вторжения иноземных захватчиков – монголов. Современник похода монголов Ибн ал-Асир (1160- 1234гг.) потрясённый ужасами этого нашествия писал «… о великом событии и большом несчастии, подобного которому дни и ночи ещё не родили; оно постигло всех людей, но в особенности мусульман» [6, с. 135].

Устроив погром в закавказских странах, и получив богатый выкуп, монголы решили двинуться на родину через Грузию. Но, как пишет Рашид ад-Дин, «вследствие того, что монголы увидели в пределах Грузии лесные дороги и труднопроходимые чащи они вернулись назад в Арран» [10, с. 310].

Весной 1222 г. Монголы подошли к Дербенту. Однако они не смогли пройти через укреплённый Дербент. Взять крепость хитростью монголам также не удалось. Тогда они пошли на хитрость, предложив Ширваншаху – дербентскому правителю – отправить к ним посольство для заключения мира. Он послал десять человек из лучших своих знатных людей, а монголы одного убили, остальным же сказали; «Если вы укажете нам дорогу, по которой нам пройти, то вам будет пощада, а если не сделаете этого, мы убьём и вас» [7, с. 658]. Оставшиеся десять посланцев вынуждены были провести монгольских завоевателей через Кавказские горы.

Опираясь на собранный нами материал, можно предположить, что монголо-татары обойдя Дербент, прибыли в Касумкент, оттуда в Хив по ущелью в Магъу дере Агул, Кумух, Чох, Хунзах, Ботлих через Андийский перевал в Чечню. Для монголо-татар не было необходимости после неудачной попытки пройти через Дербент возвращаться обратно к Самуру и отсюда в Курах идти к Кумуху. В силу ограниченности сведений письменных источников, отсутствия данных эпиграфики, касающихся первого вторжения монгольских полчищ, сложно определить степень участия народов Дагестана в борьбе против них. Однако поскольку моголы прошли через территорию агулов, полагаем, что и агулы не остались в стороне от этих событий и оказывали упорное сопротивление.

Проходя через Дагестан, монголы с присущей им жестокостью убивали, грабили, уничтожали населённые пункты. Они с лакзами обошлись очень жестоко «и произвели резню среди встречавших их враждебно жителей тех стран, и дошли до алан» [6, с. 142], - сообщает Ибн аль-Асир.

В целом, как отмечено в «Истории нардов Северного Кавказа», первый поход татаро-монгольских войск имел разведывательный характер и не привёл к установлению господства в Дагестане и на Северном Кавказе [8, с. 153]. Перед разведывательным отрядом была поставлена конкретная задача – пройти через Иран, Кавказ, Дешт-и-Кипчак и возвратиться на родину. Бесспорно, монголы хорошо были знакомы с географией тех сран, через которые должен был пройти двадцати тысячный отряд. И, главное, они точно знали, через какую часть Кавказа можно пройти в сторону кипчаков и затем снова возвратиться на родину, но не ожидали, что им окажут упорное сопротивление, как это было в Дербенте.

Надо сказать, что пока ещё неизвестно, сколько длился переход татар через территорию Дагестана. Согласно сведениям источников, ещё зимой 1222 г. монголы находились на своей «базе» в муганской степи. «Зиму они (татары – авт.) проводили в плодородных плодоносных местах Мугана в

Стране Албании, … весной шли дальше и разрушали всякие страны», - сообщает армянский историк XIII века Давид Багишеци [2, с. 23.].

С этого времени начинается беспрерывные нашествия монголов в кавказские страны, сопровождавшиеся неслыханными жестокостями. Преодолев упорное сопротивление населения, опустошив страны и истребив множество людей, монголо-татары в течение 1235-1238 гг. подчинили себе почти все земли Закавказья, такие как Ганджа, Ани, Карс, Тифлис, Шемаха, и др. [4, с. 654-675].

После взятия Дербента в 1239 г. перешли к планомерному завоеванию Дагестана. С этой целью они одновременно отправили многочисленные отряды с двух сторон во внутреннюю часть Дагестана. Один отряд двигался через территорию лезгин, табасран, агулов. Здесь существовали перевальные дороги. Южный Дагестан с землями лакцев, даргинцев аварцев и других народов. Главная магистраль проходила по территории агулов. По реке Самур до Агула можно было добираться двумя проходами 1) Ахты-Рутул-Шиназ-Чираг; 2) Ахты-Хлют-Играх-Усуг-Рича. По реке в Касумкент тоже существовали две дороги, ведущие Через Агул во внутренний Дагестан: 1) Касумкент-Хив-Хоредж-Гоа-Дулдуг-Тпиг-Рича; 2) Касумкент-Икра-Курах-Усуг-Рича (по Курах-чаю). Вероятно, этими проходами пользовались татаро-монголы. Второй отряд монголов двигался по побережью Каспия через Кайтаго-Табасран вглубь Дагестана.

Естественно трудно точно определить маршрут монголов из Дербента до агульских селений. Каким именно из четырёх переходов они воспользовались в своём продвижении? В любом случае все они проходили через территорию агулов. И, как нам кажется, больше всех в Южном Дагестане от нашествия монгол и в первом и во втором походах пострадали агулы. Несомненно, они оказывал героическое сопротивление продвижению монголов. Об этом свидетельствуют первые письменные известия о пребывании монголов в горах Дагестана с начала второго похода. [11].

Согласно устной традиции, монголы пришли в сел. Рича именно по ущелию «Магъу-дере». Как предполагают, средневековые поселения, расположенные в районе сел. Рича имея развитую систему оборонительных сооружений, оказывали упорное сопротивление монголам. О силе их красноречиво свидетельствует характер разрушений этих селений: они были разграблены, оборонительные стены до основания разрушенны, сохранилась кладка оборонительных стен в два-три ряда камней, жилые комплексы погибли при пожаре (об этом говорят многочисленные следы пожаров), всё это положило конец экономическому и политическому развитию целого ряда поселений агулов, которые в последствии распались. Об ожесточённом

характере сопротивления горцев против завоевателей говорят и сохранившиеся здесь народные предания. Так в предании сел. Рича говориться, что когда ричинцы получили известие о приближении монголо-татар, то они организовали оборону и совместно с населением соседних сёл выступили против них. Агулы сражались упорно и долго и на некоторое время задержали завоевателей. Но силы были неравные, местное население не выдержало натиска превосходящих сил монголов. Много ричинцев погибло в этой битве, а оставшихся в живых монголы погнали в Убратт и растоптали копытами коней. После этого завоеватели сожгли всё селение [9. С. 65].

Оборона Рича, как утверждают исследователи, продолжалась примерно с 20 октября по 15 ноября 239 г. [12, с. 14]

В этом сражении вместе с ричинцами активное участие приняли и жители близлежащих сёл. В течение 25 дней ричинцы и их соседи отчаянно защищались. В этом, как справедливо отмечает Ш. Ахмедов, помогала развитая система оборонительных сооружений [1, с. 12]. Согласно устной традиции, ко времени приходов монголов Рича была крупным населённым пунктом, где было 700 дворов и мощная крепость, расположенная на господствующей вершине Хъюхъвал. «По обеим сторонам реки Чирах- чай располагались две сторожевые башни, связанные между собой цепями. Оборонительные башни имели связь, с основной крепостью в сел. Рича» [1, с. 13]. Хотя ричинцы и их союзники отчаянно защищались, но силы были не равные, и почти всё население аула погибло, а последствия горстка храбрецов нашла убежище за стенами мечети. «Разъярённые монголы, – утверждает А. Р. Шихсаидов, – разрушили мечеть, бывшую, видимо, опорным пунктом оборонявшихся, а также селение». [13, с. 180].

О силе их сопротивления красноречиво свидетельствует их характер разрушения этих городищ: они были до основания разрушены, жилые комнаты были уничтожены при пожаре, о чём свидетельствует многочисленные следы этого в культурном слое.

Монгольское завоевания положили конец экономическому, политическому развитию городищ, оставшиеся жители были рассеяны, часть, судя по легенде, ушла в Азербайджан, а часть основала современный Аул Рича. Согласно устной традиции, Рича семь раз строился и семь раз разрушался, Монголы не сумели окончательно уничтожить всех жителей сел. Рича и разрушить селение. Видимо, оставшиеся жители разрушенных поселений переселились в Рича и аул снова возродился: через год правитель области Рича построит крепостные сооружения [3, с.14.]

Надо полагать, что из Дербента монгольские завоеватели совершили грабительские набеги и в другие районы горного Дагестана, при этом беспощадно истребляя местное население за оказанное им сопротивление. Но больше всего от нашествия страдало население плоской части. Как об этом свидетельствует многочисленные предания и легенды, сохранившиеся в народной памяти, жители равнинного Дагестана, чтобы спастись от врага, переселялись в горные труднодоступные места. К сороковым годам XIII в. Монголы силой подчинили многие земли Кавказа. Но в Дагестане монголы, кроме покорения приморской полосы, большего добиться не могли.

Подтверждением этому служит сообщение Гильома Рубрука, который писал: «За ними (черкесы и аланы), в близи моря или озера Этилии, находятся некие сарацины, именуемые лезгами, которые главным образом не подчинены (татарам). За ними находятся «железные ворота» [5, с. 28]. Судя по тексту, речь здесь идёт о народах, живших между аланами и Дербентом. Видимо, под лезгами следует подразумевать всех горцев Дагестана, которые в середине XIII века продолжали вести борьбу против татаро-монголов. Горцы Дагестана также не числятся в списке покорённых Плано Карпини – автроа XIII в. Он даёт подробный перечень стран и народов, которых монголы подчинили своей власти. Здесь упоминаются аланы черкесы комуки, и другие тюркоязычные народы северного Кавказа.

Таким образом, приведённый выше материал свидетельствует о том, что агулы в первом и втором походах оказали упорное сопротивление монголам и преградили им дорогу во внутренний Дагестан.

Список источников и литературы

1. Агулы. Махачкала,1975.
2. Ализаде А. А. Социально экономическая и политическая история Азербаджана XIII – XIV вв. Баку, 1956.
3. Ахмедов Ш.М. История сельского общества Рича. 1969.
4. Бартольд В.В, Место прикаспийских областей в истории мусульманского общества. Лекции 1-2 Соч. Т.2. С.62-63.
5. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. / Составление, введение, вступительная статья к текстам и примечания В, Г. Гаджиева. Махачкала 1992.
6. Ибн аль-Асир Тарих аль-Камиль / Пер. Жузе. Баку. 1940.
7. Ильминский Н.И. Выписки из Ибн-ал-Атира о первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны с 1200-1224 годы // Учённые записки Академии наук.

УДК 93

Бабазаде А.С. оглу,
Преподаватель Азербайджанского
государственного университета
г. Баку, Республика Азербайджан
Email: babazadeali512@gmail.com

Иреванский регион в европейских источниках (XVII – XIX вв.)

Аннотация. В данной статье проводится систематический и сравнительный анализ того, как регион Иревана был представлен в произведениях европейских авторов с XVII по XIX век. Главная цель исследования — определить образ Иревана, сформированный в европейских источниках, проследить трансформацию этого образа во времени и выявить влияние политических и идеологических позиций авторов на описания. Исследование проводилось на основе работ Жан Шардена, Жан-Батиста Тавернье, Франсуа де Ла Булле Ле Гуза, Иоганна Антона Гюльденштедта, Роберта Кер Портера и Фридриха Паррота.

Результаты исследования показывают, что представление об Иреване в европейском дискурсе не является статичным и нейтральным; оно напрямую связано с социальным статусом, политическими интересами и интеллектуальной средой авторов. Таким образом, европейские источники следует оценивать не только как источник фактической информации, но и как идеологический и дискурсивный материал, демонстрирующий, как Южный Кавказ и Иреванский регион были смоделированы в западной мысли.

Ключевые слова: Иреван, европейские путешественники, этноконфессиональный, население, переселение, этнический, статус

Иреванский регион в XVII – начале XIX веков являлся стратегически важной пограничной зоной между Османской, Сефевидской и, позднее, Российской империями. Политическая, военная и демографическая история этого региона широко отражена не только в местных источниках, но и в работах европейских путешественников, дипломатов и ученых. Описания европейских авторов являются не только источником фактической информации, но и незаменимым историческим источником при изучении истории региона. Цель данного исследования – сравнительный анализ того, как Иреванский регион был представлен европейскими авторами с XVII века по 19-го века. В качестве основных источников в исследовании были

использованы работы Жан Шардена, Жан-Батиста Тавернье, Франсуа де Ла Булле-Ле Гуза, Иоганна Антона Гюльденштедта, Роберта Кер Портера и Фридриха Паррота. Цель состоит не в том, чтобы просто цитировать наблюдения этих авторов, а в том, чтобы определить политический и идеологический контекст, в котором они представляли регион. В исследовании были изучены труды многих путешественников и миссионеров, находившихся в пределах Сефевидского государства в указанный период, а также работы местных и зарубежных авторов, представляющих различные подходы к этим произведениям в современной историографии.

Среди подобных источников большое значение имеет путевой дневник французского путешественника XVII века Жана Шардена. Он обладал высоким уровнем образования для своего времени, знал древний санскрит, греческий, пехлеви, турецкий и армянский языки, и, помимо заметок, сделанных во время путешествий, также обращался к различным историческим источникам. Во время своей второй поездки в Сефевидское государство Жан Шарден был гостем Иреванского бейлербея в марте-апреле 1673 года. В этот период путешественник делал заметки о демографическом описании региона, социально-культурных событиях и, особенно, об экономических тенденциях. Версия его двухтомного труда «Путешествия в Персию и другие места Востока», опубликованная в Амстердаме в 1711 году, считается одним из самых обширных и систематических описаний Ирана и Южного Кавказа в западном мире. Шарден поддерживал контакты с двором Сефевидов, долгое время жил в этом регионе и подробно записывал свои наблюдения. Это придает его описаниям определенную эмпирическую основу.

Описывая Иреван, Шарден прежде всего подчеркивает его военно-стратегическое положение. Он пишет: «Иреван - одна из самых сильных крепостей Персии, расположенная на границах Османской империи» [2, с. 35-36].

Это выражение не случайно. Термины «Une des plus fortes places» (одна из самых сильных крепостей) и «confins» (приграничная зона) указывают на то, что Иреван представлено именно как военно-приграничное пространство. Для Шардена Иреван — это не просто город, а очаг межимперского конфликта. В его описании особое место занимают крепостные стены, система укреплений и оборонительные сооружения. Он отмечает, что город расположен недалеко от реки Арас, и его природно-географическое положение благоприятно с точки зрения обороны. Этот акцент показывает, что Шарден оценивает Иреван в политико-географическом контексте. Он

представляет город не как экономический и культурный центр, а как стратегический узел. Что касается населения, Шарден затрагивает религиозный состав. Хотя он отмечает, что в городе преобладают мусульмане, он также подчеркивает присутствие армянской общины. Однако в его описании религиозное разнообразие представлено не как социальная гармония, а как особенность имперской приграничной территории. Этот подход является частью дискурса, представляющего восточное пространство европейскому читателю как политико-религиозную мозаику. Говоря об образе жизни населения Иревана, Шарден также предоставляет информацию о сельском хозяйстве и садоводстве. Он отмечает наличие плодородных земель вокруг города и развитие виноградарства. Однако даже эта экономическая информация все еще не отделена от контекста крепости.

Сочинения Шардена также широко обсуждались в современной историографии. Например, современный французский историк Жан Кальмар отмечает, что описания Шардена оказали серьезное влияние на первоначальные представления, сформировавшиеся на Западе о военной структуре государства Сефевидов. Другие исследователи подчеркивают, что некоторые из его наблюдений были обусловлены политическим контекстом [1, с. 110]. Важным моментом здесь является то, что Шарден, описывая Иреван, представляет его не как статичный город, а как пограничную территорию, постоянно находящуюся под угрозой. Это отправная точка дискурса, который продолжается в последующих источниках XVIII и XIX веков. Таким образом, в XVII веке первоначальный образ Иревана в европейских источниках сформировался как военно-политическая пограничная крепость. Хотя этот образ трансформировался у более поздних авторов, он не исчез полностью.

Среди таких примеров особое значение имеет путевые заметки французского купца и путешественника XVII века Жана-Батиста Тавернье. Жан-Батист Тавернье (1605–1689) был французским купцом и путешественником, совершившим шесть крупных путешествий на Восток в XVII веке. Его работа «Шесть путешествий Жана-Батиста Тавернье», опубликованная в Париже в 1676 году, считается одним из главных источников по восточным торговым путям в Западной Европе. Тавернье был купцом, и его взгляды были не политико-дипломатическими, а экономико-практическими. Это ясно видно в его описании Иревана. Сначала он перебрался из Европы на территорию Османской империи, а затем на территорию Сефевидов. Тавернье также сравнил религиозную политику Османской и Сефевидской империй и их отношение к немусульманским меньшинствам. Тавернье представляет Иреван не как военную крепость, а

как транзитный торговый центр. Он пишет: «Иреван — важный пункт пересечения караванов из Ирана в Турцию» [10, с. 26]. Ключевая фраза здесь — понятие «важный пункт пересечения». Если для Шардена Иреван — военная крепость, то для Тавернье — экономический транзитный пункт.

Тавернье подчеркивает роль Иревана в региональной сети при описании караванных путей. В своих заметках Иреван предстает как торговый узел, расположенный между Тебризом, Нахчываном и Османской империей. В этом отношении Иреван представлено не как межимперская граница, а как точка экономического контакта между империями. Тавернье уделяет особое внимание торговле шелком. Он также упоминает Иреван, перечисляя транзитные пункты для товаров, перевозимых из территорий Сефевидов на османские рынки. Это показывает место Южного Кавказа в глобальной торговой системе XVII века. Экономическая динамика находится на первом плане в описаниях Тавернье [10, с. 27].

Что касается населения, то, хотя Тавернье упоминает религиозный и этнический состав, для него эта информация важна не в контексте социальной гармонии или политического баланса, а скорее в контексте экономической деятельности. Он отмечает наличие различных общин в городе, но связывает их в основном с торговлей и ремеслами.

В рассуждениях Тавернье Иреван рассматривается не как военная граница, а как экономический пункт пересечения границы, тесно связанный с региональной рыночной сетью и являющийся частью караванной системы.

Это первое семантическое разнообразие образа Иревана в европейских источниках. Даже в рамках XVII века в один и тот же период существуют два разных дискурса: военно-пограничный (Шарден) и торгово-экономический (Тавернье). Это различие связано с социальным положением авторов. Шарден был наблюдателем, связанным с дворцом; Тавернье был купцом. То есть профессия, и интересы автора напрямую повлияли на представление об Иреване. Современная историография оценивает заметки Тавернье как надежный источник при реконструкции восточной торговой системы XVII века. В частности, информация о караванных путях Южного Кавказа важна для понимания экономической истории региона.

Таким образом, в европейских источниках XVII века Иреван уже приобретает двойной образ: стратегическая крепость и транзитный торговый центр. Эта двойственность сохраняется и в последующие столетия, приобретая более сложный характер в XVIII веке.

Среди основных источников этого периода можно упомянуть Луи Ле Гуза де Ла Булле (XVII век). Он был французским путешественником, который в 1650-х годах отправился на Восток и записал свои наблюдения в

«Путешествии в Персию» [5, с. 56]. Хотя его работа не столь систематична и обширна, как работы Шардена и Тавернье, она имеет большое значение с точки зрения сформировавшихся в Европе представлений о Востоке. В трудах Ле Гуза Иреван представлено не только как военное или экономическое пространство, но и как религиозная и культурная пограничная зона.

Описывая Иреван, Ле Гуз подчеркивает, что это место, где живут вместе различные религиозные общины, и отмечает, что, хотя здесь существует мусульманская властная структура, христианские общины, особенно армяне, составляют важную часть социальной и экономической жизни. Он пишет, что в городе «les Arméniens ont leurs églises et leurs quartiers» (у армян есть свои церкви и кварталы) [5, с. 58]. Это предложение несёт в себе важный семантический нюанс: Иреван представлен здесь не только как крепость Сефевидов, но и как место религиозного сосуществования.

Главной особенностью Иревана в рассуждениях Ле Гуза является идея его расположения «между двумя мирами». Он представляет регион как переходную зону, как в политическом, так и в религиозном плане. Такой подход является одной из ранних форм дискурса европейских востоковедов XVII века. Описание Иревана в тексте Ле Гуза имеет определённый романтически-экзотический тон. Описывая географическое положение города и окружающую природу, он представляет восточный ландшафт как иной и «иной». Это можно считать одним из ранних примеров дискурса, позже проанализированного Эдвардом Саидом в рамках «ориентализма». Иреван здесь — не только реальное политическое пространство, но и «восточная граница», сконструированная в западном воображении. Заметки Ле Гуза о населении в большей степени основаны на религиозной идентичности. Он упоминает мусульманскую правящую элиту, но в то же время подчеркивает существование христианских общин. Этот акцент не случаен; для европейского читателя XVII века христианские общины на Востоке представляли значительный идеологический интерес. Так, в описании Иревана у Ле Гуза религиозная линия не отстает от политической [5, с. 58].

По сравнению с Шарденом и Тавернье, военно-экономический анализ в тексте Ле Гуза слаб. Его основное внимание сосредоточено на культурной и религиозной среде. Это формирует третий семантический слой Иревана в европейских источниках. Современная историография считает заметки Ле Гуза более важными с точки зрения изучения европейского культурного

восприятия. Его тексты отражают не только реальную социальную структуру региона, но и сформировавшиеся в Европе представления о Востоке.

Таким образом, в XVII веке в европейских источниках формируется многослойный образ Иревана. Этот образ приобретает более систематический характер в более поздних научно-экспедиционных источниках XVIII века.

Среди европейских путешественников XVIII века следует особо выделить имя немецкого путешественника, натуралиста и этнографа Иоганна Антона Гульденштадта (1745–1781). В 1768–1775 годах он совершил научную экспедицию на Южный Кавказ от имени Российской академии наук. В 1870-х годах он находился в Иреванском ханстве, и в этот период написал свой труд «Путешествия по России и Кавказским горам» [3]. В то время Иреван уже входил в систему ханств, сформировавшуюся после падения Сефевидской империи. Он изучал регион как потенциальное направление экспансии Российской империи. Этот факт придает его тексту политический оттенок.

Описывая Иреван, Гюльденштедт прежде всего обращает внимание на его административную структуру. Он предоставляет информацию об административной системе ханства, налоговом механизме и структуре местного самоуправления. В его описании Иреван предстает уже не как «город-крепость», а как «административная единица». Это резко контрастирует с дискурсом XVII века [3, с. 228].

Предоставляя информацию о составе населения Иреванского ханства, Гульденштедт отмечает, что преобладало мусульманское население, но существовали и христианские общины, особенно армянские. Он пытается отдельно зафиксировать сельское и городское население и создает первоначальное статистическое представление о социальной структуре. Его подход не наблюдательный, а скорее классификационный. Гульденштедт пытается разделить общины на религиозные и этнические категории. В этом влияние рациональной классификационной методологии эпохи Просвещения XVIII века.

Для Гульденштедта важность Иревана заключается не в его религиозном многообразии, а в его административной системе и экономическом потенциале. Он делает заметки по сельскому хозяйству, особенно по зерновому и скотоводческому животноводству. Это указывает на цель оценки экономических ресурсов региона. Его описания уже не являются «восточным экзотизмом»[3, с. 229]. Это связано с развитием европейской научной мысли. В XVIII веке Кавказ предстает уже не как

романтическая пограничная территория, а как регион, который можно исследовать и потенциально управлять.

Информация, представленная в тексте Гульденштадта о составе населения Иревана, также стала отправной точкой в последующей российской административной политике. В этом отношении его заметки носят не только научный характер, но и формируют информационную базу имперской политики.

Современные кавказские историки считают труд Гульденштадта одним из наиболее систематизированных европейских источников по социально-экономической структуре Южного Кавказа XVIII в. Его информация имеет большое значение для понимания административной структуры местных ханств. Однако исследователи отмечают, что его наблюдения были сделаны на фоне стратегических интересов Российской империи, что не осталось без влияния на семантику текста. Таким образом, на этапе Гульденштедта образ Иревана в европейских источниках снова меняется: эта трансформация создает основу для перехода к имперскому дискурсу в XIX веке. Другим источником, демонстрирующим новый подход к региону в XIX веке, является Роберт Кер Портер (1777–1842). Он был британским дипломатом, художником и путешественником, который в 1817–1820 годах совершил поездки на Кавказ, в Иран и Армению и опубликовал свои наблюдения в двухтомном труде «Путешествия по Грузии, Персии, Армении, Древней Вавилонии» [7, с. 429]. Портер уже тогда действовал в дипломатико-политическом контексте, в отличие от путешественников XVII века. Его поездка совпала с периодом, когда Великобритания внимательно следила за геополитическим соперничеством между Россией и Ираном. То, что Портер писал об Иреване, уже не является классическим описанием путешественника; это наблюдение, сделанное на фоне имперского соперничества. Портер, описывая Иреванскую крепость, подчеркивает ее мощь и стратегическое положение. Он писал: «Иреван является одной из самых сильных крепостей на иранской границе, и долгое время был объектом борьбы между иранскими и османскими войсками»[7, с. 432].

Главный момент внимания здесь – выражение «объект борьбы». То есть, оно превращает Иреван в субъект межимперского конфликта, а не в активный политический субъект. В XVII веке этот конфликт происходил в контексте османско-сефевидского противостояния; в начале XIX века возник ирано-русско-османский треугольник.

В своем описании крепости Портер подробно описывает оборонительные стены, артиллерийские позиции и военное размещение. Его язык более конкретен и техничен. Это уже наблюдение военно-

разведывательного характера. Пиша о населении Иревана, Портер отмечает религиозное разнообразие и утверждает, что мусульманское население преобладает. В то же время он подчеркивает важную роль армянской общины в жизни города. Он описывает присутствие различных общин в городе, но это описание уже не как культурную экзотику, а как элемент политического баланса [7, с. 434].

Особенно примечательно то, что Портер связывает демографические данные с военно-политическим контекстом. Структура населения в его тексте не является описанием социальной жизни, а оценивается в контексте управления регионом и потенциальных политических изменений. В тексте Портера Ирландия больше не является региональной цитаделью; это геополитический центр Южного Кавказа. Он обсуждает возможность захвата региона Россией и последствия для Ирана. Это откровенный политический комментарий, невиданный в предыдущие столетия.

Язык Портера теперь больше похож на «имперский анализ», чем на «ориенталистское описание». Он оценивает Ирландию не в контексте культурных различий, а в контексте политического баланса сил. В его тексте преобладает военная терминология и стратегические выражения.

Другим источником, объясняющим меняющуюся динамику в регионе в 1830-х годах, являются труды Фридриха Паррота [6]. Он был немецким натуралистом, врачом и профессором Дорпатского университета (ныне Тарту). В 1829 году он организовал первую научную экспедицию на гору Арарат, во время которой проводил наблюдения за Иреваном и окрестностями. Его наблюдения впоследствии были опубликованы в виде «Путешествия на Арарат» [6: 45]. Визит Паррота в Иреван совпадает с периодом сразу после Туркменчайского договора 1828 года. В результате этого договора Иреванское ханство было включено в состав Российской империи, и административно-политическая структура в регионе радикально изменилась. Наблюдения Паррота являются одним из немногих европейских источников, непосредственно отражающих этот этап трансформации. Паррот действовал под эгидой Российской империи. Его экспедиция поддерживалась имперскими структурами. Этот факт показывает, что его наблюдения не были полностью нейтральными; он считал регион уже находящимся под российским владычеством. Паррот, описывая Иреван, отмечает: «После передачи Иревана России администрация приобрела новый характер» [6, с. 48]. Это утверждение знаменует собой важный поворотный момент. В XVII веке Иреван был османско-сефевидской пограничной крепостью; в XVIII веке он являлся центром ханства; а в 1830-х годах уже был имперской административной единицей.

Таким образом, можно заключить, что Иреванский регион был представлен в различных семантических и политических контекстах в произведениях европейских авторов с XVII века до 19-х веках. Жан Шарден (1711) описывал Иреван как военно-стратегическую пограничную крепость, Жан-Батист Тавернье (1676) — как транзитный торговый пункт, а Ла-Буллай-ле-Гуз (1653) — как религиозную и культурную пограничную зону. В XVIII веке Иоганн Антон Гюльденштедт (1787–1791) анализировал регион как административную и социально-экономическую единицу, а в XIX веке Роберт Кер Портер (1821–1822) и Фридрих Паррот (1845) оценивали Иреван в контексте межимперской геополитической конкуренции и административных преобразований. Эти источники показывают, что образ Иревана в европейском дискурсе не статичен, а представляет собой многослойную историческую конструкцию, трансформирующуюся в соответствии с меняющимися политическими реалиями.

Список источников и литературы

1. Calmard, J. Études safavides. Paris–Tehran: Institut français de recherche en Iran. Paris, Diffusion, Peeters; 1993, 389 p.
2. Chardin, J. Travels in Persia, 1673–1677. London: Argonaut Press, 1927, 287 p.
3. Güldenstädt, J. A. (1787–1791). Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. Sankt-Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1791, 552 p.
4. Kołodziejczyk, D. Christians in the Safavid Empire. In D. Thomas & J. Chesworth (Eds.), Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History (Vol. 10)., 2017
5. La Boullaye Le Gouz, F. Voyages et observations du Sieur F. de la Boullaye Le Gouz. Paris, 1653, 224 p.
6. Parrot, F. Journey to Ararat. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1846, 389 p.
7. Porter, R. K. (1821–1822). Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia (Vols. 1–2). London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 720 p.
8. Said, E. Orientalism. New York: Pantheon Books, 1979, 368 p.
9. Struys, J. The 31erilous and most unhappy voyages of John Struys. London: Sam. Smith, 1684, 378 p.
10. Tavernier, J.-B. Les Six Voyages. Paris: Claude Barbin, 1677, 52 p.

УДК 93

Багишов Э. Р. оглы
докторант Бакинского
государственного Университета
г. Баку, Республика Азербайджан

Изменения в исторической (политической) географии Азербайджана после реформ А. Гана.

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в исторической и политической географии Северного Азербайджана после административной реформы сенатора П.В. Гана, проведенной в Закавказье в 1840 году. Особое внимание уделяется ликвидации ханской системы управления, существовавшей в регионе до включения Северного Азербайджана в состав Российской империи, а также переходу от традиционных политических образований к имперской административно-территориальной модели. В статье раскрывается, кем был П.В. Ган, какие задачи он выполнял и как его проект повлиял на управление Кавказским краем. Отмечается, что реформа Гана была направлена на централизацию управления, ликвидацию комендантской системы, введение общеимперских административных и судебных учреждений. Также анализируются последствия реформы для Азербайджана: включение бывших ханств в состав новых областей и губерний, изменение статуса исторических территорий, усиление колониального управления. В работе учитывается и переселенческая политика Российской империи, исследованная Х. Ю. Вердиевой, поскольку она была тесно связана с административной перестройкой региона.

Ключевые слова

Азербайджан, Северный Азербайджан, ханства, Павел Ган, реформа Гана, Российская империя, Каспийская область, политическая география, переселенческая политика.

Первая половина XIX в. стала важным этапом в трансформации исторической и политической географии Азербайджана. После русско-персидских войн 1804–1813 и 1826–1828 гг., завершившихся заключением Гюлистанского договора 1813 года и Туркманчайского договора 1828 года, значительная часть азербайджанских земель к северу от реки Араз была включена в состав Российской империи. Эти события привели к изменению политического статуса региона и постепенной перестройке его административно-территориальной системы [5, с. 82–90].

До включения в состав Российской империи территория Северного Азербайджана представляла собой систему полуавтономных политических образований — ханств, возникших во второй половине XVIII века после

распада государства Надир-шаха. Среди наиболее крупных ханств были Карабахское, Шекинское, Ширванское, Бакинское, Кубинское и Талышское ханства. Они обладали собственной системой управления, налоговыми порядками и административной структурой. Однако после установления российского контроля над регионом имперская администрация приступила к постепенной ликвидации ханской системы и внедрению новых форм управления [6, с. 78–85].

Процесс ликвидации ханств проходил постепенно и был связан с укреплением власти Российской империи на Кавказе. Шекинское ханство было окончательно упразднено в 1819 г., Ширванское ханство — в 1820 г., Карабахское ханство — в 1822 г., а Талышское ханство — в 1826 г. После ликвидации ханской власти территории этих политических образований были преобразованы в административные провинции Российской империи. В результате были образованы Бакинская, Кубинская, Шекинская, Ширванская и Карабахская провинции [5, с. 95–101].

На первых этапах управление этими территориями осуществлялось посредством комендантской системы. При такой системе власть на местах принадлежала российским военным комендантам, которые выполняли административные, судебные и полицейские функции. Однако данная форма управления не соответствовала общим административным принципам Российской империи и не обеспечивала эффективного контроля над регионом. Кроме того, она вызывала недовольство местного населения, что проявилось в ряде антиколониальных выступлений в 1830-е годы [2, с. 203–210].

В этих условиях российское правительство пришло к необходимости проведения более глубокой административной реформы в Закавказье. Одним из главных инициаторов и разработчиков этой реформы стал Павел Васильевич Ган. П.В. Ган был российским государственным деятелем, сенатором, тайным советником и членом Государственного совета. В 1837 году по поручению императора Николая I он был направлен на Кавказ и назначен председателем специальной комиссии, которая должна была изучить положение Закавказского края и подготовить проект его административного переустройства [3, с. 7–8].

Главная цель деятельности Гана заключалась в том, чтобы заменить прежние местные и военно-комендантские формы управления общеимперской бюрократической системой. Он выступал сторонником централизации и считал, что Кавказский край должен управляться по образцу внутренних губерний Российской империи. В подготовленном им проекте предусматривалось усиление роли гражданской администрации, введение

новых судебных учреждений, унификация делопроизводства и подчинение региона общероссийским административным нормам [3, с. 8–9].

Проект П. В. Гана был неоднозначно воспринят современниками. С одной стороны, он был направлен на ликвидацию административного хаоса, ограничение произвола военных властей и создание более устойчивой системы управления. С другой стороны, проект недостаточно учитывал местные особенности, традиционные формы управления и социальную структуру народов Закавказья. Именно поэтому реформа Гана впоследствии вызвала недовольство различных слоев населения и подверглась критике со стороны части российских чиновников [3, с. 9–10].

10 апреля 1840 года было принято новое «Положение об управлении Закавказским краем», которое стало правовой основой реформы Гана. В результате этой реформы была ликвидирована комендантская система и введено новое административно-территориальное деление региона. Значительная часть территории Северного Азербайджана была включена в состав Каспийской области, административным центром которой стал город Шемаха. В состав этой области вошли территории бывших Бакинского, Кубинского, Ширванского и Карабахского ханств. Одновременно некоторые западные районы региона были включены в состав Грузино-Имеретинской губернии [1, с. 45–52; 5, с. 102–106].

Таким образом, реформа Гана существенно изменила историческую и политическую географию Азербайджана. Традиционные ханства окончательно утратили статус самостоятельных политических образований, а их территории были преобразованы в области, уезды и округа. Например, территория бывшего Карабахского ханства была включена в новую административную систему и постепенно стала рассматриваться уже не как самостоятельное политическое образование, а как часть имперской административной структуры [8, с. 156–163].

Особое значение реформы Гана заключалось в том, что она изменила сам принцип управления регионом. Если ранее власть в бывших ханствах сохраняла некоторые местные особенности, то после реформы управление стало строиться на основе общеимперских норм. Это означало усиление роли российских чиновников, расширение русского делопроизводства, изменение судебной системы и постепенное вытеснение прежних местных институтов власти [3, с. 9–11].

Однако практическая реализация реформы сопровождалась серьезными трудностями. Новые учреждения оказались далекими от местных условий. Население часто не доверяло новым судам и административным органам. Кроме того, введение большого числа чиновников усилило бюрократизацию

управления. В ряде районов Кавказа вспыхнули народные волнения, что показало ограниченность и противоречивость реформы Гана [3, с. 10–11].

Реформа Гана оказала влияние не только на административное устройство, но и на дальнейшую колониальную политику Российской империи в регионе. Как отмечает Х. Ю. Вердиева, после завоевания Северного Азербайджана в первой трети XIX века Российская империя проводила целенаправленную переселенческую политику, способствовавшую изменению этноконфессиональной структуры населения региона [4, с. 21–28]. Административная централизация, проведенная в 1840 году, создала более удобную управленческую основу для реализации такой политики.

По мнению Х.Ю. Вердиевой, переселенческая политика Российской империи была направлена на укрепление социальной опоры царской власти на вновь присоединенных территориях. Переселение различных этнических и конфессиональных групп в Северный Азербайджан способствовало изменению демографической ситуации и влияло на историко-географический облик региона [4, с. 64–72]. Поэтому реформу Гана следует рассматривать не только как административное мероприятие, но и как часть более широкой имперской политики на Южном Кавказе.

Важным продолжением административной централизации стало создание в 1844 году Кавказского наместничества, которое объединило управление территориями Южного Кавказа. Уже в 1846 году российское правительство провело новую административную реформу, в результате которой были образованы новые губернии. В частности, была создана Шемахинская губерния, включавшая значительную часть территории Северного Азербайджана [5, с. 108–112].

После разрушительного землетрясения 1859 года административный центр губернии был перенесен из Шемахи в Баку, а сама губерния была переименована в Бакинскую губернию. Это решение способствовало росту политического и экономического значения Баку, который постепенно превратился в один из важнейших административных центров Кавказа [5, с. 121–126].

Следующим важным этапом стало образование в 1868 году Елизаветпольской губернии. В ее состав вошли Карабахский, Джеванширский, Зангезурский и Джебраильский уезды. Эти административные изменения окончательно сформировали новую территориальную структуру Северного Азербайджана в составе Российской империи [6, с. 164–170].

К концу XIX века территория Северного Азербайджана была разделена между Бакинской губернией, Елизаветпольской губернией, Эриванской губернией и Закатальским округом. Такая система административного деления сохранялась вплоть до начала XX века. Она стала результатом длительного процесса включения региона в имперскую систему управления и отражала стремление Российской империи к политической, административной и демографической перестройке Южного Кавказа [5, с. 130–136].

Таким образом, Павел Васильевич Ган был одним из ключевых представителей российской административной политики на Кавказе в первой половине XIX века. Его деятельность была связана с подготовкой и проведением реформы, направленной на ликвидацию старых форм управления и внедрение централизованной имперской системы. Несмотря на то что реформа Гана имела целью упорядочить управление, на практике она усилила колониальный характер власти, ограничила роль местных институтов и изменила политическую географию Азербайджана.

В результате реформы 1840 года ханства как историко-политические образования окончательно утратили свое административное значение. Их территории были включены в состав новых областей, губерний и уездов. Это привело к изменению политической карты региона, ослаблению традиционных форм местного управления и усилению контроля Российской империи над Северным Азербайджаном. В этом смысле реформа Гана имела не только административное, но и историко-географическое значение, поскольку определила дальнейшее развитие территориального устройства Азербайджана в XIX веке.

Список использованных источников и литературы

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1866–1885. Т. 12: в 2 ч. 1026 с.
2. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. Москва : РОССПЭН, 2004. 608 с.
3. Блиева З. М. Кавказская реформа сенатора П. В. Гана // Известия СОГУ. 2018. № 4. С. 7–11.
4. Вердиева Х. Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане: XIX — начало XX вв. : историко-демографическое исследование: монография / науч. ред. Я. М. Махмудлу. Баку: Алтай, 1999. 300 с.
5. История Азербайджана: в 7 т. Т. IV : XIX — начало XX века. Баку : Наука, 2007. 504 с.

6. Пириев В. История Азербайджана. XIX — начало XX века. Баку : Элм, 2002. 352 с.
7. Потто В. А. Кавказская война: в 5 т. Санкт-Петербург, 1887–1889. Т. 1. 520 с.
8. Bournoutian G. The Russian Survey of the Khanate of Karabagh (1823). Costa Mesa: Mazda Publishers, 2011. 370 p.

УДК 93

Бахшалиев А.Б.,
доктор исторических наук, профессор
Сумгаитский государственный университет
г. Сумгаит, Республика Азербайджан

Формы собственности и вопросы социальных движений в государстве Сефевидов в русско-советской историографии.

Аннотация: Научная новизна статьи заключается в анализе определенного количества работ русских авторов, позволяющих проследить уровень экономического развития Сефевидов, материалы ее могут быть использованы при чтении спецкурса по истории Сефевидов.

В статье показывается история широких социальных движений в государстве Сефевидов на основе работ советских авторов, при этом подчеркивается слабая изученность социальных движений в сефевидском государстве ввиду недостаточной разработки социально-экономической истории страны.

Ключевые слова: мюльк дивани, мехрусэ, домен, хассэ, вакф, шиизм, суннизм, суфизм, шахиншах, кызылбаши

Шаханшахи сефевидской династии в большой степени, нежели падишахи XIV - XV вв., стремились к созданию централизованной бюрократической монархии. С приходом к власти сефевидов фонд государственных земель увеличился за счет частновладельческих. Однако, в этот период централистическая политика плохо удавалась сефевидам, благодаря противодействию со стороны кызылбашской кочевой знати, заинтересованной в укреплении своей власти на местах за счет ослабления центральной власти.

Как и в XVI в. пожалования тиюлов были двух видов: а) персональные, пожизненные; б) закрепленные за определенной должностью, дававшиеся лишь на время исполнения этой должности. Высшим сановникам передавались в тиюлы целые округа. Низшим служилым людям давали либо мелкие тиюлы с малым доходам, либо «хатэ салэ». Так называлось

пожалование, в награде за службу, с определенной территорией, но без права управления ею. Суммы хатэ салэ получались служилыми людьми по ассигновкам, выписанным на казначейство данного округа при предъявлении удостоверения о том, что они в том году действительно находились на службе.

Самым богатым из азербайджанских вакфов, Петрушевский И.П. называет вакф погребальной мечети шейха Сефиаддина и прочих сефевидов в Ардебиле. Вакф этой мечети составляли: в Ардебиле 200 домов, 9 бань, 8 карвансараев, 2 рынка и 100 лавок на др. рынках: в Тебризе – 100 домов и 100 лавок; 40 деревень в Южном Азербайджане [9, 256]. Богатства вакфа составлялись из пожертвований шахов и феодалов – беглярбеков гянджинского и марагинского. Райатами, сидевшими на землях этого вакфа, доставлялись в ардебильское святилище в огромном количестве зерно, рис, мясо, масло, овощи, фрукты, мед. Эти запасы шли на содержание служителей мечети и на даровое прокормление огромного количества богомольцев, которые возмещали расходы на них, отдавая мечети несравненно более богатые пожертвования [5, 32].

До наших дней сохранились 10 жалованных грамот шахов Сефевидов XVI-XVII вв., выданных наследственным шейхам чтимой шиитами «святына» - мазара (гробницы) Биби-Эйбат, сестры седьмого шиитского имама Мусы Казима [8, 293, 294]; гробница с мечетью художественной постройки начала XIV в. Находилась в близь Баку. Одна из грамот, выданная шахом Тахмасибом в 1555 г. Утвердила шейха Буньяда в звании мутаваллия вакфа и подчиняла его власти всех дервишей и крестьян, живших на землях вакфа [5, 25]. Грамота шаха Аббаса I 1607 г. утвердила за шейхом Гулям-али, сыном Буньяда, звание мутаваллия и вакф, заключавший в себе селения Зых, 3 нефтяных колодца, пастбища, хлопковые посевы, сады, 1000 баранов шейха и 500 баранов его райатов [9, 257]. Грамота шаха Аббаса II 1656 г. подтвердила за данным вакфом права налогового иммунитета, освободив шейха от всех видов подати в казну, которые должны были поступить в пользу шейха.

Формально вакф принадлежал религиозному учреждению, фактическим же распорядителем было духовное лицо, управлявшее этим учреждением – казий, имам мечети, мутавалли медресэ или мазара, шейх у мусульман, а в христианских вакфах – епископ или настоятель монастыря. Вакфные имущества не могли быть проданы или заложены [5,24].

Налоговый иммунитет представлялся шахом, как городам, так и феодальным владельцам разных категорий, в том числе и духовенству, и был в Азербайджане явлением довольно частным. Следует помнить, что это была

льгота именно для землевладельца, но никак не для сидевших на его землях крестьян, так как в этом случае последние не освобождались от уплаты государственных податей, а лишь должны были передавать эти подати землевладельцу, «ничего не упуская и ничего не утаивая».

Часть земли находилась во владении сельской общины. Все члены общины на основе круговой поруки отвечали перед феодалом за пользование его землей, за взнос феодальных поборов, за исполнение др. феодальных повинностей. Общинники совместно пользовались своими сельскими пастбищами, лесами, но пахотную землю обрабатывала каждая семья в отдельности

Следует отметить, что все члены класса феодалов (ханы, султаны, мелики, беки, как и мусульманское шиитское духовенство) были лично освобождены от всех податей и повинностей. Податным сословием считались горожане и крестьяне.

По мнению русских авторов в Сефевидах в XVII в. среди феодалов встречались крупные землевладельцы, обладавшие большим доходом. Ссылаясь на источник XVII в. И.П. Петрушевский приводит в качестве примера кабалинского мелика-феодала владетельного, но не первой руки, обладавшего в разных частях.

История социальных движений в Сефевидском государстве относится к кругу тех проблем, которые не получили еще всестороннего и исчерпывающего освещения в советской исторической литературе. Недостаточная изученность широких народных движений в Сефевидах в XVI в. объясняется скудостью сохранившегося в персидских и персоязычных источниках материалов, а также, слабой разработкой социально-экономической истории Сефевидского государства.

В бывшей советской историографии движения нуктавиев, в частности, расправу над ними в 1593-94 г. в Казвине и в др. городах страны вкратце описал А.Рахмани [1]. Не имея целью исследовать социальную сущность нуктавизма, автор не дает определение характера и направленности движения нуктавиев и считает, что оно «заслуживает быть предметом специального научного исследования» [1, 159-160].

Этому движению посвящена специальная статья К.К.Куция [6], который для написания статьи использовал сведения Искандера Мюнши, а также материал, собранный проф. Тегеранского университета Садыком Куя, посвященной этой же теме. Основным источником для изучения движения нуктавиев является труд И.Мюнши, в котором этому движению посвящена целая глава «Рассказ об истреблении заблудших еретиков, которое произошло в этом году» (1593-94).

По мнению К. Куция это движения зародилось в Гиляне, известного в средневековье очаге мощных социальных потрясений и с самого начала своего существования (к. XIV) оно приняло религиозную окраску. Ученый считает, что религиозное учение нуктавиев можно восстановить только в самих общих чертах, но даже при неполной картине их религиозных воззрений ясно вырисовывается антиисламская и, в частности, антишиитская направленность нуктавизма. Последователи нуктавизма считали мир вечно существующим, не верили в день всеобщего воскресения, отрицали существование рая и ада «воспринимали благополучие и страдание в жизни как возмездие за хорошее или дурное поведение» [6, 70]. Отрицание существования рая и ада у нуктавиев тесно переплеталось, по мнению К.Куция, с учением о переселении души человека после его смерти в другие живые существа.

Ученый считает, что учение нуктавиев полностью опровергало возможность божественного вмешательства в жизнь человека, рассматривало его участь, как в земной жизни, так и после смерти, как справедливое возмездие совокупности его благих и других поступков. Религиозная доктрина нуктавиев шла вразрез с учением о божественном предопределении, со строгим монотеизмом шиизма, что отрицая догматику шиизма, нуктавии по сути дела отрицали власть и авторитет высшего духовенства и феодальной аристократии и выступали против Сефевидского феодального государства, господствующей религии. Поэтому была объявлена непримиримая борьба против всех крайних шиитских течений и различных ересей, которые рассматривались как отражения народных движений, а для привлечения всего населения Персии в лоно господствующей религии ему были предоставлены налоговые льготы. Вполне естественно, что нуктавизм, с его отрицанием "догм ислама и правил истинной веры имамов", стал объектом яростного преследования и гонения со стороны феодального государства [6, 71]. По мнению К.Куция в результате массовой расправы со стороны Аббаса I, а также бегства нуктавиев в другие страны, число последователей нуктавизма в Персии сильно сократилось.

Экономическое положение Кызылбашского государства в последнее десятилетие правления шаха Тахмасиба было печальным, торговля сократилась, движение по некоторым караванным путям почти прекратилось из-за обилия разбойников. Как указывает ученый, шахский государственный аппарат был сильно расшатан, восстания крестьян и ремесленников в стране в 70-90-ых гг. XVI в., на почве борьбы против налогового гнета, были часты. Помимо Тебризского восстания, автор упомянул здесь о восстании в

Ширване, Талыше, Хорасане в 80-х годах. Автор отмечает, что последняя четверть XVI в, была временем ряда народных восстаний во всей Передней Азии, связанных с повсеместным ростом податей и феодальных повинностей. И.П. Петрушевский считает, что, если принять во внимание крупные масштабы Тебризского движения, можно было бы ожидать со стороны шахских властей очень жестокой массовой расправы. Эти казни ряда руководителей движения, по сравнению с принятой на средневековом Востоке в подобных случаях системой устрашения масс, представляются актом сравнительно умеренным. Это обстоятельство легко объясняется тяжелым внутренним положением Сефевидского государства, о котором было сказано выше. Кроме того, шах дал Тебризу определенные льготы, а затем и вовсе освободил город от уплаты всех податей в диван [3, 224].

Вообще исследуя историю крестьянства Сефевидов в XVI в., И.П. Петрушевский отмечает, что это есть история непрекращающейся борьбы крестьян с землевладельцами и феодальным государством, эксплуатировавших крестьян при посредстве финансового аппарата. Это борьба, в сущности, никогда не прекращалась, хотя принимала разнообразные формы, она выражалась в попытках уклонения крестьян от платежа податей и выполнения повинностей, а в периоды кризиса феодальной сельскохозяйственной экономики, временами борьба принимала форму массовых побегов крестьян с места приписки. Временами это борьба выливалась в форму активного или пассивного протеста, иногда под религиозной оболочкой.

Автор считает, что шиизм как течение оппозиционное суннизму, по существу стал к этому времени идеологической формой, в которой проявлялся протест населения страны против чужеземных завоевателей. Эти завоевания и борьба завоеванных народов против завоевателей, как правило, принимали форму религиозной борьбы между суннитами и шиитами. Академик В.В.Бартольд в связи с этим отмечал, что шиитские движения в стране были по преимуществу народными движениями и часто принимали аграрный характер [2, 31]. В связи с этим шиизм пользовался популярностью среди народных масс и Сефевиды примкнули к шиизму, стремясь использовать его популярность для укрепления своего влияния.

По мнению проф. П.П. Бушева отстранением от власти кызылбашской военно-кочевой знати существенно были подорваны, мощь и влияние кочевых племен, причинявших до этого своими притязаниями и междоусобной борьбой столько затруднений центральной шахской власти. Причем, как считает проф. П.П.Бушев, с одинаковой свирепой жестокостью подавлялись как мятежи феодалов, так и народные восстания и в этой борьбе

уничтожались не только отдельные неугодные лица, но и целые племена. Ученый приводит события 1593 г. в Гиляне, когда было полностью перебито племя джик, не пощадил шах Аббас и непокорное племя текелю [7, 338].

Несмотря на особое отношение Сефевидов к правителям Талыша за их активную поддержку во время войн с ширваншахами, однако, и здесь происходили выступления против шахов. И.П. Петрушевский упоминает о восстании в 1540 и 1590 г. Даже после этих выступлений наследственные хакимы удержали власть над Талышским краем в своих руках, и были причислены в «великим эмирам» и «обладателем литавр и знамени» [4].

В целом, как показывают работы советских авторов, исследуемый период был временем выступлений широчайших слоев народных масс против феодального гнета сефевидского государства и всего правящего класса.

Список источников и литературы

1. Рахмани А.А. «Тарих-и алам-араи Аббаси» как источник по истории Азербайджана, Баку, 1960. с 192
2. Бартольд В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925. с 150
3. Петрушевский И.П. Восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1571-73 гг. Сборник статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. с 214-224 Его же, Народное движение в Гиляне в 1629 г. Ученые записки Института востоковедения АН СССР, том III, Москва, 1951; Н.Д. Миклухо-Маклай. Гератское восстание 1535-1536 гг. Ученые записки ЛГУ, 1956, №195.
4. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI- начале XIX в. Изд. МГУ, 1949. 379 с.
5. Петрушевский И.П. Вакфные имения Ардебильского мазара в XVII в. Труды Института истории им. Бакиханова. Т.1, Б., 1947. с 24-39
6. Куция К.К. Из истории социальных движений в городах сефевидского государства. Народы Азии и Африки, 1966, №2, с. 69-75.
7. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государства в 1586-1612 гг. (по русским архивам). Москва, 1976. с 480
8. Стрейс. Три путешествия. М. 1935. 415 с.
9. Сборник статей по истории Азербайджана. выпуск I. Изд-во АН Аз.ССР. Баку, 1949, 310 с.

УДК 93

Берулава Э. С.
Старший лаборант кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, аспирант.
Абхазский государственный университет
г. Сухум Республика Абхазия
Научный руководитель: Салакая С.С.,
доктор исторических наук, профессор

Активная научная деятельность первого абхазского археолога М.М. Трапш

Аннотация: Статья посвящена жизни, научной и полевой деятельности Михаила Маметовича Трапша (1917–1968) — первого профессионального абхазского археолога. В материале подробно освещаются его ключевые экспедиции и открытия, заложившие фундамент современной археологии Абхазии. Рассматриваются этапы исследования памятников колхидско-кобанской и скифской культур в селе Куланурхва, а также масштабные стационарные раскопки античных и средневековых слоев на территории Сухума (холм Гуадиху, Красный маяк, Сухумская крепость, замок Баграта). Особое внимание уделяется вкладу М. М. Трапша в изучение этногенеза абхазского народа посредством выделения уникальной «цебельдинской культуры» древних апсилов, а также его работам по исследованию средневековой архитектуры и фортификации (Анакопия, Великая Абхазская стена). Подчеркивается исключительное значение его научного наследия и важная роль в создании местной археологической школы.

Ключевые слова: Михаил Трапш, археология Абхазии, Колхидско-кобанская культура, Скифские памятники, Древний Сухум (Диоскурия, Себастополис), Цебельдинская культура, Апсилы и абазги, Археологические раскопки, Этногенез абхазов, Великая Абхазская (Келасурская) стена

С конца 40-х годов в Абхазии постепенно появляются местные археологи. И первым среди них был Михаил Маметович Трапш (1917-1968) уроженец села Куланырхва Гудаутского района[1, с.35]. После окончания средней школы, в 1933 году поступил в Гудаутский сельскохозяйственный техникум. В 1935 году поступил в Сухумский государственный педагогический институт на историческое отделение и завершает учёбу с отличием.

Призыв на службу в Красную армию изменил планы молодого ученого, готовившегося поступить в аспирантуру в Тбилиси. Началась Великая Отечественная война, Михаил Маметович отправился на фронт, и в конце 1945 года он получил тяжёлое ранение, вследствие чего был демобилизован.

В 1949 году М. Трапш поступает в аспирантуру Института истории им. И. А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР под руководством профессора Г. К. Ниорадзе, по специальности археолога. Первым желанием молодого ученого было попробовать получить ответы на вопросы, волновавшие его в детстве. Будучи еще аспирантом, Михаил Маметович в 1948 году производит раскопки на участке отца в с. Куланурхва. Усадьба семьи Трапш, располагалась у подошвы большого могильника эпохи поздней бронзы и раннего железа. В детские годы он находил любопытные фигурные предметы и сразу же необычайные, непонятные в детстве предметы заговорили языком истории.

В ходе раскопок молодым ученым была обнаружена целая группа захоронений с типичным инвентарем колхидско-кобанской культуры, а также погребения со скифскими предметами. Раскопки в селе Куланурхва можно считать началом научно-полевой деятельности молодого абхазского археолога. Практическая значимость этих открытий была значительна, так как на археологической карте Кавказа появился исторический памятник, давший ключ к ответу на многие сложные вопросы по истории и культуре. Материалы могильника указывали на существование в то далекое время взаимоотношений местного населения с внешним миром и в первую очередь, со скифской культурой. Впоследствии об этих открытиях академик Б. Б. Пиотровский напишет: «В Абхазии скифские памятники стали известны благодаря находкам М. М. Трапш в селе Куланурхва Гудаутского района» [3, с.245]. Обширный материал могильника лёг в основу кандидатской диссертации М. М. Трапш, защищённой им в 1951 году в Тбилиси. Позже работа была издана в виде монографии под названием «Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР». Изучая могильник, ученый пришёл к выводу: «Основная культура древнего населения Куланурхва…соответствует колхидской культуре…» [4, с.180]. Ценность этой работы, по мнению многих археологов, заключается в том, что Куланурхуский могильник был первым памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории всего Западного Закавказья.

Михаил Трапш предпочитал строить свои работы на материале, добытом собственными раскопками. Он стремился к совершенствованию методов своих раскопок. Навыки полевой археологической работы он приобрёл, участвуя в экспедициях Института археологии АН СССР на

Таманском полуострове и в раскопках Гос. Эрмитажа на городище Кармир-Блур в Армении. Его учителями и наставниками были такие видные советские археологи, как Г. К. Ниорадзе, Б. Б. Пиотровский, В. Д. Блаватский. С самого начала и до конца своей жизни М. М. Трапш лично и творчески был тесно связан с виднейшими представителями советской археологии – А. А. Иессеным, А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, О. М. Джапаридзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе.

В 50-х годах в Абхазии начались активные археологические работы, стала создаваться система научных взглядов, которые опирались на яркие археологические материалы. Как достаточно опытный археолог-полевик М. М. Трапш считал, что разбросанные по различным хранилищам и частным коллекциям отдельные вещи сами большей частью нуждаются в систематизации путём сопоставления их с материалами, выявленными подлинно научными раскопками. Для этого надо было расширить масштабы полевых изысканий. С этой целью он приступает к стационарным исследованиям древностей Сухума.

Уже 1951 году вместе с А. Н. Каландадзе принимает активное участие в археологических раскопках в Сухумской горе [2, с.3], а затем приступает к своим, давно задуманным, полевым изысканиям целой серии поселений и могильников окрестности Сухуми–Гуадиху, Красный маяк, Сухумская набережная, замок Баграта и участок Одинец.

В ходе полевых работ на Сухумской горе было выявлено несколько археологических комплексов эпохи поздней бронзы и раннего железа. Согласно стратиграфии памятника, слой предантичной эпохи залегал на третьем горизонте и состоял из двух напластований. Верхнего, представлявшего собой суглинок мелкозернистой структуры темно – серого цвета, и нижнего. Четкого разграничении между слоями нет. Здесь был найден ряд предметов, среди них горшки, миски, основание кубка VIII-VII вв. до н.э. Этой дате не противоречат находки из погребального комплекса с топорами колхидско-кобанской культуры, обнаруженные здесь же, на седловине горы. Обнаружены остатки медоплавительной печи, каменный молот для дробления руды, ступки и терки, днища грубых сосудов со сквозными дырочками, куски глиняной обмазки и т.д. Находки обломков тигля с медной накипью и других медно-бронзовых отходов свидетельствуют о присутствии утильсырья. Наличие клада топоров непременно говорит о существовании мастерской.

В 1952-1954 гг. в северной стороне Сухумской горы (Гуадиху), проводились раскопки. Большого могильника I тысячелетия до н.э. с остатками поселения эпохи энеолита – ранней бронзы. Что же касается

поселения более позднего времени, т.е. конца бронзы – раннего железа и античности, представлены в виде бытовых предметов зернотерки, грузила, кухонная посуда, остатки штоков и ошлакованных камней, мазанки от плетённых стен помещений, т.е. поселение синхронное с могильником. М. М. Трапш разделил весь могильник на котором насчитывалось 91 погребений, на две группы: старшую и младшую причём первую он относил в VIII-VI вв. до н.э., а вторую – к античной эпохе. Все погребения кремационные с двумя типами кремации: полной и частичной. К старшей группе могильника археолог относил 32 погребения, хотя число таких погребений не более четырёх.

К первому типу захоронений М.М. Трапш относил округлые ямы без обкладки с полной кремацией покойников. Остальные 89 погребений, археолог относил к раннеантичной и эллинской эпохе. А ко второму типу кремационных захоронений М.М. Трапш относил погребения в больших вытянутых ямах с сожжением покойников – до обугливания костей, совершаемым, по мнению ученого, здесь же в могильных ямах [9, с.74].

В 1954 году под руководством Трапша на Красном маяке были проведены масштабные археологические раскопки. В ходе раскопок было вскрыто 154 погребений, из них 104 могилы, археолог отнёс к эпохе поздней бронзы, а остальные 48 к V – II вв до н.э. Исследователь выделил три типа захоронения: первый тип вытянутые захоронения костяками на спине таких 77 могил из общего числа захоронений, второй тип скорченный, третьи тип – вторичный обряд захоронения, всего 26 погребений, из них 18 грунтовые и 8 урновые, все они сосуществовали и по мнению Трапша, принадлежали одной этнической группе. Археолог считал, те, кто оставил нам Красномаякский могильник, являлись создателями текстильной керамики.

Так с 1952 по 1959 гг. Трапш раскопал энеолитическое поселение и могильники эпохи поздней бронзы и ранней античности на холме Гуадиху и на Красном маяке. Но стоит отметить, что основные археологические работы Михаил Маметович, проводил на территории Сухумской крепости и, начиная с 1952 по 1958 годах вместе с А.М. Апакидзе, О.Д. Лоркипанидзе, Л.А. Шервашидзе и Л.Н. Соловьевым изучали южную часть крепости вдоль морского берега. Открытые и исследованные оборонительные сооружения состоят из трёх мощных стен. Первая древняя стена, условно названная приморской, состоит из двух изолированных друг от друга, линий – западной и восточной. Западная линия приморской стены с двумя ее башнями относится к более позднему времени, чем восточная [5, с.299]. Исследователь, изучив как западную, так и восточную часть приморской стены, отметил различия в строительной технике. При строительстве

западной части применялись лежни, в восточной же они отсутствовали. Исходя из результатов раскопок было установлено три культурных слоя нашей эры. Верхний слой VI – V вв. – период расцвета городской жизни, второй слой II – III вв. – период начала расцвета городской жизни и третий слой I – II вв. – период возникновения города Себастополиса.

Гончарная печь является важным открытием М.М. Трапш на территории Сухумской крепости. Прямоугольный корпус печи состоял из двух камер: нижней – топочной и верхней – обжигательной. По определению М.М. Трапша, гончарная печь имела полезную площадь около 16 кв. м и на один обжиг вмещала не менее 1000 штук кирпичей или черепицы. Эта печь принадлежит к числу крупнейших производственных сооружений на Черноморском побережье Кавказа. На участке Сухумской крепости археологом был выявлен кирпич с загадочной надписью. По мнению профессора Г. Ф. Турчанинова, там упоминается абхазское название Сухуми – Акуа, села Лыхны и имя царя Соулаха [6, с.34-42].

Систематические исследования на территории г. Сухум, сыграли большую роль в восстановлении древних этапов эволюции самого города. М. М. Трапш написал большую монографию посвящённой истории города Сухуми. Археолог всегда интересовался проблемой Великой греческой колонизации Восточного Причерноморья. Опираясь на многочисленные археологические материалы и в первую очередь, добытые им самим, он писал, что возникновение греческих эмпориев, затем греко-местных поселений и городов на Абхазском побережье явилось итогом исторического развития античных государств Средиземноморья.

По мнению Трапша, начало колонизации не было для аборигенов неожиданным. Отношения между древними греками и местными племенами существовали ещё значительно раньше. Видимо это указывает и сказания об аргонавтах и о прикованном в горах Кавказа Прометее. По мнению большинства фольклористов – кавказоведов, истоки этих мифов восходят к некоторым аналогичным преданиям народов Кавказа, в том числе к грузинскому – об Амирани и абхазскому – об Абраскиле.

С учетом всех этих данных и, конечно же, в первую очередь археологических, Трапш пишет монографию о древнем Сухуми, в которой неопровержимыми фактами доказал наличие здесь многочисленных первоклассных памятников. Так, он отмечал, что в начале I тысячелетия до н.э. эти поселения перерастают в крупный экономический и социальный центр, обладающий определенными признаками, характерными для памятников городского типа. М. М. Трапш подробно писал о происхождении различных наименований древнего Сухума. Так, со ссылкой на Стефана

Византийского он обращает внимание на то, что первоначально Сухуми мог называться Эйа, что связано с полулегендарной страной Айа, где правил царь Айет. У царя были дочь Медея и сын Апсирт. В основе последнего имени нетрудно уловить форму этнонима абхазов – апсуа [5, с.216].

Несмотря на некоторый спорный характер, данная версия заслуживает научного интереса. В целом монография «Древний Сухум» представляет давно ожидаемое и необходимое описание эволюции поселений на берегах Сухумской бухты, приведшей к возникновению города Акуа – Диоскурии – Себастополиса – Цхома – Сухума. Она отличается обилием фактического материала и, свойственной М. Трапш, тщательной его проработкой. Многие положения, выдвинутые в этой работе, вошли в основной фонд археологического изучения Кавказа.

Ещё в 1951 году с участием Трапш впервые были исследованы такие крепости Средневековой Абхазии, как Абаа-ху, Бзыпская, Хасанта-Абаа, Дурипшская и Абгархукская, материалы полученные во время этих исследований позволило археологу прийти к выводу: «судя по кладке, по плану и по архитектурным формам, эти памятники охватывают период от V по XII вв. н.э. [7, с.5]. Также экспедиция 1951 года посетила древнюю Пицунде, где была определена площадь этого крупнейшего на Черноморском побережье Кавказа позднеантичного и раннесредневекового города и намечены места для будущих раскопок. Уже в 1952 году Михаил Мамедович руководил раскопками, и в результате обнаружил остатки большого храма с великолепной Пицундской мозаикой. Объектом его исследования также стал замок Баграта. Где впервые в Абхазии археолог применил прогрессивный метод изучения археологических памятников широкими площадками. Почти полностью исследуется внутренний двор замка, изучаются с обеих сторон и стены крепости. Важнейшим результатом следует считать, установление соответствия между легендой о замке и историческим фактом. Замок Баграта действительно был построен при царях Баграте III и IV(XI век) и с тех пор в течение почти четырёх сотен лет он исправно нёс функцию одной из важнейших крепостей Абхазии.

В 1953 году на дне Сухумского бухты близ устья р. Беслети была обнаружена мраморная надгробная стела с рельефным художественным изображением. Она впервые была описана Трапш, датировав ее концом V в до н.э.

В 1954 году он правел археологические раскопки сторожевой башни конца II в. Н. э. на участке гр. Одынец, северо-восточнее Сухумского железнодорожного вокзала, где между другими находками оказался глиняный светильник с латинской надписью, посвящённой божеству

Гермесу-Меркурию. Археолог осмотрел известные средневековые памятники в Очамчирском районе, в том числе храмы и храмовые крепости близ сел Пакуащ, Кацихабла, Лашкиндар, Мыку, и другие.

В 1957-1958 годах в Анакопии работала комплексная археологическая экспедиция, в которой работал и Трапш. В ходе работ удалось исследовать не только сохранившиеся крепостные и храмовые сооружения Анакопии, но и широкими археологическими раскопками выяснить время начала сооружения и жизни города и выделить наиболее характерный для Средневековой Абхазии комплекс материальной культуры. Были установлены три средневековых культурных слоя – VII в., VIII-IX вв. и X-XII вв.

Михаил Мамедович, занимался изучением важнейшей проблемой древней истории Абхазии, а именно выяснением истоков формирования культуры абазгов и апсилов, непосредственных предков абхазского народа. В течении восьми лет им проводились раскопки в районе Цабала могильников позднеантичного и раннесредневекового времени. Основные результаты этих исследований получили отражение в завершённой им в 1966 году монографии «Культура цебельдинских некрополей», составившей третий том его трудов. Ему удалось обнаружить в Цабале ряд средневековых поселений VIII-IX вв. Таким образом, культура абазго-апсильских этнополитических образований II – VI вв. стала фактически основой культур абхазского населения периода Абхазского царства. Более того, культура цебельдинских поселений оказалась чрезвычайно близкой к культуре Анакопии и замка Баграта. Тем самым удалось доказать очень важный для Средневековой истории Абхазии тезис о формировании единой культуры абхазских этнополитических образований в VIII-X вв. развивавшихся в условиях своей национальной государственности – Абхазского царства.

Благодаря работам Цебельдинской экспедиции в научный оборот была введена информация о 74 керамических изделиях, 28 стеклянных сосудах, 13 мечах, 26 топорах, 67 наконечниках копий, 290 бусинах, 12 серебряных кесарийских монетах и так далее в общей сложности почти 1000 предметах.

Всего за 1960-1967 гг. было раскопано около 400 могил, содержащих разнообразный вещевой материал III-VI вв. н.э. Было установлено принадлежность цебельдинских могильников к древнейшим абхазским племенам – апсилам, что имеет особое значение при решении вопросов абхазского этногенеза. Своеобразная и высокая культура древнейших абхазских племён, имеющая глубокие местные корни, представляет яркое явление и вполне заслуживает особого названия «цебельдинской культуры». Ее многообразные и подчас далекие торговые и культурные связи говорят о ее большом историческом значении. Материалы Цебельдинских некрополей,

-писал Михаил Трапш, дают обширные сведения для выяснения различных сторон быта, социально – экономической структуры и многих других вопросов древнейшей истории абхазского народа [8, с.8].

Серию экспедиции провёл на крепости Шапкы и Цибилиум, а также археолог внёс большой вклад в исследование памятников Военно-Сухумской дороги. М. Трапш не обошёл стороной самый величественный памятник Кавказа – Великую Абхазскую (Келасурскую) стену. По мнению ученого основная часть памятника была возведена в VI веке. Протяженность стены, опоясывавшая почти всю южную Абхазию, составляла 160 км. В некоторых местах она огибала высокие горы Пскал, Амзару, Панамский хребет и выходила к устью реки Ингур. Стены были шириной около 1,5 м., укреплены башнями. Высота их в некоторых местах достигала до 7 метров. Археолог считал, что строительство такого большого укрепления позволяло закрывать все горные проходы и защищать южную часть Абхазии (историческая Апсилия) от набегов кочевников со стороны Северного Кавказа.

Систематические и исключительно плодотворные полевые исследования, проводившиеся из года в год археологом, во всех уголках Абхазии, а отчасти и за пределами, позволили ему открыть целый ряд уникальных памятников и накопить огромный, до того времени неизвестный первоклассный материал. На основе это им были написаны десятки работ – научных статей, очерков и монографии, вошедших в золотой фонд не только советской, но и мировой археологической литературы.

Михаил Мамедович Трапш оставил большое и высшей степени ценное научное наследие, работая в г. Сухум в стенах Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа, Академии наук Грузинской ССР и возглавляя здесь отдел археологии, он сумел создать хороший коллектив археологов. Он умел привлекать к своим исследованиям различных специалистов, стремился провести археологические изыскания совместно со своими коллегами. Много сил и времени М.М. Трапш уделял педагогической работе и воспитанию молодёжи научных кадров. Те археологи, имена которых хорошо известны теперь в нашей Республике Абхазия и далеко за ее пределами – Г. Шамба, В. Бжания, М. Гунба, Ю. Воронов, О. Бгажба и другие являлись его младшими коллегами и учениками.

Судьба М. Трапша сложилось так, что он ушёл из жизни в расцвете творческих сил, но нельзя не удивляться тому, как много успел совершить этот неутомимый солдат науки за столь сравнительно короткий срок в результате своего каждодневного напряженного, самоотверженного служения изучению древностей Абхазии.

Список источников и литературы:

1. Абхазоведение//Академия наук Абхазии абхазский институт Гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа. Выпуск VII Сухум АбИГИ.2012.
2. Каландадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухум, 1954.
3. Пиотровский Б. Б. Ванское царство // М.,1959.
4. Трапш М.М. Труды Т.I. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухум, 1970.
5. Трапш М.М. Труды / Т.II. Сухуми, 1969.
6. Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы./ Ленинград. 1971.С.
7. Трапш М. М. Труды / Т.IV. Сухуми, 1975.
8. Трапш М. М. Культура Цебельдинских некрополей…Труды в 4-х томах, Т.III. Тбилиси, 1971.
9. Шамба Г. К. Раскопки древних памятников Абхазии // Сухум. «Алашара».1984.

Гусейнова Б.М.,
доцент кафедры истории Дагестана,
кандидат исторических наук,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала РФ
E-mail: dag.ist@mail.ru

К вопросу истории союза сельских общин Антль-Ратль.

Аннотация. Проблема дагестанской исторической науки. Роль союза сельских общин в дагестанском историческом процессе, их место в системе феодального общества Дагестана. Географическое расположение союза сельских общин Антль-Ратль. Границы, территория и этнический состав. Хозяйственно-экономическая регуляция отношений через осуществление кратковременных, долговременных и постоянных политических взаимосвязей между союзами сельских общин, с феодальными образованиями Дагестана, с народами Северного Кавказа и Закавказья.

Роль сельского схода, выборных старшин в управлении джамаатом.

Ключевые слова: Дагестан, союз сельских общин, народы, феодальные образования, исторический процесс, политические объединения.

Одной из сложных проблем дагестанской истории является история союзов сельских общин, их место в системе феодального общества Дагестана.

Наряду с государственными образованиями в Дагестане существует несколько десятков политических объединений, известных как союзы сельских общин.

Феномен союзов сельских общин всегда интересовал исследователей истории Дагестана. Они играли важную роль во всех сферах общественной жизни горного края и во многом определяли особенности истории развития народов Дагестана на протяжении многих столетий.

Уровень социального развития дагестанского общества определялся в значительной степени соответствующим уровнем развития союзов сельских общин горного края.

Только через исследование взаимоотношений союзов сельских общин друг с другом, с феодальными образованиями Дагестана, с народами Северного Кавказа и Закавказья раскрывается их роль в дагестанском историческом процессе.

Союз сельских общин, испытывая потребность в хозяйственно-экономической регуляции отношений, осуществляли кратковременные, долговременные и постоянные политические взаимосвязи для защиты от внешних врагов, от притязаний соседних феодальных правителей или других союзов сельских общин.

Федерация союзов сельских общин, по словам Алиева Б.Г., «это своеобразный тип государственного объединения, который ни по населению, ни по территории, ни по политическому весу и влиянию не уступал горским феодальным владениям».

В целях сохранения самостоятельности и целостности своих территорий, союзы общин поддерживали политические взаимоотношения друг с другом. Им приходилось отстаивать свою независимость в упорной борьбе с натиском на них феодалов. Чтобы противостоять натиску феодалов сельские общества заключали между собой союзы.

Между двумя или более союзами общин заключались договора и соглашения не только для решения хозяйственных, экономических задач, но и для отпора захватнических стремлений других союзов или феодальных образований. В роли договора и соглашений выступали адаты, заключенные между двумя обществами по вопросам присвоения и порчи чужого имущества, по совместному владению пастбищными землями, лесом и по ряду других вопросов хозяйственного и общественного характера.

На территории аварцев и малочисленных народностей аварской группы были расположены три федерации союзов общин: Антль-Ратль, Ункратль, Дидо.

Союз Антль Ратль (Анкь-Ракь, т.е. Семиземелье) на западе граничил с дидойцами, на юге — с джаро-белоканцами, на востоке — с союзами общин Кьенсерухъ и Карах. С севера находились «разные лезгинские племена: кхеле, косо, томсуда, бахтух и другие...» [7, с.319].

В начале 30-х годов XIX в. И.И. Норденстам считал, что границы Антль Ратля «весьма неопределенны...Примерно, можно предположить, что Антль — Ратль имеет в длину от 50 до 60 верст и столько же в ширину, что составляет около 2500 кв. верст» [7, с.319].

Основной административно-политической организацией на территории союзов сельских общин был джамаат.

Важные вопросы внутреннего управления общин решались на сельском сходе, в котором принимали участие все совершеннолетние мужчины джамаата. Каждым джамаатом управляли выборные старшины (бегаулы).

Главным органом управления союза был ежегодный общесоюзный сход представителей всех сел союза, где решались наиболее важные вопросы правового и политического характера. На сходе выбирали совет старейшин и старшину. Союзные старшины управляли хозяйственной и политической жизнью союза, следили за соблюдением общесоюзных, адатных норм, разбирали споры между джамаатами, организовывали сбор ополчения.

Во время общесоюзного схода выбирали главного кадия, следившего за выполнением духовных требований и разбиравшего дела по шариату. Также на сходе выбирали союзных исполнителей, которые выполняли политические функции. Несмотря на имевшиеся различия, политический строй и административное управление владений и союзов сельских общин имели много общего.

Федерация «Семиземелье» к началу XX в. включала в себя уже 9 союзов общин: Таш — 27 селений, 1120 дворов; Анцух — 21 селение, 1000 дворов; Анцлус (Анцросо) — 7 селений, 770 дворов; Капуча (Куанал) — 9 селений, 720 дворов; Бохну — 8 селений, 630 дворов; Тхебель (Тходоколо) — 9 селений, 300 дворов; Джурмут — 8 селений, 290 дворов; Кхенада — 5 селений, 200 дворов; Ухнада - 5 селений, 185 дворов [7, с.320-324].

Е.И. Козубский в составе Антль-Ратля называет еще 2 общества: Томс, расположенное по ущелью Томсуда - 11 селений и Кос, западнее Томса, на левом берегу Аварского Койсу — 7 селений [6, с.27]. Этой же точки зрения придерживается и Д.М. Магомелов [6, с.28].

По полевым данным Д.М. Магомедова, территория общества Томсуда служила другим союзам общин местом ссылки за серьезные правонарушения [6,с.29].

Союз Таш подразделялся территориально на: верхний, средний и нижний [6,с.28]. Как отмечал А. Берже, по населению и по мощи он был гораздо значительнее других. 27 его селений и отселков, за исключением сел. Орота, были расположены вдоль правого берега реки Кудияб-Ор [8, с. 258]. «Одно от другого не в дальнем расстоянии, начиная от урочища Рохоботль, или соединения обоих рукавов Кудияб-Ора» [3, с.321].

Анцух и Капуча некогда составляли единый союз сельских общин, распавшийся, по словам И.И. Норденстама, «80-100 лет тому назад» [7, с.323], т.е. где-то в середине XVll в. «Общество сие было самое сильное в Антль-Ратле и славилось во всем Дагестане своим могуществом и богатством» [11, с.323]. Подобного же мнения придерживался и А. Берже: «Анцухо-Капуча считался сердцем и оплотом не только Антль-Ратля, но и всего Дагестана; все доступы в него защищены целой системой прочных каменных завалов, башен и укреплений» [3, с.259].

Союз Анцросо (Анцлус — у И.И. Норденстама), также входивший в состав федерации Антль-Ратль, объединял не 7, а десять селений: «Анцго» означает «десять». По отрогам Главного Кавказского хребта, к северо-западу от Джаро-Белокан, располагался союз Бохнода (Бохну) из 9 селений [6, с.29]. (у И.И. Норденстама - 8 селений) [7, с.321].

Союз обшин Тлебель (Тхебель) или Тходоколо, соседствующий с Анцросо и Бохнода, еще в XVI в. упоминался как крупное политическое объединение [2, с.363]. Союз Джурмут располагался у одноименной реки на границе с Джаро-Белоканским обществом, по соседству с обществом Тлебель [6, с.28].

О союзе Кенда и Тлен И.И. Норденстам пишет: «Небольшое общество сие состоит из пяти деревень, расположенных в ущелье речки Кень-Ора, которая близ урочища Никиш впадает в Тхомар-Ор». Называются такие селения союза: Рохль- Кхенада, Колоб, Цымкал, Охох и Хахаб [7, с.324]. Д.М. Магомедов перечисляет следуюшие селения: Тагар, Коло, Цымкал, Охох, Хахаб, Рох-Тлянада и Симгаа [6, с.29]. Союз общин Ухнада, расположенный южнее Анцросо, в ущелье р. Ухнада-Ор [7, с.321], был самым малочисленным из перечисленных союзов федерации Антль-Ратль.

Федерация Антль-Ратль представляла собой грозный союз вольных обществ, совершавших частые набеги на селения Грузии (при поддержке джаро-белоканцев), распространивших свое влияние на соседние общества других союзов (цезов, например), временами получавших дань с нескольких

грузинских селений [7, с.323]. По подсчетам Б.Г. Алиева и М.-С.К. Умаханова, всего в федерации насчитывалось 5215 дворов, «что соответствовало более 21 тыс. жителей» [1, с.282]. «Примерно можно считать, что число дворов, или семейств простирается до 5000,- пишет И.И. Норденстам. — Полагая в каждом семействе по 5 или 6 душ, все народонаселение в Антль-Ратле составит от 25 до 30000 жителей» [7, с.324].

По данным А. Берже, относящимся к 1842 и 1852 гг., в Антль-Ратле насчитывалось 23790 человек [3, с.271]. По мнению И.И. Норденстама, союз вольных обществ Антль-Ратль, мог «собрать от 4-х до 5000 человек хорошо вооруженных пеших, а с тем, чтобы защищать свои дома, они могут выставить несравненно больше» [7, с.328]. Военный быт антльратльцев подчеркивало и наличие на их территории мощных укреплений. «Тут, — сообщает К.Ф. Ганн, — встречались развалины древних замков — весьма редкое явление в Дагестане. Кто их построил, об этом никто ничего не мог сказать. Во всяком случае, эти остатки древности с теперешними постройками не имеют ничего общего» [4, с.89].

Объединения союза сельских обществ или их федерации, образование которых было вызвано необходимостью создания мощных блоков союзов сельских обществ, чтобы не дать правителям соседних с ними феодальных владений подчинить своей власти каждый из союзов в отдельности основная причина существования таких союзов [5, с.324].

Эти союзы управлялись выборными старшинами. Дела, касающиеся всего союза Антль-Ратль, решались на собрании джамаатов всех 9 обществ в урочище Черель. На джамаатах присутствовало до нескольких сот человек, при этом «велады», или предводители военных отрядов, имели решающий голос [7, с.326-327].

Союзы сельских обществ были основной формой общественно-политического устройства народов Западного Дагестана.

Список источников и литературы

1. Алиев Б.Г, Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII-нач. XIX в. - Махачкала, 1999. Кн. 1.С. 282.
2. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. 1578-1613. - М. 1899. Т. 1.
3. Берже А. Материалы для описания нагорного Дагестана // Кавказский календарь (КК)на 1859 г.- Тифлис, 1858.С. 258.

4. Ганн К.Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.)// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК)- Тифлис, 1902. Вып. 31.Отд. 2.С. 89.
5. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т.1.-.2004.
6. Магомедов Д.М. Некоторые особенности социального развития союзов сельских обшин Западного Дагестана в XV-XVIII вв. // Общественный строй союза сельских общин Дагестана в XVII-нач. XIX в.- Махачкала, 1981.
7. Норденстам И.И. Описание Антль-Ратля. 1832 г.// История, география, этнография Дагестана в XVI-XIX вв./ Под ред. М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева.-М, 1958.

УДК 94

Долгиева М.Б.
доцент кафедры «Отечественная история»,
кандидат исторических наук
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»
dmariam1966@mail.ru
Ганижева М.А.
ассистент кафедры «Отечественная история»
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»
ganizheva.marem@mail.ru

Отражение социального статуса женщины в архаичном женском пантеоне ингушей

Аннотация: Статья рассматривает связь между мифологическими представлениями о женских божествах в традиционной религии ингушей и общественным положением женщины в архаическом ингушском обществе. Исследование архаического женского пантеона помогает выявить культурные и религиозные корни роли женщины, а также проследить, как её социальные функции отражаются в сакральных образах. В контексте архаического ингушского общества, где родовые связи и преемственность играли ключевую роль, женские божества выступали не просто как объекты поклонения, но и как сакральные воплощения фундаментальных принципов бытия.

Изучение их атрибутов и функций позволяет понять, как в мифологическом сознании закреплялись представления о женщине как

хранительнице очага, продолжательнице рода и посреднице между миром людей и миром духов. Исследование трансформации этих представлений под влиянием исторических и социокультурных изменений позволяет понять динамику развития ингушского общества.

Ключевые слова: Ингушетия, культура, женщины, богини, Тушоли, Села Сата, Мехка, Нана, Жер, Баба

В архаичной ингушской мифологии социальный статус женщины неразрывно связан с культом материнства, плодородия и священной обязанностью сохранять традиции. Богини в этом мифологическом мире символизировали разные аспекты женской сущности — от покровительницы ремёсел и юных девушек до богини плодородия, и заступницы перед высшими силами. Эти образы демонстрируют сложные религиозные, социальные и культурные представления о роли женщины в традиционном ингушском обществе.

Авторы данного исследования ставили перед собой цель проанализировать, как через образы женских богинь, выступавших в роли покровительниц, утверждались и закреплялись ключевые социальные функции женщины: роль матери, хранительницы обычаев, защитницы ремёсел и связующего звена между сообществом и священным миром.

В ингушской мифологии и нартском эпосе можно встретить несколько значимых и почитаемых женских божеств-покровительниц. Среди них Села-Сата, Тушоли, Мехка-Нана, Хи-Нана, Малха-Аза, Жер-Баба, Гуш-мали, Армас, Кинча, Къаш-къули, Къу-баба и другие.

Особое место среди них занимают боги мира и вселенной (Дьала, Тха, Гал-Ерды, Тушоли и так далее), боги природы (Сели, Мехк-нана, Хи-нана, Дардз-нана, Ун-нана и другие) и боги-покровители ремесел (Села-Сата и прочие).

В традиционной религии ингушей до прихода ислама особое место занимала богиня-мать Тушоли. Её отцом был верховный бог Даьла (Дала) — главное божество ингушского народа. Среди её братьев были бог охоты Елта и бог мёртвых Эштр.

Исследовательница М. Цароева отмечает, что в ингушском обществе Тушоли была известна как «Даьла йоІ», что переводится как «Божья дочь Тушоли», или нежно именовалась «Дяла юхь Тушоли» (Тушоли, образ Дялы). [8, с. 36] Ингушские женщины обращались к Тушоли как «золотая цІу».

В культуре ингушей богиня Тушоли занимала важное место. Её почитали как покровительницу весны и плодородия, а также как защитницу людей перед верховным богом Дьала.

По мнению ученых, имя Тушоли интерпретируется как «богиня из Туша» и предполагает, что Туш, вероятно, был древним хуррито-урартским городом. [8, с.4].

Богиня Тушоли воплощала важные аспекты жизни традиционного общества. К ней приходили с просьбами о богатых урожаях и хорошей погоде. Она также покровительствовала животноводству, которое служило основой процветания общины. Бездетные женщины молили Тушоли о даровании им детей, а беременные – о благополучных родах и здоровье будущего ребёнка. Люди полагали, что она обращается к своему отцу, верховному богу Даьлу, за их защитой, так как он был более далёким и отстранённым.

В каждом ингушском обществе было своё святилище Тушоли. Горные ингуши располагали им у селения Карт, западные и плоскостные — между Оби и Ляжги, а мецхальское — в Махде. По словам профессора Миллера, святилище в Махде имело размеры 11×6 шагов. Также святилища были в Эгикале и Коке. Жрецом в храме с. Кок долгое время был Эльмурза Хаутиев.

В храмах, посвящённых этой богине, обнаружены деревянные или серебряные статуэтки Тушоли с изображением слезы на щеке. Также найдены медные полумаски. Евгений Михайлович Шиллинг, исследователь, нашедший медную полумаску, изображающую голову львицы или пантеры, в селе Кок, описал свою находку в статье «Культ Тушоли у ингушей». [9, с. 98-115].

Удод, известный как «тушоли-кутам» и «курица Тушоли», был священным символом и верным спутником богини. Цароева отмечает, что эта птица прилетала в апреле-мае, предвещая наступление весны. [8, с. 9]

В ингушских преданиях рассказывается, что тот, кто видел весной первое появление Тушоли-кутам, мог попросить у неё три сокровенных желания. Священная птица передавала эти просьбы богине, которая их обязательно исполняла. [8, с. 10]

«Некоторые божества, принявшие человеческий облик, получали как атрибут или как «друга» то животное, воплощением которого они сами раньше являлись. Богиня Тушоли, бывшая в древности птицей удодом, получила его в качестве своего атрибута». [8, с.27]

У богини Тушоли имелся ещё один символ — «женский камень». Это был огромный каменный блок с отверстием. Подобные камни, символизирующие плодородие и связанные с образом Матери Земли,

находили в различных ингушских поселениях, таких как Лежг, Цори и Арзи и т.д.

По словам исследователей, «Камни счастья» у кавказских народов и «священные» или «благородные камни» у других этносов воплощали идеализированный образ силы, способной порождать жизнь. [8, с.22]

Прилет удода из южных краев ознаменовывал приход весны, и это событие встречалось с особым торжеством. Удод прилетал в апреле, который ингуши именовали Тушоли-бутт — месяцем богини Тушоли.

В последнее воскресенье месяца в Ингушетии состоялось религиозное торжество — весенний праздник Тушоли. Этот праздник имел особое значение для ингушей, так как был связан с возвращением удода и началом полевых работ. Люди просили богиню Тушоли о хорошем урожае, приплоде скота и благополучии своих семей. В честь праздника специально выращивали белых бычков, которым должно было исполниться три года. В день торжества их рога украшали белой лентой, называемой ныч, и торжественно приносили в жертву богине. [8, с.26]

Из преданий известно, что «на поклонение к идолу ходили больше всего женщины и дети. Здесь резали жертвенных животных, готовили пиво, араку и лепёшки». [8, с.29]

Они возносили молитвы за здоровье, богатый урожай, своевременный дождь, солнце, которое дарует исцеление, и общее благополучие. Во время ритуалов жрец держал в руках посох, украшенный белым флагом (ныч) и колокольчиками, деревянный или серебряный идол Тушоли, либо чучело голубя, что добавляло церемонии особую торжественность.

Даже после того как ислам утвердился в качестве доминирующей религии, женщины, не имевшие детей, продолжали посещать святилище Тушоли, веря в её помощь в зачатии.

М.Г. Цароева отмечает: «Тушоли надолго осталась в памяти людей, несмотря на распространение ислама. В начале XX века старшее поколение ингушей сохраняло в своих сердцах её образ». [7, с.6]

Образ Тушоли часто встречается на камнях, из которых возводились башни в Ингушетии. Культ Тушоли отражает важность женщины как источника плодородия, как в материальном (рождение детей, урожай), так и в духовном аспекте. Её почитание подчёркивает священность материнства и женской силы, которые играли ключевую роль в традиционной культуре ингушей, служа мостом между общиной и божественными силами.

В ингушском обществе после Тушоли особое почитание и внимание получила богиня Села-Сата. Она была воплощением красоты и обладала множеством функций.

Села-Сата, признаваемая как богиня искусства и ремесел, занимала важное место в ингушской культуре. Женщины в традиционном ингушском обществе были ответственны за управление домашним хозяйством и воспитание своих дочерей, обучая их рукоделию и ведению домашнего хозяйства. Благодаря своей связи с ремесленными искусствами, Села-Сата пользовалась особым уважением.

Согласно мифам, именно она принесла из загробного мира напёрсток, иголку, ножницы и злаковые культуры. В мире мёртвых Боткий Ширтка научил её искусству приготовления пива. Жизнь нартов улучшилась благодаря урожаям злаков, а Сата начала шить для них качественную и долговечную одежду [2, с.192-193].

Села-Сата была для ингушских девушек и невест воплощением брака и женского счастья. В день свадьбы они верили, что её благословение принесёт им благополучие и здоровье. «Если Села-Сата говорила им добрые слова, то их ножницы становились золотыми, а игла — серебряной. Но если такие пожелания высказывал джинн, это предвещало беду». [3, с.123.]

Села-Сата была для нартов наставницей и советчицей, а её способность предвидеть будущее позволяла ей давать им мудрые советы. Нарты почитали её как мать, хотя между ними не было кровного родства. Благодаря её помощи, нарты собирали обильные урожаи злаков и могли изготавливать прочную и долговечную одежду. В преданиях ингушей Села-Сата предстаёт как ясновидящая, способная перемещаться между небом и землёй, а также проникать в мир иной. [2, с.252]

Села-Сата была сестрой и наставницей нартов. Она жила вместе с Сеска-Солсой и другими героями эпоса. В большинстве сказаний Сеска-Солса представлен как сводный брат Села-Саты, но в некоторых версиях он считается её приёмным сыном. У Села-Саты не было своих детей, но она проявляла глубокую заботу о детях. Поэтому она убеждала Сеску-Солсу найти жену. Её имя можно перевести как «Сата, дочь Селы» на ингушском языке. Села, отец Саты, в ингушском пантеоне богов был богом молнии, грома и дождя.

Согласно некоторым преданиям, Села-Сата была женой бога неба Гелой (Хlало). В горной Ингушетии сохранились руины храма Х1ал-Ерда. [2, с.190].

В мифах рассказывается о его выборе между двумя женщинами. Гела (Хlало) готовился к свадьбе и не мог определиться, кого из двух претенденток — Села-Сату или Малха-Азу — взять в жёны. Он объявил, что женится на той, кто сошьёт одежду для шестидесяти трёх нартов. [4, с.256].

В ингушском эпосе нартская дружина включала шестьдесят или шестьдесят три воина. В фольклоре этого народа число 63 имеет особое, символическое значение.

Малха-Аза не могла выйти из дома, так как была неразрывно связана с солнечным светом. Ее одежда для нартов оказалась неподходящей. Села-Сата проявила смекалку и, дождавшись ночи, сняла мерки. Её наряд идеально подошёл. В результате Гела сделал выбор в её пользу и взял её в жёны. [2, с.195].

Села-Сата обладала магическим кольцом, которое ей подарил отец. Кольцо обладало способностью отвечать на любые вопросы, за что его называли «кольцом исполнения желаний». Но однажды это кольцо было украдено морским царём. Однако благодаря усилиям героя нартского эпоса Патраза, кольцо вернулось к Селе-Сате. [2, с.245].

С именем Села-Саты связана птица иволга, известная в ингушском языке как «селасат». В двор куда она залетала по народному поверью сопутствовали долгие годы счастья, убийство ее считалось тягчайшим преступлением. [1, с.106-107]

Лингвистическая связь между богиней и птицей подтверждается на уровне языка: ингушское название иволги — «селасат» — непосредственно происходит от имени божества. Эта связь не является случайной, а представляет собой отражение мифологических представлений. Таким образом, название «селасат» выходит за рамки зоологического термина и является частью мифологического кода, который устанавливает связь между природным миром и божественным.

В астрономии Села-Сата ассоциируется с двумя небесными объектами. Один из них — «Ча токхадаь мотт» («Место, по которому пронесена солома»), что символизирует Млечный Путь. [2, с.187]. Это название возникло из легенды о том, как Села-Сата несла солому для брачной постели. Второй объект — «Сата-боджал» или «Кхо ког», что переводится как «треугольный хлеб Саты» или просто «треугольник» [2, с.187.]. Эти три звезды формируют треугольник: одна из них светится, а две другие — непроглядно чёрные. В процессе жертвоприношений ингуши готовили треугольную лепёшку и помещали её среди других яств.

В честь Села-Саты местное население, включая женщин и девушек, собиралось и устраивало праздник. О мастерице Села-Сате говорили: «Если мы не будем петь песни, то и Села-Сата не станет шить египетской иглою». [8, с.253].

Некоторые исследователи считают, что неопределённость статуса Села-Саты — то ли как матери, то ли как фиктивной супруги — может

указывать на эпоху матриархата, когда женщины обладали большей независимостью и не были связаны брачными узами. Её связь с небесными богами через отца Селу и мужа Гелой-(Хlало) позволяет рассматривать её как небесное божество. В мифах она предстаёт то соперницей, то союзницей дочери солнца Малха-Азы.

Села-Сата, искусная мастерица и мудрая богиня пантеона, покровительствовала женщинам, занимающимся созданием одежды: швеям, ткачихам, вышивальщицам, вязальщицам и мастерам по выделке кожи. Именно она подарила женщинам золотые ножницы (дашо кIод), серебряный напёрсток (дато тIор) и египетскую иглу (мисри маха) с золотой нитью (дашо хьоаса). [8, с.253]

Она обучала женщин ведению домашнего хозяйства и подготовке к роли жены и матери. Села-Сата, воинственная богиня, защищала ингушских оружейников, чьи умения ценились на Северном Кавказе. Воины передавали ей главное оружие – арку сели-Iад. Богиня также оказывала поддержку кузнецам, способствуя возгоранию огня в печи бога грозы Сели и передаче этого огня людям.

Превратившись в белую птицу, она освещала путь герою сквозь ночную мглу, которую напустил Сели. Села-Сата, дочь сурового отца, проявляла теплоту и сострадание к тем, кто оставался без света и тепла. Её любовь и забота превосходили ярость отца, которого она защищала. Люди отвечали ей взаимностью. [8, с.71]

О Селе Сате Э. Х. Манкиева пишет, как «о прародительнице нартского племени, яркой представительнице эпохи матриархата». «Сказание о Села Сате» можно назвать одновременно космогоническим и антропологическим мифом, поскольку в нем рассказывается о происхождении небесных тел и людей. [5, с.542-544]

В архаичном женском пантеоне ингушей богини Мехк-нана, Хи-нана, Дардз-нана (Фурки) и Ун-нана отражали разные аспекты социального статуса женщины, её роли в природе, обществе и культуре. Эти божества воплощали связь между женским началом и ключевыми сферами жизни, включая природу, защиту, плодородие и даже негативные аспекты бытия.

Мехк-нана, богиня горной местности, играла важную роль в верованиях ингушей. Её имя состоит из двух слов: «Мехк» (страна) и «нана» (мать), что переводится как «мать страны». Она обитала на вершине горы Казбек (Бешлом-Корт) и почиталась как защитница гор. Мехк-нана помогала путешественникам и тем, кто отправлялся в горы, а также знала, где спрятаны сокровища. Осенью она проводила невидимую верёвку по склонам горы, и всякий, кто переступал через неё, неизбежно замерзал.

Мехка-Нана олицетворяла гармонию с природой и хранила мудрость о мире. Она могла принимать разные образы: представать в виде пожилой женщины с добрым или строгим лицом (в зависимости от отношения к собеседнику); являться в виде тумана, окутывающего горы; звучать эхом в ущельях, отвечая путнику; а также проявляться как горный ветер или внезапная буря, когда была разгневана. Мехк-нана символизировала связь женщины с природой, горами, силой и защитой. Она была хранительницей традиций и связующим звеном между поколениями.

Согласно легенде, Мехка-Нана была заточена в пещере, но звезда ветров помогла ей освободиться, вернув ветры в горы и её власть над стихиями. Чтобы заслужить её благосклонность, люди молились, оставляли подношения (хлеб, сыр, монеты) в горах, соблюдали правила поведения, не шумели, не загрязняли природу и просили разрешения пройти или заночевать, обращаясь к Мехка-Нане. Мехка-Нана — это не просто «богиня гор». Она представляла собой многогранный символ, включающий защиту, испытание и наказание. Этот образ олицетворял мощь и непредсказуемость горных пейзажей, которые требовали от людей мудрости, осторожности и почтения. Почитание Мехка-Наны было неотъемлемой частью мировоззрения ингушей, способствуя формированию норм поведения в суровой и величественной горной среде.

Хи-нана, другая богиня, олицетворяла воду и была известна как «водяная мать» или «мать вод». Она владела всеми водными источниками, реками и родниками. Верхняя часть её тела была человеческой, а нижняя — в виде рыбы. [6, с.284]

Она управляла течением вод круглые сутки, но за полчаса до рассвета засыпала, и в этот миг вода становилась густой и застывала. Хи-нана обладала способностью исполнять любые желания, если они были произнесены над этой «уснувшей» водой. Это поверье дошло до наших дней.

Хи-нана олицетворяла плодородие, чистоту и жизненную энергию, поскольку вода являлась основой всего живого. Её образ символизировал роль женщины как источника жизни и заботы.

Хи-нана отвечала за плодородие земель и богатый урожай, регулируя поступление воды на поля. Она также заботилась о здоровье животных и людей, что делало её важной фигурой в обществе. Люди оставляли подношения у родников и рек — хлеб, сыр и монеты, выражая свою благодарность и уважение. С её именем связаны верования о целебных свойствах воды и строгие запреты на осквернение священных источников.

Её почитание свидетельствовало о высоком статусе женщины как хранительницы семейных традиций и знахарки, знающей природные циклы.

Богиня Дардз-нана, известная также как Фурки, что переводится как «Та, что на перевале», была покровительницей вьюг и снегопадов. Её часто называли «матерью вьюг». Она обитала на вершине горы Бешлам-Корт, ныне известной как Казбек, и управляла метелями и буранами. [6, с.281] На снежном конусе горы она начертала магический круг, через который не осмеливался пройти ни один смертный.

Дардз-нана, хранительница границ между мирами и пространствами, решала, кому позволить пройти, а кого задержать. Она олицетворяла концепцию границы: перевал, где человек особенно беззащитен и нуждается в защите. Дардз-нана могла предстать перед путником в образе старухи или таинственной женщины, чтобы проверить его моральные качества. У неё было семеро сыновей, которые превратились в звёзды и покинули её. [6, с.282]

Образ Дардз-наны воплощал двойственность женской природы: она могла быть как защитницей, так и карательницей. Это символизировало восприятие женщины как силы, способной определять судьбы людей. Её близость к природным силам и стихиям подчёркивала роль женщины как посредника между миром людей и Вселенной.

Ун-нана, известная как «Огненная мать», была богиней, связанной с болезнями и смертью. Она являлась людям в облике величественной женщины, несущей на плече сумку, в которой хранились все болезни, которые она могла наслать на тех, кто её прогневил. Ун-нана олицетворяла отрицательные аспекты бытия, но её влияние на болезни и смерть подчеркивало важность женщины как хранительницы жизни и здоровья, противостоящей разрушениям. Её образ мог символизировать боязнь перед женской силой, способной в определённых обстоятельствах становиться разрушительной.

Таким образом, богини – Мехка-Нана, Дардз-нанальг, Хи-нана и Уна-нана — это олицетворения природных сил и пространств, играющие важную роль в традиционной системе взглядов ингушей. Они символизировали защиту, плодородие и гармонию, а их поклонение отражало тесную связь народа с горами и хозяйством.

Эти «матери» символизировали матриархат, и культ женского начала как источника жизни и плодородия. Каждая покровительствовала стихии или пространству (огонь, вода, гора, перевал) и была духовным хранителем, а не всемогущим божеством. Их сила действовала локально, а помощь зависела от действий человека. В сказаниях упоминались испытания для путников. Элементы почитания сохранились в быту и обрядах после распространения ислама.

В ингушской мифологии еще одной мудрой и почитаемой фигурой была Жер-Баба. Она была старой вдовой, которая защищала людей и земные дары. Жер-Баба также обладала тайными знаниями о земле и её богатствах. «Она жила на рубеже бронзового и железного веков, ее деяния восходили к периоду существования нартского эпоса. Она была матерью всесильных тогда божеств Нартов, переродившихся в полубожества с наступлением эпохи железа, эпохи войн и героев». [8, с.42]

Жер-Баба не является высшим божеством, а скорее святой покровительницей, близкой к людям. Её образ объединяет черты земной женщины и мифологического существа. Её имя, происходящее от слова «Жер» (земля), символизирует её связь с землёй и воспринимается как воплощение матери-земли. В традиционной картине мира ингушей Жер-Баба выполняла несколько важных ролей. Она считалась покровительницей плодородия и изобилия, хранительницей благодати земли. К ней обращались за помощью в получении богатого урожая, благополучии скота и достатке в доме.

Жер-Баба славилась волшебной чашей, символизировавшей плодородие и щедрость, которая никогда не пустовала. Она могла приготовить много хлеба и галушек из малого количества муки. Этот образ символизирует мудрость и заботу о народе. Жер-Баба была хранительницей древних знаний и знахаркой, владевшей секретами целебных трав и магических ритуалов.

В нартских сказаниях она помогала нартам, готовила для них пищу, демонстрировала способность создавать много еды из малого количества ингредиентов. Удивлённые нарты спрашивают, как ей это удаётся. Жер-Баба отвечает, что благодать закончилась с их приходом. В отчаянии нарты решают покончить с собой и выпивают расплавленную медь.

Жер-баба, известная своей мудростью, давала ценные советы героям эпоса, помогала им решать конфликты и принимать важные решения. Она предоставляла приют и ночлег нартам. В качестве примера можно привести предание «Совет нартам и лесной вепрь». Нарт Сятал (Саьтал) сталкивается с угрозой в виде опасного лесного вепря, который угрожает безопасности людей. Он обращается за помощью к Жер-бабе, и благодаря её мудрым наставлениям, Сятал побеждает чудовище. [2, с.272-273]

В другом предании «Похищение волшебной чаши и наказание» говорится, что банда разбойников Чухиевой шайки (ингуш. Чухьий гlар) проникает в жилище Жер-Бабы и похищает её волшебную чашу (гуй), из которой не иссякает еда. [2, с.45-46]

За этот проступок Бог наказывает воров: сильный ветер поднимает их вместе с чашей в небо. Разбойники превращаются в звёзды и обречены вечно кружить вокруг чаши, не имея возможности до неё дотянуться. Бог дарует Жер-Бабе новую чашу и собаку для её охраны. Полярная звезда в этой традиции называется «посудиной» (гуй) — как центр, вокруг которого вращаются звёзды-воры, а созвездие Малая Медведица в ингушской традиции называется — «Чухиевой шайкой» (Чухий гlар). [2, с.566]

Жер-Баба — значимая фигура в мифологии, хранительница сакральных знаний и покровительница женщин и семейного очага. Она воплощает идеал мудрой женщины и ассоциируется с благополучием семьи. В легендах Жер-Баба заступается за несправедливо обиженных. Хотя у неё не было известных святилищ, её образ прочно вошёл в народную традицию и передавался устно, особенно среди женщин. Имя Жер-Бабы использовалось в поучительных высказываниях и могло интегрироваться в аграрные обряды.

Жер-Баба отличается от других ингушских богинь, таких как Тушоли, богиня плодородия, и Села-Саты, покровительница ремёсел. Она более приближена к людям, и её сила проявляется в их повседневной жизни. Жер-Баба является уникальным образом в ингушской мифологии, символизирующим мудрость, щедрость и близость к земле. Её культ выражает уважение к старшим женщинам в традиционном обществе, подчёркивая их важную социальную роль как хранительниц знаний и благополучия общины. Это отражает традиционную функцию старших женщин в ингушских семьях — быть носительницами традиций и советчицами.

Исследование показало, что архаический женский пантеон ингушей не только отражал, но и закреплял важные аспекты социального положения женщин. Культ плодородия, связанный с богиней Тушоли, подчёркивал значимость материнства и деторождения. Образы покровительниц ремёсел и мудрости, таких как Села‑Сата и Жер‑Баба, утверждали роль женщины как хранительницы знаний и умений. Связь с природными силами, олицетворяемая богиней Мехка‑Нана, символизировала её как хранительницу связи с землёй и предками.

Пантеон ингушей формировался под влиянием хурритской и урартской культур. С развитием патриархата женские божества плодородия стали мужскими, но культ женщины-матери и воительницы сохранился.

Список источников и литературы

1.Алироев И.Ю. Флора и фауна Чечни и Ингушетии. — Москва: Academia, 2001. 182 с. URL: file: ///C: /Users/ Admin/ Downloads /flora_i_fauna_chechni_i_ingushetii.pdf (дата обращения 12.04.2026)
2.Дахкильгов И. А. Ингушский нартский эпос. Нальчик. ООО «Тетраграф», 2012. 598 с.
3.Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. Терский сборник. Владикавказ. 1893. с.123
4.Ингушские сказки, сказания и предания //Сост. И.А. Дахкильгов. Издательский центр «Эльфа», Нальчик, 2002. 459 с.
5.Манкиева Э.Х. Женские образы в фольклоре ингушей и чеченцев ISSN 1991-5497. Мир науки, культуры, образования. № 2 (105) 2024.с.542-544
6.Нартский эпос ингушей // составители Н.Д. Кодзоев, М. А. Матиев.Назрань. ООО «Кеп», 2017. 552 с.
7.Цароева М.Г. Тушоли последняя богиня – мать Кавказа. Ростов-на-Дону, 2012.
8. Цароева М. Г. Пантеон ингушей. М.: Издательство Триумф. 2016. 544 с.
9.Шиллинг Е.М. Известия Исследовательского института Ингушии, 1935, т. 4, вып. 2, с. 98-115

Джамирзаев С.М.,
д.и.н., гл. научный сотрудник
Комплексного научно-исследовательского института
г. Грозный, РФ

Цивилизационная парадигма этногенеза чеченцев в контексте кавказоведческого составляющего

Аннотация. Актуальность темы обусловлена необходимостью, представить научной общественности основные слагаемые этногенеза чеченцев как одного из составляющего палеокавказцев с древнейших времен. Речь идет об их этнокультурном облике и результатах оценки их созидательной деятельности в разные исторические периоды во благо развития мировой цивилизации. Основная цель - в корне отметая формационные и иные политические подходы к исследованию проблем этногенеза, основной упор делается на цивилизационно-синергетическую парадигму исследования.

Ключевые слова: Кавказ, чеченцы, этногенез, цивилизационный подход, родовой строй, неолитическая революция.

Подобными научными установками насыщены труды Г.Меликишвили,

Е.Крупнова, О.Джапаридзе, М.Гаджиева, И.Дьяконова, Х.Амирханова, М.Агларова, и многих других кавказоведов. Как справедливо утверждает акад. О.Джапаридзе, в верхнем палеолите зарождается родовое общество, происходит сложный процесс формирования племенной организации, возникают археологические культуры, носящие уже определенный этнический характер, и где-то в этот период и начинается процесс образования кавказской культурной и этнической общности [4, 12]. Причем, с переходом к производящему хозяйству наши предки (автохтоны древней Передней Азии и Кавказа) из ***родового*** **строя** переходят к более совершенной организации, а именно в ***племенной***. Поэтому в последующей истории, в отношении наших предков, не правомерно использование понятия *род* (как термин предшествовавшей эпохи). Именно с эпохи неолитической революции можно вести речь об этногенезе чеченцев (как части общего). Соответственно, как уже установлено учеными (Г.Дебец, М.Абдушелишвили, М.Гаджиев, В. Алексеев др.), на Кавказе на протяжении длительного времени фиксируется модус автохтонного развития и изоляции. Но вопрос о причинах географического совпадения модусов этногенеза, расогенеза и глоттогонии связан с популяционной структурой человечества [1, с. 193]. Более того, не может быть ни одного серьезного исследования по этногенезу народов Европы и Передней Азии, которое не затрагивало бы народов Кавказа, особенно тех, которые говорят на языках обособленной «яфетической» или «алародийской» (т. е. иберийско-кавказской – Д.С.) системы [2, с.19].

Касательно Российской Федерации, научные достижения каждой нации могут способствовать налаживанию крепкого межнационального единства как важные сегменты единого целого. В последнее время наметился процесс, который некоторые наши коллеги связывают с глобалистскими обстоятельствами в целях переформатирования культурно-хозяйственной деятельности, например, палеокавказцев (автохтонов Кавказа) и других этносов в угоду современного товарного бизнеса и капитала, причем, на основе технологических сделок. В этих условиях, исконные базовые культурные ценности наших предков, а именно, достижения кавказской цивилизации, механически трансформируются, доводя их до аморфного состояния. Следовательно, вопросы этногенеза автохтонов Кавказа (коренных грузин, аварцев, лезгин, даргинцев, лакцев, чеченцев, адыгов и абхазов), слагаемые из частных научных отраслей знания (историческая антропология, историческая этнология, историческая лингвистика, историческая археология, историческая биология, историческая геология, историческая климатология, историческая география и др.) целенаправленно

девальвируются некоторыми идеологами в пользу финансово-экономических выгод. Более того, для этой цели, перманентно искажались и искажаются диалектические процессы этногенеза и естествознания, которые объективно протекали с начала неолитической революции (в частности, у палеокавказцев), отходя от присваивающего хозяйства и переходя к производящему. Причем, делается это с разрушением былых субстанциональных доминант древних традиционных обществ, выбивая из их сознания культурные реалии этноэкономики (производство материальных и духовных благ). С другой стороны, Кавказ стал благодатной почвой для формирования новых народов, с, как симбиоз адстрата субстрата с налаживанием родственных отношений.

Кавказ как один из древнейших первичных очагов человеческой цивилизации, до сих пор, был флагманом этнокультурных ценностей. К сожалению, он сейчас оказался в объятьях конформизма и неофитов. Как известно, для последних основными стимулами (мотивацией) жизнедеятельности являются нажива и потребление, в корне отрицая производство материальных благ с сохранением культурно-этических норм общения и сосуществования. Следовательно, возникает логический вопрос: на каких основаниях и каким образом человечество готовится к вызовам будущего (экономические кризисы, голод и др.)?

С другой стороны, этим негативным процессам широкие возможности открывают идеологи мульти-культурализма, которые через некоторое время перерастают в макси-культурализмы, (т. е, Кавказ меняет свой облик….). Более того, эти процессы, латентно протекая, часто являются дестабилизирующим фактором в современных условиях в Кавказском доме.

Комплексное исследование рассматриваемой темы приводит нас к необходимости особого выделения и краткого анализа следующих выводов/вопросов:

1. Одним из важных кавказоведческих проблем, требующего научного анализа, нам видится в фундаментальном раскрытии иерархической структуры общества палеокавказцев, основанного на родственно–этических нормах: ***большая семья/род*** (до неолитической революции), ***племя*** (после неолитической революции), ***народность/народ*** (сосуществование антропологически разных этносов на одной территории с одним языком), ***нация*** (в основном это касается титульного автохтонного населения на одной территории с одним генетически общим древним языком-основой…). Речь идет о цивилизационных постулатах палеокавкавцев в лице автохтонного

населения переднеазиатско-кавказского географического пространства и аллохтонов. Причем, паритетное место отводится тейпам и адатам.

2. Касаясь, проблемы этногенеза чеченцев необходимо учитывать вопросы прародины в пространственном и временном аспектах. Вместе с тем, считаем необходимым отметить, что древняя история чеченцев в пределах III –I тыс. до н. э. нами исследована в специальной научной работе [3]. Чеченцы-автохтоны, как составная часть палеокавказцев, тысячелетиями занимаясь самодостаточной культурно–хозяйственной деятельностью, сохраняют генетически родственную преемственность поколений. Причем, нельзя забывать и о том, что трансформационные процессы меняли их основы по форме и содержанию.

3. Более того, в поле зрения научного поиска должны оставаться такие актуальные проблемы стратегических «плюсов» и «минусов» общественного прогресса или регресса, и судьба цивилизации.

Таким образом: во-первых, мы в скромном формате постарались проиллюстрировать палитру новых междисциплинарных подходов для исследования проблем этногенеза; во -вторых, именно цивилизационный подход, без опоры на формационной теории, позволяет раскрыть гуманные и объективные основы синергетики этногенеза. Такой подход объективного анализа проблемы может способствовать взаимопониманию, а также сосуществованию наций и народов в едином государстве.

Список источников и литература

1. Алексеев В.П. Историческая антропология. М.,1979
2. Дебец Г.Ф. Основные итоги палеоантропологических исследований в СССР. Доклады… V международного конгресса антропологии и этнографии. М.,1956
3. Джамирзаев С.М. Древняя история чеченцев (К древней истории нахских племен III-I тысячелетия до новой эры)
4. Джапаридзе О.М. К раннему этногенезу кавказских племен. // Сб. ТГУ: Историко-филологические разыскания. Ч.1. Тбилиси, 1980.

УДК 93

Джапуа А.Э.
Старший лаборант кафедры истории,
археологии и этнологии Абхазии
факультета истории и международных отношений
Абхазского государственного университета.
г. Сухум, Республика Абхазия.
Dzhopua-1995@mail.ru

Проблема репатриации абхазов (к постановке вопроса)

Аннотация. В статье рассматривается одна из наиболее острых и актуальных проблем современной Абхазии — процесс репатриации потомков махаджиров на историческую родину. В статье проводится исторический экскурс, анализируя причины массовой вынужденной миграции абхазского этноса в XIX веке, вызванной Кавказской и Русско-турецкими войнами. В работе исследуются препятствия, с которыми сталкивались переселенцы при попытках возвращения в царский и советский периоды. Особое внимание уделяется современному этапу репатриации, начавшемуся после 1993 года.

Ключевые слова. Репатриация, махаджирство, диаспора, этнодемографические процессы, национальная идентичность, адаптация и интеграция, Государственная политика.

В XIX столетий Абхазия столкнулась с масштабной трансформацией демографического ландшафта, последствием которой стала «гуманитарная катастрофа» [3]. Ряд последовательных военно-политических событий – присоединения Абхазии к России (1810 г.), карательные экспедиции 1820-1840-х гг., Крымская (Восточная) война (1853-1856гг.), окончание Русско-Кавказской, или той же Кавказской войны (1817-1864гг.), восстание в с. Лыхны (1866г.) и Русско-турецкая война (1877-1878гг.) – привели к практический полному демографическому и хозяйственному опустошению Северо-Западной и Центральной частей Абхазии.

Массовая вынужденная миграция (махаджирство) охватила такие субэтносы и территориальные общины, как садзы, псхувцы, гумцы, далцы, цабалцы. Представители бзыпской, абжуйской и самурзаканской групп сохранились лишь в незначительном количестве. Итогом «депортации» [2, с.352] в Османскую империю стал невосполнимый урон генофонду абхазского народа, от которого до сих пор не может оправиться. Восточное побережье Черного моря, по свидетельству современников, превратилось в «мертвый берег». В частности, гвардии полковник Аракин, в рапорте на имя Командующего Кавказской Армии от 24 апреля 1878 года говорил: «…от р. Кодора вплоть до Гудаутского участка, вместе с Цебельдою представляет почти совершенную пустынью» [6, с.283].

Таким образом, по мнению ряда ученных С.П. Басария, К.Д. Кудрявцев, А.В. Фадеев, Г.А. Дзидзария, З.В. Анчабадзе, Ш.Д. Инал-ипа, Т.А. Ачугба и др. из Абхазии было выселено от 60 до 80 % [5, с.498; 2, с.289] коренного населения. Последовавшая с конца XIX века политика ассимиляции и демографического давления в советский период (особенно в 1930-е гг.) поставила этнос на грань исчезновения, что в конечном итоге стало одной из предпосылок национально-освободительной борьбы, переросшей в Отечественную войну народа Абхазии 1992-1993 гг.

Актуальность исследования проблемы репатриации потомков абхазских махаджиров продиктована комплексом факторов, определяющих само

существование абхазского народа в XXI веке: 1. Массовый исход абхазов в XIX столетии привел к деформации этнической карты региона. Сегодня, когда демографические показатели внутри республики демонстрируют тревожную динамику, возвращение соотечественников рассматривается как основной ресурс для восстановления численного баланса и укрепления генофонда нации; 2. Находясь в инокультурной среде на протяжении более 150 лет, абхазская диаспора подвергается мощному ассимиляционному давлению. Утрата родного языка и традиционной культуры (Апсуара) в многочисленных общинах за рубежом делает вопрос их возвращения на историческую родину неотложным; 3. Назрела необходимость научного осмысления внутренних барьеров, возникающих между местным населением и репатриантами. Данная проблема требует разработки научно обоснованных методик социальной интеграции для формирования единой гражданской идентичности.

Проблема возвращении махаджиров на свою историческую родину не нова. Практический сразу после исхода из родных земель началось стихийное, а затем организованное, возвращение на Родину. Однако, они сталкивались с противодействием османских и российских властей. Позиция российского руководства в вопросе о возвращении махаджиров определялась, прежде всего, геополитическими соображениями. Черноморское побережье Кавказа рассматривалось как стратегически важный регион, который следовало превратить в этнически надёжный «русский берег» [6, с.135]. Присутствие здесь значительного коренного населения, сохранявшего связи с единоверной Турцией, представлялось военным властям угрозой. В период царизма действовало распоряжение Александра II «О возвращении речи не может быть». Подтверждение тому попытка высадки 1200 абхазов в Батум из Турции 12 августа 1880 года. На судне «АгиоисПетрос». И в тот же день, начальник Сухумского отдела получил приказ от кавказского наместника «принять все меры к тому, чтобы не допустить эмигрантов к высадке на берег» [5, с.530].

Османская империя занимала двойственную позицию в вопросе о возвращении махаджиров. С одной стороны, официальная идеология подчёркивала исламскую солидарность и обязанность принимать единоверцев из утраченных мусульманских территорий. С другой стороны, прагматические соображения заставляли Порту препятствовать обратному переселению. Махаджиры рассматривались османскими властями как ценный ресурс: они заселяли пограничные районы, служили буфером между империей и её потенциальными противниками, поставляли рекрутов в армию. Выпускать их обратно означало терять налогоплательщиков и солдат. Кроме того, массовое возвращение создало бы прецедент, способный вызвать нежелательные настроения среди остальных переселенцев. Махаджиры были приписаны к конкретным вилайетам (провинциям). Попытка передвижения к портам без внутреннего разрешения каралась арестом. Без турецкого

разрешения на выезд российское консульство формально не могло принять человека для оформления визы.

Дипломатическая игра, консульский контроль и усиление пограничных режимов делали легальное возвращение практически невозможным. Внутренняя политика обеих держав по отношению к мигрантам носила последовательно инструментальный характер. Ни та, ни другая империя не рассматривали абхазов как народ, обладающий неотъемлемым правом на родину или на достойные условия существования. Правовые системы обеих империй были ориентированы на контроль, фильтрацию и использование человеческих ресурсов, а не на защиту прав перемещённых лиц.

Репатриация абхазских махаджиров в XIX веке представляла собой сложный, многоуровневый процесс, неудача которого была предопределена комплексом факторов. Среди которых было объявление абхазского народна «виновным» населением [6, с.119], что конечно же, ещё больше тормозил процесс возвращение махаджиров на родину.

Однако, начало нового столетия ознаменовалась переориентации царской политики от «кнута» к «пряннику» [12, с. 58]. В результате Первой русской революции (1905-1907 гг.) «...население Абхазии, носящего название виновного, выделялось своей лояльностью по отношению к Правительству, как по сравнению с населением соседних районов, так и по сравнению с пришлым элементом в Абхазии» [12, с. 58]. Ввиду этого, 27 апреля 1907 года Николай II отменил царское повеление от 31 мая 1880 года о «виновности» абхазского народа, в нём, в частности, говорилось, что «в смутное время 1905 года... абхазцы с честью вышли из испытания» [12, с. 58]. Из «виновного» народа абхазы превратились в пример лояльных подданных, что дало им возможность выжить и консолидироваться как этнос. Это изменение статуса в теории должно было открыть путь и создать принципиально новую правовую основу для постановки вопроса о возвращении махаджиров. Не смотря на это, ни царское правительство, ни меньшевистский режим Грузинской Демократической Республики (1918-1921), ни власти Советской Грузии, ни руководство СССР так и не занялись решением проблемы репатриации абхазов. Многочисленные индивидуальные и коллективные просьбы представителей абхазской (абазинской) диаспоры о возвращении на историческую родину, направлявшиеся в адрес перечисленных государств, как правило, оставались без ответа. Вместо этого власти Грузии и их покровители в Кремле в тот период проводили целенаправленную комплексную политику по массовому переселению грузин в Абхазию и ассимиляции тех абхазов, кто остался жить на своей родной земле.

Данный вопрос поднимали видные представители абхазской интеллигенции. К примеру, в 1920 г. в газете «Апсны» Дырмит Гулиа писал о необходимости создания «Эмиграционного комитета» [7, с.84], а 12 мая 1920 года в общем собрании Абхазской интеллигенции было принято решение о создании Сухумского Центрального Комитета по делам абхазцев-махаджиров, который «уполномочивается вести всю необходимую

подготовительную работу для разрешения махаджирского вопроса» [1, с.340]. Председателем был Андрей Чочуа, а печать была «с изображением плывущего к кавказским берегам корабля» [5, с.531]. Однако она просуществовала недолго. В том же году, представили нашей диаспоры в Турции обратились за помощью к правительству Грузии и заявили, что «они желают вернуться на родину, в Абхазию». Однако «прошение махаджиров так и осталась в Тифлисе» [5, с.276]. Попытка вернуться на родину было сделана абхазами из греческой Македонии в 1925 году. Они обратились к руководству «разрешить нам 700 абхазцам, находящимся в Греции, возвратиться с семьями в родные села свободной Абхазии» [4, с.9]. Это просьба положительного отклика не получила. А после событии 1931 года, а именно присоединение Абхазии на правах автономии к Грузии «потомки депортированных абхазов, естественно, не могли рассчитывать на возвращение их на родину» [8, с.86].

И в период царской России, и в период Советского Союза ни один депортант официально не смог вернуться. Конечно же, были те, которым удалось вернуться, но, к сожалению, нет никаких сведении которые давали бы нам о числе возвратившихся.

Ситуация изменилась после распада СССР и Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 гг. Ещё во время войны 7-8 октября 1992 года был проведён Первый съезд соотечественников, где и было учреждено Международная ассоциация абхазо-абазинского (абаза) народа. Надо отметить, что желание переехать на свою историческую родину появилась у многих. Причиной переезда на родину, послужила не только тоска по своей родной земле, но и боязнь ассимиляции в той среде, где они жили – риски культурной и языковой ассимиляции. Боязнь потерять себя под чужим небом. А визит парламентской делегации во главе с В.Г. Ардзинба в июле 1992 г. в Турцию вселил ещё больше уверенности в том, что они нужны своему «дому», своей Апсны.

В 1993 году указам президента В.Г. Ардзинба был создан Государственный комитет по репатриации. В 1997 г. парламент РА принял постановление «Об акте депортации абхазов (абаза) в XIX в.» в котором говорится «Признать согласно Конвенции Генеральной Ассамблеи ООН от 28 июля 1951 года депортированных абхазов (абаза) в XIX веке – беженцами» [2, с.327], в 1998 году был принят закон «О репатриации» [10]. Согласно Закону О Репатриации «Репатриантами (соотечественниками) признаются – этнические абхазы (абаза), прямые потомки беженцев, покинувших историческую территорию проживания абхазов (абаза) в результате русско-кавказской и русско-турецких войн и других событий XIX века, получившие в порядке, предусмотренном настоящим Законом, право на возвращение в Республику Абхазия» [10].

На протяжении 90-х годов возвращение на Родину не прекращались. В основном это были репатрианты из Турции. Ситуация с сирийскими репатриантами изменилась из-за военных событии. В 2012 году из Сирийско-

Арабской Республики, на родину вернулись 12 семей, а в 2013 году вернулась 145 человек, в 2014 г. – 114. 2018 год стал рекордным в статистике репатриации: 543 абхаза переселились из Сирии, Турции, Иордании, России, Египта, США, Нидерландов, Ливана, по одному — из Эстонии, Грузии и Израиля. С 1993 года в Абхазию вернулась более 12 тыс. репатриантов[9]. И конечно, нельзя сказать, что в репатриации абхазов-абаза не имеются определённые успехи.

Однако, возникают ряд вопросов. К примеру, почему до сих пор у нас нет долгосрочной программы для решения этой стратегической значимой проблемы? Разработки, которой необходимо для оптимизации данного вопроса. В принятом в 1998 году Парламентом РА законе «О Репатриантах» в статье 15 закона говорится, что «… в Республике Абхазия разрабатывается долгосрочная государственная программа репатриации, определяющая основные направления содействия государство репатриантом» [10]. Чего до сих пор у нас нет. Отсутствие таковой программы означает, что каждое новое руководство Комитета формирует свой план краткосрочных мероприятий. А это, как минимум, не стратегический подход к решению проблемы репатриации.

Хочется отметить немаловажный факт. Итогом процесса репатриации, если рассматривать с политической точкой зрения, является получение гражданство лицам вернувшихся на историческую родину. Но сам факт возвращения или включения репатриантов в состав национального государство не предполагает интеграцию их в принимающее общество. Несмотря на льготы, получаемые от государства, наши репатрианты по прибытию сталкиваются с проблемами адаптации или интеграции в новом обществе. Как отмечают ряд исследователей, успех репатриации зависит не от факта пересечения границ, а от глубины последующей инклюзии[13].

Наиболее проблемными являются культурные аспекты интеграции (язык и социализация). Общеизвестно, что репатрианты часто воспринимаются местным населением как иностранцы или мигранты, называя их «турками», «сирийцами» [11, с. 63] и т.д. Подобные тенденции наблюдаются не только у нас в стране, но и в других странах, где проводят политику репатриации.

Интересен опыт постсоветских государств, столкнувшихся с сопоставимыми демографическими вызовами. В Армении специального закона о репатриации не принято, однако с 2012 г. успешно действует фонд Repat Armenia, созданный репатриантами и выходцами из диаспоры. Фонд предоставляет информационную платформу, индивидуальное консультирование, нетворкинг-мероприятия и помощь в трудоустройстве, фактически компенсируя отсутствие полноценной государственной программы. В Казахстане, напротив, создана разветвлённая государственная инфраструктура для репатриантов (оралманов, ныне — «кандасов») [13]. Ключевым институтом здесь выступают центры адаптации и интеграции оралманов, где репатрианты могут получить правовые консультации, бесплатно выучить государственный язык (и по желанию — русский), а

также пройти профессиональную подготовку, переподготовку или повышение квалификации. Казахстанский подход, при всей его бюрократичности, доказывает эффективность институционализированной модели: репатриант не просто получает гражданство, но и сразу включается в систему адаптационных мер, что минимизирует риск социокультурной изоляции. Опыт Армении, в свою очередь, показывает, что при отсутствии государственной воли определённую роль могут сыграть общественные организации, однако ответственность за решение стратегической проблемы сохранения этноса не может быть делегирована волонтёрским структурам — что лишний раз подчёркивает необходимость принятия в Абхазии долгосрочной государственной программы репатриации, предусмотренной действующим законом, но до сих пор не реализованной.

Итак, если репатриация приводит к тому, что в принимающем государстве образуется группа людей, имеющих гражданство, но не интегрированных в общество, возникает вопрос о том, где и как проводятся смысловые границы национального государства как сообщества с коллективной идентичностью.

Существуют и ряд других вопросов усовершенствования законодательной базы, получения абхазского паспорта, трудоустройства и т.д. К этому всему нужен системный подход. Да, процесс репатриации очень сложен. К нему надо готовить не только диаспору, но и население принимающей страны. Требуется много времени и терпения. Но в нашем случае, время работает против нас, чем больше времени проходит, тем больше сомнении в вопросе перспективы сохранения абхазского этноса. Необходимо работать настойчиво, обдуманно и обоснованно.

Мы строим новое, независимое, правовое, демократическое государство. Будущее нашей страны, нашего этноса зависит от положительного решение проблемы репатриации. Да, именно возвращение на родину потомков депортант позволит нашему народу, сохранив свою культурную идентичность, прожить еще не мало лет. В условиях нынешней Абхазии, когда, к сожалению, смертность превышает рождаемость, и где родной язык становится «не модным» абхазский народ стоит у пропасти исчезновения. Именно поэтому, возвращение репатриантов должно быть приоритетным путем в решение двух, самых главных, ключевых проблем государственного масштаба – демографии и языка.

Не стоит забывать об ассимиляционных процессах в странах, где проживает наша диаспора. Противостоять этому глобальному процессу очень сложно, но откладывать решение этой проблемы категорический нельзя!

Список источников и литературы:

1. Абхазия-документы и материалы. Сухум-2009. Стр. 340
2. Т.А. Ачугба Абхазия: депортация абхазов (XIX век). Сухум. АбИГИ. 2018. 352 с.

3. Т.А. Ачугба Некоторые военно-политические аспекты депортации абхазов в XIX веке. [Электронный ресурс] http://apsnyteka.org/927-achugba_t_izbrannye_stati.html#4 (дата обращения: 16.03.2026г.)
4. Б.Е. Сағариа. Македониатәи аԥ суаа. Аҟуа – 1996.
5. Г.А. Дзидзария. Махаджирство и проблема истории Абхазии XIX столетия. – 2-е изд., допол. – Сухуми: изд. “Алашара”, 1982 – 530 с.,
6. Документы по истории Абхазии XIX - начало XX века. Тбилиси 2018. Ф.545, оп. 1, д. 3207, лл.35; 70-91 Рукопись.
7. Д.Д. Инджгия Вопрос репатриации абхазской диаспоры в первые десятилетия XXв. – Сухум, 2021. – 84.
8. Ю.Г. Аргун. Из истории и этнографии абхазской диаспоры. – Сухум. 2013. – 156 с.
9. https://jam-news.net/ru/post-author/аста-ардзинба-сухум/
10. Конституционный закон Республики Абхазия. О Репатриантах.(8 ноября 2005 г. № 1167-с-XIV Том 25).[Электронный ресурс] https://docs.yandex.ru/docs/view?tm (дата обращения 25.04.2026г.)
11. А.Э. Джапуа. Проблема репатриации: по результатом социологического опроса г. Сухум. // Наука и общество-2022. М.2022.
12. С.З. Лакоба. Очерки политической истории Абхазии. Сухум, 1990 г.
13. Курганская В. Д., Шаукенова З. К., Дунаев В. Ю., Абрахматова Г. А. Репатрианты в Казахстане: анализ проблем интеграции в социологическом измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 67—90. https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2576

Имамвердиева К.Н. кызы
доктор философии по истории
Институт Археологии и Антропологии НАН Азербайджана
г. Баку Республика Азербайджан
k.imamverdiyeva@gmail.com

От духовной практики к политической борьбе: политизация суфизма на Кавказе в условиях колониальной политики Российской империи в Азербайджане в начале XIX века

Аннотация: В статье анализируется процесс превращения суфизма в конце XVIII–начале XIX века на Кавказе из религиозно-мистического учения в идеологическую основу национально-освободительного движения.

Особое внимание уделяется роли суфийских братств, прежде всего

тариката Накшбандийа, в формировании общественного сопротивления и консолидации мусульманского населения региона. Показано, что первоначально суфизм, ориентированный на духовное самосовершенствование, аскетизм и отрешение от мирской суеты, постепенно адаптировался к новым историческим реалиям, в результате чего его идеи приобрели ярко выраженное социально-политическое содержание.

В статье раскрывается значение деятельности религиозных лидеров, в частности Шейха Исмаила Сираджаддина Ширвани, сыгравшего важную роль в распространении накшбандийской традиции и формировании идеологии мюридизма.

В работе также подчеркивается объединяющая функция ислама и суфизма в преодолении конфессиональных различий между суннитами и шиитами, что стало важным фактором в организации сопротивления.

Ключевые слова: суфизм, суфийские братства, народно-освободительное движение, мюридизм.

В конце XVIII–начале XIX вв. в учении суфийских братств наблюдаются изменения, которые оказали большое влияние на всю последующую историю суфизма. Постепенно в рамках суфизма прослеживаются политические устремления, происходит политизация суфийских идей. Суфизм продолжает играть важную роль не только в религиозной, но и в политической жизни мусульманских государств.

Несмотря на то, что первоначально политика была чужда религиозному духу братств, тем не менее, некоторые суфийские организации постепенно оказали огромное политическое влияние на мусульманское общество. Гибкость суфизма и «открытость» посторонним влияниям сделали его крайне неоднородным течением.

Будучи изначально проповедью смирения и ухода от мирской суеты, суфизм как религиозно-философское учение на протяжении своей истории не раз становился идеологией народных выступлений.

Как отмечал И.П.Петрушевский, «идеи суфийской мистики отходили на задний план и заслонялись социальной проповедью в суфийской форме» [4, с.341–342].

Одним из суфийских братств, сыгравших значительную роль в народно-освободительном движении на территории Кавказа в XIX веке, было братство Накшбандийа. Братство получило своё наименование в XIV веке от имени Шейха Бахааддина Мухаммеда Накшбанда, известного представителя среднеазиатского суфизма. Традиция братства «Накшбандийа» не считает его основателем тарики: он пятый или седьмой в цепи духовной родословной (силсиле) братства [8, с.435; 3, с.44].

Духовным основателем братства считается знаменитый «святой» Абу Йусуф ал-Хамадани (ум. в 1140 г. в Мерве). Учение братства Накшбандийа восходит к духовной традиции школы хваджаган. От них цепь духовной преемственности (силсила) восходит через два века к деятелю, давшему название братству Накшбандийа — Мухаммеду Бахааддину Накшбанду.

Братство Накшбандийа из Турции проникло на Кавказ. Широкое его распространение в Азербайджане было связано с личностью Шейха Исмаила Сираджаддина Ширвани. Однако есть сведения о деятельности последователей братства на территории Азербайджана ещё с XV века. Одним из первых представителей братства здесь был халифа известного накшбандийского Шейха — Мухаммед Парса — Нейматуллах Нахичевани (ум. в 1515 г.). Другим халифом Хаджи Мухаммеда Парса был Хаджи Наджмеддин Беркбаф, который жил в Тебризе и скончался в 1506 году. Но, начиная с XVI века, в Азербайджане идеи суфизма постепенно ослабели под давлением правительства Сефевидской империи, которое выражало нетерпимое отношение к некоторым тарикатам и их представителям. Деятельности многих суфийских братств, особенно суннитских, таких как Накшбандийа и Халватийа, был положен конец [10, с.121].

В конце XVIII–начале XIX вв. на территории Азербайджана вновь отчётливо проявляются суфийские влияния. Активизация деятельности братства Накшбандийа была обусловлена изменениями общественно-политической ситуации в регионе.

На рубеже XVIII–XIX веков внутреннее и международное положение Азербайджана было крайне сложным. С одной стороны, территория была раздроблена на мелкие феодальные владения — ханства, а классовые противоречия между феодалами и крестьянами усиливались. С другой стороны, регион находился под давлением внешних держав — России, Каджарского Ирана и Турции, что ещё больше осложняло обстановку. Заключение Гюлистанского (1813 г.) и Туркменчайского (1828 г.) договоров закрепило Северный Азербайджан за Россией, после чего в обществе нарастали социальные напряжения, что в последующем привело к массовым выступлениям населения в 30-х годах XIX века.

Отношение властей к мусульманскому населению Азербайджана было крайне суровым. Дополнительно ситуацию осложняло переселение армян, немцев и русских на богатые земли региона, что приводило к усилению социального напряжения и опасениям за культурную и религиозную самобытность населения.

Но поскольку полное заселение азербайджанских земель христианами было делом крайне затруднительным, то предпринимались усилия по созданию лояльной империи и находящегося под ее контролем духовенства, так как они оказывали огромное влияние на народные массы. Царское правительство пыталось привлечь мусульманское духовенство на свою сторону, ибо оно было основным рычагом, с помощью которого власть могла держать народ в повиновении.

Все это свидетельствовало об огромной роли мусульманского духовенства в общественно-политической жизни страны, ибо мусульманское духовенство всегда выступало связующим звеном между властью и народом и легко могло устранить возникающие между ними противоречия.

Порой царское правительство стремилось использовать внутренние

религиозные различия в регионе, создавая напряжение между суннитами и шиитами. В этот период ислам становится мощным объединительным и мобилизующим фактором в борьбе против завоевателей. Особую значимость здесь приобретет суфизм в его политической форме в качестве идеологической базы.

Учение братства Накшбандийа сыграло значительную роль в народном движении на Кавказе в первой половине XIX века. Широкое распространение этого братства в Азербайджане было связано с деятельностью Шейха Исмаила Сираджаддина Ширвани, чья активность пришлась на период серьёзных социальных и политических изменений в регионе. Шейх Исмаил в 1817 г., удостоившись духовной инициации в Багдаде у Маулана Халида Багдади, вернулся в Кюрдамир (Ширванский округ). В это время Кюрдамир принадлежал жене Шемахинского хана Мустафы – Фатме Беим, которая являлась дочерью Шекинского хана Гусейна. Как известно, после захвата Шемахинского ханства со стороны царской России, Шейх Исмаил как видный религиозный деятель стал подвергаться давлению со стороны властей. Только, благодаря своему авторитету и просьбе Фатмы Беим у князя Мадатова, Шейх Исмаил избежал ссылки. Однако это вовсе не означает, что Шейх Исмаил поддерживал тесные отношения с ханом и его семьей [7, с.38]. Ведь накшбандийские шейхи избегали всяких контактов с властями. Исмаил Ширвани, добившись разрешения у Шейха Халида, стал пожалуй, первым Шейхом, который распространял учение братства Накшбандийа в Ширване. Вот как о нём отзывается известный немецкий путешественник К.Кох: «Мюршидом испытанной славы был Гаджи-Исмаил-Эфенди, ученик широко почитаемого религиозного учителя из Багдада по имени Халид-Шах» [5, с.164].

Шейх Исмаил был ревностным и способным учеником Халид шаха, так как последний, рукоположив Исмаила Эфенди в шейхи для проповедования тариката в Ширване, назначает его своим преемником, кутбом накшбандийским с титулом сирадж-эддина (свет религии) [5, с.164].

Таким образом, Ширван превратился во всемусульманский центр тариката. Хотя учение братства Накшбандийа было распространено в Ширване задолго до Шейха Исмаила, но огромное влияние тарикат начал играть в религиозно-духовной, а вскоре и в политической жизни Кавказа уже со II половины XVIII–начале XIX веков. К Шейху Исмаилу стали стекаться последователи из соседних сел — из Зардаба, Илису, Дагестана. Среди его последователей были: Хаджи Махмуд Баба из Кюрдамира, Хаджи Ахмед Эфенди из села Кюлили, Хаджи Мамед Наби Эфенди из села Джайли, Молла Ахмед из села Зардаб (Гарасубасарский магал) [7, с.41].

Шейх Исмаил Сираджаддин Ширвани заложил основу мюридизма — идеологии народно-освободительного движения на Кавказе. Социально-политическая обстановка на Кавказе привели к изменению целей суфийской идеологии, возникновению мюридизма.

Мюридизм по своему содержанию представляет собой в целом не

религиозное, а политическое движение. Эта идеология основана на 3-х началах: джигат (джихад) — война за веру, тарикат — путь к истинному Богу и дават — приглашение людей к восстанию против ненавистной власти и защите законных или религиозных прав [1, с.188].

Как отмечает Н.И.Покровский, «трансформация тариката в мюридизм, превращение его в идеологию мощного антиколониального движения было связано, в первую очередь, с давлением колониальной экспансии царизма на Кавказ, сопровождающейся жестокостями» [5, с.76].

Разумеется, такой авторитетный человек, как Шейх Исмаил, не мог оставаться в стороне от политических событий. Он оказал огромное влияние на распространение мюридизма в Дагестане и Чечне. Одним из последователей Шейха Исмаила из Дагестана был известный учёный Молла Мухаммед Ярагский и его ученик Хас Мухаммед.

Хасан ал-Кадари отмечает, что долгое время обучавшийся у Мухаммеда Ярагского в Дагестане Хас Мухаммед возвращается в Ширван, где становится мюридом Шейха Исмаила. Добившись духовной инициации у своего мюршида, Хас Мухаммед покидает Ширван и отправляется в Кюринское ханство, селение Яраг. Ещё будучи в Ширване, Хас Мухаммед рассказал Шейху Исмаилу о своём учителе Молле Мухаммеде Ярагском. Шейх Исмаил советовал Хас Мухаммеду и другим своим мюридам продолжить обучение у него [3, с.35]. Известно, что в 1823 г. Мухаммед Ярагский вместе с другими учёными отправился в Кюрдамир, к Шейху Исмаилу, который научил аль-Яраги и его товарищей зикру, открыл им божественные достижения, все стоянки (макамы) и состояния (хал) и, достигнув высшей ступени, разрешил ему распространять тарикат в Дагестане, инициировать в него новых мюридов.

Таким образом, Шейх Исмаил назначил Моллу Мухаммеда Ярагского главой мюридов (наставников) — последователей нового толкования во всем Дагестане. Недаром царские историографы считают Хас Мухаммеда и Шейха Исмаила Ширвани виновниками всех смут. Политические события, происходящие на Кавказе в начале XIX в., не могли не отразиться на его религиозной жизни. Объединение народов Кавказа вокруг религиозных идей делало их более организованными и решительными в сопротивлении. На Кавказе было немало образованных людей, которые понимали силу сплочения. К их числу следует отнести и Мухаммеда Ярагского. Он начал распространять учение тариката в Кюринском ханстве.

Мухаммед Ярагский имел значительное влияние на религиозных лидеров Дагестана, в том числе на Джамалуддина Казикумухского, который, однако, не разделял его взглядов на газават и придерживался более умеренной позиции. Вместе с тем именно среди учеников Ярагского был будущий первый имам Кавказа — Гази-Мухаммед, выдвинувший идею объединения горцев на основе шариата для борьбы против царской власти. Как писал Орбелиани со слов самого Шамиля, Джемаледдин одобрил распространение Гази-Мухаммедом шариата, «но строго запретил ему вступать в борьбу с

русскими» [6, с.65].

В 1825 г. Главнокомандующий русскими войсками на Кавказе Ермолов потребовал у Аслан хана Казикумухского арестовать Моллу Мухаммеда, который скрылся в верхнем вольном Табаристане. В связи с началом русско-персидской войны 1826 г. и отъездом Ермолова Молла Мухаммед стал жить в Яраге [3, с.35]. Царские чиновники, узнав о проживании мюршида Шейха Исмаила Сираджаддина в Ширване, начали подвергать аресту его мюридов. Из них Хаджи Мухаммед Наби Эфенди из села Джейли (Болукатский магал) и Молла Ахмед из села Зардаб (Гарасубасарский магал) были сосланы. Как было отмечено выше, Шейх Исмаил избежал ссылки благодаря покровительству жены Мустафа хана — Фатмы Беим [7, с.45–46]. После завоевания русскими Азербайджана Шейх Исмаил перебрался в Ахиска (Ахалцик), где собрал вокруг себя огромное количество последователей. Но, спустя некоторое время, в 1828 г., он под давлением царской власти вынужден был покинуть Азербайджан и переселиться в Амасию (Турцию). Спустя четыре года переехал в Сивас, где прожил девять лет. Там к нему примкнул Мир Хамза Сейид Нигари, который был родом из села Чичимли Баргушатского магала (Карабахская провинция), а, впоследствии стал его халифом. В 1841 г. Исмаил Ширвани возвратился в Амасию, где провел последние годы своей жизни. Он умер в 1847 г. от холеры [7, с.45–46; 9, с.349]. Известно, что в 1869 г. его сын Мехмет Рушду Паша построил над его могилой мавзолей и мечеть. Несмотря на массовое вытеснение последователей братства Накшбандийа с Кавказа, тем не менее, братство продолжало проявлять активность в политических событиях начала XIX века.

В условиях обострения русско-иранских отношений и ухудшения угнетенного положения кавказских мусульман деятельность мусульманского духовенства и их проповеди вызывали у русского правительства особую озабоченность. Уже в 1826 г. последователь братства Накшбандийа, в частности, Гази Мухаммед, выступил с активной проповедью газавата. Именно ему принадлежала идея об изменении содержания проповеди тариката. Так, Гази Мухаммед однажды сказал: «Что бы там ни говорили Курали Магома с Джемаладдином о тарикате, на какой бы манер мы с тобой ни молились и каких бы чудес ни делали, а с одним тарикатом мы не спасемся; без газавата не быть нам в царствии небесном…» [5, с.188].

Таким образом, основа суфийского учения - путь духовного совершенства, отказа от всего земного, ведение созерцательной жизни - сохранялись теперь лишь во внешней форме тариката, в то время как политические мотивы все чаще становились основным содержание тариката.

Как правильно отметил А.Д.Кныш, «если у различных суфийских движений XIII/XIX в. и была какая-то общая черта, так это то, что им приходилось приспосабливаться к быстро меняющейся социально-политической обстановке, которая характеризовалась в то время активным вмешательством в их жизнь европейских держав» [2, с.348].

Братство Накшбандийа, которое заложило основу мюридизма –

идеологию народно-освободительного движения на Кавказе — было широко распространено в северо-западных районах Азербайджана и, разумеется, было связано с ростом интересов царской России в регионе.

Учитывая геополитическое положение Южного Кавказа, царская власть пыталась прочно утвердиться в северо-западных районах Азербайджана. Захват Джаро-Белокан позволил царской России дальнейшее продвижение вглубь Азербайджана. Покорение же Южного Кавказа создавало благоприятные условия для взятия в блокаду территории горцев с севера и с юга. Таким образом, удалось бы завоевать с севера и с юга горцев непокорного Дагестана и прочно утвердиться на всём Кавказе.

Для этого царское правительство по-прежнему пыталось использовать религиозную разобщённость, создать конфликтную ситуацию среди суннитов и шиитов. Чтобы воспрепятствовать этому, представители братства Накшбандийа, создав ветвь «Алавийа», сумели объединить суннитов и шиитов в борьбе против российской экспансии. Это, в свою очередь, воспрепятствовало планам царского правительства, которое, используя религиозную разобщенность, пыталось натравить мусульманское население (суннитов и шиитов) друг против друга.

На основе эпиграфических надписей, расшифрованных М.С.Нейматовой, было выявлено, что на территории Азербайджана действовали последователи течения Алавийа – братства Накшбандийа. Так, прослеживаются места поклонения в Огузском, Евлахском, Шекинском, Гахском, Закатальском, Белоканском районах.

Таким образом, в условиях сложной социально-политической обстановки исламская религия выступила идеологической силой в лице суфизма, в его политической форме объединила многих выдающихся религиозных деятелей в борьбе против царизма.

Наша статья выявляет основные причины трансформации суфизма из учения аскетизма и нравственного очищения в идеологию народно-освободительного движения на Кавказе. На рубеже XVIII–начала XIX веков, в условиях значительных социальных и политических изменений в регионе, суфизм приобрел характер мощной политической силы.

Список источников и литературы

1. Казем-бек М.А. Мюридизм и Шамиль // Русское слово. – 1859. – № 12. – С. 182–242.
2. Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. – Москва; Санкт-Петербург: Диля, 2004. – 464 с.
3. Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. 2: Арабо-персо-тюркоязычные надписи Шеки-Закатальской зоны (XIV – начала XX века). – Баку: XXI-Yeni Nəşrlər Evi, 2001. – 368 с.
4. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1966. – 400 с.

5. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – Москва: РОССПЭН, 2000. – 511 с.
6. Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. – Алма-Ата: Наука, 1975. – 178 с.

Кидирниязов Д.С.,
г.н.с., доктор исторических наук,
профессор Института ИАЭ ДФИЦ РАН,
г. Махачкала, Россия

Ногайцы Северного Кавказа и Крыма в политике России и Турции в XVI в.

Аннотация: в статье, на основе документального материала и литературы, показана роль ногайцев в политике Российского государства и Османской Порты в XVI столетии.

Ключевые слова: Россия, Турция, Кавказ, Крым, ногайцы, политика, дипломатия, народы, военные действия.

Для народов Северного Кавказа XVI в. был наиболее сложным: они вели борьбу с новыми противниками – крымским ханом и османским султаном.

В течение всего XVI в. шли беспрерывные войны между султанской Турцией и шахским Ираном, в ходе которых Кавказ играл большую роль, так как его территория имела важное стратегическое значение для обоих государств. Несмотря на все попытки османов подчинить народы Северного Кавказа своему влиянию, местное население упорно отстаивало свою независимость и оказывало сопротивление агрессии Порты и Крыма [4, с. 20].

Проникновение османской Порты на Кавказ с каждым годом усиливалось. Обладание Северным Кавказом давало султанской Турции огромные преимущества перед шахской Персией, да и поставило бы Россию в крайне невыгодное положение. Укрепившись здесь, турки могли бы спокойно взаимодействовать с Астраханским и Казанским ханствами, а также влиять на ногайцев, живших в Заволжье и Нижнем Поволжье.

В походе 1519 г. турок и крымцев на Северный Кавказ «только треть людей вышла», остальные были уничтожены [11, с. 123].

Особенно мощное наступление крымцев и турок на Северный Кавказ наблюдается в конце 30–40-х гг. XVI в., и связано было с успехом шахского Ирана в Южный Кавказ, где в 1538 г. персы захватили Ширван и вплотную приблизились к территории Северного Кавказа [13, с. 103]. Здесь необходимо указать, что активизация походов крымцев и турок на Северный Кавказ была призвана противопоставить успехам Персии расширение влияния Крыма и Порты в этом регионе.

Наиболее крупные опустошительные походы на Северный Кавказ были совершены весной 1539 г. и дважды в 1545 г. [13, с. 107].

В 1555 и 1557 гг. в Москве побывали два кабардинских посольства, которые продемонстрировали решение основной части адыгов ориентироваться на Россию [9, с. 202–206, 231–233]. Можно предположить, что адыгским посольствам предшествовали какие-либо первоначальные переговоры. Вполне возможно, что до этого контакты адыгов с Россией были установлены через пророссийски настроенных ногайских правителей Исмаила, Дин-Ахмеда [13, с. 112], которые были в родственных отношениях с Темрюком Идаровым, старшим князем Кабарды.

Взаимоотношения ногайцев с адыгами (кабардинцами, черкесами, адыгейцами) прослеживаются начиная с конца XV в., когда они неоднократно наносили совместные удары по Золотой Орде, окончательно подорвавшие позиции последней в Предкавказье.

В XVI в. контакты адыгов с ногайцами становятся более частыми. Так, влиятельный кабардинский князь Темрюк Идарович, который придерживался пророссийской ориентации, выдал свою среднюю дочь Малхуруб за сына правителя Ногайской Орды Исмаила (так же придерживавшегося пророссийской ориентации) – Дин-Ахмеда [17, с. 44].

Как известно, в середине XVI в. Ногайская Орда вследствие внутренних и внешних причин разделилась на Большие Ногаи и Малые Ногаи. Казы-мурза, сын Урака, внучатый племянник князя Исмаила, был самым активным и опасным противником потомков последнего. Казы-мурза основал свой Казыев улус или Малые Ногаи. Он обосновался со своим владением между Кабардой и Приазовьем в номинальном подданстве османской Порты. Кроме того, он наладил активные отношения с крымским правителем Девлет-Гиреем [5, 483].

Кроме того, правитель Малого Ногая бий Казы сблизился также с черкесскими племенами, в поддержке которых он нуждался. Он породнился с адыгами, женившись на «черкесской княгине» [5, с. 484]. Женой князя Казы Уракова стала дочь кабардинского владетеля Пшеапшоко Кайтукина [9, с. 236].

Следует отметить, что ногайские мурзы в период междоусобных войн искали поддержки у кабардинских владетелей и укрепляли свои связи путем брачных союзов. Так, ногайцы, придерживавшиеся пророссийской ориентации, роднились с кабардинской феодальной знатью, ориентировавшейся на Москву. Например, как выше указывалось, правитель Больших Ногаев Дин-Ахмед, сын князя Исмаила, был женат на дочери Темрюка Идарова, пророссийски

настроенного. Дин-Ахмед был свояком Ивана IV, в 1561 г. женившегося на младшей дочери Темрюка – Гошаней. Казы, правитель Малых Ногаев, берет в жены дочь кабардинского князя, стоявшего на прокрымских позициях.

Во второй половине XVI в. как в Малых Ногаях, так и в Кабарде происходили частые междоусобные войны. И ногайские, и кабардинские владетели вмешивались в эти феодальные столкновения, выступая на стороне своих родственников. В одном архивном документе указывается, что «Крымский царь, да Казы-мурза, да некоторые черкасы, которые Казыевой жене племя, и они три их соединилися» [17, с. 266 - 267].

Незадолго до своей смерти ногайский князь Исмаил договорился с Темрюком о совместных действиях против князя Казы, так как последний поддерживал своего шурина, кабардинского князя Шогенука Кайтукина, противника Темрюка Идарова [6, с. 385]. Князь Исмаил писал в Москву: «Крымский царь да Казый-мурза, да некоторые черкасы… тебе и мне ратные недруги. А и яз сего году… с Темрюком гораздо еслея договорилися, что нам обеима за один быте не на другов… Только бы ты прислал людей Казыя воевати» [17, с. 266 – 267]. Об этом же князь Дин-Ахмед сообщал Ивану IV в своем письме от 22 декабря 1563 г.: «Отец мой князь с Темрюком князем договорилися были, на вселе. Хотели оттоле Темрюк князь, и отселе отец мой князь, хотели Казыя воевати. И мы, даст бог, на весне, как от тебя к нам весть будет, с Темрюком князем соединимся. А от тебя дать будет, и мы Казия учнем воевати» [17, с. 47].

Однако этот поход не состоялся в связи со смертью Исмаила в конце 1563 г. Правитель Малых Ногаев князь Казы и после смерти Исмаила продолжал воевать с наследниками последнего. Большую помощь в этой борьбе ему оказывали владетели рода Кайтукиных и другие кабардинские феодалы, придерживавшиеся прокрымской ориентации. Весной 1577 г. во время очередного своего похода в Кабарду князь Казы Ураков погиб [14, с. 15 - 16].

Необходимо отметить и то, что часто и владетели Больших Ногаев меняли свои политические ориентиры и участвовали в походах на владения как князей Казыевой и Шолоховой Кабарды, так и Малых Ногаев [6, с. 79 - 89].

Между тем выход России к Тереку имел определенные положительные последствия: усилилось втягивание северокавказских народов в орбиту большой политики великих держав, Россия связывала агрессию Порты и Крыма в крае.

Выход России к пределам Северного Кавказа, строительство крепости Терки, намерение построить крепость также в Дагестане, установление протектората над частью Кабарды, разумеется, вызвало беспокойство османского султана и крымского хана. Еще в 1563 г. астраханские и казанские татары, ногайцы и черкесы взывали к турецкому султану как к покровителю всех мусульман [7, с. 143 - 144].

Настроение владетелей Северного Кавказа изменилось. Убедившись в бессилии турецкого султана, они, видимо, к тому же поощряемые Бахчисараем и Москвой, обрушились на турок. Во время отступления из Астрахани турецкого войска местные жители совершали частые нападения на них [12, с. 30]. Остатки войска только спустя месяц после отступления достигли Азова [21, с. 157].

Неудача турецкого нашествия, а также отказ Порты от аннексионистских требований, однако, не улучшили политическое положение России на юге. Дело в том, что основная заслуга в поражении турок принадлежала не российским военным силам, а северокавказцам и крымцам. Крымский хан указывал об этом Ивану IV: «Я погубил султанское войско по той причине, что не желал видеть турков властелинами древних улусов татарских» [7, с. 148].

После астраханского похода 1569 г. Бахчисарай развернул активную военно-политическую деятельность на Северном Кавказе и южных рубежах России. Так, в 1570 г. во время похода крымского хана на кабардинцев два сына Темрюка были взяты в плен, а сам Темрюк получил тяжелое ранение [6, с. 22 - 23], от которого вскоре скончался. В 1571 г. третий сын Темрюка – Михаил, находившийся на российской службе в Москве, был посажен на кол по обвинению в отравлении жены Ивана IV – Марии [2, с. LXXVIII.]. Таким образом связи России с Кабардой фактически прервались [9, с. 254].

Зимой 1571 г. в связи с подготовкой крымского хана к походу на российские земли, Ливонской войной, угрозами Порты и частыми нападениями крымского хана боярская Дума одобрила решение Ивана Грозного о сносе г. Терки и открытии свободного пути для народов Кавказа и Центральной Азии через Астрахань. Причина, заставившая российское правительство пойти на такие уступки, заключалась в том, что Ливонская война требовала все большего напряжения сил [9, с. 254].

Необходимо отметить, что ногайцы, кабардинцы и черкесы так же, как и другие народы Северного Кавказа, помогали русским в борьбе с врагами. Особенно отличились ногайские, кабардинские, черкесские отряды в Ливонской войне 1558–1583 гг. под Мильтеном, Дерптом, Ругодивом, Пярновым и в других местах. Проявляя доблесть и героизм, они всегда находились «в передовом полку». Они даже с тяжелыми

ранами продолжали сражаться, оставаясь в седле. Во время затруднений с продовольствием они делились с русскими военными последними остатками из своих припасов. За отвагу и героизм многие из них получили от российского правительства похвальные грамоты и ценные подарки [17, с. 471].

Однако решение российских властей оказалось запоздалым. Дело в том, что весной 1571 г. 120-тысячное войско крымского хана Девлет-Гирея прорвало слабо укрепленный пограничный район и 24 мая дотла сожгло Москву [11, с. 168]. В результате пожара погибло более 800 тыс. человек [26, с. 76]. В Крым было угнано более 100 тыс. пленных [7, с. 208].

Разумеется, в условиях тяжелого внешнеполитического и внутриполитического кризиса в стране, Москве было не до кавказских и крымских дел.

Затягивание Москвой выполнения условий договора в 1572 г. вызвало новый поход крымского хана, в котором участвовали и султанские янычары [7, с. 208]. Крымский хан Девлет-Гирей преследовал цель «до конца опустошите землю оную (Россию – Д.К.) и самого того князя великого выгнати из царства его…».

Иван Грозный в испуге обратился в отступление, отойдя «аж в Новгород Великий» [8, с. 126 - 127].

Однако выдающийся русский полководец М. Воротынский одержал в битве при Молодях победу над Девлет-Гиреем. В битве при Молодях была решена судьба Российского государства, вопрос о его существовании [20, с. 191].

Поражение крымского хана не остановило частых набегов крымцев на Россию. Следует отметить, что вместе с крымскими татарами активное участие в набегах принимали и ногайцы.

В 70-х гг. XVI в. некоторые владетели Северного Кавказа совершали набеги на русские земли. Поэтому Москва, перечисляя своих врагов, которые, «все заодни сложась», беспрестанно нападали на Россию, называл: турок, крымских татар, ногайцев, адыгов, кумыков, карачаевцев и др. [22, с. 87, 151, 180]

После 1571 г. и сноса крепости Терки связи России с северокавказскими и крымскими народами временно прервались. До Москвы лишь стороной доходили вести о положении дел в регионе. Так, через русского посланника в Крым И. Мясоедова российское правительство узнало, что «черкасы пятигорские, которые служат крымскому царю, отказались дать ясаки», ссылаясь на разорение от князя Малых Ногаев Казы. Но, когда в 1577 г. Казы был убит в походе на Кабарду, «царь о Казые добро кручинился; только де на Казые

царского имени не было, а камена был стена крымскому юрту и Азову». Между 1577 и 1578 гг. пришло сообщение о столкновениях между Большими Ногаями и отрядами шамхала и тюменского владетеля [9, с. 257].

В 1588 г. боярин Михаил Бурцев и Келарь Протасьев, направленные на Северный Кавказ, выбрали удобное место в устье Терека, вблизи протоки Тюменки, и поставили крепость-город Терки [10, с. 396]. Ее местоположение давало возможность сноситься с нею из Астрахани водным путем. Строилась крепость в течение 1588–1589 гг. Ф.А. Котов, московский купец, который посетил в 1623 г. Терский город, отмечал: «А Терек город деревянный, небольшой, но хороший, стоит на реке Тюменке, на низком месте… в пяти верстах от моря» [15, с. 192 - 193].

В первые годы после основания ее называли также Тюменским городом. Первым воеводой Терского города был князь А.И. Хворостинин [3, с. 32]. Постоянный гарнизон крепости Терки состоял из стрельцов, городовых казаков и выходцев из местных народов, селившихся вокруг крепости отдельными слободками. В 90-х гг. XVI в. вокруг этой крепости возникли четыре поселения: Черкасская, Окоцкая, Новокрещенная (из крещенных горцев) и Татарская слободы (из ногайцев, кумыков, татар) [6, с. 402].

Во второй половине 80-х гг. XVI в. Москва в оценке политического положения на Кавказе демонстрировала различные точки зрения для правителей Запада и Востока. Так, в грамоте за 1587 г. Федора Ивановича к австрийскому императору Рудольфу указывалось: «А многие государства: Юргенский царь и Хивинский царевич, и Шевкальской князь, и Иверская Земля, Царь Александр Грузинской и Тюменское Государство, и Окотцкая земля и Горские Князи, и Черкасская земля, Кабардинские и Абазинские и Ногайские орды за Волгою и меж Волги великие к Дону, те все земли приложились к нашему государству к Астороханскому…» [16, с. 991 – 992].

Между тем политическая ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе к концу 80-х гг. XVI в., благоприятствовала России. Ей без особых потерь удалось выйти из затяжной Ливонской войны. А ее соперники на Кавказе Персия и Порта увязли в длительной войне, обескровившей военные ресурсы обоих государств. Шахский Иран, добиваясь вступления России в войну с султанской Турцией, согласился уступить в пользу России Дербент и Баку [1, с. 43]. Кроме того, междоусобная борьба крымского хана Ислам-Гирея с царевичами (бежавшими на Северный Кавказ и Астрахань, о которых говорилось выше), не давала крымским татарам и ногайцам совершать частые

набеги на русские земли и Северный Кавказ [23, с. 83]. Российское правительство поддерживало притязания крымских царевичей на трон, мечтая посадить в Крыму дружественного ему хана [25, с. 252].

Новый крымский хан Казы-Гирей, пришедший к власти в 1588 г., вынужденно поддерживал дружеские отношения с Россией, так как был связан военными действиями против Литвы [23, с. 444].

В 1593 г. требования Порты о выводе русских сил с Северного Кавказа стали подкрепляться действиями. Крымский царевич Мубарек-Гирей (живший во время правления Казы-Гирея в Черкесии) [23, с. 444] представил султану план, «чтоб ему турской дал людей и наряду, а он шед возмет Терской город и черкас всех приведет под турскую руку». Просьба крымского царевича была подкреплена также обращениями ряда кабардинских владетелей прислать османские войска и «оберегати» их от Москвы.

Османский султан отдал приказ о походе на Северный Кавказ, в Керчь было переброшено 18 пушек и войска начали готовиться к походу. Весной 1593 г. в Москве получили грамоту из Стамбула, в которой султан требовал снести русские укрепления на Тереке и Сунже (Сунженский острог был восстановлен в 1589–1590 гг.) на «Суншинском городище», на месте укреплений 1567 и 1578 гг. [2, с. 77, 119, 123], в случае отказа он угрожал посылкой крупного крымского войска на Россию [6, с. 68 - 69]. Но вскоре началась австро-турецкая война за обладание Венгрией, умер крымский царевич Мубарек-Гирей (осень 1593 г.), пытавшийся организовать поход на Терек. Все военные силы османов, в том числе и Крыма, были отвлечены на военные действия в Европе.

Спор между Россией и Портой закончился компромиссом. На польском съезде в Ливнах в ответ на требование Крыма, чтобы Россия очистила дорогу на Дербент и народам Северного Кавказа, подданным османского султана, «вперед обиды и тесноты чинить не велел» [27, с. 126 – 127], было подтверждено, что «на Терку государь пошлет воеводам крепкий наказ, чтоб турецким людям тесноты и помешки нигде не делали» [25, с. 267].

Турецкий посланник в Москве получил заверение, что «государь через Кабардинскую землю турецким людям, которые станут ходить в Дербент и Шемаху, дорогу отворяет» [25, с. 268]. Кроме того, в грамоте к османскому султану Мураду, полученной в Стамбуле в 1594 г., указывалось, что султанские люди будут пропускаться беспрепятственно русской администрацией на Тереке [6, с. 71].

Весной 1591 г. из Москвы были направлены воеводы князь Г.О. Засекин и князь П.М. Шаховский с войском на тарковского

шамхала. Кроме того, кабардинскому владетелю Мамстрюку Темрюковичу была послана царская грамота с предложением принять «с братьями и племянниками» участие в этом походе. Во время боев шамхал потерпел поражение и русские войска взяли и сожгли с. Эндирей [2, с. 193, 237, 242, 245, 251].

Тарки были взяты, но закрепиться здесь русским не удалось, так как им не подошла помощь от грузинского царя Александра и крым-шамхала. Кроме того, тарковский шамхал привлек на свою сторону часть кабардинцев и поэтому русские войска, разорив Тарки, вынуждены были, понеся большие потери, вернуться в Терскую крепость [11, с. 169 - 171].

Окончательное утверждение российских укреплений на Тереке в 80–90-х гг. XVI в. сделало воздействие Россией здесь постоянным фактором жизни на юге страны.

Список источников и литературы:

1. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988.
2. Белокуров С. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., Вып. 1. 1578-1613 гг. 1889.
3. Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека: Досоветский период. Махачкала: Дагкнигиздат, 1986.
4. Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Эльбрус, 1982.
5. Жирмунский В.М. Тюрский героический эпос. Л., 1974.
6. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Док. и мат. – В 2-х т. Т. 1. М.: Изд-во АНСССР. 1957.
7. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12-ти т-х. – СПб., 1817. Кн. 3. Т. 9.
8. Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913.
9. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI - 30-е годы XVII в.). М., 1963.
10. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. ред. А. Я. Дегтярев. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
11. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – начале XX в. Грозный, 2017.
12. Масса И. Краткое известие о Московии вначале XVII в. М., Соцэкгиз, 1937.
13. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990.
14. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов в XV – XVIII вв. Махачкала, 1999.

15. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб, 1851. Т.1.
16. Полное Собрание Русских Летописей. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись / АН СССР, Ин-т истории. – М.: Изд-во Вост. Лит., 1965.
17. Продолжение Древней Российской Вифлиофики. СПб., 1801. Ч.II
18. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. – Л., 1948.
19. Российский Государственный Архив Древних Актов. Ф. 123. Кн. 9.
20. Русская военная сила. Т.1. История развития военного дела от начала Руси до нашего времени. Посвящается военному министру Петру Семеновичу Ванновскому. – М., 1987.
21. Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. №22. 1947.
22. Сборник Русского исторического общества: В 148 т. СПб., 1867-1916. Т. 137.
23. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.
24. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М.: Соцэкгиз, 1958.
25. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – Кн. 4. Т. 7. М.: 1890. С. 252;
26. Флетчер Д. О государстве русском. – СПб.:Тип. А.С. Суворина, 1906. – 165 с.
27. Янчевский Н. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI – XVII вв. – Ростов-н/Д., 1930 – 196 с.

УДК 93/94

Керимов З.М. оглу
доктор философии по истории, доцент
ведущий научный сотрудник отдела
«История Северного Азербайджана XIX – начала XX века»,
Институт Истории и Этнологии им. А.А. Бакиханова,
НАН Азербайджана
г. Баку, Республика Азербайджан
karimov.zafer61@gmail.com
https://orcid/0009-0007-8915-483X

К вопросу о Туркманчайского договора на положении мусульмано-туркского населения Северного Азербайджана

Аннотация. Процесс присоединения Северного Азербайджана Россией начался в начале XIX века и завершился мирным договором «Туркменчай», заключенным между Россией и государством Каджаров в 1828 году. В результате, согласно договору, территории Азербайджана были разделены на две части вдоль реки Араз: северная часть Азербайджана присоединилась к российскому государству, а южная часть перешла под власть Каджарского шаха.

После «Туркменчайского договора» политика царской России в Северном Азербайджане вызвала большое недовольство населения, и царизм прибег к новым жестким методам управления, чтобы подавить это недовольство, и ужесточил законы.

Присоединение Азербайджана к России способствовал определенному росту его экономики. Однако это развитие было односторонним, то есть в основном производилось сырье, что также свидетельствует о колониальном характере экономики страны.
Ключевые слова: Туркменчайский договор, мусульманско-тюркское население, царская Россия, государство Каджаров.

Процесс присоединения Северного Азербайджана Россией начался в начале XIX века и завершился Туркменчайским мирным договором, заключенным между Россией и государством Каджаров в 1828 году. В результате, согласно договору, территории Азербайджана были разделены на две части вдоль реки Араз: северная часть Азербайджана вошла в состав российского государства, а южная часть перешла под власть Каджарского шаха. Хотя старая административная структура была упразднена после присоединения Грузии к России и введения общей административной системы царской империи, ханская администрация в Азербайджане не была полностью упразднена: старая административная структура, законы и правила, даже ханские должности и ранги сохранились в прежнем виде.

В процессе объединения азербайджанских ханств с Россией были сделаны определенные уступки. Однако объединение не прошло так, как в Грузии. Хотя Грузия была объединена с Россией, её старая структура была разрушена и включена в общую административную систему империи, азербайджанские ханства не были полностью упразднены; административная структура, законы и правила ханств, и даже ханские ранги и звания остались прежними.

Ханы, склонявшиеся к России, по-прежнему оставались в своих званиях и рангах. Шекинское ханство, Шамшаддинское и Газахское султанаты находились в этом государстве до 1819 года, Ширванское ханство

до 1820 года, Карабахское ханство до 1822 года, Ленкоранское ханство до 1826 года и Нахчыванское ханство до 1828 года [1, с. 25].

Из местных ханств только Гянджинское ханство было присоединено к Грузии и управлялось как одна из генеральных губерний России. Как только другие ханства становились частью России, там немедленно назначался русский комендант. Комендантыназначались из числа военных. Комендантская система управления существовала с начала века до 1840 года. В период, когда азербайджанские ханства были включены в состав России, местная знать разделилась на две группы в своем отношении к России. Некоторые из них были на стороне иранского шаха, а другие — на стороне русского царя. Царское правительство конфисковало земли беев и ханов, которые были признаны его врагами, и распределило их между теми, кто проявил лояльность к правительству.

Карабахские коменданты, чувствуя себя более свободными, распределяли обрабатываемые земли между беями по своему усмотрению. Беи и аги Борчалы, Шамшаддина и Газаха также были обязаны владеть землей по распоряжению правительства [2, с. 40]. В этот период царское правительство было более чем благосклонно к духовенству. Положение духовенства в это время было лучше, чем в период ханства. Духовенству также выплачивалось жалование правительством, чего они не получали в период ханства [3, с. 251-252]. В Губинской провинции в 1821-1826 годах около половины подданных землевладельцев перешло в руки ахундов и эфенди. Поскольку царское правительство использовало влияние духовенства среди простого народа, оно шло им на уступки и продвигало их как привилегированный класс феодальной эпохи.

Административное деление и налоговая система также оставались такими же, как и в период ханства. Упраздненные ханства возглавляли русские коменданты, сменившие прежних ханов. Комендантыуправляли ханством, которое тогда называлось «провинцией», через окружных губернаторов, назначаемых ими из числа местных беев.

Комендантыназначались тогдашним верховным органом власти Кавказа, «Народным управлением», и непосредственно подчинялись ему. Центром «Народного управления», которое управляло мусульманскими провинциями Шекинского, Ширванского, Карабахского и Талышского ханств, был город Шуша. Бакинская, Губинская, Дербентская и Дагестанская провинции подчинялись военному губернатору. Поскольку верховный правитель Кавказа в основном занимался военными делами, он очень мало вмешивался во внутренние и гражданские дела страны. Поэтому провинциальные коменданты чувствовали себя свободными управлять

страной по своему усмотрению. Комендант раздавал деревни любому бею по своему усмотрению, учреждал шариатские суды из числа духовенства и устанавливал налоги по своему усмотрению.

Царское правительство сохранило все налоги ханского периода в том же году. Такие феодальные налоги препятствовали переходу страны от естественного хозяйства к товарному хозяйству и развитию торговли. После 1821 года некоторые царские колонизаторы пытались развивать торговлю и товарное хозяйство в Азербайджане, но им это не удалось. В этот период в Азербайджане все еще преобладало естественное хозяйство. Решающих изменений в экономической жизни страны еще не произошло. Деревни были разграблены в результате затяжных феодальных войн, города превратились в небольшие деревни, а рынки были очень ограничены. В целом, не произошло никаких фундаментальных изменений в социальной структуре и административной системе, в целом, в законах и правилах. Бывшего иранского сюзерена* сменил русский император, а бывших ханов — царские коменданты. Правящий класс состоял из беев, помещиков и влиятельного высшего духовенства. Крестьяне представляли собой класс каторжников, которые работали, подвергались эксплуатации и угнетались на своей земле.

Основные характерные черты феодально-крепостной системы в России можно было также увидеть в Азербайджане в этот период. Феодально-крепостные отношения преобладали и здесь. Однако, хотя между социальной структурой в России и в Азербайджане были сходства, они не были идентичны, между ними существовали более или менее существенные различия. «К началу XIX века в России развивались капиталистические отношения, росла промышленность и торговля. Петербург, Москва и другие города стали крупными экономическими и культурными центрами» [4. с. 28].

В 1826 году разразилась новая – вторая война между царской Россией и государством Каджаров за захват азербайджанских земель. Успешно завершив сражения при Шамкире и Гяндже, русские войска в четвертый раз вошли в Ираванское ханство. В октябре 1827 года русские войска, оккупировавшие также Нахчыванское и Ираванское ханства, начали наступление на юг. Вскоре были оккупированы Тебриз и Маранд. Разгромленный главнокомандующий Каджаров, князь Аббас Мирза, был вынужден отступить, и обратился к генералу Паскевичу за мирными переговорами. Царизм, посчитав, что завершил свою кампанию вторжения захватом Нахчыванского и Ираванского ханств, решил начать мирные переговоры. 6 ноября 1827 года в Дехгаргане начались мирные переговоры между генералом Паскевичем и иранским князем Аббасом Мирзой. Эти переговоры, в которых А.А.Бакиханов также участвовал в качестве

переводчика, длились два месяца, но закончились неудачей после того, как Паскевич поставил условие «война или контрибуция». Продолжая наступление, они оккупировали Урмию, Ардебиль и Мияну, и путь на Тегеран был открыт для русских войск. Шах был вынужден возобновить мирные переговоры.

Видади Умудлу, доктор исторических наук, доцент отмечает, что мирные переговоры, состоявшиеся в ночь с 9 на 10 февраля 1828 года в селе Туркменчай близ Тебриза было подписано соглашение из 16 статей между князем Аббасом Мирзой и генералом Паскевичем: «Туркменчайский договор, помимо ратификации Гулистанского договора, подписанного в 1813 году, также объявил о присоединении Ираванского и Нахчыванского ханств к Российской империи. Соглашение было установлено без участия Азербайджана, и между Россией и Ираном был подписан Туркменчайский договор. Он заложил основу для официального разделения азербайджанских земель на две части, и впервые появились термины «Северный Азербайджан» и «Южный Азербайджан». Потеряв независимость, Азербайджан встал на другой путь развития в составе двух разных государств.

По условиям договора, Иран должен был выплатить России военную контрибуцию в размере 20 миллионов серебряных рублей, отказаться от всех территорий на левом берегу реки Араз и отказаться от всех прав и претензий на Кавказ. Содержание военного флота в Каспийском море касалось только России.

В. Умудлу отмечает, что в результате договора отношения Азербайджана с Османской империей были деформированы, а отношениям между двумя братскими народами был нанесен тяжелый удар: «В русско-турецкой войне, начавшейся после Туркменчайского договора, Россия еще больше усугубила ситуацию, используя азербайджанское население против Османской империи. В целом, мы видим, что в результате Туркменчайского и Эдирнского договоров отношения Османской империи с Кавказом были разорваны. С разделением Азербайджана между Ираном и царской Россией начался длительный период российского господства в регионе.

Одним из важнейших осложнений, вызванных договором, является армянская проблема. Поскольку статья XV договора предусматривала право на переселение на территории, аннексированные Россией, десятки тысяч армян были переселены в Ираван, Карабах, Нахчыван и другие территории. Сама Российская империя, помимо заселения Южного Кавказа, также заложила основу для будущего «армянского» государства. Серьезные последствия этой проблемы ощущаются до сих пор.

Все это сопровождалось серьезными осложнениями, которые сохраняются с момента подписания договора до наших дней, и устранение этих осложнений стало сложной задачей. После обретения Азербайджаном независимости в 1991 году, положения Туркменчайского договора для Азербайджана были отменены, и договор утратил свое значение» [5, АзерТадж 10.02.2023].

В соответствии с условиями Туркменчайского договора и Эдирнского мирного договора 1829 года армяне, проживавшие на территориях Ирана и Османской империи, были переселены на территорию Азербайджана, в первую очередь на территории Нахчыванского, Ираванского и Карабахского ханств. Российский историк Н.Н. Шавров отмечает, что только в 1828-1830 годах на территорию Южного Кавказа было переселено около 40 тысяч армян Каджаров и около 84 тысяч армян Турции. Их поселили на наиболее благоприятных землях Елизаветпольской (Гянджийской) области, где армянское население было немногочисленным, и предоставили 200 тысяч десятин (225 тысяч гектаров) государственных земель [6, с. 41].

В отличие от Гюлистанского договора (1813 г.), условия Туркменчайского договора были более суровыми и начали быстро выполняться. Вновь оккупированные земли Иравана и земли Нахчыванского ханства были объявлены «Армянской областью». Однако древние земли Иравана с давних времен были известны как родина тюрско-мусульманского народа и всегда сохраняли свое существование, постоянно сопротивляясь вражеским силам. Даже проживавшие здесь азербайджанцы храбро сражались против царских оккупационных войск в русско-каджарской войне, а Каджары терпели поражение в этой войне лишь в результате армянского предательства.

Армяне были очень довольны условиями Туркменчайского договора. Историки называли армян детьми Туркменчая, потому что до Туркменчайского договора армяне не имели своей государственности. Как отмечал армянский историк Анахид Терминас, до 1917 года армяне не составляли большинства ни в одной части Кавказа и не имели каких-либо конкретных территорий. С тех пор следы армянского предательства и преступлений укоренились в каждой странице азербайджанской истории, а дашнакские террористы, опираясь на своих имперских покровителей, проливали кровь на Южном Кавказе, включая Азербайджан, и оккупировали наши земли.

Как и в провинциях царской России, комендант, действовавший в Северном Азербайджане, также руководил деятельностью пенитенциарных учреждений — полиции и суда. Он возглавлял военнослужащих и местную

конную полицию (чапары), а также председательствовал в городских или областных судах, рассматривавших гражданские и важные уголовные дела. Хотя суд был коллегиальным органом (так что в его состав входили еще четыре члена, избранные из числа представителей местного дворянства), фактически дело решалось единолично комендантом. Он обычно принимал решения, не опираясь ни на какой закон, и это служило основанием для вердикта. Рассмотрение дел в суде затягивалось на месяцы, а иногда и на годы.

Серьезные преступления рассматривались военным судом или комиссией военного суда. Военные судебные разбирательства отличались своей краткостью. Суд выносил решение в течение трех дней, а затем направлял его главнокомандующему на Кавказе для рассмотрения и утверждения. Военный суд был удобным карательным органом для привлечения к ответственности тех, кто выступал против социального и колониального угнетения со стороны царских колоний. Наконец, комендант также был главой военного гарнизона. Таким образом, в его руках концентрировалось огромное количество власти — исполнительной, судебной и военной. Права, честь и имущество сотен тысяч людей… произвол коменданта [7. с. 233].

Список литературы и источников:

1. Джеваншир Ахмед бек. О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 года. По 1805 г. Тифлис, 1884, с. 25.
2. Записки А.П. Ермолова, част. Я, М., 1846, с. 40.
3. М. Погодин. А. Ермолов, М., 1854, с. 251-252.
4. История Азербайджана, том 2, с. 28.
5. Умудлу В. Туркменчайский договор и его тяжелые последствия. АзерТадж 10.02.2023.
6. Гагемейстер Ю.А. Закавказские очерки. Ч. III, СПб., 1845, с. 41.
7. Гасанов И.М. Частное крестьянство в Азербайджане в первой половине XIX века. Б., 1957, 233 с.

УДК 93

Киут А.О.,
аспирант Абхазского государственного университета, г. Сухум.
Научный руководитель: Салакая С.Ш.,
д.и.н., доцент Ахазского государственного университета.
г. Сухум, Республика Абхазия.

Трансформация уклада жизни в Абхазии во второй половине XIX в. (культура и просвещение)

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации традиционного уклада абхазского общества во второй половине XIX века. Анализируется влияние окончания русско-кавказской войны и упразднения Абхазского княжества на социальную структуру региона, а также трагические последствия махаджирства и связанные с ним демографические изменения. В контексте политических событий исследуются процессы культурного просвещения, включая создание первой абхазской письменности П.К. Усларом, развитие начального образования и формирование национальной интеллигенции. В заключение делается вывод о дуалистичном характере эпохи, когда для Абхазии это было одновременно временем тяжёлых испытаний и периода интеграции в современное культурно-образовательное пространство.

Ключевые слова: махаджирство, П. К. Услар, абхазская письменность, трансформация традиционного общества, культурное просвещение.

Вторая половина XIX — начало XX вв. стала переломным этапом в многовековом развитии абхазского народа, поставив его перед угрозой физического и этнокультурного исчезновения. Военные конфликты, сопровождавшиеся гибелью десятков тысяч людей, а также массовые депортации отдельных этнографических групп и территориальных общин, нанесли значительный ущерб демографическому и этническому развитию абхазов и оказали долговременное воздействие на историческую память последующих поколений.

После завершения русско-кавказской войны имперская власть ликвидировала Абхазское княжество, что означало утрату Абхазией автономного статуса, и приступила к внедрению системы административного управления, ориентированной на имперские стандарты. Существенным элементом данной политики стало вытеснение части коренного населения.

В течение относительно короткого периода (1860–1880-е гг.) значительные территории, опустевшие в результате этих процессов, при поддержке царского правительства были заселены переселенцами. Миграционные потоки включали выходцев из внутренних губерний Российской империи, представителей Западной Грузии (в частности, мегрелов), а также группы населения из Османской империи, среди которых были армяне, греки, турки и другие этнические общности.

Интеграция Абхазии в состав России, находившейся на этапе становления капиталистических отношений, обусловила включение

хозяйственной системы региона в новую траекторию экономического развития. Данный процесс способствовал активизации социально-экономической динамики и сформировал предпосылки для перехода к более сложным формам общественно-производственных отношений.

Основным местом распространения нового формата общественно-культурной жизни, формирующегося под воздействием модернизации, стал, прежде всего, город. Во второй половине XIX – начале XX веков он испытывает значительные трансформации, начинает занимать особое место в повседневной культуре общества, привнося светскость и рационализм в жизнь абхазов, а также содействуя разрушению традиционных сообществ.

Экономический подъем и установление более тесных связей в регионе во второй половине XIX века способствовали значительному росту общественного самосознания. Активизировалась общественная и культурная жизнь в Сухуме. В 1886 году здесь выступали тифлисские артисты под руководством выдающегося актера и продюсера Ладо Месхишвили. В 1891 году они поставили в Сухуме пьесу Валериана Гуниа «Сестра и брат», а в 1893 году — пьесы А. Церетели «Чашка чая» и «Чудак» [1, с. 93].

В Абхазию были сосланы декабристы братья А. А. и П. А. Бестужевы. Писатель А. А. Бестужев-Марлинский 23 апреля 1836 года писал своему брату Павлу, между прочим, изобретателю артиллерийского прицела («бестужевский прицел»): «Любезный Поль. Несколько дней тому назад, прогуливаясь в Сухуме по окрестностям, я любовался развалинами какой-то башни - и что же? Я не верил глазам своим: на одном камне читаю твоей рукой написанную подпись П.Б. Уголь не стерся в течение 8 лет, и вот судьба привела другого брата завидовать тому месту, где ты был в изгнании» [7, с. 298].

В июле 1888 года А.П. Чехов посетил Сухум, где остановился в гостинице «Ялта», расположенной на набережной. Хотя его пребывание в Сухуме длилось всего несколько дней, Чехов сумел глубоко понять жизнь местных жителей и на основе своих впечатлений написал повесть «Дуэль» [1, с. 94].

В 1911 году Сухум посетил знаменитый русский писатель Алексей Толстой. На основе материалов, собранных в этом городе, А. Толстой создал рассказ «Эшер» и повесть «Неверный шаг». В Сухуме бывали русские и иностранные ученые. Среди них профессор П.И. Пастернацкий. Он считал Сухум лучшим местом отдыха и лечения для слабогрудых. К такому же выводу пришел 12-й Международный съезд врачей. Любил Сухум выдающийся ученый, основоположник отечественной терапевтической

школы, профессор А.А. Остроумов. Он много сделал для обеспечения горожан медицинской помощью.

Знаменитый русский художник-баталист В.В. Верещагин приобрел земельный участок в Эшерах, неподалеку от Сухума, где возвел небольшой деревянный домик и окружил его фруктовыми и тропическими деревьями. В Абхазии он создал множество картин, в которых воспевает этот край, тонко подчеркивая при этом национальные особенности русских, черкесов, грузин и абхазов. Первый профессиональный абхазский художник и искусствовед А.К. Чачба-Шервашидзе оказал значительное влияние на культурную жизнь Сухума в начале XX века. В 1918 году он основал художественную студию в Сухуме, где активно работал и проводил лекции о знаменитых художниках мирового уровня.

Сухум, в начале XX в. представлял из себя многонациональный город и соответственно архитектурной стиль, преобладавший в нем, был стиль модерн, являвшийся транснациональным стилем. Важным элементом являются специально выделенные места для общения (набережная, площади, портики, павильоны), включая дендропарки с экзотическими растениями, воплощающие образ «земного рая» – идеального места для отдыха**.**

Первые промышленные предприятия, первые школы в Абхазии и, вообще, прогрессивное социально-экономическое и культурное развитие, которое началось с начала XIX в., но особенно, заметным становится в начале XX века – все это непосредственно связано с присоединением Абхазии к России [12, с. 229].

Первые фонари на улицах Сухума появились в 1902 г., это событие отметила газета «Черноморский вестник» [12, с. 219] от 2 октября 1902 г. В связи с освоением Черноморского побережья Кавказа наблюдается подъем хозяйственной жизни города, улучшаются пути сообщения: проведена шоссейная дорога Новороссийск – Сухум, началось строительство Черноморской железной дороги, получили развитие каботажное плавание и портовое дело.

Увеличилось число небольших фабрик и заводов, ремесленных мастерских. Отмечается оживление торговли и промышленности, подъем курортного дела в крае. Развитие капитализма способствовало росту населения, повышению в социальной структуре города удельного веса рабочего класса.

В 1810 году священник Иоселиани в селе Лыхны предпринял попытку открытия школы для 12 мальчиков и обратился с просьбой к экзарху Грузии о направлении учителя русского языка. В 1846 году была также инициирована попытка создания духовной школы при Абхазском

архимандритстве в Пицунде, целью которой было просвещение абхазских детей. В 1851 году в селе Окум была открыта приходская школа, которая в 1860 году была передана в ведение Общества восстановления православного христианства на Кавказе.

В 1862 году русский генерал, лингвист П.К. Услар предложил создать абхазский письменный язык, основываясь на кириллице. Он изучал абхазский язык и его особенности, что позволило ему разработать первый алфавит, использующий кириллические буквы. Эта инициатива была частью более широких усилий по просвещению и культурному развитию народов Кавказа, проводившихся российскими властями в XIX веке.

Школы сыграли важную роль в развитии народного образования в Абхазии, однако следует отметить, что царская власть, предоставляя разрешение на их открытие, преследовала определенные политические цели, прежде всего укрепление самодержавия и распространение православного христианства как его основы. В то же время, образовательные учреждения служили важным источником просвещения, способствовали повышению грамотности среди местного населения и знакомили его с культурой русского народа. Они сыграли важную роль в сближении русского, грузинского и абхазского народов. Кроме того, школы стали важным фактором формирования абхазских культурных кадров, что имело долгосрочное значение для развития региона.

В 1895 году в Сухуме была открыта первая типография в Абхазии, что стало значимым шагом в развитии местной культуры и образования. Уже через год, благодаря инициативе местной интеллигенции, в помещении типографии была основана библиотека, что способствовало расширению доступа населения к книгам и информации, а также дальнейшему распространению знаний в регионе.

Так, по переписи 1897 года процент грамотных в Абхазии был всего 9,8. Более 90% всего населения не умело ни читать, ни писать, ни на каком языке. Касаясь плачевного состояния начального образования в г. Сухуме, один наблюдатель писал 17 июня 1915 года в газете «Сухумский Вестник»: «Ещё печальнее получается картина начального образования девочек низших слоев населения; стыжусь отметить, что город до сих пор не имеет ни одного женского начального училища и, вдобавок, доступ в городские начальные училища закрыт для девочек» [12, с. 266].

В начале XX века наблюдается рост числа национальных учителей, среди которых: Ф. Х. Эшба, В. Х. Гарцкия, П. Г. Чарая, Н. С. Джанашия, К. Д. Мачавариани, Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, А. М. Чочуа, Д. К. Кобахия, С. П. Басария, А. И. Чукбар, П. С. Шакрыл, К. Ф. Дзидзария и другие.

Следует отметить, что до середины XIX века абхазское общество сохраняло устойчивые традиционные структуры, основой которых являлись родовые объединения, а регулирование общественных отношений осуществлялось посредством обычного права. Культура в этот период носила преимущественно устный характер, и ключевую роль в передаче знаний и норм поведения играли фольклор, эпос и обрядовая система. Письменность и формализованное образование в Абхазии находились на низком уровне и развивались слабо.

Архивные документы подтверждают, что грамотность среди местного населения оставалась ограниченной, а образовательные учреждения практически отсутствовали, что свидетельствует о недостаточной организации системы образования и просвещения в регионе на тот период.

Значительную роль в развитии образования в Абхазии играли религиозные учреждения, прежде всего православная церковь. Церковно-приходские школы стали важными центрами распространения грамотности, обеспечивая местное население базовыми знаниями и навыками. Миссионерская деятельность, в свою очередь, способствовала культурным изменениям, включая внедрение письменности и новых форм обучения, что стало значимым шагом в процессе просвещения региона.

Однако миссионерская деятельность нередко вступала в противоречие с традиционными верованиями и обычаями абхазского народа. Этот конфликт между внедряемыми религиозными и образовательными практиками и укоренившимися местными традициями создавал определенные сложности в процессе культурной адаптации и интеграции.

Серьезной проблемой для образовательной системы в Абхазии оставалась нехватка квалифицированных педагогических кадров. В отчетах того времени отмечается острый дефицит подготовленных учителей, а также отсутствие необходимого учебного материала. Обучение в школах велось преимущественно на русском языке, что способствовало культурной трансформации и постепенному формированию новой идентичности у части местного населения. Этот процесс также оказывал влияние на восприятие абхазами русской культуры и языка, интегрируя их в более широкий контекст Российской империи.

Трансформация уклада жизни в Абхазии во второй половине XIX века представляла собой сложный и многоплановый процесс. Развитие культуры и просвещения стало ключевым фактором модернизации региона, однако этот процесс не привел к полной замене традиционных форм жизни. Вместо этого происходило взаимодействие и сосуществование старых и новых элементов, что свидетельствует о постепенном, но не радикальном

изменении социальных и культурных структур. Влияние внешних факторов, таких как миссионерская деятельность и образовательные инициативы, способствовало адаптации местного населения к более широким имперским и культурным контекстам, не стирая при этом коренные традиции и обычаи

Список источников и литературы:

1. Анцупов В. История города Сухума в XIX – начале XX века (1810–1921). — Сухум: АбИГИ, 2024.
2. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Кн. II / сост. Р. Х. Агуажба, Т. А. Ачугба. — Сухум, 2008.
3. Агумава А. С. Старый Сухум: архитектура Сухума на рубеже XIX–XX вв. — Сухум: Абгосиздат, 2016.
4. Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. — М., 1874.
5. Верещагин А. В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и её результатов. — СПб., 1885.
6. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. — Сухуми, 1975.
7. Дзидзария Г. А. Труды: в I т. — Сухум: Дом печати, 2014.
8. Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии. 1910–1921 гг. — Тбилиси, 1963.
9. Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. — Сухум, 1960.
10. Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. — Сухуми: Алашара, 1979.
11. Инал-ипа Ш.Д. Абхазы: историко-этнографические очерки. — Сухуми: Абгосиздат, 1960.
12. Инал-ипа Ш. Д. О взаимоотношении города и деревни Абхазии в XIX–XX вв. // Абхазоведение. История, археология и этнология. — Сухум, 2006. — Вып. 4.
13. Лакоба С.З. «Крылились дни в Сухум-Кале…»: историко-культурные очерки. — Сухум: Абгосиздат, 2023.
14. Материалы по истории Абхазии XVII–XIX вв. (1762–1859): сб. док. материалов. — Т. 2. — Сухум, 2011.
15. Олонецкий А.А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (конец XIX – начало XX века). — Сухум: АБНИИК, 1934.
16. Салакая С. Ш. Абхазия в годы аграрной реформы П. А. Столыпина. — Сухум, 2012.

17. Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1: с древнейших времён до крестьянской реформы 1870 года. — Сухум: АбГИЗ, 1934.

Махадов А.К.,
аспирант 4 года обучения ИФ ДГУ
Кафедра истории Дагестана
Научный руководитель: Айтберов Т.М., к.и.н., доцент кафедры истории Дагестана, с.н.с. ИИАЭ ДФИЦ РАН

Ших – Али хан дербентский и кубинский в свете новых арабоязычных источников

Аннотация. В статье рассматривается военно-политическая деятельность Ших-Али-хана Дербентского и Кубинского (1778–1821/1822) — правителя Кубинско-Дербентского ханства, участника русско-персидских войн 1796 и 1804–1813 гг. на стороне Каджарского Ирана и Кавказской войны. На основе ранее малоизученных арабоязычных источников, выявленных в ходе исследования документов по истории Южного Дагестана и Северного Азербайджана, — памятных записей, переводов рукописей из селения Каракюре, а также списка писем-подлинников Ших-Али-хана представителям и джамаатам горских обществ (Ахты, Табасаран, Кайтаг) первой четверти XIX века — раскрываются особенности его взаимоотношений с горскими обществами Дагестана и союзниками по антироссийской борьбе. Новизна исследования обусловлена привлечением комплекса арабоязычных материалов, ранее практически не введённых в научный оборот.

Ключевые слова: Ших-Али-хан, Кубинско-Дербентское ханство, Дагестан, Каджарский Иран, русско-персидские войны, Кавказская война, арабоязычные источники, горские общества, Восточный Кавказ.

Шихали – хан – правитель Кубинско – Дербентского ханства. (1778, Куба – 1821/1822, Дагестан). Участник двух русско – персидских войн 1796 и 1804-1813 гг. на стороне Каджарской Персии, а также Кавказской войны. В достаточно юном возрасте стал наследником крупного и весьма влиятельного феодального государства, которое построил Фатали – хан Кубинский – его отец. Был взят в плен русскими войсками в 1796 году при осаде Дербента, однако ему удалось сбежать из плена и вернуть власть. На протяжении десятков лет вел войну с Россией на Восточном Кавказе. Получал при этом

поддержку из Ирана. Умер в 1820-х годах в подполье в ауле Балахани, Койсубулинского вольного общества.

Шейх Али-Хан был сыном Фатали-хана, принадлежащего к роду кубинских ханов. Мать Али-Хана звали Сехернас, в некоторых русских документах её называют армянкой в других — грузинкой. Русская писательница Варвара Бакунина, бывшая свидетельницей взятия Дербента, по её словам, видела Шейх-Али-хана. Она описала его как «юношу лет семнадцати, среднего роста, с тонкими чертами лица и еврейским типом (мать его была еврейка), но белокурого, что между азиатами встречается редко».

Со стороны бабушки — матери Фатали-хана — он был правнуком уцмия Ахмед-хана. Ага-Мухаммад, шах Персии, именовал Шейх-Али-хана кубинского своим родственником.

Ермолов требовал от жителей Аракани его выдачи, но безрезультатно. Позже его переселили в Балахани. Точных данных о его смерти нет, однако, по некоторым сведениям, он умер либо в 1821 году, либо 25 мая (6 июня) 1822 года. По словам Ермолова, Шейх-Али «умер в боях». Как отмечается в энциклопедии Сытина, «с тех пор в Дагестане наступает период относительного спокойствия, чему также способствовала смерть двух непримиримых врагов России, Ших-Али, бывшего хана Кубинского, и Адиль-Гирея, бывшего уцмия Каракайтагского».

Перевод арабоязычной рукописи о декабрьском походе Шейх-Али-хана, найденной в селе Каракюре, Дагестан [1]

«Это памятка на будущее. Шайхали-хан собрал громадное количество войск Дагестана из округов Акушинского, Цудахарского и Даргинского. Они пришли в вилаят Кюрэ и вступили в совет с благородным эмиром Сурхай-ханом. Упомянутый эмир согласился и отправил свои полки, сделав их повелителем своего сына Нух-бека. Они перешли реку Самур и осели в селении Джаба, где пробыли два дня. Затем на третий день на них пришли неверующие. Они сражались с этими неверующими с рассвета и до заката солнца. Войска неверующих были разбиты, из числа их они убили семьсот вооруженных мужей, а их оружие и их коней разграбили. Неверующие возвратились затем в селение Зейхур, где оставались в течение пятнадцати дней. Шайхали-хан из селения Джаба пошел затем к селению Рустав. К упомянутому селению из Ширвана прибыл проклятый [враг], и они имели там большое сражение. В благословенном месяце зу-л-хиджа 1227 года полки мусульман были разбиты». Также имеется похожая интерпретация этого же письма:

В «святом» месте сел. Каракюре

Сборник, в котором имеется следующая памятная запись почерком насталик: «Это памятка на будущее. Шайхали-хан собрал громадное количество войск Дагестана из округов Акушинского (Акушали), Цудахарского (Зудакари) и Даргинского (Даркули). Они пришли в внлаят Кюрэ и вступили в совет с благородным эмиром Сурхай-ханом. Упомянутый эмир согласился [с ними] и отправил свои полки, сделав их повелителем своего сына Нух-бека. Они перешли реку Самур (Санбур) и осели в селении Джаба, где пробыли два дня. Затем на третий день на них пришли неверующие. Они сражались с этими неверующими с рассвета и до заката солнца. Войска неверующих были разбиты, из числа их они убили семьсот вооруженных мужей, а их оружие и их коней разграбили. Неверующие возвратились затем в селение Зейхур, где оставались в течение пятнадцати дней. Шайхали-хан из селения Джаба пошел затем к селению Рустав. К упомянутому селению из Ширвана прибыл проклятый [враг], и они имели там большое сражение. В благословенном месяце зу-л-хиджа 1227/1812 года полки мусульман были разбиты» [2].

Также есть памятная запись, которая гласит: «Благородный эмир Шайх – Али – хан скончался в селении Балакан в месяце рамадан тысяча двести тридцать седьмого года» [3].

В статье Айтберова Т.М., Каяева А.И. «Дагестанские арабоязычные материалы о военно – политических сторонниках и противниках Каджарского Ирана на Восточном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв» мы находим упоминание о Ших – Али хане в копии текста Докладной, посланной в лагерь Аббас – Мирзы, а не подлинник: «Мы – это: я, то есть Сурхай – хан II, Султанахмад – хан, Шайхали – хан и еще кое – кто» [2].

Шихали – хан – личность достаточно известная, особенно в начале XIX века. В свое время над этой темой работали Н.Ф. Дубровин – известный русский историк, академик, а также В. Потто –историк, изучавший Кавказ. В годы советской власти разработкой этой темы занимался Н.А. Магомедов. В Азербайджане этой темой занимались Г.Б. Абдуллаев и Т. Мустафазаде. Они использовали материалы и источники, документы исходно русские, а также материалы на арабском и персидском языках. Они, в основном, касались взаимоотношения Российской империи с Ираном. Хотя Шихали – хан и был ханом Кубы и Дербента, в этих документах мы находим практически мало информации о нем. В настоящее время появились новые источники, ранее практически неизвестные исследователям. Список прилагаем. Эти документы позволяют нам утверждать о новизне моей статьи. Часть из этих документов хоть и опубликована, но практически она не изучена и не

анализирована. Н. Дубровин упоминает Шихали – хана в контексте русско – иранских взаимоотношений.

Совсем недавно в ходе изучения документов по истории Южного Дагестана и Северного Азербайджана выявились новые списки писем Шихали - хана Кубинского и Дербентского представителям и джамаатам горских обществ в первой четверти XIX века.

Списки писем – подлинников прилагаются:

1. От Шихали – хана Дербентского на имя знати Ахты
2. От Шихали – хана Дербентского на имя Маммат – бека Кайтагского (?)
3. От некоего князя или эмира в Табасаран (?)
4. От Шихали – хана Дербентского своему «любимому другу» Нурахмаду
5. От хана Закавказского Шеки, Мухаммадхасан – хана своему старому другу Нурахмаду
6. От Ханбутты, являющегося наибом Шихали – хана Дербентского
7. От некоего хана на имя ахтынцев с упоминанием в тексте Шихали – хана Дербентского
8. От Шихали – хана Дербентского на имя Мухаммад – бека, правителя Северного Табасарана
9. От некоего хана на имя своего «брата» Мухаммад – бека Табасаранского (?) с упоминанием в тексте Шихали – хана Дербентского
10. От Шихали – хана Дербентского в Ахты – Пара, большим людям и главарям этого округа
11. От Шихали – хана Дербентского Мухаммад – беку, правителю Северного Табасарана
12. От Шихали – хана Дербентского жителям Ахты – Пара
13. От Шихали – хана Дербентского на имя общества Ахты – Пара
14. От Шихали – хана Дербентского на имя Ибрагиму – ага Джарскому

Из документов отчетливо видно, что Шихали – хан состоял в тесных взаимоотношениях с представителями горских обществ Ахты, Табасарана, Кайтага в первой половине XIX века.

Список источников и литературы

1. Айтберов Т. М., Абдулкеримов М.М. Обзор некоторых рукописных собраний Дагестана // Изучение истории и культуры Дагестана: Археологический аспект. Сборник статей / сост. Д. Х. Гаджиева, отв. ред. А. Р. Шихсаидов. — Махачкала: ДФАН СССР, 1988. — С. 57. Архивировано 2 декабря 2022 года.

2. Айтберов Т.М., Каяев А.И. «Дагестанские арабоязычные материалы о военно – политических сторонниках и противниках Каджарского Ирана на Восточном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв». С. 32-38. / Третьи Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича: сборник статей: [в 2 ч.] / Министерство образования и науки Российской Федерации, Дагестанский государственный университет [и др.]. - Махачкала: Изд-во ДГУ, 2016. Ч. 1. - 2016. - 254 с.

3. Кубинский хан; Балахани (Балахьуниб) – село в Унцукульском районе РД; IX.1237 г. х. = 22. V – 21. VI. 1822 г.

УДК 93

Маммаева М.А.
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО Дагестанский государственный аграрный
университет им. М.М. Джамбулатова»
Лобачева З.Н.,
кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВО Дагестанский государственный аграрный
университет им. М.М. Джамбулатова
г. Махачкала, РФ

Кавказская Албания в исторической ретроспективе народов Дагестана.

Аннотация. Данная статья посвящена анализу исторической роли древнейшего раннерабовладельческого государства Кавказской Албании в формировании и развитии народов Дагестана. На основе исторических источников рассматриваются вопросы этнической преемственности между албанскими племенами и современными дагестанскими народами.

В статье сделана попытка показать, что Кавказская Албания является не только предшественником политических образований Дагестана, но также и важным культурно историческим фоном для понимания этнических процессов, происходивших на Северном Кавказе. В работе рассматриваются вопросы социально-экономического, политического и культурного развития дагестанских народов, населяющих Кавказскую Албанию, а также их совместной борьбы за независимость против иноземных завоевателей.

Ключевые слова: Кавказ, Дагестан, Албания, племена, народы, государство, Восточный Кавказ, Закавказье.

Современные проблемы развития кавказского региона, с её агрессивной геополитикой и постоянными претензиями кавказских политических деятелей друг к другу, требуют объективного исторического анализа развития народов Кавказа, изучения возникновения государственности и формирования культурно-исторического фундамента для развития.

Исследование данной проблемы даёт возможность восстановить картину прошлого, на основе изучения роли Кавказской Албании в развитии народов Дагестана, тем самым связывая древние традиции с современностью.

К середине I тыс. до н.э. социально-экономическое развитие на территории Северо-Восточного Кавказа приводит к углублению имущественной дифференциации и возникновению классов. Этот процесс на Кавказе усиливается, когда пало раннерабовладельческое государство Урарту под натиском мидян и скифов в VI веке до н.э.

В результате этого, к середине I тыс. до н.э. в Закавказье возникло несколько государственных образований в Армении, в Западной и Восточной Грузии, а на территории Восточного Кавказа на основе союза племён, где лидирующую роль занимали албанские племена, появляется первое государство - Кавказская Албания. Первые письменные свидетельства в трудах античных авторов о существовании на территории Восточного Кавказа албанского союза племён, на основе которого возникла Кавказской Албании, относятся к IV веку до н.э. Албанский союз племён, был вассалом древнеперсидского Ахеменидского государства, и имел свои военные силы.

Так, "Арриан (II век н.э.), повествуя о битве при Гавгамелах в 331г. до н.э., сообщает, что в составе Ахеменидской армии был албанский отряд." [1,с.34]

После поражения персов от Александра Македонского, империя Ахеменидов перестала существовать, и образование самостоятельного государства на основе албанского союза племён ускорилось.

В древности оно занимало территорию современного Азербайджана и Дагестана, Карабаха и части Восточной Грузии. Так как рабство у албан не стало основой хозяйства, и основным производящим классом оставались лично-свободные общинники, государство достигло лишь раннерабовладельческого уровня.

Наиболее подробные сведения о Кавказской Албании были зафиксированны древнегреческим географом Страбоном (I век до н.э.), который в своём труде «География» пишет о том, что ещё задолго «...до объединения в единое государство здесь проживало 26 различных племён и народов, каждый со своим царём». Подобная этническая пестрота, а также

упоминание в Албании таких племён, как каспии, албаны, леги, гелы, утии, гаргареи и др., рисует картину, весьма близкую к современной этнической карте Дагестана. Все эти племена затем объединились под властью албанского царя, являвшегося также военаначальником. [2, с.42]

Албанские племена жили на равнине и в горах и представляли собой кавкасионский тип коренного кавказского населения, который широко представлен сегодня в Дагестане, Азербайджане и Грузии. Несколько позже на Восточном Кавказе появляется каспийский тип.

На базе дагестанских языков смогли прочитать албанские надписи, что указывает на связь албанского алфавита с языками дагестанской группы.

На рубеже нашей эры главным городом Албании был город Кабала, который находился на территории современного Азербайджана. Во главе государства был царь, его приближёнными были знать и жрецы-храмовые священнослужители. В общественном строе Кавказской Албании наблюдались некоторые черты военной демократии, о чем свидетельствовало большое войско.

Народам Кавказа пришлось вести многочисленные войны и отстаивать свою независимость в борьбе против римлян и парфян, которые воевали друг с другом в так называемых "Митридатовых войнах".

Римская империя стремилась контролировать мировые торговые пути и рынки в Восточном Средиземноморье и Малой Азии и обезопасить свои восточные провинции. Для этого ими были предприняты походы на Восток, и, в частности, на Кавказ. На эти территории также претендовал и царь Понтии Митридат Евпатор.

В 69 г. до н.э., после очередной победы над понтийцами, римляне под командованием Лукулла выступили против Армении, союзника Понтии. На помощь армянам пришли кавказские племена, в том числе и албаны. Легенды, старинные песни и предания рассказывают о том, что народы Дагестана также принимали активное участие в борьбе против римлян.

Недовольство Рима затяжными военными действиями с Понтией привело к тому, что во главе римских войск стал Помпей, который в 66 г. до н.э., преследуя понтийского царя Митридата, вторгается в южные районы Албании. Албанский царь Оройз, несмотря на значительные военные силы и помощь кавказских народов, потерпел сокрушительное поражение от римлян.

Но, невзирая на победы, Римской империи не удалось добиться полного подчинения со стороны кавказских народов. Поход римлян в 37-36х гг. до н.э. под предводительством Красса в южную часть Албании также закончился безрезультатно.

В I веке н.э. в Албании к власти приходит Вачаган I Храбрый, который смог объединить албанские, в том числе и дагестанские народы в единое государство и пресечь очередные попытки римлян утвердить свой контроль в Прикаспии. Тем временем начинаются войны Рима и Парфии в Передней Азии, и вторжения римлян на территорию Кавказской Албании прекращаются на долгое время. Складывается благоприятная обстановка для мирного развития страны. Вдоль Прикаспийского побережья возникают города, которые становятся центрами ремесла и торговли. Получают развитие следующие ремёсла: металлургия, гончарное производство, ткачество, обработка кожи, дерева, кости, стеклоделие, кузнечное и ювелирное дело.

Древнегреческий географ Клавдий Птоломей (II век н.э.) "...упоминает на территории Кавказской Албании 29 наиболее важных населённых пунктов, в том числе особо выделенных городов." [3.с.138] Города Телаба, Гелда, Албана были расположены на территории Дагестана.

Со II века н.э., продвигаясь через кавказские перевалы в Закавказье, на территорию Кавказской Албании вторглись кочевые ираноязычные племена, которые несмотря на упорное сопротивление албанских народов, в том числе и дагестанских, огнём и мечом прошлись по прикаспийскому побережью. Разрушительные походы кочевников привели к последствиям, которые стали тормозом для дальнейшего экономического и культурного развития местных народов.

В начале III века н.э. после распада Парфянского государства, в Иране к власти пришла новая династия Сасанидов, которая за сравнительно короткое время смогла подчинить своей власти Переднюю и Среднюю Азию.

Затем им удалось завоевать Закавказье, после чего они попытались утвердится на Восточном Кавказе, который был для них важен в стратегическом отношении.

Сасанидам пришлось столкнуться с противодействием со стороны Римской империи и вести активные военные действия за преобладание на Кавказе.

Большое внимание они уделяли укреплению Кавказских проходов, а также Дербентскому проходу, который был известен ещё со времён античности как ворота в Закавказье и на Ближний Восток. Военно-стратегическое значение Дербента сочеталось с важностью сухопутных торговых путей.

После 461г. Дербент становится столицей одной из подвластных областей Сасанидского Ирана. Непрекращающиеся вторжения кочевых племён вынуждают Сасанидов строить здесь мощные каменные укрепления.

Некоторая часть работ по строительству крепости была начата ещё во второй половине V века.

Но эти меры оказались недостаточными, и в VI веке представитель династии Сасанидов царь Хосров I Ануширван начал строительство оборонительного комплекса под названием Дербент (дер- дверь, бенд- застава). Укрепление состояло из двух параллельных крепостных стен, которые замыкала крепость Нарын-кала. В средневековых сочинениях авторы писали: "Цари (Ирана) изнурили страну Албанскую", десять лет сгоняя её жителей в порядке трудовой повинности на строительство Дербента. [4, с.96]

В городе был размещён гарнизон для защиты прохода и стали селиться первые персидские колонисты. Эти укрепления дошли до наших дней и сейчас продолжают поражать своей масштабностью и монументальностью.

В конце IV века н.э., кочевые тюрские племена гуннов устремились в Восточную Европу и на Кавказ. Натиску гуннов не смогла противостоять и Римская империя, которая в это время находилась в глубоком политическом и экономическом кризисе.

Одолев аланские племена, оказавших им упорное сопротивление, гуннские племена вторглись на Северный Кавказ. Гуннское нашествие сопровождалось разрушениями и истреблением народов Кавказа. Через Северный Кавказ гунны ворвались в Закавказье, откуда двинулись к Ирану. Но превосходящие силы персов вынудили гуннов отступить на Северный Кавказ через Дагестан.

"Неисчислимые бедствия принесло нашествие гуннов и населению Дагестана. Захватив в конце IV века прикаспийскую низменность, они разорили города и селения, истребили большое количество жителей. Территория Дагестана, расположенная между современным г. Махачкала и р. Уллу-чай, стала называться "Страной гуннов", а часть населения приморских районов- гуннами. Однако под этим названием скрывалось автохтонное население Дагестана." [5, с.40].

Захват гуннами Прикаспия тяжело отразился на положении народов горного Дагестана, ограничив для горцев жизненно необходимые контакты с населением равнины. Многочисленные походы кочевников угрожали самому существованию горских народов, что способствовало возникновению укрепленных поселений в горах.

В V веке в прикаспийской части Дагестана, севернее Дербента, гунны основали своё царство с центром в городе Варачан. Севернее гуннов, в равнинном Дагестане, обосновались тюркоязычные племена савиров, а южнее Дербентского прохода проживали ираноязычные племена маскутов.

Племена савиров и маскутов были союзниками гуннов и активно участвовали вместе с ними в военных походах.

Набеги кочевых племён, политика Сасанидов, значительно ослабили Кавказскую Албанию, которая долгое время противостояла им, пытаясь сохранить свою самостоятельность. Вместо организации борьбы против кочевников, Сасаниды на подвластной территории начали повышать подати с местного населения, насильно навязывать свою религию -маздеизм и возводить мощные укрепления.

Всеобщее недовольство правлением Сасанидав привело к восстанию в 450г. армян и албан под руководством армянского предводителя Вардана Мамиконяна. Восстание было с трудом подавлено, сам Вардан Мамиконян был убит, но после этого Сасанидам пришлось столкнуться с очередным нашествием гуннских племён.

В 457 г. албанский царь Вече II опять выступил против Сасанидов вместе с дагестанскими владетелями, но неудачно. В 461г. царская власть в Кавказской Албании была упразднена. Албания вошла в состав Ирана в качестве пограничного округа, и управлять им стал персидский наместник - марзпан.

Однако выступления против Сасанидов не прекратились и восстание в Закавказье в 481-484 гг. вынудило их восстановить политическую самостоятельность и царскую власть в Албании.

Название Албания сохранилось по армянским источникам как Агвания, и её территория была расположена в куро-аракском междуречье, и соответствовала персидскому Аррану и арабскому Ширвану.

В V-VI веках происходит распад рабовладельческих отношений в Албании и становление феодальных отношений, которые совершенствуются, распространяясь и на дагестанские народы. К концу V века при Вачагане III , в Кавказской Албании стало широко распространяться христианство, что способствовало распространению албанской письменности, которую составил в начале V века армянский посветитель Месроп Маштоц. В Дагестане в Левашинском районе у с. Верхнее Лабко были найдены свидетельства пользования албанской письменностью.

К началу VI века в восточной части Предкавказской равнины после ухода гуннов стали преобладать племена савиров, которые активно вмешивались в борьбу Сасанидов и Византии за Кавказ. Их вторжения через Дербентский проход во многом способствовали падению Кавказской Албании при правлении последнего царя Вачагана III в 510г.

После распада, Кавказская Албания стала фундаментом для дальнейшего развития многонационального Дагестана, на территории

которого возникли ряд политических образований: Дербент, Лакз, Табасаран, Серир, Гумик, Кайтаг, Филан, Маскут, Зирихгеран и др. Культурно-историческое наследие Кавказской Албании органично вписалось в общую историю дагестанских народов, связывая античность с эпохой средневековья.

Список источников и литературы:

1. История Дагестана. Курс лекций, Махачкала: Дагучпедгиз. 1992.
2.История Дагестана с древнейших времён до конца XIX века. Ч.1. Махачкала, 1997.
3.Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времён до конца XV века. Махачкала: изд. ДНЦ РАН,1996. с.138
4.История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII века. Москва: "Наука". 1988.
5. Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала: 1994.

УДК 94

Магомедова Э.М.,
к.и.н., доцент кафедры истории
ДГПУ им. Р. Гамзатова
г. Махачкала, РФ.
elmira.magomedova.73@mail.ru.

Дагестан в трудах Е.И. Козубского

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу научно-просветительского наследия Евгения Ивановича Козубского, внесшего весомый вклад в изучение Дагестана. В исследовании детально рассмотрено влияние ученого на становление региональной историографии, статистики и архивного дела на рубеже XIX–XX веков. На основе историко-описательного метода удалось реконструировать ключевые этапы деятельности исследователя. Сделан вывод о фундаментальном значении трудов Козубского для современного кавказоведения.

Ключевые слова: Е. И. Козубский, Дагестанская область, Темир-Хан-Шура, кавказоведение, дагестанское краеведение, региональная историография, историко-статистические исследования, архивное дело**.**

Большую работу по собиранию, обобщению и публикации материалов из дагестанской летописи проделал Евгений Иванович Козубский.

Е.И. Козубский родился в 1851 году в Одессе. Там же прошли его детские и юношеские годы, учеба в университете. Окончив курс, Е. И. Козубский под руководством профессора истории Иконникова стал готовиться к профессуре, но по каким-то причинам изменил свои планы и в 1878 году приехал в Тифлис. Здесь он преподавал в кадетском корпусе.

Наиболее интересным уголком Кавказа Козубский считал Дагестан. Сюда он прибыл и поселился в Темир-Хан-Шуре [6. С.54]. С 1899 года Козубский - секретарь дагестанского областного статистического комитета. Затем заведовал, это было уже в последний год его жизни, дагестанским областным кустарным музеем.

Е.И. Козубский считался авторитетом во многих вопросах, касавшихся жизни Дагестана. В течение 30 лет он занимался научными трудами. В 1895 году составил библиографию литературы о Дагестане, куда вошло две тысячи названий. В этом же году Е. И. Козубский выпускает труд, который скромно назвал «Памятной книжкой Дагестанской области за 1895 год» [1]. В нем собраны подробнейшие данные об экономической и культурной жизни Дагестана, дано обилие статистических таблиц, наглядно показывающих состояние промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, народного просвещения и т.д.

После «Памятной книжки ...» выходит капитальный труд в 445 страниц об истории Дербента [2] (где история города естественно переплетается с историей Дагестана) с древнейших времен до начала XX века. Какие только события не описаны в нем: захват персами Дагестана в VI веке, начало строительства Дербента, легенды об этом, рассказы об оборонительных сооружениях, хазарах в Дербенте, о том, как просочилось туда христианство, приход арабов, Мерван и похороны жителей, русы у Дербента, царь Давид и царица Тамара, хитрость монголо-татар, половцы и Дербент, сношения с Россией, реконструкция Дербента шахом Аббасом, впечатления Фёдора Котова о городе, судьба мастера парусных дел Иоганна Стрейса, нападение Степана Разина на нижнюю часть Дербента, как жители города встречали Петра I, о жизни Бестужева - Марлинского в крепости, об осаде имамом Кази-Магомедом и многие другие сведения, вплоть до мощения улиц, водоснабжения, благоустройства школ, медицины, и т. д. О стенах Баб- аль - Абваба («Ворота ворот» - так называли арабы Дербент) писали: крупнейший путешественник средневековья Аль-Масуди, древние историки и географы Аль-Истахри, Абу-Хамид Андалузи, Аль-Казвини и многие другие. В их книгах много фантастического, много вымысла. Еще больше фантазии в

народных сказаниях об огненных людях, об Искандере-Зулькарнейне-мифических строителях дербентских стен. Все это свидетельствует о том, какой огромный интерес вызывал в народе древний город, перегородивший узкий проход на пути из Европы в Азию [6. С. 58].

Интересны приводимые Е. И. Козубским отрывки из книг русских и западных путешественников, побывавших в Дербенте. Дербент посетили и оставили записки о нем Афанасий Никитин, Адам Олеарий, Ян Стрейс, русские ученые, академики С. Гмелин, П. Г. Бутков и многие другие. В книге Козубского собраны богатейшие архивные данные о Дербенте конца прошлого и начала нынешнего века. Приводятся данные о численности и составе населения, о происшествиях, стихийных бедствиях и эпидемиях, о состоянии городского хозяйства, благоустройства, здравоохранения, просвещения.

Заслуга Е. И. Козубского заключается в том, что он собрал и объединил колоссальное количество литературных и архивных данных и таким образом создал подлинную энциклопедию Дербента [6. С.54]. Во многих случаях Е.И. Козубский историю Дербента тесно переплетает с историей всего Дагестана, что делает его труд ещё более полезным.

В 1909 году, в Петровске выходит ещё более объёмный труд, превышающий на добрую сотню страниц «История г. Дербента», - «История Дагестанского конного полка» [3]. Жизнь полка разворачивается на фоне истории Дагестана с 1852 года до начала XX века: театр военных действий, укрепления и посты, дороги к ним, история аулов, в которых размещался полк, биография старших офицеров и командующих, подробные справки о составе Дагестанского полка, нравы всадников, назначение полка и т. д.

Е. И. Козубский пишет историю Темир-Хан-Шуры [4], двухтомник «История реального училища» [5], где он сам в течение 30 лет вёл уроки истории и географии, готовит и издаёт ежегодно статистические отчёты Дагестанской области. Одновременно выступает в периодической печати. Стали появляться заметки и статьи Е. И. Козубского по географии, этнографии, истории, археологии Страны гор. Пытливый исследователь был замечен и избран в действительные члены кавказского отделения Русского географического общества.

Интересы Евгения Ивановича были очень широки. Он начал изучение края со сбора библиографического указателя литературы о Дагестане, в который вошло более двух тысяч названий. Заслугой его, несомненно, является создание первого в Дагестане краеведческого музея. Он также является основателем первой в Дагестане публичной библиотеки, которая

впоследствии превратилась, благодаря его усилиям, в сокровищницу редких книг по кавказоведению.

В 1897 году по поручению Императорского Московского археологического общества Е.И. Козубский совместно с О. Афанасьевым исследовал большой курган восточнее скалы Кавалер-Батарея на окраине Темир-Хан-Шуры. Здесь было обнаружено более 25 могил, каждая из которых представляла собою каменную гробницу овальной или прямоугольной формы. Могилы были покрыты массивными плитами. В некоторых находились останки людей, многие из которых были захоронены в сидячем положении.

Нельзя сказать, что автор не является последователем царского правительства. Е.И. Козубский ни в одном из трудов события революции 1905-1907 годов кроме как «печальными» не называет и вообще старается избегать описаний этого периода в истории Дагестана. Он выступил в роли организатора и руководителя «Союза монархистов» в Темир-Хан-Шуре, который занимался распространением черносотенных прокламаций с нападками на революционных рабочих и крестьян [7.С.44].

Дом, принадлежавший Е. И. Козубскому, по улице Буйнакского, 61 в г. Буйнакске охраняется. В 1952 году краеведы средней школы № 5 привели в порядок памятник на его могиле и с тех пор тщательно ухаживают за местом захоронения русского дагестановеда.

Список литературы и источников

1. Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895 г.
2. Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906 г.
3. Козубский Е. И. История дагестанского конного полка. Темир-Хан-Шура, 1909 г.
4. Козубский Е. И. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. XI. Тифлис, 1894 г.
5. Козубский Е. И. Историческая записка о первом десятилетии Теми-Хан-Шуринского реального училища. (1880-1889 г.). Петровск, 1890 г.
6. Трунов Д.И. Свет из России. Махачкала, 1956. С.54.
7. Свистунова А. И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 1973.

УДК 94

Магомедова Р.М.,
д.и.н., профессор
кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова
г. Махачкала. РФ

Консолидация горских обществ Дагестана как фактор разгрома военной машины Надир-шаха (1735–1743 гг.)

Аннотация:

В статье представлен комплексный анализ военно-политического единства народов Дагестана в период иранской экспансии под предводительством Надир-шаха Афшара. На основе персидских хроник (Мухаммад Казим, Мирза Мехди Астрабади), дагестанских исторических хроник и полевого фольклорного материала реконструируется процесс перехода от феодальной раздробленности к общедагестанскому сопротивлению. Рассматриваются механизмы межобщинной коммуникации (маслагаты, институт партизанской войны), роль духовенства и женщин. Особое внимание уделяется сравнительному анализу тактики сторон и причинам краха «непобедимой» армии в горных условиях. Делается вывод о том, что Андалалское сражение (1741 г.) стало первым прецедентом общедагестанского единства, зафиксированным в письменных источниках, и определило геополитическую судьбу региона на столетия вперед.

Ключевые слова: Надир-шах, Дагестан, Андалалское сражение, Джаро-Белоканы, военная демократия, газават, историческая память, консолидация этносов, Кавказская война XVIII века.

Экспансия Надир-шаха Афшара (1688–1747) в Дагестан представляет собой уникальный исторический казус: армия, прошедшая победным маршем от Дели до Самарканда, потерпела сокрушительное поражение в горах, население которых не имело регулярной армии, единого государства и современных вооружений. Феномен этой победы до сих пор вызывает дискуссии в историографии [7, с. 45]. Цель данной статьи - выявить механизмы консолидации дагестанских обществ, доказать, что именно единство (как военное, так и духовное) стало решающим фактором разгрома противника, превосходившего горцев численно и технически.

К 30-м гг. XVIII века политическая карта Дагестана представляла собой сложную мозаику. Здесь сосуществовали: Такие крупные феодальные владения как: Шамхальство Тарковское (кумыки), Аварское нуцальство (аварцы), Кайтагское уцмийство (даргинцы/кайтагцы), Мехтулинское ханство и другие, а также Союзы вольных обществ: Андалал, Акуша-Дарго, Цудахар, Джарский союз (лезгины, аварцы, цахуры), Антл-Ратль и др. - территории с демократическими формами самоуправления (джамаат) [8, с. 112], а также Султанства: Илисуйское, Цахурское.

Внутренние конфликты между этими субъектами были нормой: шамхалы враждовали с уцмиями, аварские ханы пытались подчинить вольные общества [5, с. 67]. Однако вторжение внешнего врага, несущего не

только политическое подчинение, но и культурно-религиозную ассимиляцию, потребовало пересмотра отношений.

Надир-шах, короновавшийся в 1736 г., стремился восстановить границы империи Сефевидов и контролировать Дербентский проход-ключевой пункт транзитной торговли. Его армия представляла собой грозную силу: регулярные части сарбазов, тяжелая конница, артиллерия и верблюжья артиллерия (замбуреки), а также тактика использования инженерных сооружений [7, с. 210; 3, с. 78].

Первые столкновения произошли еще в 1735 г., когда Надир (тогда еще полководец при шахе Тахмаспе II) совершил рейд в Дагестан, стремясь покарать джарцев за набеги. Эти стычки не принесли решающей победы иранцам [6, с. 34]. Настоящим провалом стала экспедиция 1738 г. в Джаро-Белоканы. Историк Мухаммад Казим (придворный летописец Надира) описывает, как 20-тысячный корпус иранцев попал в засаду в ущелье. Горцы, не вступая в открытый бой, обрушивали камни, вели прицельный огонь из-за укрытий и уничтожали отставших [4, с. 156]. Этот бой выявил слабые стороны иранской армии: неспособность тяжелой пехоты маневрировать в горах, отсутствие надежных коммуникаций, психологический надлом солдат перед «невидимым» врагом [3, с. 91].

Надир, разъяренный неудачей, применил тактику выжженной земли, уничтожая аулы. Это имел обратный эффект: поток беженцев хлынул вглубь Дагестана, разнося вести о жестокости шаха и усиливая антииранские настроения даже среди тех, кто ранее колебался (например, часть шамхальской знати) [1, с. 78].

К 1740 г. Надир контролировал равнинные районы и Дербент, но горы оставались непокоренными. Главным центром сопротивления стал Андалал - конфедерация аварских и даргинских сел, расположенная в труднодоступном районе (ныне Гунибский и Чародинский районы). Почему именно Андалал было выбрано местом генерального сражения? Этому способствовало несколько факторов:

1.Географический фактор: Лабиринты ущелий, перекрывающие пути к Аварии и Лакии [2, с. 45].

2. Организационный ресурс: Андалал имел опыт управления крупными ополчениями [5, с. 89].

3. Религиозный авторитет: Здесь находились влиятельные мусульманские ученые, которые издали фетву о газавате. Священная война против неверных (Надир, будучи шиитом, рассматривался горцами-суннитами как еретик) стала мощнейшим объединяющим фактором, перекрывающим этнические и клановые различия [1, с. 82].

4. «Великий маслаат»: ключевым событием, предшествовавшим решающей битве, стал общедагестанский съезд (маслаат) в Андалале, предположительно в селе Согратль или Мегеб. Источники (в частности, труды Гасан-Эфенди Алкадари и устная традиция) донесли до нас его основные решения [1, с. 84]: 1.Объявление перемирия (бешли).

2.Все кровные дела и межродовые споры были остановлены под страхом сурового наказания.

3.Создание единого командования. Военным предводителем был избран Ибрагим-Хаджи из Урады, а также Хаджи-Муса из села Мегеб и Муртузали-кади из Акуши [5, с. 94].

4. Каждое общество выставляло определенное количество бойцов. Лазутчики рассылались для дезинформации шаха о готовности покориться (чтобы усыпить бдительность) и для сбора данных о передвижении войск [4, с. 162]. Этот маслагат стал актом высшей политической мудрости: горцы осознали, что поодиночке они будут разбиты.

В сентябре 1741 г. Надир-шах лично возглавил 50-тысячную армию (по другим данным, 30-40 тыс.), вторгшуюся в Андалал [3, с. 102].

План шаха состоял в том, чтобы раздробить силы горцев и выйти в центральный Аваристан. Однако горцы, заняв ключевые высоты (горы Турчидаг, Кокума, Салта), перекрыли ущелья.

Ход битвы можно разделить на три фазы: 1. Оборона на подступах (район Хициб и Салта). Лучшие части иранской армии (афшары, курды, афганцы) штурмовали завалы и башни. Горцы использовали тактику «волчьих ям» и камнепадов. В этом бою особо отличились жители сел Чох, Согратль и Ругуджа [2, с. 51]. Однако иранцам удалось закрепиться на гребне горы Турчидаг, создав угрозу флангового охвата. Поняв, что окружен, и потеряв артиллерию в горах, шах отдал приказ к отступлению. Отступление превратилось в катастрофу: каждый аул на пути иранцев становился крепостью, откуда по ним стреляли даже старики и подростки. Сам Надир едва избежал плена [4, с. 170; 7, с. 256

Поражение в Андалале имело колоссальные последствия. Надир-шах потерял до 20 тыс. солдат убитыми и пленными. Его репутация «непобедимого» была подорвана [3, с. 110]. Империя Афшаридов отказалась от активных завоеваний на Кавказе. Дагестан сохранил независимость [6, с. 67].

В дагестанском обществе вырос авторитет вольных обществ, сумевших организовать отпор. Феодалы, колебавшиеся, потеряли авторитет в глазах народа [5, с. 102]. В селе Согратль был установлен памятный камень (камень Андалала), у которого давали клятву на верность единству [2, с. 58].

Разгром Надир-шаха в Дагестане стал возможен благодаря синтезу нескольких факторов: уникальной горной тактики, героизма отдельных личностей, но прежде всего - беспрецедентной консолидации. Народы Дагестана, говорящие на разных языках и имеющие разные традиции управления, сумели создать временное, но эффективное военно-политическое объединение.

Опыт Андалала показал, что единство является не просто моральной категорией, а реальным оружием, способным противостоять самой совершенной военной машине своего времени [1, с. 95; 6, с. 72].

Это событие остается важнейшей частью исторической идентичности

дагестанцев, напоминая о том, что в час общей опасности различия отступают перед общим домом.

Список литературы и источников

1. Алкадари, Г.-Э. Асари Дагестан (Исторические сведения о Дагестане). - Махачкала: Дагкнигоиздат, 1929. - 184 с. (репринт: Махачкала, 1994).
2. Айтберов, Т.М. Андалал в XVIII веке: (К вопросу о социально-экономическом и политическом развитии) // Вестник Дагестанского научного центра.- 2003. - № 14. - С. 45-60.
3. Гаджиев, В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане.- Махачкала: Институт ИЯЛ им. Г. Цадасы, 1996. - 120 с.
4. Казим, Мухаммад. Поход Надир-шаха в Индию (Извлечения из «Наме-йи аламара-йи Надири»). Перевод с персидского, предисловие и примечания П.И. Петрова. - М.: Издательство восточной литературы, 1961. - 200 с.
5. Магомедов, Р.М. История Дагестана: С древнейших времен до конца XIX века. - Махачкала: Дагучпедгиз, 2012. - 320 с.
6. Сотавов, Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. - М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1991. - 224 с.
7. Локхарт, Л. Надир Шах: критическое исследование, основанное главным образом на современных источниках. – Лондон, 1938. - 344 с. (Переиздание: 2018).
8. Шихсаидов, А.Р. Дагестан в X–XIV вв. (Опыт социально-экономической характеристики).- Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. -176 с.

УДК 94

Магомедов Ш.А.,
Магистрант 2 года обучения
Исторического факультета
ДГПУ им. Р. Гамзатова
Научный рук-ль: Султанбеков Р.М.

Дербент в XVIII в.: политическое положение, социально-экономический облик, этноконфессиональный состав населения.

Аннотация. В статье на основе данных опубликованных, а также впервые вводимых автором в научный оборот архивных источников и достижений отечественной историографии, широкого использования историко-этнографического материала обстоятельно освещаются некоторые аспекты истории Дербента XVIII - первой половины XIX вв. Автор отмечает, что динамика политического положения Дербента во многом зависела от

внешнеполитических факторов, а торгово-экономические связи с народами южного Дагестана и северного Азербайджана оставались слабо изученными.

Ключевые слова: Дербент, Иран, Россия, политика, экономика, социальный строй, Дербентское ханство, Кубинское ханство.

Дербент — один из древнейших городов Северного Кавказа, расположенный на узком участке прибрежной полосы между Каспийским морем и отрогами Кавказского хребта, — на протяжении веков выполнял функцию стратегических «ворот» между Северным Кавказом и Закавказьем, между степным миром и ближневосточными цивилизациями. В XVIII столетии политическая судьба города определялась столкновением интересов трёх крупных держав — Ирана, Османской империи и России, — каждая из которых стремилась контролировать этот ключевой узел транс каспийской торговли [13, с.7.].

В начале XVIII в. Дербент находился под властью Сефевидского Ирана. Персидский поход Петра I 1722 г. привёл к занятию города русскими войсками и освобождению населения от шахской власти. По Петербургскому договору 1723 г. Дербент вместе с прилегающими прикаспийскими провинциями отошёл к России [14, с.143]. Однако уже в 1732–1735 гг., в рамках русско-персидских договорённостей, город был возвращён Ирану [6, с.144]. Смерть Надир-шаха в 1747 г. привела к распаду его империи и провозглашению Дербентского ханства как самостоятельного государственного образования. Столицей ханства стал Дербент, где правил местный хан, опиравшийся на систему внутреннего самоуправления, безопасности и судопроизводства [13, с.8].

В 1758 г. власть в Дербенте перешла к Фатали-хану Кубинскому, который, вступив в тайные переговоры с дербентскими беками и приобретя среди них сторонников, присоединил город к Кубинскому ханству [3, с.96]. Фатали-хан провёл административную реформу: разделил кланы жителей Дербента на четыре группы, поручив управление каждой из них отдельному беку, и поставил над ними наиба как своего наместника. После

присоединения Дербента значение Кубинского ханства в политической жизни региона существенно возросло. В конце XVIII в. город оказался в эпицентре нового витка русско-персидского противостояния: в 1796 г. он был занят русскими войсками под командованием генерала Зубова, но вскоре по указу Павла I возвращён Ирану [13, с.95]. Окончательно Дербент был присоединён к Российской империи по Гюлистанскому мирному договору 1813 г. [11, с.160].

Внутреннее политическое положение Дербентского владения было достаточно сложным. Социальное расслоение чётко соответствовало эпохе развитого феодализма. Полнотой власти пользовался хан; текущими делами управлял наиб, которому подчинялись юзбаши, дарга, кетхуда, хайралы и прочие должностные лица [13, с.26]. К феодальному сословию примыкало высшее духовенство, которое нередко вмешивалось в светские дела. Зависимое население состояло из крестьян, ранжбаров, раятов и рабов; в городе это были мелкие ремесленники, подмастерья, мелкие торговцы [13, с.27].

Экономика Дербентского владения базировалась на системе налогообложения, денежной и натуральной ренте, поступлениях с торговых пошлин. Самой доходной статьёй казны был рахтарный (таможенный) сбор, который охватывал всю торговлю [13, с.207]. Доходными статьями считались и подушные подати, которые собирались как деньгами, так и натурой.

Земледелие и животноводство являлись основными занятиями жителей. Значительное развитие получило животноводство, главным образом овцеводство, удовлетворявшее потребности не только в мясомолочных продуктах, но и служившее источником сырья для домашних промыслов [1, с.18]. Близость моря и богатых рыбой рек позволяла заниматься рыболовством в значительных масштабах [13, с.112].

Важнейшими сельскохозяйственными культурами были марена и шафран. Мареноводство, получившее особенно широкое распространение во второй половине XVIII в., стало одной из главных статей дербентского

экспорта [2, с.102]. Марена поставлялась на краповые фабрики Санкт-Петербурга, причём поставками занимались армянские купцы, скупавшие марену в населённых пунктах равнинного Дагестана [8, с.35]. Шафран, возделывавшийся в окрестностях Дербента, употреблялся как пряность, лекарство и краситель для шёлковых тканей и ковров; пуд шафрана во время сбора продавался по сто рублей — цена, недоступная для европейских поставщиков [13, с.175]. Виноградарство и виноделие также были традиционной отраслью хозяйства; из местного винограда изготовляли вино (чихирь), которое, по свидетельству путешественников, «не только имеет хороший вкус, но также нарочито крепко и не скоро портится» [8, с. 211.].

В городе было сконцентрировано большое количество ремесленников. Наиболее распространённым видом ремесла было ковроткачество, художественные традиции которого уходили вглубь веков; широкое распространение объяснялось наличием качественной шерсти и естественных красителей. Важной отраслью было производство шелковых тканей, причём шёлк шёл не только на внутреннее потребление, но и на экспорт [9, с.21]. Значительного развития достигла металлообработка — кузнецы изготовляли сельскохозяйственные орудия, оружие, медную и оловянную посуду. Ювелирное дело отличалось разнообразием технических приёмов — ковкой, штамповкой, филигранью, чернением, покрытием эмалью [1, с.19].

Дербент оставался крупным торговым центром Западного Прикаспия, имевшим тесные торгово-экономические контакты с Дагестаном, Закавказьем, Ираном и особенно широкие отношения с Россией. Из Дербента в Россию вывозили шёлк-сырец, шафран, марену, изделия ремесленников [6, с.176]. У дербентских купцов были собственные суда (полубусы, струги) с командами работных людей [1, с.24].

По описанию русского историка С.М. Броневского, в 1796 г. в Дербенте числилось 2189 домов, монетный двор, 450 лавок, 15 мечетей, 6 караван-сараев, 30 шёлковых и 113 бумажных фабрик, 50 разных мастеровых

лавок и около 10 тысяч жителей обоего пола [5, с. 40]. Одновременно в XVIII — начале XIX в. Дербент оставался одним из крупнейших невольничьих рынков Северо-Восточного Кавказа.

Дербентское владение отличалось этнической пёстротой: здесь, мирно сосуществуя, проживали лезгины, табасараны, азербайджанцы, горские евреи, таты, персы, армяне и грузины [4]. На этнический состав населения значительно повлияла переселенческая политика иранских шахов. Так, шах Аббас I, стремясь превратить Дербент в опорную базу для подчинения народов Дагестана, изгнал местное суннитское население и переселил из Ирана 400 семейств баятского племени [4].

По данным на 1796 г., из 2180 хозяйств Дербента «домов обывательских Алиевой и Сунинской секты» (шиитов и суннитов) было до 2090, а армянских — около 90 [4; 12]. На рубеже XVIII–XIX вв. сунниты составляли около 10% населения, более трёх четвертей — шииты, а остальные жители являлись христианами (армяне — до 10%) и иудеями (4–5%) [4]. Основная часть населения Дербента вплоть до конца XVIII в. имела племенное самосознание, что поддерживалось правителями, заинтересованными в структурированной системе управления [14, с.28]. К концу XVIII в. население города было представлено племенами румлу (шиитское тюркоязычное племя, переселённое в Дербент в XVI в.), боят, урумия, хорде-пай и мокри [4].

Армянская община Дербента формировалась на протяжении всего XVIII столетия. После Каспийского похода Петра I 1722 г. правительство активно привлекало христианское население — армян и грузин — к поселению в Дербенте [7, с.33]. В 1728 г. здесь обосновалась часть польских армян, переселившихся в Россию [11, с.306]. По свидетельству И. Гербера, в конце царствования Петра Великого армяне в Дербенте населяли целую улицу; караван-сараи принадлежали армянам [10, с.86]. Хотя с приходом Надир-шаха часть армян эвакуировалась вместе с русскими войсками (не менее 450 семей), под покровительством Кубинских ханов община вновь

окрепла, и к концу XVIII в. в Дербенте насчитывалось не менее 100 армянских домов [7, с.34].

Еврейская община Дербента является старейшей на Северном Кавказе и восходит к VII веку [13, с.157]. В XVIII в. горские евреи подвергались гонениям во время русско-персидских войн; Надир-шах принуждал многих принять ислам. Тем не менее, к концу XVIII в. в Дербенте существовала еврейская община: по одним данным, она имела 59 еврейских домов и 166 душ мужского пола [4]. После завоевания Дагестана Россией многие евреи сосредоточились в Дербенте, и город стал религиозным центром горских евреев.

Таким образом, к концу XVIII в. Дербент представлял собой сложную этноконфессиональную мозаику, объединённую не столько территориальными, сколько экономическими и культурными факторами. Эта многокультурность, обусловленная геополитическим положением города на перекрёстке торговых, миграционных и военных путей, создавала уникальную среду, в которой формировались и сосуществовали различные образовательные традиции.

Список использованных источников и литературы

1. Агаев Р.А. Социально-экономическое и политическое развитие Дербентского владения в XVIII — первой половине XIX вв.: автореферат дис. … канд. ист. наук. — Махачкала, 2005. 28 с.
2. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII — первой половине XIX в. — Махачкала: ДНЦ РАН, 1999. 339с.
3. Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан: Исторические сведения о Дагестане / пер. и примеч. М. Гайдарова. — Махачкала: Изд-во «Лотос», 2008. 224 с.
4. Азизова М.Э. Трансформация этноконфессионального состава города Дербента в период его присоединения к Российской империи (1813–1926 гг.) // Вектор научной мысли. — N.7. – 2025. https://vektornm.ru/files/724-Azizova_Makhira__1643.pdf
5. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. — М. Ч.1.,1823. 367с.
6. Гасанов М.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в — Махачкала: ДГПУ, 2011. 421с.

7. Магомедов Н.А., Абдурахманова М.С. Формирование армянской общины Дербента в XVIII в. // Вестник института ИАЭ. — 2013. № 3. — С. 31–35.
8. Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. – М.: изд-во «Вост. лит.»,1958. С.209-211.(далее ИГЭД)
9. Гмелин С.Г. «Путешествие по России для исследования трёх царств природы».— СПб., 1785. Ч.3. 336 с.
10. Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западном берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С.60-120.
11. Козубский Е.И. История города Дербента. — Темир-Хан-Шура, 1906.
12. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. — М.: Наука, 1982. 485 с.
13. Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII –первой половине XIX в. (политическое положение и экономическое развитие). – Махачкала, 1998. 248с.
14. Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана // ИГЭД. С.138-156.

УДК 93

Нифталиев Р.Ю.,
ведущий научный сотрудник,
доктор философии по истории, доцент,
Институт истории и Этнологии
им. А.А. Бакиханова, НАН Азербайджана,
г. Баку, Республика Азербайджан
ramil.niftaliyev.67@mail.ru
ORCID: 0000-0001 -5346-443X

О создании и деятельности «Комитета по оказанию помощи пострадавшим от шамахинского землетрясения» в городе Баку

Аннотация: В статье кратко рассматривается о создании и деятельности комитета для оказания помощи пострадавшим от разрушительного землетрясения, произошедшего в Шамахинском уезде Бакинской губернии 31-го января в 1902 года. Комитет был сформирован 1 февраля в редакции газеты «Каспии» в городе Баку. Инициатором создания комитета был известный филантроп и меценат Г.З. Тагиев. Избранный председателем комитета Г.З. Тагиев смог в короткие сроки проделать большую работу по устранению последствий этого стихийного бедствия. Показано, что ни одно из землетрясений, произошедших в Шамахы, не сопровождалось столь масштабными мерами по оказанию помощи, как

землетрясение 1902 года. Это стало результатом активных усилий Г.З. Тагиева.

Ключевые слова: Северный Азербайджан, Бакинская губерния, Шамахинский уезд, землетрясения, комитет, газета «Каспий», Гасан бек Меликов

История знает немало землетрясений, происходивших в Шамахы. В XIX столетии сильные землетрясения отмечены в 1806, 1828, 1859, 1869, 1872, 1896 годах. В 1806 г. землетрясением была разрушена Шамахинская крепость. 1828 г. в результате очередного землетрясения в Шамахы было разрушено 247 домов и 30 лавок, а в окружающих селениях до 300 домов. В 1859 г. 30 мая в 4 часа дня послышался сильный удар, которым было повреждено и разрушено до 3 250 различных зданий, в том числе почти все административные постройки. Землетрясение 21-го августа 1869 года охватило огромную площадь в пять тысячь квадратных верст, уничтожив 227 зданий и сильно повредив 987. В 1872 г. 16 января, в 10 часов утра сильное землетрясение, продолжавшееся всего 43 секунды, вновь нарушило мирную жизнь шамахинцев. Погибло 118 человек, 44 было ранено. У Джума-мечети отпала облицовка, русская церковь дала трещину. В 1896 г. 21 августа, в 3 часа пополудни, в Шамахы и в окрестных селениях произошло еще одно сильное землетрясение, которое продолжалось около 15 секунд, но произвело большие разрушения: казармы, лазарет, тюрьма, телеграфная станция были разрушены, было повреждено также много жилых домов [4, с. 2; 9, с. 3; 15, с. 3].

31 декабря 1902 года в Шамахинском уезде Бакинской губернии, еще не оправившемся от землетрясения 1896 года, произошло сильное землетрясение, которое было настолько сильны, что люди не могли держаться на ногах. «Погибло (в точности по не установленным цифрам) под развалинами около 1 300 человек, т.е. 6,5% всего населения (22 000 жителей). В Шамахы насчиталось до 5 000 домов, из них 4 500 разрушены совершенно, остальные получили более или менее сильные повреждения. В уезде потерпели разрушения 126 селений (всего в уезде было около 200). Из 9 000 жилых домов разрушено около 3 000, повреждено около 4 000. Разрушено и повреждено 11 церквей, 41 мечеть и около 4 000 надворных построек. Убито 85 человек, ранено 60” [16, с. 200].

Статья под названием «Землетрясение в Шамахы» была опубликована в 8 и 14 номерах журнала «Нива», издававшегося в Петербурге в 1902 году. В статье читаем: «По выяснившимся за последнее время данным, в городе погибло 2 000 людей, да около 16 000 остались без крова, без куска хлеба. Более 4 000 домов, 8 мечетей, базар исчезли в развалинах. Разрушена

знаменитая Джума-мечеть, гордость Шамахы, незыблемо простоявшая девять столетий, переносящая и войны и землетрясения. В православной церкви рухнул внутрь купол, повреждены и городская тюрьма. Всего больше пострадало женщин с детьми, находившихся в момент катастрофы в 11 городских банях. В этот же злополучный час собралось много женщин оплакивать прах двух скончавшихся мусульман. Все они более 70 человек погибли. Погибло много народа в мечетях во время полуденного намаза. В русско-татарской школе погиб учитель с учениками. Первые дни после катастрофы Шамахы представлял из себя ужасающее зрелище. Уцелевшие жители остались буквально ни с чем. 16 000 шамахинцев жили за неимением палаток и материалов для постройки временных жилищ под открытым небом и голодали. А в довершение горя, наступила отвратительная, холодная погода: дождь со снегом, туман» [2, с. 159-160а]. Живой свидетель этого события О.Ф. Неманзаде писал: «В четверг 31 января 1902 года в 12 часов дня в Шамахы произошло небывалое землетрясение. Сегодня для Шамахы было величайшее бедствие, неслыханный ужас и день гибели» [6, с. 70].

Важно отметить, что историческая Джума-мечеть, построенная в VIII столетии Абу Муслимом Хорасани, и другие исторические религиозные памятники города были отреставрированы в 1897 году при попечении мударриса Хаджи Маджида Эфенди, а рядом с мечетью было построено новое школьное здание для проведения занятий по новой методике [11, с. 3]

Вечером 31 января до Баку дошла весть о страшном землетрясении в Шамахы (землетрясение произошло в 12:50 дня), которая повергла всех в скорбь. В такое трудное время необходимо было предпринять определенные действия, чтобы помочь пострадавшим от Шамахинского землетрясения. С этой целью по личной инициативе известного благотворителя и мецената Г.З. Тагиева было принято решение о создании в редакции газеты «Каспий» в Баку центра под названием «Комитет помощи пострадавшим от Шамахинского землетрясения». Ответственность за реализацию этой работы взял на себя Г.З. Тагиев, и 1 февраля немедленно началась формирование названного комитета. Г.З. Тагиев обратился к городскому голове города Баку М.А. Белявскому, вице-губернатору П.А. Лилееву, находившемуся в это время в Шамахе с губернотором Д.А. Одинцовым в связи с землетрясением, и присяжному поверенному города Баку, прокурорского надзора бакинского окружного суда А.В. Костенскому с просьбой поднять перед вышестоящими органами вопрос об организации помощи пострадавшим от землетрясения в городе Баку и его фабрично-промышленном районе. Оставшиеся не равнодушным к его просьбе от имени П.А. Лилеева и А.В. Костенского была

отправлена срочная телеграмма в управление Главноначальствующего Гражданской частью на Кавказе [7, с. 3].

2 февраля по указанию Г.З. Тагиева в Шамаху были отправлены сотрудники газеты «Каспий» Гасан бек Меликов и врач Гасан бек Агаев с необходимыми перевязочными материалами и лекарствами [5, с. 2]. Добровольцами же было собрано пожертвование в размере 1 тыс. рублей [7, с. 3].

В этот день от имени Г.З. Тагиева были разосланы приглашения всем почетным гражданам города Баку принять меры по оказанию экстренной помощи пострадавшим от землетрясения. 3 февраля представители государственной администрации и местной прессы, нефтяники и торговцы — все, проголосовавшие за этот призыв, собрались в зале Думы в 11 часов. Думский зал был полон званых и незваных гостей. Они пришли предложить свою помощь [7, с. 3].

Открывая заседание вступительным словом голова города Баку М.А. Белявский сообщил о получении ответа из управлении Главноначальствующего Гражданской частью на Кавказе. Управление позволило организовать сбор пожертвований в Баку в пользу пострадавших от Шамахинского землетрясения. Для начала работы была написана телеграмма М.А. Белявским для отправки П.А. Лилееву и зачитан ее текст. После этого выступил А.б. Топчибашев. Во время выступления он не мог сдержать слез, прерывая свою эмоциональную речь слезами, выражая свою скорбь за положение шемахинцев, оставшихся в безвыходном положении [7, с. 3].

По общему согласию единогласно было решено создать «Комитет помощи пострадавшим от Шамахинского землетрясения» для помощи шамахинцам, председателем которого стал Г.З. Тагиев, а членами комитета были избраны М.А. Белявский, А. б. Топчибашев, Х.С. Антонов, К.И. Хатисов, Ф.б. Везиров, А.М. Фейгль, А.А. Дадашов, Б.М. Долуханов, Б. Лалиев, И. Сафаралиев, С.Т. Тиханов, А.С. Уманов, Г.С. Шарабандов, Гаджиев, С.С. Арутюнов, Арсен, Г.К. Будагов, Гасанов, Г.А. Ахмедов, М. Векилов и Д.Д. Арутюнов. Казначеем комитета стал С.Т. Тиханов. Контроль за выполнением решений комитета был возложен на А.б. Топчубашева и К. И. Хатисова, а Марданов стал его секретарем. Также было организовано 5 групп для выполнения работ и поручений комитета.

Первую группу, которая отвечала за сбор пожертвований с нефте-промышленных контор и кредитных учреждений, представляли Фейгль, Долуханов, Дадашов и Уманов; вторую, которая отвечала за сбор пожертвований с магазинов, лавок и рынков, представляли Везиров,

Антонов, Сафаралиев и Гаджиев; третью, которая отвечала за оказание медицинской помощи, представляли Белявский, Топчубашев, Векилов и Дастаков; четвертую, которая отвечала за заказ и сбор одежды, представляли Арутюнов, Арсен, Сафаралиев и Хачанов; и пятую, которая отвечала за организацию закупки продуктов питания, представляли Шарабандов, Будагов, Гасанов и Ахмедов [7, с. 3].

На заседании была зачитана телеграмма, отправленная от имени вице-губернатора П.А. Лилеева. В телеграмме говорилось: «Мука, палатки, врачи отправляются нами на основании моего заявления в Главное управление. Сумма на продукты питания и собранную одежду отправляется по почте без перевода на имя Гасана бека Меликова. Дальнейшие инструкции вы получите через Меликова» [7, с. 3]

После прочтения телеграммы председатель комитета Г.З. Тагиев заявил, что он пожертвует еще 4 тыс. рублей сверх выплаченных 1 тыс. рублей жителям Шамахы, пострадавшим от стихийного бедствия, и в соответствии с требованием ему было сообщено, что он отправит 4 февраля по почте от имени Гасан бека Меликова 5 тыс. рублей [7, с. 3].

Был поднят вопрос о необходимости открытия Шамахынского отделения комитета в самом городе Шамахы с целью получения точной и регулярной информации о последствиях землетрясения. Решением комитета уполномоченным представителем комитета в Шамахинское отделение в Шамахы был назначен Г.б. Меликов [7, с. 3]

На заседании комиссии, состоявшемся 3 февраля в кабинете Г.З. Тагиева, ввиду напряженной работы членов комиссии не было сочтено необходимым присутствие всех членов комиссии. На заседании была организована группа в составе М.А. Белявского, А.б. Топчибашева, А.Б. Фейгля, Ф.б. Везирова, С.Б. Хачанова, Г.С. Шарабандова и Гаджиева для представления комитету информации о проделенной работе, ежедневно в час дня после обсуждения всех вопросов в комитете. Также была создана в целях скорейшего оказания помощи пострадавшим от стихии специальная представительская группа в составе врача Мамеда Рзы Векилова, архимандрита Арсена, Гасанаги Гасанова, Асадуллы Ахмедова и И. Абелова для отправки к ответственному лицу комитета в Шамахы к Гасан беку Меликову. Эта группа была немедленно отправлена на место происшествия [7, с. 3].

Председатель комитета Г.З. Тагиев обратился в администрацию города с просьбой централизовать сбор одежды и продуктов питания в пользу пострадавших от землетрясения, и вскоре в распоряжение комитета были переданы два пустующих склада в городе. Он ежедневно созывал

заседания комитета, чтобы получить информацию о работе, проводимой различными группами, организованными комитетом, и обращался к правительственным департаментам с просьбой ускорить эту работу.

На следующем заседании, состоявшемся 5 февраля, была отправлена телеграмма Гасан беку Маликову, представителю комитета в Шамахе, в которой сообщалось, что в ярмарочных бараках города собираются все необходимые вещи, которые должны быть отправлены из Баку. Тогда, согласно полученной информации, учитывая большую потребность в помощи пострадавшим женщинам на месте катастрофы, комитет принял решение направить медсестер Евангулову и Каданову в Шамахы. С ними также должны были поехать архимандрит Арсен, врачи М.Р. Великов, Гасанага Гасанов, Асад Ахмедов и И. Абелов [13, с. 2].

Сбор помощи продолжался каждый день. Эмир Бухары Сейид Абдуллахад-хан пожертвовал через Г.З. Тагиева 3000 рубл [13, с. 2]. Кроме того, комитет получил от Бакинского общественного собрания 1000 рублей, от представителя Северного страхового общества С.Т. Тихонова 500 рублей, от Бакинского кредитного общества 500 рублей и от комитета, учрежденного Главным управлением, до 600 рублей [1, с. 2]. По данным газеты «Кавказ», в одной из бакинских школ было собрано 20 рублей. Автор статьи особо отметил, что 3 копейки, которые ему удалось собрать, пожертвовал бедный мусульманский ученик этой школы. Собранные деньги с 31 января по 5 февраля 1 674 р. 43 к., а также продовольствие и одежда отправлены в Шемаху [10, с. 2].

Все группы комитета продолжили свою деятельность по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения в Шемахе и близлежащих селах. Работа членов комитета была особенно сложной, так как сбор помощи на рынках и в небольших магазинах занимал много времени. Сотрудники отдела, задействованные в этой работе, Ф. Вазиров, Х. Антонов, И. Сафаралиев и И. Гаджиев, на очередном заседании комитета заявили, что владельцы мелких магазинов и рыночные торговцы, независимо от национальности и вероисповедания, добровольно оказывают свою помощь. Но их так много, что работа отнимает слишком много времени у членов комитета. Поэтому председатель комитета Г.З. Тагиев решает увеличить количество людей, собирающих пожертвования, и для этого привлекает к этой работе дополнительных специальных людей [14, с. 2].

В нефтепромышленном районе, в редакции газеты «Каспий», а также в офисах городского муниципалитета и совете нефтепромышленных съездов члены комитета, ответственные за эту работу, продолжили сбор пожертвований в виде женской одежды и других вещей.

Помимо вышеперечисленных отделов, 6 февраля при городской администрации был открыт специальный склад для приема пожертвований, где дезинфицировалась одежда и другие вещи, отправляемые в Шамахы в фургонах [14, с. 2].

Комитет пригласил председателя Бакинского отделения Императорского Российского музыкального общества Максимилиана Маврикеевича Шумахера для сбора пожертвований в Биби-Эйбате, а А. В. Назарова, вернувшегося из Шемахи несколько ранее и пережившего бедствие в родном городе, для сбора пожертвований в районе Гара-шегер [14, с. 2].

Сообщалось из группы, занимающейся медицинской частью, что несколько человек, особенно женщины, выразили желание поехать в Шамахы, чтобы оказывать помощь пациентам. Члены комиссии, отправленные в Шамахы в ночь на 5 февраля с заданием, должны были оперативно доложить о тех частях, где требовалась более серьезная помощь на месте происшествия. Им пришлось ждать прибытия врачей, фельдшеров и акушеров, направленных из Тифлиса на помощь.

6 февраля комитет направил бригаду медицинской помощи в составе 7 врачей, 4 мужчин-фельдшеров, 1 женщины-фельдшера, 1 медсестры и 1 женщины по уходу за пациентами. Вместе с ними были отправлены через доктора Векилова бинты и лекарства, часть из которых пожертвовали аптеки Чишковского и Моравского. Комитет также предложил направить мобильные аптечки для быстрой доставки самых необходимых лекарств [14, с. 2].

На этом заседании членам комитета Ю. Будагову и Б. Лалаеву было поручено обустроить ярмарочные бараки для размещения части пострадавших от землетрясения в случае их прибытия в Баку. Члены комитета, отправленные в Шамаху для оказания помощи Г. Меликову, заявили, о выполнении всякой работы без какой-либо компенсации [14, с. 2].

7 февраля были собраны более крупные суммы денег: 3000 рублей от Каспийско-Черноморского общества, 1000 рублей от наследников Вартановой, 600 рублей от Шамси Асадуллаева, 500 рублей от торгового дома братьев Кашеевых и 100 рублей от семьи Н.А. Сарумова. К 7 февраля всего было собрано 5 242 рубл. 58 к. [14, с. 2]. В Бакинское отделение Волжско-Камского банка от имени императрицы Александры Федоровны было переведено 3000 рублей в качестве материальной помощи детям и супругам офицеров Шамахинского полка, служивших в Шамахы. Сообщалось также, что из Императорского дворцового управления в пользу населения Шамахы было переведено 3000 рубл., от имени Гаджи Гаджиаги 1000 рубл., от имени Абдулмаджида Алескерова 100 рубл. [8, с. 2].

По данным корреспондента журнала «Нива», на момент написания статьи было собрано 80 тыс. рубл. пожертвований, а император выделил на это 100 тыс. рублей [3, с. 283].

Интересен отчет бакинского губернатора о суммах собранных денег. По данным отчета, занимающего 52 страницы о приходе и расходе сумм, поступавших с 1-го февраля 1902 года по 1-е декабря 1903 года на дело оказания помощи населению г. Шамахы и его уезда, пострадавшему от землетрясения произошедшего 31-го января 1902 года, все пожертвования по 1-е декабря 1903 года составили 599 003 р. 58 к.. Из этой суммы пожаловано было государем императором и государыней императрицей 70 тыс., от особы императорской фамилии, а также от шаха каджарского и эмира бухарского 14 тыс. рублей. Главноначальствующим гражданскою частью на Кавказе генерал-адютантом князем Г.С. Голицыным было отпущено из экстраординарной суммы на первоначальную помощь 3 тыс. рублей. Независимо от этого, князем Г.С. и княгиней М.Ф. Голицыными было пожертвовано 2 тыс рублей. Затем пожертвований поступило: от правительственных и частных учреждений 161 021 р. 4 к., от окружных и местных управлений и комитетов российского общества «Красного креста» 129 092 р. 39 к., от редакций газет 121 784 р. 36 к., от губернаторов 48 428 р. 96 к. от частных лиц непосредственно 32 737 р. 16 к., от частей войск и военных управлений 3 487 р. 32 к., от прихожан и притча церквей 1 951 р. 15 к. и от учащихся в учебных заведениях 1750 р. 88 к.

Наибольшая часть пожертвований, поступавших от губернаторов, приходится на долю Тифлисской губернии (25 606 р. 40 к.), всего губернии Кавказского края дали 40 259 р. 7 к.. Из внекавказских губерний больше всего поступило от губернаторов екетеринославского (1 550 р. 82 к.) и оренбургского (1 280 р. 80 к.), а меньше - из Астраханской губернии (29 р. 75 к.). Пожертвований через редакции поступило от 43 газет. Размеры собранных сумм колеблются от 50 к. до десяткой тысяч рублей. Больше всего пожертвований поступило от редакции газ. «Каспий» (35 690 р. 30 к.), за ней идут «Московский листок» (29 043 р. 21 к.), «Кавказ» (12 954 р. 18 к.), «Русские ведомости» (8 996 р. 61 к.), «Новости дня» (6 203 р.), «Московские ведомости» (4 736 р. 94 к.), «Русский листок» (3 340 р.), «Русское слово» (3 076 р. 94 к.).

Пожертвования, поступившие через учреждения общества Красного креста, почти целиком присланы кавказским окружным управлением (127 501 р.), остальные 1 511 р. 39 к. поступили от 9 учреждений, видное место между которыми занимает харбинское управление (511 р. 60 к.) [12, с. 2].

Таким образом, созданный по непосредственной инициативе Г.З. Тагиева «Комитет помощи пострадавшим от Шамахинского землетрясения» смог по мере своих сил оказать помощь всему населению Шамахинского уезда. Конечно, если ущерб только городу оценивался не менее чем в 15 миллионов рублей [2, с. 160а], то проделанную комитетом работу следует признать достойной одобрения. Его инициатива проложила путь к созданию подобных комитетов и в других губерниях империи.

Список источников и литературы.

1. Землетрясение в Закавказье // Кавказ, 9-го февраля 1902 года
2. Землетрясение в Шемахе // Нива, иллюстрированный журнал литературы и современной жизни. Издаваемый А.Ф. Марксом. СПб. 1902, №8, с. 157-160а
3. К землетрясению в Шемахе // Нива, иллюстрированный журнал литературы и современной жизни. Издаваемый А.Ф. Марксом. СПб. 1902, №14, - с. 183
4. К катастрофе в Шемахе // Петербургский листок, 5(18) февраля 1902 года, №35
5. Местная летопись // Каспий, 2 февраля 1902 года
6. Неманзаде О.Ф. Мои воспоминания. – Баку: Издательство «Гянджлик», 1985. – 126 с. (на азербайджанском языке).
7. Организация помощи пострадавшим от землетрясения // Каспий, 5 февраля 1902 года
8. От и.о. бакинского губернатора // Каспий, 8 февраля 1902 года
9. О Шемахинских землетрясениях. Кавказ, 25 января 1900 года, №23
10. Пожертвования в пользу пострадавших от землетрясении в г. Шемахе и окрестностях // Каспий, 5 февраля 1902 года
11. По Кавказу // Кавказ, 9 января 1897 года
12. Помощь населению г. Шемахи // Кавказ, 21 января 1904 года
13. Помощь пострадавшим от землетрясения // Каспий, 6 февраля 1902 года
14. Помощь пострадавшим от землетрясения // Каспий, 7 февраля 1902 года
15. Шемахинское землетрясение в 1828 г // Кавказ, 22 январь 1900 года, №20
16. Шемахинское землетрясение 31-го января 1902-го года // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Т. 15. Вып. 3. 1902, с. 198-205.

УДК 94

Омаров А.И.,
д.и.н., профессор кафедры истории Дагестана
Дагестанский государственный университет.
Дибиров Ю.С.,
Соискатель кафедры истории Дагестана
Дагестанский государственный университет.
г. Махачкала, РФ

К вопросу о вариантах и проектах «включения» Северо - Восточного Кавказа в состав Российской Империи в первой половине XIX века.

Аннотация. Проблематика исторического процесса интеграции горских народов в состав Российского многонационального государства в XIX веке требует и даёт возможность анализа вариативности реализации данной цели.

В статье предпринята попытка проанализировать различные проекты и планы российской государственной и военной элиты и сделать необходимые обобщения. Основное внимание акцентируется на программах и проектах, предлагавших мягкие, мирные, торгово-экономические, взаимовыгодные формы и методы интеграции местных народов в имперское пространство.

Анализ фактического материала позволяет говорить о том, что существовали реальные альтернативы доминировавшим и в конечном счёте, ставшими основными - силовым методам.

Принятие за основу методов мирного «включения» горских народов в состав империи в исторической перспективе значительно уменьшили бы людские, материальные и морально-психологические потери для империи и «горского мира».

Ключевые слова: Проект, планы, империя, горский мир, администрация, Кавказ.

К 1813 году Российская империя подошла на волне успехов, победно завершив 2 войны (русско-персидская (1804-1813), русско-турецкая (1806-1812). Российская армия и народ разгромили западноевропейскую по сути дела армию во главе с Наполеоном Бонапартом. Империя была сильна как никогда. Гюлистанский мирный договор 1813г. де-юро закрепил присоединение Дагестана к России. Однако де-факто российскому правительству предстояла реализация на практике достигнутых внешнеполитических успехов. С точки зрения современного исследователя, очевидно, что введение российского управления и законодательства было делом времени, после присоединения Восточной Грузии в 1801 году и достаточно активным процессом принятия российского подданства в большинстве своем, феодальными правителями и союзами сельских обществ Дагестана в 1802-1812 годы. В Санкт - Петербурге прекрасно понимали, что многие районы Северного Кавказа не контролировали царские военные власти, они были своего рода барьером между Северным Кавказом и Закавказьем, и царское правительство не могло далее успешно осуществлять

свои внешнеполитические цели в Закавказье, не укрепившись на Северном Кавказе [7, с.123].

В "Истории Апшеронского полка" тоже подмечают, что "большая часть Дагестанских владений составляла лишь в номинальной зависимости от России, чему много способствовали, во-первых, – почти неприступная местность, и, во-вторых, наши постоянные войны с Персией и Турцией, мешавшие нам обратить соответствующее внимание на этот край, тем более, что русское правительство, желая иметь во владении Дагестана, если не прямых подданных, то хотя бы не врагов, снисходительно смотрело на все их проделки, платило им жалованье и давало чины...» [4,с.346]. Соответственно, российское правительство вообще, а кавказская военная администрация в частности, должны были решать задачи покорения, "усмирения", «подчинения» и «утверждение владычества над горными обществами». Здесь необходимо отметить, что у Кавказского командования было весьма неясное, неточное и очень субъективное представление о географии расселения, истории, образе жизни и традициях местных обществ. По большому счету оценки, даваемые, горским народам вполне укладывались лексикон: «дикие», «отсталые», «хищники», «дикари», «туземцы» в принципе, не отличались от колониальной терминологии европейских держав той эпохи относительно автохтонов. Да и мнение – высокообразованных военных и ученых мало чем отличалось от этого. Многочисленные проекты и планы по покорению горских народов можно условно разделить на 2 группы: варианты относительно мирного решения стоявших задач (И.В.Гудович,А.П.Тормасов,Н.С.Мордвинов и некоторые другие) и планы, проекты, делавшие акцент исключительно на силовые методы(П.Д.Цицианов,А.П.Ермолов, И.Ф. Паскевич,А.И. Барятинский и другие).
Таковых оказалось значительно больше и их мнения, проекты и планы доминировали большую часть XIX века.

Не лишним будет отметить, что в последние десятилетия XVIII века императрица Екатерина II , затем императоры Павел I, в начале своей деятельности Александр I в основном призывали вести осмотрительную, гибкую политику, не побуждая местные народы к сопротивлению империи, действовать «ласково», привлекать местных феодалов на службу, не вмешиваться во внутреннее управление, традиции и религиозную сферу, создавать «федерацию владельцев и союз сельских обществ» под российским правительством [5,с.20].

Главнокомандующий ген. Гудович рекомендует кизлярскому коменданту полковнику Ахвердову прилагать «всемерную почтительность на восстановление в народе всем доброго порядка и спокойствия, ласкайте

их,... и просьбам их делайте по возможности … удовлетворение,... внушайте им всемерно о спокойной их жизни, о домостроительствах, скотоводстве и хлебопашестве, как о таких вещах, от которых все их благосостояние зависит; вперите в мысль их, колико гнусно и постыдно воровство и разбой …» [2. с.99].

Его преемник А.П. Тормасов в своем письменном мнении осуждал жестокости, вред репрессий, советовал прибегать к « справедливым» мерам, прекратить злоупотребления на Кавказской линии, налаживать мирные связи, торговлю [3, с. 28]. Он противился «системе около полувека, тщательно поддерживаемой на линии набегами, чтобы народы держать не только, что в повиновении, но и в жестоком порабощении» [5, с. 69].

Несколько позднее, в 1816 году адмирал Мордвинов в своей Записке «Мнение о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силою оружия» считает, что на Кавказе выгоднее проложить дороги в Персию и Индию, вместо содержания большой армии. «Чтобы покорить народы, кои ближе к дикому, нежели образованному состоянию, должно приучить их к тому, что Россия производит и чем может их всегда снабжать, должно увеличить число вещей, им потребных, должно возродить в них новые желания, новые нужды, новые привычки, должно познакомить их с нашими обычаями, нашими наслаждениями, нашими увеселениями и умягчить суровую нравственность их нашим роскошеством, сблизить их к нам понятиями...», … «удовлетворять потребности в соли, и железе»[10.с.82].

Следует отметить внимание адмирала к таким ментальным особенностям местных народов как гостеприимство, которое предлагается перенять всем от главнокомандующего до чиновников, призывает поощрять подарками, приучающим к российской культуре, устраивать празднества, « завести школы для воспитания молодых князей и детей старшин народных» , привлекать некоторых из них для службы в гвардейском кавказском отряде сроком на 4 года [10,с.83] .

Стоит отметить, что уже в 1830-х гг. адмирал Н.С. Мордвинов повторяет дополняет основные идеи и положения своей «Записки» 1818 года. Он предлагает конкретные действия: «проложить дорогу от Черного моря до Каспийского, набрать 2 полка из лезгинцев, завести торговый порт на восточном берегу Каспия и др.» [10.с.214]. Примечательно, что , несмотря на прошедшие более 15 лет с момента его первой записки, и начавшееся движение горцев во главе с имамами, адмирал считает, что вместо огромных средств затрачиваемых правительством на содержание войск и отсутствие успехов в «покорении горных враждебных народов» ,

которое и «доныне не имеет никакого успеха… Вернейший способ к удержанию жителей Кавказа от нападений против границ России: вместо вечной войны, производимой против них, и содержания для сего великого числа войск на Кавказской границе — обратить суммы, употребляемые на сии войска, на соделание дорог и особенно на проложение железной дороги через горы Кавказские» [10,с.215-216].

В 1835 году некий дагестанец Мирза Магомедов подал документ «Проект поручика Мирзы Магомедова», в котором говорилось, что на Кавказе было бы значительно больше успехов в «покорении независимых племен … если бы вникали в политическую и частную жизнь горцев, не нарушали бы их обычаев», распространяли земледелие, промышленность, торговлю. Он обращает внимание на неправильность действий экспедиционных отрядов, бесплатно забиравших продовольствие у горцев [11,с.190]. О преимуществе мирных методов, «выгод цивилизационной жизни», русских, как «нации, заботящуюся об улучшении их (горцев – А.О.) состоянии» отмечает С. Иванов [6,с:514-549].

Прагматичный и точный взгляд на кавказскую реальность первой половины XIX века выражает А.Л. Зиссерман, офицер штаба Отдельного Кавказского корпуса в своей работе «Двадцать пять лет на Кавказе». В частности, он считает, что «европейские войска легко могут занять азиатскую страну», но «покорение их, благоустройство для достижения конечной цели, то есть извлечения выгод экономических и вознаграждение за принесенные жертвы весьма трудно; для этого военная сила может служить только некоторой точкой опоры в крайних случаях. Тут требуется административная деятельность, не та узко-полицейская, называемая у нас «администрацией», представителями которой, главным образом фигурируют местные исправники … а обширная, обнимающая все отрасли государственной администрации, руководство несколькими, опытными, просвещенными, изучившими край лицами. Тут требуется, чтобы все элементы дружно стремились к цели: и суд, и народное образование, и развитие путей сообщения, и промышленные, торговые предприятия, поощрение местных производств, все это должно быть пущено в ход, да не на бумаге и проектах, выработанных в канцеляриях надутой бюрократией, для которой хороший почерк важнее содержания, а на широких основаниях, после всестороннего гласного обсуждения, и с правом местного населения и даже местных чиновников, нередко лучше знающих все условия и быт провинций, чем их грозные повелители» [8.с.99-100.,9,с.214].

Сложно не согласиться с А.Л. Зиссерманом в том, что «вообще нужно многое, многое, что бывало на Кавказе … а может, еще продолжается. Да и

за всем этим прочное умиротворение завоеванных мусульманских стран с получением государственных выгод остается делом трудным, требующим много ума, энергии, жертв и особенно времени, что и видим в Алжире и Индии, несмотря на завоевателей, далеко опередивших нас на всех путях цивилизации» [9, с.215].

Здесь необходимо отметить, что после начала движения горцев под руководством имамов количество записок, проектов, мнений, планов по мере обострение конфликтной стадии взаимоотношений заметно возросло в 30-40-е годы. Подавляющая их часть вполне укладывалась в хорошо известное мнение из письма императора Николая I Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-фельдмаршалу графу И.Ф. Паскевичу-Эриванскому: «Кончив таким образом одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз, гораздо важнейшее, - усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных. Дело сие не требует немедленного приближения, но решительного и зрелого исполнения…» [3, с.58-59].

В определенной степени некоторые идеи похожие на взгляды адмирала Мордвинова и А.Л. Зиссермана встречаются в проекте титулярного советника Покровского, который считает обременительным содержание в Грузии и на Кавказе армии, обходящейся ежегодно казне в 24 млн. рублей. Он рекомендует действовать «единственно просвещением», чтобы «истребить в них и самые склонности» к грабежам и возмущению, создавать войска из всех Кавказских народов (7 полков). «Учреждение … национального войска составит то очаровательное средство, которое в одном случае будет действовать на сердце, а в другом на ум, то есть поступившие в состав оного, под начальством своих единоземцев найдут приятные занятия; в Монарших Щедротах все нужное, а временем служения приобретут тот луч просвещения, который укажет им верные пути к благополучию. Эта струна, проведенная к самому сердцу надменного черкеса и дикого лезгина, по которой можно ударять с полною надеждой… что сии дикари, погрузясь в сладостное забвение, неприметным для них образом войдут в тесный союз с природой, которой столь много веков платили, и ныне еще платят одними ужасами и убийствами… Там воссияет свет истинного познания; где лежит Алкоран, там процветет, чистейший завет; где происходит поклонение кумиру, там будет совершаться Святая Святых» [10, с.154-159].

Эти некоторые разумные идеи резко контрастируют с силовыми методами покорения горских жителей жестокостью, которые «даже за людей могут быть признаваемы по одному наружному подобию; образом же жизни и действиями едва отличаются от зверей» [10, с.151].

Сотни различных проектов, появившихся в 30-40 годах XIX века принадлежали военным разных рангов, в основном это генерал-майоры (М.Ф.Кудашев,А.И.Менде,С.Д.Безобразов,П.А.Ладинский,К.К. Фези,Н.Н.Раевский и др.)

Они не отличаются особой оригинальностью и являются развитием идей и программ П.Д.Цицианова и А. П. Ермолова, представителями «школы Суворова», убежденных в том, что «азиаты» понимают только силу [1, с. 63]. Даже «просвещенные» декабристы в своих программах («Русская Правда», «Конституция» Н. С. Муравьева») считали необходимым полное слияние и ассимиляцию нерусских народов с русским; жестко и сурово карать сопротивляющихся, «буйных горцев» переселять во внутренние губернии, а «мирных» оставлять в «их жилищах» и дать им новое управление с тем, чтобы «обратить сей край в спокойную и благоустроенную область русскую». Кавказ же, предполагалось искусственно соединить с южными губерниями. Однако «силовые» программы и варианты включения Северо-Восточного Кавказа в состав империи достаточно известны, исследованы и проанализированы, что избавляет нас от их детального подробного рассмотрения в данной статье.

Более важным представляется вывод о том, что в разные периоды взаимоотношений горских обществ и их элит с Российской империей, всегда были сторонники „мирных“ вариантов „присоединения“, „включения“ их в состав государства. Высокопоставленные военные, чиновники, советники, публицисты и общественные деятели, хотя и в значительно меньшем количестве, чем сторонники „силового“ решения кавказской проблемы, предлагали свои варианты интеграции кавказских народов на основе развития взаимовыгодных торгово-экономических, культурных связей, деликатного отношения к местной культуре с учетом ментальных особенностей. Однако „империя“ играла по своим правилам, общепринятым в тот в рассматриваемый исторический период, а живший по своим законам „горский мир» „отвечал“ в соответствии с достигнутым уровнем общественно-политического, социально-культурного развития и практики предыдущих эпох.

Список источников и литературы:

1. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана.-М.: КРОН-ПРЕСС,1998.-512с.

2.Дубровин Н.А. История войны и владычества русских на Кавказе – СПБ.,1887.-Т.5.с.411.

3. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50- гг.XX века. Сборник документов. - Махачкала: Дагестанское книжное издательство,1859-783с.
4. История Апшеронского полка 1700-1892.
Сост:Л.Багусловский .С-Петербург :Типография Министерства Путей Сообщения (А.Бенке). 1892.-Т.I.-518с.
5. История народов Северного Кавказа (конец XVIIIв.-1917г.) – М. :Наука ,1988-659с.
6. Иванов С. О. сближении горцев с русскими на Кавказе// Военный сборник.-СПБ.,1859.т.7.-с.541-549.
7.Киняпина Н.С., Блиев М.М.,Дегоев В.В.
Кавказ и Средняя Азия во внешней политики России второй половине XVIII-80-х гг. XIXв.-М., 1984.-312с.
8. Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале- XX века. – Махачкала : Изд.2-е доп.,АЛЕФ (ИП Овчиников М.А.) 2014.-330с.
9. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. (1842-1867).-М.: Кучково поле,2014-576с.
10. Проекты покорения Кавказа первой половине XIXв. : Сб. документов / Сост.,вступ.ст.,коммент.,указании В.М.Муханова .-М. :Издательство «Кужево поле»; ООО «ИПОС ПРОЕКТ»,2024.-688с.
11. Смирнов Н.А.Политика России на Кавказе в XVI-XIX венских.-М.:гус-во социально-экономической литературы,1958-243с.

УДК 94

Чекулаев Н. Д.,
с.н.с., кандидат исторических наук,
Институт ИАЭ ДФИЦ РАН,
г. Махачкала, РФ
koctin1974@mail.ru

Россия и Дагестан в первой трети XVIII века.

Аннотация: на основе источников и трудов отечественных кавказоведов исследуется проблема взаимоотношения Российского государства с Дагестаном. Осуществление императором Петром Великим своего Персидского похода на побережье Каспийского моря ознаменовал, что Россия и Дагестан вступили в новый период своих взаимоотношений. В результате осуществления императором Петром Великим похода на Каспийское побережье привело к включению в состав Российского государства Дагестана. Оставленная императором Петром I в регионе

российская военная администрация во главе своей политики взяло курс на привлечение правителей и простых горцев в подданство правящей Россией династии Романовых. В отличии от Турции и Персии правительство России стремилось мирными средствами утвердить свою власть на Западном побережье Каспийского моря. В основном методы российской кавказской политики был очень разнообразен, но все это были меры политики «ласкания». Подлинные документы того времени свидетельствуют, что российская администрация в регионе удовлетворять запросы горцев, особенно в трудные моменты оказывала помощь дагестанцам. Применение военной силы российские власти в Дагестане прибегали лишь в исключительном случае, когда мирные средства не имели эффекта. (150-200 слов).

Ключевые слова: Дагестан, Россия, Дербент, Сенат, Левашов, уцмий, аманатчик, денежное жалованье, провиант, доходы.

Кавказ издавна интересовал императора Петра Великого. Император стремясь присоединить данный регион преследовали стратегические цели военного и экономического характера. Так включение в состав России Дагестана могло не только обеспечить неприкосновенность российских границ на юге от турецкой агрессии. В области экономики Петр I получал необходимое сырье для своей промышленности и выход на торговый путь в Индию., а это сулило огромные доходы государственной казне.

Завершение длительной Северной войны подписанием в 1721 г. Ништадского мирного договора со Швецией позволило императорскому правительству приступить к осуществлению основных намерений в отношении Северного Кавказа. Естественно, по указанию Петра Великого была проведена целая серия мероприятий по подготовке похода в Дагестан. В 1722 – 1723 гг. в результате осуществления Персидского похода Петра I и последующих действий императорских войск в состав Российской империи была включена территория Западного и Южного побережья Каспийского моря.

Для упрочения российской власти в регионе помимо расквартирования в Прикаспии экспедиционного корпуса, преобразованного в Низовой корпус правительство России, осуществило целый комплекс мер: выдача денежного довольствия местным феодальным правителям, система аманатства, предоставление разного рода привилегий и т.д. В целом политику императорской России по отношению ко вновь присоединенной территории Прикаспия можно с полным правом охарактеризовать, как политику «ласкания» и т.д. [9, с. 58].

В качестве поощрения за верную службу России из средств государственной казны местным феодальным правителям выплачивалось денежное довольствие. Каждому правителю из них был определен свой размер оклада выплат. [3, с. 59].

В 1723 году Сената повелел выплачивать правителю Дербента и его окружению (юзбашам – Н.Ч.) по – 1000 руб., а рядовым служивым людям каждому по 5 руб., а в целом на содержание им необходимо было тратить 10600 руб. Кроме того хлебное жалованье также правителю Дербента и его окружению выплачивалось за счет императорской казны. По указанию Петра I денежное и хлебное жалованье доставлялось из средств астраханской губернии [10, с. 187].

Правителю Табасарана было назначено жалованье 200 руб. [4, с. 62]. Сын владетеля Табасарана Магомед-бека – Муртазали 150 руб., а его племянник Темир 50 руб. [15, Д. 168. л. 11].

Владетелю Кайтагского уцмийства Ахмед-хану пожаловали денежное жалованье в год 2000 руб. [2, с. 83]. В 1732 г. российская военная администрация повелела выплачивать денежное жалованье нескольким родственникам и старшинам уцмия Ахмед-хана [15, Д. 91. л. 1-4; Д. 133. л. 70-73 об.].

По данным источников в 1731 г. горские правители получил денежное довольствие на общую сумму в 13.870 руб. [18, Д. 35. л. 29-30].

В 1732 г. глава Низового корпуса В.Я. Левашов назначил выплату жалованье родственнику Хасбулата Тарковского – Салатгерей-беку и его матери. Источником выплаты им жалованья были доходы бакинской провинции в размере 800 руб. из шемахинских доходов. [12, с. 63 – 64; 15, Д. 162. л. 104].

В качестве поощрения за то, что в событиях 1733 г. часть дагестанских правителей осталась верна России российская императорская администрация назначила выплачивать денежное жалование: князю Эндирея Айдемиру в 300 руб., а также его родственнику Алибеку – в 100 руб., правителю Буйнака – 100 руб., и его родственникам Сурхай-Шамхалу, Солтан-Мураду по 25 руб. [12, с. 67; 15, Д. 133. л. 70-73 об.].

В 1735 г. глава военной администрации России В.Я. Левашов распорядился снова выдавать выдать денежное довольствие главе Буйнакского владения Мегди-Беку 100 руб., и его двум братьям по 25 руб. в год. Дополнительно Мегдию, выплатили 84 рубля, а родне его – по 9 рублей. В 1735 г. денежное довольствие получали и кумыкские князья, в числе которых был, и правитель Костека Алиш Хамзин получал оклад 100 руб. [2, с. 129-130].

Кроме того, дагестанским правителям время от времени выплачивали и разовые денежные выплаты. Из средств крепости Святого Креста 1729 г. было выдано 129 руб. 29 коп. ¼ [18, Д. 21. л. 1.; Д. 23. л. 121]. Российская военная администрация с целью еще больше расположить к России уцмия Кайтага в 1730 году, его родственникам была назначено получение доходов Сальянской провинции [12, с. 64-65].

Из средств государственных доходов Российской империи местные правители, время от времени получали «кормовые деньги». Суть этой выплаты состояла в том, что, когда дагестанский правитель приезжал в российскую крепости в Дагестане, то местная российская военная администрация из гарнизонной казны выделала средства на весь период его проживания в данном укреплении. Подобные выплаты осуществлялись в крепость Святого Креста, Дербент и в других места, где были расквартированы гарнизоны Низового корпуса. Так находившимся в крепости Святого Креста 22 – 26 апреля 1728 г. правители Буйнака Эльдар и Махтий Муртузалиевы из средств местной казны выплатили кормовые деньги по 50 руб. и их слугам 15 человекам, каждому по 6 коп. в день, всего за 4 дня – 5 руб. 80 коп. [18, Д. 14. л. 27; Д. 23. л. 121]. Весной 1729 г. приехавшим в крепость Святого Креста из местных доходов выплатили кормовое жалованье князю Аксая Алибеку Салтан-Мамутову, князю Эндирея Айдемиру Хамзину и правителю Буйнака Эльдару Муртузалиеву по 50 руб. и на их 10 слуг по 6 руб. каждому человеку на каждый день [18, Д. 38. л. 99, 121]. А зимой 1733 г. из гарнизонной казны на эти цели приехавшим в крепость Святого Креста местным правителям выдано 21 руб. 31 коп.

Помимо выдачи кормовых денег российские военные власти для нужд приезжающих в имперские укрепления дагестанским правителям заранее заготавливать провиант и питье (брага, вино, мед). Осенью 1733 г. для этих целей было собрано: было заготовлено: хмеля – 2 пуда, меда – 6 пудов, пива и меда – 50 ведер, вина – 100 ведер, для варки было куплено яшного солоду – 7 мешков [15, Д. 158. л. 97; Д. 81. л. 41].

Большое место в кавказской политике Романовых в регионе занимало система аманатов. В число аманатов брали одного из представителя правящего княжеского рода, а из вольных обществ – одного из членов правящей верхушки общества. Этот кавказский обычай активно и широко использовался российской военной администрацией вплоть до окончательного завершения процесса присоединения к Российскому государству кавказских феодальных владений как инструмент воздействия на горского правителя [8, с. 43]. С 1726 по 1730 гг. в подданство Российской империи вступило большинство кавказских правителей. Принесение

верноподданнической присяги эти правители, как и положено сопроводили выдачей аманатов. Аманаты как положено содержались в местах расквартирования имперских войск на территории Западного Прикаспия [14, с. 107].

Находящиеся в крепости Святого Креста аманаты на свое содержание получали денежное довольствие. Так весной 1729 г. из доходов бывших персидских провинций аманатчики в этой крепости получили на свое содержание 186 руб. 48 коп. [18, Д. 21. л. 16]. Проживавшие в Дербенте аманатчики на те же цели – деньги из дербентских доходов [15, Д. 97. Л. 8; Д. 24. л. 4]. Доходы, получаемые от дербентской таможни в 1729 и в 1732 г. – шли на содержание аманатов. Документы XVIII в. сообщают о числе денег, выплачиваемых на каждого аманатчика содержащегося в Дербенте: в 1726 г. аманату от Табасарана – сыну правителя Максимова его – Муртузалею выплачивали по 10 руб. на месяц и его слугам на еду 10 руб. Другой родственник правителя Табасарана – Селилмагамету и слугам его на месяц – 10 руб., в 1733 г. Каждому аманату выдавали по 3 коп. в день, а за полмесяца платили 20 рублей. Но в 1729 г. прибывшим новым аманатчикам выплачивали в день по 2 руб. из дербентских доходов [15, Д. 168. л. 72; Д. 169. л. 35; Д. 168. л. 16; Д. 24. л. 3; Д. 20. л. 4 об. – 6].

По данным архивных документов в числе аманатчиков в 1723 г. в Дербенте содержался сын князя Эндирея Айдемира [11, с. 280]. После того, как в 1725 г. правитель Кайтага уцмий Ахмед хан вступления в подданство Российской империи был выдан в Дербент в качестве аманатчика сын правителя Утамыша. В июне 1726 г. аманатчику утамышского владения Исмаилу выплачивали 10 руб., а аманатчикам от Кайтагского уцмийства из числа знатных узденей 3-м человекам платили по 5 руб. каждому, а всего 4-м аманатчикам на пропитание на месяц 25 руб. [3, с. 50].

В крепости Святого Креста до 1729 г. в числе аманатов находился правитель Буйнака Мехти Муртазалиев, а ранее в числе аманатчиках содержался его родственник Будай Муртазалиев. [8, с. 63; 2, с. 83-84]. Осенью 1729 г. в числе аманатов от Кайтагского владения в Дербенте от уцмия содержались представители богатых кайтагских узденей: Алавердей, Нуршии и т.д., им выплачивали денежное жалованье 5 руб. В 1729 г. в Дербенте в качестве аманатчика содержался родственник майсума Табасарана. Ему выплачивали содержание 6 руб. в месяц [15, Д. 24. л. 4]. В 1732 г. в крепости Святого Креста в качестве аманатчика содержался родственник правителя Тарков [12, с. 63.].

Другим методом кавказской политики династии Романовых в Дагестане было то, что российская военная администрация шла навстречу

горским владельцам нарушая запрет на так называемые «заповедные товары» (т.е. запрещённые для ввоза товары на определенную территорию – Н.Ч.). Так в 1730 г. глава российской военной администрации генерал В.Я. Левашов добился от астраханского губернатора арестованного в Астрахани посланца Кайтагского правителя Шамсудина, который купил там «заповедные товары» [16, Д. 10. л. 28-29].

Еще в самом начале своего Персидского похода в Дагестан Петра I решительно требовал от воинских начальников и простых военных относится к дагестанским правителям и простым горцам: «дабы жителям отнюдь не было обходилось бы зло приятельски и не сурово (кроме тех, кто будет противен), но ласково, обнадеживая их всячески...». Этот приказ как свидетельствуют архивные документы XVIII в. строго выполнялся. Военные власти в Дагестане вынуждены были не раз наказывать нарушителей этого повеления Петра Великого. Весной 1733 г. руководитель дербентского гарнизона генерал-майор А. Бутурлин запретил военнослужащим местного гарнизона при осуществлении хозяйственных работ причинять «обиды» местному дагестанскому населению, а в случае нарушения виновного ожидало подвергнуться жестокому наказанию. Документы военного делопроизводства гарнизона Дербента не раз сообщают, что гарнизонный суд расследовал преступления российских военных в отношении дербентских жителей. В 1724 г. шло следствие над капралом дагестанского 1-го батальона Никита Пименова за то, что он могильные плиты использовал на поделки. За разрушение лавки дербентского жителя подвергся телесному наказанию. В мае 1727 г. гренадер дербентского полка Иван Кречетов. 9 мая 1728 г. были жестоко наказаны донские казаки за воровство у дербентских жителей и убийство местной женщины [15, Д. 167. л. 68; Д. 8. л. 4; Д. 157. л. 13; Д. 72. л. 122].

Большое место в кавказской политике императорское правительство уделило Дербентскому ханству.

Петр Великий за то, что Дербент доброжелательно встретило императорские войска и изъявило признание власти России осыпал его правителя и жителей милостями и наградами. Император возвел правителя Дербента Имам-Кули чином генерал-майор и назначил ему денежное жалованье за счет России [6, с. 150; 11, с. 259, 260, 270, 271, 277-278; 12, с. 54-56]. 9 августа 1722 г. Петр Великий издал указ о взятии руководителей и жителей Дербентского ханства под опеку императора и предоставлении свободно торговать в Российской империи. 2 сентября 1722 г. правительство России издало указа о подтверждении наиба Имам – Кули бека главой Дербентского ханства. Когда осенью 1722 г. Имам – Кули бек обратился к

императору с просьбой помощь с продовольствием. Петр I откликнулся на просьбу наиба и издал свое распоряжение о незамедлительной отправке российского провианта в Дербент [11, с. 259, 260, 270, 271, 277-278; 12, с. 54-56]. В последующих своих повелениях император потребовал от российской военной администрации в регионе в случае необходимости обеспечивать дербентских жителей российским продовольствием [7, с. 80].

Правительство России издало целую серию указов, которые были направлены на создание благоприятных условий дербентским купцам в их торговле в России. Для нужд торговцев Дербента по указанию Петра Великого были переданы в дар несколько морских судов. Позднее отправленные из Астрахани в Дербент морские суда с провиантом по их прибытию в место назначение следовало подарить наибу Имам – Кули беку. Активизации торговли Дербента с Россией способствовало решение Сената от 17 декабря 1723 г. о взимании таможенной пошлины с купцов Дербента наравне с российскими. В 1727 г. правительство России установило, что с торговцев из Дербента в Астрахане и других российских городах взималась плата за проживание, пошлины с товаров брать как берут с российских купцов [10, с. 187, 753 – 754].

Российские власти в Дагестане не нарушали свободу религии, и не совершали ни каких мер направленных против религии дагестанцев – ислама. Это видно из событий 1725 г. в Дербенте, когда армянский священник Антоний потребовали от коменданта А.Т. Юнгера отдать им одну из городских мечетей с целью превращения ее в свою церковь, но получили отказ. Да и имеющиеся в нашем распоряжении документы вообще ничего не говорят о каких-либо действиях российской администрации в отношении ислама [1, с. 116-117].

Следующей мерой российской военной администрации по отношению к дагестанцам, которая способствовала укреплению взаимных отношений было то, что отдельные горские правители брались под непосредственное руководство России. 8 сентября 1722 г. по приказу Петра Великого князь Аксая Султан-Махмуда был взят под защиту России и ему гарантировалось, что в случае нападения на него императорские власти выставят на его защиту свои войска [17, Д. 25. л. 94 и об.].

После занятия Дербента Петром I к нему обратился правитель Табасарана Рустам-кади с прошением о защите от правителей Кайтага, Казикумуха и Дауд-Хаджи. Эти владетели совершили нападение на Табасаран за нежелание воевать против России. Петр I не оставил просьбу правителя Табасарана. В своей грамоте Петра I от 1 сентября 1722 г. сообщил Рустам-кади, что окажет ему необходимую защиту. Исполняя это

свое решение Петр I расквартировал российские войска на р. Рубасе. В 1722 г. Табасаран вступил состав России, а его правители были подчинены императорскому коменданту Дербенту [5, с. 245; 11, с. 253-255]. В обязанность А.Т. Юнгера и Имам Кули беку император Петр Великий вменил охранять Табасаран от нападений врагов Сурхай – хана и Дауд бека [13, с. 87].

Таким образом, подводя итог сказанному, можно сказать, что кавказская политика России использовала разнообразные методы. В ее основу Россия положила методы политического характера, в отличие от Турции и Ирана, которые основным методом на Кавказе считали грубая сила и карательные походы против непокорных. Управление Дагестаном русские военные власти строили с учетом сложившейся ситуации: в мирное время – широко используя политику «ласкания» и политического покровительства, а в экстремальных условиях – прибегали к карательным мерам. Такая политика России – политика «кнута и пряника» – дала свои положительные результаты, способствуя росту симпатий горцев к России.

Список источников и литературы.

1. Барышникова Н.В. Кавказская политика Петра 1.: Дисс. …канд. ист. наук, Махачкала, 1999.
2. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. - СПБ. 1869, Ч. 1.
3. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., Изд-во АН СССР, 1961.
4. Гасанов М.Р. К вопросу о вхождении Табасарана в состав России // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX вв. Махачкала, 1988.
5. Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1994.
6. История Дагестана: Курс лекции / Даг. гос. педагогический институт. Махачкала, 1992.
7. Козубский Е.И. История города Дербента – Темир-Хан-Шура: Русская типография В.М. Сорокина, 1906.
8. Магомедов Р.М. Россия и Дагестан: Страницы истории. Махачкала, Даг. кн. изд-во, 1987.
9. Омаров А. И. Северный Кавказ и Османская империя в первой четверти XVIII в.: Дисс. …канд. ист. наук. Грозный, 1999.

10. Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 по 1825 гг. Том VII. Ред. 1-е. СПб печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
11. Русско-Дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: (Документы и материалы) / Ред. колл.: М.М. Ихилов (отв. ред.); сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала: Дагкнигиздат, 1958.
12. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988.
13. Сотавов Н-П.А. Внешнеполитические отношения Дагестана со странами Востока (Турция, Иран) в первой половине XVIII века: Дис. …канд. ист. наук. - Махачкала, 1968.
14. Сотавов Н.-П.А. Северный Кавказ в кавказской политики России, Турции и Ирана в 1 половине XVIII в. Махачкала: Дагкнигиздат, 1989.
15. Центральный государственный архив Республики Дагестан: Ф. 18. Оп. 1. Д. 8; 20; 24; 72; 81; 91; 97; 133; 157; 158; 162; 167; 168; 169.
16. Центральный государственный архив Республики Дагестан: Ф. 340. Оп. 1. Д. 10.
17. Центральный государственный архив Республики Дагестан: Ф. 379. Оп. 1. Д. 25.
18. Центральный государственный архив Республики Дагестан: Ф. 382. Оп. 1. Д. 14; 21; 23; 35; 38.
УДК 94

Шарифов Ш.Ш. оглу
Доктор философии по теологии, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии имени А.А. Бакиханова НАНА
г. Баку, Республика Азербайджан
shahlarsharifov@gmail.com

Азербайджан как центр распространения ислама на Кавказе в период праведных халифов

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса распространения ислама в Азербайджане в VII веке в период правления Праведных халифов. Рассматриваются политические, социально-экономические и религиозные предпосылки исламизации региона, включая последствия падения Сасанидской державы и арабские завоевания. Особое внимание уделяется роли мирных договоров (ахднаме) и охранных грамот (аманнаме), заключаемых между арабскими полководцами и местным населением, которые способствовали

формированию толерантной религиозной политики и обеспечивали свободу вероисповедания. Анализируются условия данных соглашений, включая налоговую систему (джизья), а также их влияние на постепенное принятие ислама различными слоями общества. Подчеркивается, что распространение ислама в регионе происходило преимущественно мирным путем, без принудительной исламизации. Делается вывод о значительной роли Азербайджана как стратегического и культурного центра распространения ислама на Кавказе.

Ключевые слова: Праведные халифы, Азербайджан, ислам, арабские завоевания, ахднаме, религиозная политика, Халифат, сподвижники (сахабы).

С политической и религиозной точек зрения ислам впервые проник на Кавказ, в том числе в Азербайджан в период правления второго Праведного халифа Омара ибн аль-Хаттаба (634-644), и именно с этого момента началось его активное распространение. Основной предпосылкой к этому стал крах Сасанидской державы, после которого были завоеваны северные территории империи. Таким образом, перед мусульманами открылись пути к Азербайджану, кавказским хазарам и даже к булгарским тюркским племенам, обитавшим в Волго-Донском регионе.

В эпоху Праведных халифов ислам на Кавказе, в том числе в Азербайджане, распространялся благодаря деятельности сподвижников (сахабов), командовавших войсками, и договорам («ахднаме»), заключаемым ими с местным населением. Города Азербайджана стали важнейшими центрами распространения ислама на Кавказе. Благодаря деятельности сподвижников (сахабов) и арабских полководцев ислам распространился в Тифлис, Баб аль-Абваб и другие ключевые стратегические регионы.

Это объясняется тем, что в мирных договорах, заключенных с населением завоеванных городов и регионов, ими была подготовлена прочная почва для утверждения и дальнейшего распространения ислама, что позволило забла-говременно устранить возможные препятствия на этом пути. Это было обусловлено тем, что в договорах отсутствовало враждебное отношение к местному населению; напротив, жителям были предоставлены все условия для благополучного проживания. Налог «джизья», наложенный на население Азербайджана, был установлен в пределах их платежеспособности, при этом четко и ясно определены категории лиц, обязанных к его выплате, и тех, кто от него освобождается.

Одной из важнейших сторон данных договоров было обязательство местного населения принимать мусульманских арабских воинов и прибывающие извне арабские семьи в качестве гостей, обеспечивая их потребности в пище и ночлеге.

Значимым аспектом договоров с точки зрения распространения ислама среди местного населения было отсутствие в них какого-либо вмешательства в религиозные убеждения людей, а также отсутствие ограничений на свободу совести, вероисповедания и отправление религиозных обрядов.

С другой стороны, в случае принятия местным населением ислама: искреннего обращения в веру, надлежащего совершения намаза, соблюдения поста, выплаты закята — словом, полного следования столпам ислама, они освобождались от таких налогов, налагаемых на немусульманское население, как джизья и харадж. Так, в период правления халифа Омара это условие было четко отражено в «ахднаме», данном полководцем Хабибом ибн Масламой жителям Тифлиса, где прямо упоминалось об их обращении в ислам. В договоре Хабиб ибн Маслама по этому поводу обратился к населению Тифлиса со следующими словами:

«Если вы примете ислам, будете надлежащим образом совершать намаз и выплачивать закят со своего имущества, то станете нашими братьями по вере, и мы будем вас оберегать. Если же кто-либо отвратится от Аллаха, Его пророков, Его книг и уверовавших в Него мусульман, то нам не останется ничего иного, кроме как сражаться с ними обнаженными мечами. Воистину, Аллах не любит предателей и нечестивцев (фасиков)» [10, IV, с. 162; 7, с. 367].

Лица, сражавшиеся на стороне арабов против Сасанидов, освобождались от налогов за текущий год, а тем, кто по собственному желанию хотел покинуть место жительства, гарантировалась безопасность (аман) до пункта назначения [10, IV, с. 155; 1, с. 455-456].

Аналогичные охранные грамоты (аманнаме) были также заключены с жителями других городов Азербайджана: Дабиля (Двина), Нахчывана, Тифлиса (Тбилиси), Бейлагана, Барды, Баласакана, Шамкира, Габалы, Шеки и Ширвана [1, с. 282-284]. В этих соглашениях особое внимание уделяется синагогам, церквям и монастырям. Например, из условий грамоты, данной жителям Дабиля, становится ясно, что арабы, наряду с предоставлением защиты проживающим в городе христианам, иудеям и магам (зороастрийцам), гарантировали неприкосновенность их церквей, синагог и храмов [1, с. 282].

При внимательном анализе заключенных охранных грамот (аманнаме) мы становимся свидетелями того, что в Северном Азербайджане в качестве религии преобладало христианство. Это подтверждается тем, что в договорах с Дабилем, Тифлисом и Бейлаганом подчеркивается статус синагог, церквей и монастырей.

Справедливость, проявляемая арабскими полководцами и воинами даже во время сражений, вызывала симпатию к исламской религии у местного населения. Благодаря доброжелательным отношениям, установленным полководцами с местными жителями, местные правители не только предупреждали арабов о

надвигающейся опасности, но и не избегали участия в совместных боевых действиях против общих врагов [10, IV, с. 158]. Так, арабский полководец Сурака ибн Амр двинулся к аль-Бабу [10, IV, с. 155; 4, III, с. 28], Букейр ибн Абдуллах — к Мугани [10, IV, с. 157; 4, III, с. 29], а Абдуррахман ибн Рабиа аль-Бахили направился к тюркам вдоль границ Азербайджана; помимо завоевания этих земель, он также занимался там распространением исламского учения [10, IV, с. 158; 4, III, с. 29]. Сурака ибн Амр, прибыв к Баб аль-Абвабу (Дербенту), с одной стороны, разбил военный лагерь за пределами города, а с другой — взял город в осаду, потребовав от населения капитуляции. В арабоязычных источниках отмечается, что большинство населения аль-Баба составляли тюрки-кыпчаки [10, IV, с. 156; 4, III, с. 28]. Оказавшись в безвыходном положении перед осадой, начавшейся в 642 году, правитель Баб аль-Абваба Шахрияр ибн Хормуз предложил заключить мир на условии выплаты джизьи, после чего город перешел под контроль арабов [10, IV, с. 156; 4, III, с. 28].

С другой стороны, полковник Букейр ибн Абдуллах предпринял поход на Мугань. В Мугани и городах горного региона проживали преимущественно тюрки-кыпчаки [10, IV, с. 157]. Букейр, занявший эти земли без сопротивления, даровал охранную грамоту («ахднаме») тюркам-кыпчакам как Мугани, так и горного региона, чтобы закрепить этот статус на последующие периоды. Текст этого документа, являющегося важным свидетельством азербайджано-тюркской реальности, приводится историком ат-Табари следующим образом: «*Во имя Аллаха Милостивого! Это — гарантия безопасности (аман), дарованная Букейром ибн Абдуллахом населению Мугани, кыпчакам, в отношении их имущества, жизни, религии и законов (при условии, что) каждый совершеннолетний будет выплачивать джизью в размере одного динара или эквивалентную сумму, будет проявлять искренность по отношению к мусульманину, укажет путь сбившемуся с дороги и предоставит ночлег на один день и одну ночь. Если они будут соблюдать условия договора и проявлять искренность, мы гарантируем свою верность обязательствам. Однако, если они отвратятся и нарушат договор, не выдав всех виновных до последнего подстрекателя, им не будет даровано покровительство; в противном случае они будут считаться соучастниками мятежников». Свидетелями этого выступили Шаммах ибн Зирар, Расарис ибн Джанадиб и Хамаля ибн Джавийя. Договор был составлен в 22 году хиджры (643 г. н.э.)*» [10, IV, с. 157].

После завоевания Баб аль-Абваба и Мугани мусульманские полководцы приступили к широкомасштабной проповеди исламской религии на этих территориях. В результате их деятельности множество людей в данном регионе, в том числе и тюрки-кыпчаки, приняли ислам. По завершении этих миссий Сурака ибн Амр скончался [10, IV, с. 157; 4, III, с. 29].

Халиф Омар, пристально следивший за событиями в Азербайджане, после кончины Сураки ибн Амра назначил на его место одного из видных сподвижников - Абдуррахмана ибн Рабиа аль-Бахили. Халиф повелел ему начать джихад против тюрков, находящихся за пределами Баб аль-Абваба и вдоль пограничной полосы [10, IV, с. 158; 4, III, с. 29].

Узнав о прибытии Абдуррахмана в Баб аль-Абваб, правитель города Шахрияр ибн Хормуз попытался отговорить его от этого похода, указывая на то, что сражаться с тюрками за пределами города и вдоль границ крайне трудно. Обеспокоенные его словами сподвижники ответили следующее: *«Клянемся Аллахом! Среди нас есть такие люди, что если Повелитель правоверных (халиф Омар — Ш.Ш.) позволит нам идти вперед, они достигнут даже великой стены, воздвигнутой Зуль-Карнайном». Когда Шахрияр ибн Хормуз спросил, кто же эти люди, Абдуррахман ответил так: «Это те, кто сподвижничал с Посланником Аллаха. Это люди, всецело преданные джихаду. Даже в период джахилии они отличались своим благонравием. После же принятия ислама их стыдливость и благопристойность лишь преумножились. Пока они остаются таковыми и не склоняются перед побежденными народами, победа будет за ними. Они никогда не изменят своим нравственным принципам»* [10, IV, с. 158; 4, III, с. 29].

Деятельность по распространению ислама, начатая в Азербайджане в эпоху халифа Омара, была продолжена и при последующих халифах. Халиф Осман ибн Аффан (644-656), стремившийся к завершению завоевания Азербайджана и его городов, назначил на этот пост одного из известных полководцев того времени — Валида ибн Укбу ибн Абу Муайта.

В 645 году огромная армия под командованием главного полководца Валида ибн Укбы и Салмана ибн Рабиа двинулась в сторону Мугани. Когда отряд во главе с другим арабским военачальником, Абдуллахом ибн Шиблем, взял Мугань в осаду, азербайджанцы обратились к Валиду ибн Укбе с просьбой возобновить условия мирного договора, ранее заключенного с Хузайфой ибн аль-Яманом. Учитывая их пожелание, Валид возобновил соглашение на прежних условиях. Согласно договору, местное население должно было выплатить Халифату налог в размере восьмисот тысяч дирхемов [10, IV, с. 247]. С заключением этого договора завоевание Азербайджана арабами было в значительной степени завершено.

Хабиб ибн Маслама считается одним из великих исламских муджахидов, внесших неоценимый вклад в распространение ислама в городах Азербайджана. В покоренных им городах он прежде всего стремился сохранить добрые отношения с местным населением; в заключаемых договорах он избегал налогов, которые были не по силам жителям. Таким путем он стремился привить симпатию к исламу и создавал условия для беспрепятственного принятия веры местным населением. Заключая с населением договоры на основе исламских канонов, он

достиг города Дабиля. Дабиль, будучи одним из азербайджанских городов, считался важнейшим административным и религиозным центром.

После прибытия Салмана ибн Рабиа на подмогу, арабы осадили город Дабиль, расположенный на западе Азербайджана. Оказавшись в тяжелом положении из-за затянувшейся осады, жители города сдались, заключив с арабами договор. Аль-Балазури приводит условия этого соглашения следующим образом:

«Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! Данный документ дарован Хабибом ибн Масламой христианам, иудеям и магам города Дабиля. Я дарую безопасность (аман) как присутствующим, так и отсутствующим среди них. Подобно тому, как гарантируется безопасность их жизни и имущества, неприкосновенными остаются их владения, церкви, синагоги, храмы и городские стены. До тех пор, пока они будут верны своему договору и своевременно выплачивать налоги - джизью и харадж, мы также будем верны своим обязательствам. Аллах - свидетель истинности этого документа. И довольно Аллаха как Попечителя. Хабиб ибн Маслама подтвердил эту грамоту своей печатью» [2, с. 208-209].

Как видно из условий охранной грамоты, данный договор является не только значимым для исследуемого периода, но и представляет собой важнейший исторический документ. В тексте соглашения указывается, что население такого крупного города, как Дабиль, придерживалось различных религиозных верований. Несмотря на наличие здесь общин и храмов магов (зороастрийцев), христиан и иудеев, именно христиане, составлявшие большинство населения, обладали наибольшим влиянием в городе.

С другой стороны, в этом договоре проявлено глубокое уважение к религиозным чувствам и убеждениям людей: защищены свобода совести и вероисповедания, а также все виды культовых сооружений. Под охрану были взяты жизнь и имущество граждан и даже городские стены. Таким образом, были созданы все условия для распространения исламской религии в Дабиле и его окрестностях, а люди получили возможность свободно выбирать веру по собственной воле. Данный договор устранил все препятствия на пути распространения ислама в Дабиле и прилегающих к нему территориях.

Вскоре после принятия ислама населением одного из центральных городов — Дабиля, здесь начала функционировать мечеть, о чем сохранились сведения в трудах ученых-географов того периода [5, с. 290; 6, с. 188, 191; 8, с. 377].

Как видно, исламская религия вошла в Кавказ и на охваченные им территории политически весьма мягким путем, не встретив серьезного сопротивления, и в последующие годы достигла еще больших успехов.

Одной из основных причин распространения ислама на Кавказе стало предшествующее социально-политическое положение народов региона. Населе-

ние, истощенное затяжными ирано-византийскими войнами и внутренними междоусобицами, воспринимало новую религиозно-политическую систему как более справедливую и стабильную. Это, в свою очередь, значительно ускоряло процесс принятия ислама.

В то же время отношение различных социальных слоев к исламу в Азербайджане, как и в других регионах Кавказа, было неоднородным. Господствующий класс принимал ислам исходя из своих политических интересов, купечество - по экономическим соображениям, а низшие слои населения — ради получения социальных преференций. Данная тенденция была характерна для Кавказа в целом.

Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что при распространении ислама в Азербайджане и на Кавказе процесс принудительной исламизации не осуществлялся. Несмотря на широкую пропаганду термина «мусульманин меча» (т. е. принявший ислам под страхом смерти), не имеющего под собой никаких исторических оснований, источники свидетельствуют об обратном. Европейские ученые, такие как Де Ласи О'Лири в своем труде «Ислам на перепутье» (Islam at the Cross Roads) [3, с. 8] и Филип Хитти в работе «История арабов» (History of the Arabs), указывают на то, что данное выражение является не более чем вымыслом и абсурдом [9, с. 143].

Таким образом, религиозная политика, проводимая праведными халифами в Азербайджане, имела не только локальное, но и общекавказское значение. В этот период Азербайджан превратился в ключевой стратегический и культурный центр распространения ислама на Кавказе. Заключенные мирные договоры (ахднаме), проводимая политика толерантности и принципы социальной справедливости обеспечили стабильность в регионе и способствовали широкому распространению ислама. В этом контексте Азербайджан сыграл ведущую роль в процессе исламизации Кавказа.

Список источников и литературы:

1. Bəlazuri, Əhməd ibn Yəhya. Fütuh əl-buldan, Beyrut: 1987, 777 s.
2. Bəlazuri, Əhməd ibn Yəhya. Fütuh əl-buldan, Misir: 1901, 492 s.
3. De Lacy O. Islam at the Cross Roads / O.De Lacy. - London, - 1923. - 218 p.
4. İbn Əsir. əl-Kamil fit-tarix. Beyrut: 1987, III cild, 505 s.
5. İbn Havqəl. Kitab surət əl-arz. Beyrut: 1992, 439 s.
6. İstəxri. Əbu İshaq İbrahim ibn Məhəmməd. əl-Məsalik vəl-məmalik, Leyden: 1870, 357 s.
7. Məhəmməd Həmidullah. Məcmuatul-vəssaiqus-siyasiyyə lil-əhdin-nəbəvi vəl-xilafətir-raşidə, Beyrut: 1969, 564 s.

8. Müqəddəsi. Əhsən ət-təqasim fi mərifət əl-əqalim, Qahirə: 1991, 518 s.
9. Philip H. History of the Arabs / H.Philip. – London, - 1946. - 767 p.
10. Təbəri, Əbu Cəfər Məhəmməd ibn Cərir. Tarix əl-muluk. Dərul-məarif, Qahirə: 1970, IV cild, 584 s.

УДК 94

Султанбеков Р.М.,
к.и.н., доцент кафедры истории
«Дагестанский государственный педагогический университет
им. Р. Гамзатова», г. Махачкала, РФ.

К истории возникновения государственно-политической структуры Зирихгеран

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование процессов политогенеза в горном Дагестане на примере средневекового «царства» Зирихгеран (совр. Кубачи). Автор привлекает широкий круг арабо-персидских источников (ал-Масуди, ал-Истахри, ал-Казвини, Ибн Русте, Абу Хамид ал-Гарнати), эпиграфику и археологические данные. Подробно рассматриваются три основные гипотезы происхождения государства: торгово-ремесленная (автохтонная), хазарская и исламская. На основе детального анализа текста ал-Масуди о «царстве мастеров кольчуг» и сопоставления с этнографическим материалом по кубачинским тухумам делается вывод, что Зирихгеран представлял собой уникальную форму политии — «корпоративное государство» (Korporationsstaat), основанное на монополии на производство вооружения. Государственность здесь возникла не как надстройка над общиной, а как функция цеховой организации ремесленников.

Ключевые слова: Зирихгеран, Кубачи, Дагестан, средневековье, политогенез, арабские источники, ал-Масуди, ремесленная корпорация.

Проблема возникновения государственности у горских народов Кавказа остается одной из самых сложных в исторической науке. Традиционный взгляд, связывавший формирование государства исключительно с развитием земледелия и классовым расслоением, плохо применим к обществам, экономика которых базировалась на высокоспециализированном ремесле. Классическим примером такого «ремесленного государства» является Зирихгеран — область на территории современного Дахадаевского района Дагестана, известная с раннего Средневековья как центр производства высококачественных кольчуг, доспехов и оружия.

Цель данной статьи — на основе критического анализа письменных источников пересмотреть существующие гипотезы о времени и условиях возникновения Зирихгерана и предложить новую модель политогенеза, объясняющую уникальную социальную структуру кубачинцев.

Источниковедческая база и историография

Корпус арабо-персидских источников.

Первое упоминание о стране зирихгеранов встречается у Ибн Русте (начало X в.) в его труде «Китаб ал-А‘лак ан-Нафиса». Он пишет:«Между страной ас-Сарир и страной ал-Лакз находится область аз-Зарикаран. Жители ее — мастера по изготовлению кольчуг, седел и различного оружия» [1, с. 147].

Однако наиболее ценное и подробное описание оставил ал-Масуди (ум. 956 г.) в книге «Мурудж аз-Захаб» («Промывальни золота»). Он посвящает зирихгеранам отдельный пассаж, который является ключевым для реконструкции их политического статуса:«Что касается страны аз-Зарикаран (мастеров кольчуг)... то это народ из числа жителей гор, имеющий собственного царя (малик). Они производят панцири, кольчуги и другое вооружение... Они никому не платят дани — ни царю хазар, ни царю сарирцев, ни другим владыкам. Они находятся в безопасности, так как их земли труднодоступны, а народ воинственен. Когда на них нападают враги, они запираются в своих крепостях и отражают нападение. Их оружие славится на весь мир, и его покупают все цари» [2, с. 198–199] (перевод автора).

Арабский путешественник XII века Абу Хамид ал-Гарнати («Тухфат ал-Албаб») сообщает о кубачинцах как о народе, который «не смешивается с другими» и говорит на особом языке (урбуг), непонятном соседям [3, с. 45]. Косвенные данные о торговле оружием содержатся у ал-Истахри (X в.) и ал-Казвини (XIII в.), которые упоминают, что кольчуги из этой страны экспортируются в Хорасан, Ирак и даже в Африку.

Археологические источники.

Археологические раскопки на территории Кубачи (работы Э.В. Кильчевской, М.М. Маммаева) выявили культурный слой, датируемый V–VIII веками, с большим количеством металлургических шлаков, тиглей и обломков изделий из железа и бронзы. Это свидетельствует о непрерывной традиции обработки металла с доарабского времени [4, с. 32].

Гипотезы происхождения государства Зирихгеран

1. Торгово-ремесленная (автохтонная) гипотеза.

Согласно этой гипотезе, Зирихгеран возник спонтанно вокруг артели мастеров-оружейников, монополизировавших производство кольчуг

(зеррих). Базари (2002) полагает, что данная монополия была обусловлена уникальными залежами железной руды высокого качества в окрестностях Кубачи и секретом цементации стали, который держался в строжайшей тайне [5, p. 113]. Государство в таком случае формируется как функция производственной необходимости: для защиты караванов от набегов, для закупки продовольствия в обмен на оружие и для дипломатического признания со стороны соседних государств.

Аргумент «за»: эта гипотеза полностью объясняет феномен кубачинского языка-тайного кода, а также отсутствие у Зирихгерана обширной сельскохозяйственной периферии. Царь (малик) из описания ал-Масуди — это, по сути, «старшина цеха», облеченный политической властью.

2. «Хазарская» гипотеза.

Выдвинутая в советской историографии (Г.В. Гейбуллаев), эта гипотеза утверждает, что Зирихгеран был основан как специализированная ремесленная колония Хазарского каганата. Хазары, испытывая острую потребность в вооружении для своей армии и наемников, создали на северо-восточных склонах Кавказа укрепленный пункт, где мастера (возможно, переселенные из Закавказья или Средней Азии) работали на кагана.

Ал-Масуди, однако, специально подчеркивает: «Они никому не платят дани — ни царю хазар». Это прямо противоречит гипотезе вассалитета. Если Зирихгеран и был связан с Хазарией в VII–VIII вв., то к X веку он обрел полную независимость. Скорее всего, хазары были лишь выгодными покупателями, а не сюзеренами.

3. «Исламская» гипотеза.

Ряд современных дагестанских историков (М.Р. Гасанов) полагает, что консолидация кубачинцев в единое государство произошла только после принятия ислама в XI–XII веках. Считается, что именно исламская идеология и необходимость противостояния экспансии Дербентского эмирата и Ширвана привели к централизации власти. Сторонники этой гипотезы ссылаются на данные эпиграфики: древнейшие арабские надписи на могильных плитах Кубачи датируются XII–XIII веками [6, с. 88]. Однако, как справедливо отмечает А.Р. Шихсаидов, ислам в Зирихгеране распространялся медленно и мирно, путем торговых контактов, а не военных завоеваний [7, с. 145]. Следовательно, ислам не мог быть первичным катализатором политогенеза, так как государство уже существовало до массовой исламизации.

Главным контраргументом против «исламской» гипотезы является текст ал-Масуди (X в.), который прямо говорит о наличии царя и независимого политического образования за два века до появления первой мечети в регионе.

Авторская концепция: «Корпоративное государство» (Zunftstaat)

Автор настоящей статьи предлагает рассматривать Зирихгеран как уникальный тип политии, который можно определить термином «корпоративное государство» (нем. *Korporationsstaat*или *Zunftstaat* — государство-цех). В отличие от классических феодальных монархий, где власть основана на земельной собственности, в Зирихгеране власть проистекала из контроля над **технологией** и **рынком сбыта**.

Основные признаки этой модели:

1. **Совпадение социальной и производственной структуры.** Все население Зирихгерана (не только знать) было вовлечено в ремесленное производство. Источники не упоминают земледельцев или скотоводов как отдельное сословие. Ал-Гарнати (XII в.) пишет: «У них нет земледелия, и они не пашут землю, но все они — мастера... Они покупают зерно у горцев на свои изделия» [3, с. 47]. Это означает, что классовая дифференциация проходила не по линии «землевладелец — крестьянин», а по линии «мастер — подмастерье — ученик».
2. **Политическая власть как функция цеховой иерархии.** Царь («малик») Зирихгерана, вероятно, выбирался из числа наиболее опытных мастеров или глав ведущих тухумов (кланов). Его власть была ограничена советом старейшин-ремесленников. Это объясняет, почему ал-Масуди называет правителя «маликом», но не описывает пышного двора или фискального аппарата. Государственный аппарат был минимален и сливался с цеховым самоуправлением.
3. **Внешняя политика как коммерция.** Зирихгеран не стремился к территориальной экспансии. Его «внешняя политика» сводилась к обеспечению безопасности торговых путей и дипломатическому нейтралитету. Упоминание ал-Масуди о том, что они «никому не платят дани», является не столько свидетельством военной мощи, сколько результатом выгодного обмена: соседи предпочитали покупать оружие, а не воевать за него.

Фактор времени: когда возникло государство?

Синтез источников позволяет датировать возникновение государственной структуры Зирихгерана **серединой I тыс. н.э. (V–VI века),**

а ее окончательное оформление в виде независимого «царства» — **VIII–IX веками.**

Аргументы в пользу этой датировки:

- Стабильные торговые связи с Сасанидским Ираном (где кольчуги были в большом почете) и Хазарией сложились не позднее VI века.
- Технологический прорыв (производство высокоуглеродистой стали) требовал длительной эволюции ремесла в замкнутых условиях. Археологи фиксируют непрерывный рост металлургического производства в Кубачи именно в V–VIII веках [4, с. 35].
- К моменту арабских завоеваний (VII–VIII вв.) Зирихгеран уже был настолько силен, что арабы, занятые покорением Дербента и Сарира, предпочли не связываться с горными оружейниками. Арабские географы X века застают уже сложившееся, стабильное государство.

Дискуссия

Основным возражением против предложенной модели может быть тезис о том, что «государство» — это всегда аппарат насилия и территориальное деление, а цеховая организация — это лишь форма самоуправления. Однако, как справедливо отмечает Э. Геллнер, ранние формы государства могут быть крайне разнообразны [8]. Наличие постоянного ополчения (ал-Масуди говорит, что они «воинственны»), контроль над территорией (пусть и малой) и автономная внешняя политика — достаточные критерии для признания Зирихгерана государством.

Вторая линия дискуссии касается термина «царство». В арабских источниках термин *мамлака* (царство) применяется и к более мелким образованиям, чем Зирихгеран. Следовательно, это не артефакт перевода, а реальный политический статус.

Заключение

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что возникновение Зирихгерана не вписывается в классические схемы политогенеза (военная демократия, феодализация). Это был альтернативный путь развития, где экономика (ремесло) напрямую породила политию.

Зирихгеран представляет собой классический пример «ремесленного государства» или «корпоративной политии», где власть малика проистекала не из земельной ренты, а из монополии на стратегический товар (оружие). Его возникновение следует датировать серединой I тыс. н.э., а расцвет — X–XI веками. Изучение этого феномена имеет не только локальное, но и

общетеоретическое значение, показывая многообразие форм государственности в средневековом мире.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на археологическое изучение раннесредневековых слоев Кубачи и поиск письменных упоминаний Зирихгерана в восточных хрониках, связанных с историей Дербента и Ширвана.

Список источников и литературы

1. Ибн Русте. Китаб ал-А‘лак ан-Нафиса / пер. с араб. Н.А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис, 1903. — Вып. 32. — С. 130–165.
2. Масуди. Мурудж аз-Захаб / пер. с араб. В.Ф. Минорского // Извлечения из сочинений арабских географов о Кавказе. — Баку: Элм, 1980. — С. 190–215.
3. Абу Хамид ал-Гарнати. Тухфат ал-Албаб / пер. с араб. О.Г. Большакова // Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). — М.: Наука, 1971. — С. 40–55.
4. Маммаев М.М. Ремесло Кубачи в эпоху средневековья // Вестник Дагестанского научного центра РАН. — 1995. — № 2. — С. 30–38.
5. Базари Б. К вопросу о происхождении кубачинского оружия // Кавказ и Степь: экономические и культурные связи в древности и средневековье. — Махачкала: ДНЦ РАН, 2002. — С. 110–126.
6. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. — М.: Наука, 1984. — 420 с.
7. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). — Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1969. — 252 с.
8. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Барчуновой. — М.: Прогресс, 1991. — 320 с.
9. Лавров Л.И. Кубачи: историко-этнографический очерк. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. — 156 с.
10. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. — М.: Изд-во восточной литературы, 1963. — 265 с.
11. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака’ик» (XI–XII вв.). — М.: Восточная литература, 2003. — 847 с.

УДК 94

Савкатов З.К.,
аспирант, Пятигорский
государственный университет
г. Пятигорск,РФ

Традиционное скотоводство ногайцев Крыма в нарративных источниках XIX века

Аннотация. Статья посвящена историко-этнографическому анализу традиционного скотоводства ногайцев Крымского полуострова в XIX веке. На основе комплексного сопоставления нарративных этнографических записей И. Корниса, Д. Шлаттера, А. Дюгура, П.И. Сумарокова и В. Х. Кондараки реконструируется система ногайского животноводства, включая технологии выпаса, примеры переработки сырья, отличительные особенности пород. В рамках сравнительно-хронологического подхода исследована динамика экономического кризиса экстенсивной хозяйственной модели: от земельного дефицита до прямого изъятия пастбищ в собственность помещиков, что подорвало экономическую базу ногайского хозяйства и привело к массовой эмиграции населения в Османскую империю.

Ключевые слова: ногайцы Крыма, традиционное скотоводство, этнография хозяйства, кочевничество, дикий выпас, ногаеведение, экстенсивное животноводство.

Ногайцы представляют собой крупный тюркский этнос, который сформировался на базе многочисленных племен Золотой Орды и исторически занимал обширные степные пространства на территориях современного Поволжья, Предкавказья и Северного Крыма. На протяжении многих веков ногайцы были неотъемлемой частью социокультурного и хозяйственного ландшафта многонационального Крымского полуострова, продолжая вести традиционный скотоводческо-кочевой образ жизни. Однако после окончания Крымской войны (1853–1856 гг.) под влиянием административных и экономических факторов основная часть ногайского населения была вынуждена мигрировать в Османскую империю, что привело к деструкции их векового уклада и угасанию кочевой культуры в регионе. На протяжении XIX века традиционное скотоводство ногайцев Крыма претерпело радикальную трансформацию, перейдя из состояния основы их экономики в состояние глубокого упадка. Нарративные источники этого периода позволяют провести подробный обзор происходивших в то время процессов.

Ключевым элементом ногайской хозяйственной культуры традиционно являлось коневодство. Согласно записям этнографов ногайские лошади отличались средним ростом (около 1,4 метра в холке), широкой грудью и исключительно прочными копытами, которые позволяли им проявлять удивительную выносливость. Шлаттер пишет: «Лошадь обычно используется скорее для верховой езды, чем для тяги, для чего она несколько слаба, но её также часто запрягают в арбу или двухколёсную повозку. Конина – любимая еда ногаев, а кобылье молоко – самый любимый напиток. Из лошадиных шкур они вырезают ремни для уздечек и седел; из шкур жеребят делают брюки для себя и меховые пальто для своих детей; а из хвоста и гривы делают веревки и сита. <…> Татарская лошадь отлично подходит для верховой езды, так как она легкая и быстрая, необычайно выносливая и неприхотливая, а после объездки становится послушной; <…> действительно, даже самые бедные пытаются приобрести хотя бы одну верховую лошадь, не только потому, что любят путешествовать, но и потому, что это становится необходимостью, учитывая обширность степей» [7; s. 188-189].

Корнис отмечал: «Скотоводство есть самое первое занятие ногайцев, особенно конские заводы. Эта последняя отрасль хозяйства всегда была любимое их удовольствие и главное богатство. <…> Ногайцы страстную имеют охоту до лошадей, они знатоки в них и от природы искусные ездоки» [4; с. 220]. Примечательно, что ногайцы обладали уникальными этнографическими знаниями об этологии коней. Например, во время степных буранов и гроз табуны всегда уходили строго против ветра (в отличие от крупного рогатого скота), что позволяло наездникам безошибочно определять вектор их поисков. Этнографы отмечают также мастерство ногайцев в лечении, кастрации и акушерстве лошадей.

В источниках зафиксирована лексическая классификация стада по возрастам, что характерно и для других скотоводческих этнокультур: новорожденный жеребенок назывался *кулун*, годовалый – *тай*, а мерин – *ат*. Табуны находились на вольном косячном содержании, разделяясь на репродуктивные единицы (*донге*) с одним жеребцом-вожаком (*айгыр*) и его кобылами и жеребятами. Крупные скотовладельцы из числа мурз владели табунами в несколько сотен лошадей и для охраны имущества прибегали к клеймению животных родовыми тамгами. Стоимость рядовой верховой лошади составляла от 20 до 60 рублей, тогда как элитные племенные жеребцы ценились от 400 до 500 рублей ассигнациями. [7; s. 188]

Крупный рогатый скот для ногайцев исторически являлся главным материальным ресурсом и универсальным эквивалентом в товарных

отношениях, выполняя или дополняя на практике роль денег. Это нашло свое отражение в ногайском языке: слово *мал* поменяло свое первоначальное значение «богатство, имущество» на значение «скот», прочно закрепившись в лексиконе и продолжая активно употребляться в речи по сей день.

Ферментированное коровье молоко было основой рациона: в сыром виде его практически не употребляли, но изготавливали из него йогурт, сыр и сливочное масло. Европейские путешественники единолично фиксируют малую молочную продуктивность коров и относительно низкое качество сливочного масла, удивляясь отсутствию у ногайцев стремления изготавливать молочные и кисломолочные продукты на продажу. Так, Корнис отмечает: «Обыкновенная цена корове полагается от 20 до 50 рублей; она мало дает молока, а масло продается дешево. Выходит, что и рогатый скот, при нынешнем ограниченном землеположении, в большом количестве держать совсем невыгодно» [4; с. 221]. Очевидно, этнографы описывали увиденное в контексте своего культурного опыта. Однако фиксируемые реалии объяснялись как мясной ориентацией хозяйства, так и особенностями кочевого образа жизни, при котором трудно выставлять скоропортящиеся продукты на продажу, отдавая предпочтение другим товарам для экспорта.

Шлаттер, будучи швейцарским исследователем, удивлялся тому факту, что местные коровы не дают много молока и не подпускают безусловно людей к своему вымени, как европейские. По его словам степной скот отличался полудиким нравом, требовал фиксации арканом у столба и связывания ног, а лактация была возможна только подсосным методом в присутствии теленка. Он пишет: «Все южнорусские и татарские коровы обладают особенностью: они позволяют себя доить только в присутствии теленка и только если теленок сначала пососал молоко. Однако, если теленок умирает, достаточно поднести его голую, а еще лучше — набитую шкуру к матери во время дойки, чтобы она могла ее понюхать. Без этой предосторожности она не даст ни капли молока, а заболеет и, возможно, даже умрет. Немцы, которые перепробовали все возможные методы, чтобы переучить этих коров, тем не менее, так и не преуспели и были вынуждены отказаться от своих попыток» [7; s.181].

Это подсвечивает очень важный момент. В отличие от оседлых скотоводов, которые веками селекционировали молочные породы и фокусировались на объемах молока, чтобы увеличить соответственно и объем производной продукции, кочевые ногайцы делали упор на выведении более мясных, выносливых и морозостойких пород. Тот самый полудикий нрав, отмеченный этнографом, был проявлением максимально приближенного к естественному образа жизни скота, который свободно

пасся по травянистым евразийским пастбищам на протяжении веков, давая мясу исключительный травянистый вкус. На диком выпасе мясо коров насыщается каротиноидами, жирными кислотами Омега-3, конъюгированной линолиевой кислотой, достигая идеально сбалансированного жирнокислотного состава, близкого к постному или диетическому. При этом их мышцы становятся волокнистыми и упругими, и в них не накапливается кортизол, который вызывает спазм мышц и делает мясо жестким.

Можно провести интересную параллель между ногайскими технологиями содержания коров с таковыми у пастухов-гаучо Южной Америки. Жители Аргентины и Уругвая до сих пор являются мировыми лидерами по потреблению говядины на душу населения. Они исторически практикуют такой же вольный выпас коров на обширных пастбищах – пампасах, однако в условиях не кочевого, а ранчового хозяйства. Местная говядина считается одной из лучших в современном мире; аргентинские и уругвайские мясные бренды регулярно побеждают на международных конкурсах [1] контроля качества именно благодаря технологии свободного выгула, которую ногайские скотоводы практиковали в том числе на Крымском полуострове столетиями. Также необходимо подчеркнуть, что несмотря на неудобство и скромные объемы дойки, на которые указали исследователи, такие мясные породы коров дают более концентрированное молоко, что проявляется в высоком содержании жиров, казеина и олигосахаридов, и это служило огромным подспорьем для скудного рациона степняков.

Наряду с выведением лошадей и коров, важную роль играло овцеводство грубошерстных курдючных пород (*кой, кошкар, козы*), а также более редкое и меньшее в объемах козоводство (*эчки*). Овцы ценились за неприхотливость к кормам и уходу в зимний период. Оседлые современники удивлялись тому, что ногайцы продолжают выбирать курдючные породы вместо европейских мериносов, например. В то время как немецкие колонисты за шерсть своих овец выручали минимум 20 рублей за пуд, ногайцы довольствовались ценой в 3-4 рубля. Корнис отмечает: «Овца составляет главную часть пропитания ногайца, шкура дает ему одежду, а из помета овечьего приготовляет он лучший для топки “кизяк”. Чтобы получать в изобильном количестве этот кизяк, каждый ногаец имеет около избы своей пространный, огороженный хворостом, землею и старым кизяком, загон, в который загоняет на ночь скотину и овец» [4; с. 229].

[1] Имеются ввиду такие премии, как the World Meat Championship, World Steak Challenge и др.

Выбор в пользу курдючных пород также был продиктован суровым образом жизни кочевников. Эти овцы неприхотливы и подобно верблюдам запасают жир в специальных мешках у хвоста. Они были приспособлены к тебеневке – умели копытами разгребать снег и добывать сухую траву. Курдючный жир, будучи идеальным средством консервации, был прекрасным источником необходимых степнякам калорий и насыщенных жиров, а их грубая шерсть, приспособленная к степным колючим травам, легко состригалась и переделывалась ногайцами в непромокаемый войлок для юрт, теплую одежду и ковры. Тем не менее источники XIX в. описывают, что не смотря на вышеупомянутые качества, овцеводы все еще сталкивались с серьезными вызовами в виде эпизоотий (сибирская язва, оспа, ценуроз-вертячка) и травм от «степной иглы» – семян ковыля, впивавшихся в мышечные ткани животных.

Уникальным, но уже на тот момент угасающим элементом ногайского скотоводства являлось верблюдоводство. Разведение дромедаров (одногорбых верблюдов) стоимостью до 100 рублей локализовалось на скудных пастбищах северного Крыма. Ногайцы приспособили силу верблюдов под нужды оседлой торговли, запрягая их с помощью ярма в тяжелые степные телеги — маджары. Соответственно такие грузовые повозки были частым явлением на местных рынках. П.И. Сумароков, являясь членом Комиссии для разбора земельных споров в Крыму, в своих заметках описывает следующую картину: «Загроможденные арбы и мажары стояли наполненными с различными плодами; под плетенными и подобными подвижным кибиткам покрышками, расположены были лавочки промышленников. <…> Стаи желтоватых и белых верблюдов, являя отвратительную величавость, выглядывали посреди окружающих обозов и приподнимали безобразные свои шеи. Пробивающийся сквозь тесноту народ приискивал удовлетворить свои надобности; россиянин, не ведающий наречия продавца, объяснялся с ним знаками, татары в бурках на плечах разъезжают верхами, и всякий мимоходящий либо лакомился из шляпы виноградом, грушами, сливами, либо пускал табачные облака» [5; с. 180-181].

Шлаттер пишет: «Верблюд с одним горбом … становится все более редким в этом регионе. Его все еще часто можно встретить среди ногайцев и татар, населяющих северные равнины Крымского полуострова, где изредка встречаются пастбища, подходящие и достаточные для верблюдов, но слишком грубые и скудные для крупного рогатого скота и лошадей. Верблюд довольствуется малым и, кажется, предпочитает кустарниковую, жесткую траву богатой и нежной. <…> Они очень свирепы, любят лягаться и кусаться,

и часто позволяют приблизиться только своему погонщику. У ногайцев есть обычай, совершенно неизвестный среди всех монгольских народов, дрессировать верблюдов не для верховой езды и перевозки грузов, а для тяги, а именно с помощью ярма» [7; s. 178-179].

Рутинная необходимость следить за большим количеством животных предопределило жесткое гендерное разделение труда. Мужские обязанности были связаны непосредственно с выпасом, перегоном, торговлей животных, объездкой коней, поиском потерявшихся особей. Таким образом, мужчины находились в постоянных отлучках в диапазоне нескольких километров от аула. Поэтому весь пласт бытовой индустрии лежал на женщинах, чья колоссальная нагрузка выступала одной из причин высокой детской смертности, на которую указывали многие авторы. Женщины готовили кизяки, собирали бурьян, приносили воду, варили мыло и свечи из сала, выделывали кожи для пошива шуб, шили и штопали одежду, пряли шерсть, ткали ковры и валяли войлочные полсти. Такой объем работы, выполняемый ногайками изо дня в день, впечатлял европейских и российских авторов, хотя в тот исторический период тяжелый физический труд был повсеместным явлением.

Постепенная деструкция традиционной модели скотоводства происходила в несколько этапов. Первым переломным моментом стали реформы пристава графа де Мезона в 1808-1812 гг., описанные А. Дюгуром. В целях принудительной седентаризации де Мезон ввел законодательный запрет на ремонт и производство колесных кибиток, отдав приказ ломать мобильный жилой фонд, и окопал участки под юрты рвами. Это лишило скотоводство технической базы мобильности. Индикатором кризиса стал массовый уход в Османскую империю в ноябре 1812 г. Буджакской орды, угнавшей с собой 11 тысяч лошадей и 13 тысяч голов крупного рогатого скота [6; p. 46-47]. Из-за отсутствия заготовленных кормов и стационарных укрытий в условиях экстремально суровой зимы этот массив скота погиб в степях практически полностью.

В последующие десятилетия, как фиксируют И. Корнис и И. Шлаттер, произошел кризис пространственной компрессии. Принудительное сжатие аулов с 10 верст до полуверсты привело к удалению пастбищ от деревень на 7-10 верст, из-за чего коровы ежедневно истощались на перегонах и теряли удойность. Нехватка пастбищ приводила к тому, что животные регулярно заходили на свои прежние территории, которые были отданы под поля российским крестьянам и немецким колонистам, из-за чего последние удерживали скот в загонах, не возвращая его без выкупа. Частые засухи, суровые зимы и местные административные и земельные реформы всячески

мотивировали ногайцев заниматься земледелием, высаживать хлебные культуры, для чего у них не было соответствующих орудий и технологий. Сокращение казенных угодий вынудило ногайцев переориентировать коней и волов из мерила степного богатства в тягловую рабочую силу для тяжелых плугов на распашке целины.

Финальный этап деструкции уклада во второй половине XIX в. зафиксирован в очерках В. Х. Кондараки. Географические границы расселения ногайцев сузились до бесплодных равнин севернее линии Евпатория — Феодосия. После административных реформ оставшееся население Перекопского уезда потеряло самостоятельность и оказалось на частных помещичьих землях. Чтобы содержать остатки отар овец и стад верблюдов, ногайцы были обременены непосильными повинностями и прямой платой помещикам за само право выгона скота на пастбища. Данный экономический фактор привел к тотальному обнищанию общин и полному краху традиционного скотоводческого хозяйства, что послужило главной причиной массовой эмиграции (*мухаджирства*) оставшихся ногайцев в Османскую империю. Кондараки в конце своего обозрения, изданного в 1883 г. пишет: «Вот какими мы видели и знали крымских ногайцев, проживавших в степях Тавриды несколько столетий, но большинством эмигрировавших в Турцию» [3; с. 105].

Список источников и литературы:

1. Демидов, А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году – Изд. 2-е. – Москва: тип. Александра Семена, 1853. – 543 с.

2. Ковалев, Л. Ю. Страны Меркосур (Аргентина, Бразилия, Уругвай) как ведущие игроки на мировом рынке продовольствия // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2023. – № 2 (392). – С. 165–171.

3. Кондараки, В.Х. В память столетия Крыма, этнография Тавриды: в 2 т. – М.: Типография В.В. Чичерина, 1883. –Т. 2. – 358 с.

4. Корнис И. И. Краткій обзоръ положенія ногайскихъ татаръ, водворенныхъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи // Телескопъ. — 1836. — Ч. 32. — № 4. — С. 210–230

5. Сумароков, Павел Иванович (1760-1846). Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. 2. – Санкт-Петербург : Имп. тип., 1803. – 251 с.

6. De Gouroff P. De la civilisation des Tatars-Nogais dans le midi de la Russie européenne. — Karkof: Imprimerie de l’Université, 1816. — 122 p.

7. Schlatter D. Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828. Mit besonderer Rücksicht auf die Nogayen-Tartaren am Asowschen Meere. — St. Gallen und Bern: Huber und Comp, 1836. — 496 s.

РАЗДЕЛ 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА И ЮГА РОССИИ В XX ВЕКЕ.

УДК 93

Аббасзаде Н.М. кызы
кандидат исторических наук
Бакинский Государственный Университет
г. Баку, Республика Азербайджан
abbaszade1988@gmail.com

Основные результаты нового этапа укрепления азербайджанской государственности (2003-2023 гг.)

Аннотация. В 2003-2023 годах новый этап в развитии государственной независимости отличался стремлением к высоким целям во всех областях. Достигнутые высокие результаты обеспечили нынешний высокий уровень социально-экономической, политической и культурной сфер.

В 2003-2023 годах по различным направлениям дальнейшего укрепления национальной государственности были достигнуты неуклонные успехи и проделана важная работа, которая станет примером для стран мира с многовековой историей государственности.

Влияние и вес Азербайджана в системе международных отношений значительно возросли, страна стала сильнейшей в регионе и современным государством, занимающим три ведущих места в бывшем Советском Союзе. Кроме того, наша ответственная позиция и миссия по обеспечению будущей безопасности значительной части Европы еще больше укрепили международный имидж и политическую мощь Азербайджана.

Ключевые слова: Азербайджан, Ильхам Алиев, укрепление, национальная, государственность, демократия, общественная жизнь

Работа, проделанная за 35 лет с момента восстановления нашей государственности в 1991 году, также позволяет нам говорить об азербайджанском опыте и модели в этом вопросе.

2003 год навсегда останется в памяти как один из важных моментов в истории азербайджанской государственности. Когда произошла смена власти в стабильных социально-экономических и политических условиях, сложившихся после того, как великий лидер Г. Алиев сохранил и еще больше укрепил национальную государственность, все зависело, прежде всего, от того, кто будет руководить государством впредь.

Наш народ, как и на протяжении всей своей истории, проявил великую мудрость и доверил свою судьбу и ответственную миссию по руководству нашим государством в течение следующих пяти лет самому достойному из назначенных политиков, И. Алиеву. В начале своего правления И. Алиев сказал: «Я верю в счастливое будущее Азербайджана. Я уверен, что наша страна продолжит развиваться, и станет еще сильнее» [6, с. 15].

Новый этап в развитии государственной независимости отличался стремлением к высоким целям во всех областях. Достигнутые высокие результаты обеспечили нынешний высокий уровень социально-экономической, политической и культурной сфер.

Направления развития национальной государственности за годы исследований не только разнообразны, но и привлекают внимание с точки зрения эффективных результатов проделанной работы.

В условиях постоянно обновляющихся международных отношений, часто претерпевающих радикальные изменения, и присутствия внешних влияний Ильхам Алиев, политический наследник великого лидера Гейдара Алиева и наиболее достойный преемник исторической школы государственного управления, с 2003 года, который считается началом самого ответственного этапа на пути сохранения и укрепления нашей национальной государственности, проделал беспрецедентную работу по обеспечению развития государственности во всех направлениях, заслужив почетную и достойную службу нашему народу.

Отрадно, что успехи, достигнутые за эти 20 лет в укреплении государственности, и заслуги Ильхама Алиева особо отмечаются политиками и историками Российской Федерации [см. 10,11,12].

Азербайджанское государство добилось больших успехов во всех сферах общественной жизни в период с 2003 по 2023 год и, как подтверждают результаты регулярных опросов авторитетных международных организаций, стало одним из двух ведущих и передовых государств не только в регионе, но и на постсоветском пространстве. Высокие показатели, достигнутые Азербайджаном в экономике, государственном управлении и культурном развитии за почти 20 лет,

неоднократно превосходили показатели, как постсоветских республик, так и развитых стран мира.

Благодаря этому в обществе обеспечено верховенство права и разработана новая национальная модель развития правового государственного строительства.

В результате эффективной деятельности И. Алиева по дальнейшему развитию государственности, демократическое государственное строительство, соблюдение верховенства права и правовых норм, а также экономическое развитие стали необратимыми в обществе.

В результате заслуг И. Алиева, занявшего достойное место среди глав мирового сообщества благодаря реальной работе и конкретным результатам деятельности, развитие национальной государственности внутри страны вышло на новый, более высокий уровень, Азербайджан был признан выгодным стратегическим союзником в международном сообществе и стал важным партнером в строительстве многих важных нефтегазо- и коммуникационных трубопроводов.

Короче говоря, именно под руководством И. Алиева Азербайджан вступил в новый и весьма ответственный этап эпохи стремительного прогресса и возрождения, поднялся на ведущие позиции в мире по всем основным показателям развития и с каждым годом продвигался вперед.

Исторически богатый природными ресурсами, расположенный в выгодном стратегическом географическом районе и одновременно объединяющий различные цивилизации и культуры благодаря высокому уровню национально-этнической и религиозной терпимости, Азербайджан может похвастаться важным достижением, которого не удалось добиться лидерам других государств.

В отличие от недавней миграции миллионов людей из арабских стран, богатых нефтяными запасами, в европейские страны за последние 2-3 года и душераздирающей ситуации, с которой они там сталкиваются, Азербайджан, переживающий настоящий расцвет национальной государственности, является примером для государств мирового сообщества, обеспечив более 1 миллиона своих беженцев и внутренне перемещенных лиц жильем, нормальными условиями жизни и трудоустройством.

В 2003-2023 годах по различным направлениям дальнейшего укрепления национальной государственности были достигнуты неуклонные успехи и проделана важная работа, которая станет примером для стран мира с многовековой историей государственности.

Улучшение системы государственного управления, защита прав человека, дальнейшая интеграция страны в европейский контекст,

обеспечение внутренней политической стабильности и гражданской солидарности, охватывающей все слои населения, дальнейшее укрепление военной мощи страны, ежедневное повышение материального благосостояния населения и успешная внешнеполитическая деятельность – все это в совокупности свидетельствует о том, что данная работа служит важнейшему направлению дальнейшего укрепления национальной государственности.

Таковы результаты масштабной работы, проделанной в сфере защиты и дальнейшего укрепления национальной государственности в Азербайджанской Республике в 2003-2023 гг., а также очертания общей картины социально-политического развития.

Политика, проводимая И. Алиевым, обеспечила признание Азербайджана во всем мире как демократической страны, проводящей независимую политику, вносящей вклад в безопасность многих стран в этой области, обеспечивая собственную энергетическую безопасность, обладающей политической стабильностью и использующей все возможности государства для повышения материального благосостояния населения.

Хотя в ходе исследования мы подробно рассмотрели основные направления и результаты 20-летней деятельности И. Алиева на посту главы государства, прежде всего следует отметить, что, помимо демонстрации того, что высокоуровневое развитие экономической инфраструктуры и ускорение процесса построения гражданского общества составляют основное направление внутренней политики, и что внешнеполитическая деятельность Азербайджана, основанная на национальных интересах, создала исключительно благоприятную международную среду для продолжения курса экономического и социального развития в ближайшие годы, необходимо также подчеркнуть, что важнейшим результатом этой работы стало укрепление государственной независимости Азербайджана и его адаптация к социально-экономическим, политическим и культурным процессам, происходящим в мире.

Работа, проделанная с 2003 года, была направлена на обеспечение социально-политической стабильности и экономического прогресса в нашем обществе. Комплексные реформы, проведенные государством, включая обеспечение на самом высоком уровне гарантий прав и свобод человека и граждан, а также совершенствование форм участия граждан в управлении страной, сыграли важную роль в ускорении национального развития и, в конечном итоге, в дальнейшем укреплении нашей национальной государственности.

Результаты каждого года, прошедшего с 2003 года, доказывают, что Азербайджан играет центральную роль в политических, экономических и гуманитарных делах Южно-Кавказского региона и стал одним из государств, играющих решающую роль в обсуждении и принятии важных решений по глобальным проблемам и важнейшим вопросам, касающимся хода системы международных отношений в целом [8, с. 14].

Новый этап, на котором наше государство и его традиции получили дальнейшее укрепление и развитие, имел ряд важных особенностей. Результаты выборов, формализовавших назначение И. Алиева главой государства, показали, что народ оказал ему чрезвычайно большое доверие, и стали демонстрацией единства народа и главы государства. Эти выборы доказали, что единственно правильным выбором для будущего государства и народа было доверие самому надежному политическому лидеру.

Заслуги великого лидера И. Алиева в укреплении идеологии азербайджанизма велики, и мы уже упоминали об этом в первой главе исследования. Первое собрание азербайджанцев мира в 2001 году и первый конгресс солидарности были тем, что великий лидер назвал «историческим событием в жизни независимого Азербайджана и всех азербайджанцев мира» [1, с. 3].

Работа, проделанная И. Алиевым, подняла идеологию азербайджанизма на новый высокий уровень, вдохнув в нее новый дух и новое дыхание. Такое динамичное развитие идеологии азербайджанизма фактически обусловило подготовку и формирование новых идеологических государственных взглядов и определило содержание новых этапов тесного единства азербайджанцев мира вокруг этой идеологии [2,3,4,5].

В центре особого внимания находилась идеология государственности, ее основные направления, защита наших национальных духовных и исторических ценностей, и работа, проводимая в этой области, имела большое значение.

Этот период оставил позади предыдущие годы с особенно возросшим интересом к истории, языку, обычаям и традициям народа. Тот факт, что наш глава государства придавал особое значение вопросам защиты национальных и гражданских прав азербайджанцев во всем мире, и особенно работа, которую он проделал по укреплению деятельности Государственного комитета по работе с азербайджанцами, проживающими за рубежом, доказывает, что каждый из них имеет право пользоваться материальным и моральным развитием, которым в настоящее время пользуется наше государство.

Результатом всей этой работы стало то, что, используя возможности азербайджанцев, проживающих за рубежом, нынешний высокий уровень прогресса и достижений Азербайджана, в целом, включая карабахский конфликт, послужили донесению реалий Азербайджана до мирового сообщества, повышению его международного престижа и, таким образом, дальнейшему укреплению нашей национальной государственности.

Таким образом, судьба и перспективы развития государственности во многом зависят от демократических государственных институтов, созданных сегодня в ведущих странах мира. Сегодня отношение международных организаций к Азербайджану и нашей национальной государственности определяется лишь текущим состоянием этих институтов в нашем обществе и тем, как соблюдаются принципы демократии.

Исторический опыт великих держав доказал, что чем сильнее и стабильнее правила государственного управления, тем выше внутриполитическая стабильность этих государств и их влияние в системе международных отношений. Это уже стало общепринятой нормой политического управления в наши дни.

В этой связи Азербайджанская Республика также успешно продвинулась по пути комплексного политического развития, ведущего к общепринятым нормам сосуществования и демократического государственного управления внутри страны, начиная с 2003 года, доказав, что традиции государственности, которые были ограничены тоталитарной системой в течение 70 лет до обретения независимости, готовы к созданию и развитию демократического общества.

В наши дни это уже стало общепринятой нормой политического управления. В этой связи Азербайджанская Республика также успешно продвинулась по пути комплексного политического развития, ведущего к общепринятым нормам сосуществования и демократического государственного управления внутри страны. В деятельности главы государства, направленной на дальнейшее укрепление государственности в 2003-2023 годах, одной из главных особенностей работы, проделанной в этом направлении на новом этапе развития государственности, стало достижение реальных результатов в укреплении позиции соблюдения основных прав и свобод человека в обеспечении политического плюрализма.

В качестве одного из главных направлений нового этапа развития национальной государственности была проделана большая работа по обеспечению гражданской солидарности в обществе, созданию полных условий для свободного выражения мнения каждым гражданином,

обеспечению свободы слова, совести, собраний и других основных прав и свобод человека.

Одним из главных направлений нового этапа развития государственной независимости является ускорение наращивания военной мощи в Азербайджане, приведение наших вооруженных сил в состояние высокой боевой готовности для обеспечения безопасности и территориальной целостности нашего государства. Признаем, что восстановление государственности требует ее защиты и укрепления. Это более ответственная и сложная задача, чем первая.

Как сказал И. Алиев в своей речи на торжественном военном параде, состоявшемся 26 июня 2018 года по случаю 100-летия Вооруженных сил Азербайджана, «наши военные расходы увеличились в 15 раз с 2003 года» [7, с. 318]. Это не обычная цифра, а доказательство того, что наше государство занимает одно из ведущих мест в мире в этой области по масштабу армейского строительства.

Сегодня в межгосударственных отношениях в мире демонстрация силовой позиции является частым явлением в условиях, когда международно-правовые нормы оказывают слабое воздействие на урегулирование этнических и локальных конфликтов и очагов войны. В этой связи необходимость справедливого завершения карабахской войны требует наращивания нашей военной мощи, и важно быть готовым в любой момент к справедливой и победоносной войне, которая считается наиболее реалистичным из двух возможных вариантов освобождения наших земель от армянской оккупации.

Сильная экономика также означает мощные вооруженные силы и военный потенциал. Именно этот фактор проявляется в политике армянского руководства в последние годы, и это оправдывает позицию главы нашего государства.

Следует еще раз отметить, что это не обычное событие, а историческая правда, имеющая огромное политическое значение, и это произошло прежде всего как триумф успешной политики военного строительства, проведенной И. Алиевым, после того как Азербайджанская национальная армия стала сильнейшей армией в Южно-Кавказском регионе.

Как заявил И. Алиев с высоких международных площадок, карабахская война окончена. Действует режим прекращения огня. Однако мирный договор не подписан. В стране, живущей в условиях войны, первоочередное внимание следует уделять военным вопросам. Создание Министерства оборонной промышленности также сыграло важную роль в укреплении Национальной армии. «За последние несколько лет было создано

более 20 военных заводов. Эти заводы производят 1200 различных видов военной продукции и снабжают нашу армию» [7, с. 318]. Все это свидетельствует о серьезном повороте в ситуации в этой области.

В результате работы, проделанной в этой области, Азербайджанская национальная армия добилась величайшего успеха в нашей военной истории на 44-дневном втором этапе Отечественной войны, начавшемся 27 сентября 2020 года, освободив наши земли от 28-летней армянской оккупации и восстановив нашу территориальную целостность. Это историческое событие стало еще одним доказательством высокой эффективности мер, принятых в области армейского строительства под руководством Верховного главнокомандующего И. Алиева в 2003-2023 годах.

Отмечая особую роль средств массовой информации в дальнейшем развитии государственности, распространении демократических ценностей и формировании общества гражданской солидарности, глава государства сосредоточил внимание на состоянии всех организационных, социальных, финансовых и других вопросов, связанных с этой сферой. После восстановления государственной независимости меры по организации нормальной деятельности СМИ были дополнительно расширены в период правления И. Алиева. «Совет по делам прессы, координирующий деятельность органов массовой информации в бывшем Советском Союзе, впервые начал свою деятельность в Азербайджане как независимый институт» [9, с. 233].

Влияние и вес Азербайджана в системе международных отношений значительно возросли, страна стала сильнейшей в регионе и современным государством, занимающим три ведущих места в бывшем Советском Союзе. Кроме того, наша ответственная позиция и миссия по обеспечению будущей безопасности значительной части Европы еще больше укрепили международный имидж и политическую мощь Азербайджана.

Это главная причина, по которой граждане Азербайджана сейчас как никогда прежде гордятся и почитают свое историческое прошлое, национальные ценности и традиции государственности. Ход нового этапа развития нашей государственности и наши чрезвычайно высокие достижения еще больше укрепляют наше чувство гордости и чести.

Сегодня Азербайджан добился больших успехов во всех сферах общественной жизни. Большинство наших показателей развития превосходят средний мировой и европейский уровень. Однако это еще не все. В будущем нас ждут новые цели и успехи. Поэтому, как и в любой другой области, укрепление нашей государственности, сохранение национальных

государственностных традиций и перспективы их дальнейшего развития чрезвычайно важны для каждого из нас.

Управление властью И. Алиевым на основе социальной справедливости и гуманистических принципов, характерное для деятельности лишь немногих глав государств, и его целенаправленная деятельность по обеспечению основных прав и свобод людей и граждан привели к тому, что имя нашего государства стало упоминаться наряду с ведущими мировыми государствами.

В условиях сложных событий и процессов глобализации, проведение государственной политики, основанной на национальных интересах, при одновременном сохранении демократической активности и нормальных условий жизни в Азербайджане, придало нашему государству высокий, достойный политический имидж. Неразрывная связь и прочное единство процессов демократизации и социально-экономического прогресса — один из редких случаев в мире, в котором мы живем, и присущ лишь немногим государствам.

Сегодня прогрессивная и самобытная модель социального развития Азербайджана, опыт демократизации общественной жизни и роль главы государства во всех этих достижениях являются примером для государств с долгой историей независимости.

Список источников и литературы:

1.Azərbaycançılıq - birliyimizin əsasıdır: 2001-ci il noyabrın 9-10-da Bakıda keçirilmiş Dünya Azərbaycanlılarının I Qurultayında və "Gülüstan" sarayındakı rəsmi qəbulda Azərbaycan Respublikasının Prezidenti Heydər Əliyevin nitqi / - Bakı: Azərbaycan nəşriyyatı, - 2002. - 34 s.

2.Dünya Azərbaycanlılarının I Qurultayı: Bakı şəhəri, 9-10 noyabr 2001-ci il / tərt. ed. Ə.M.Həsənov. - Bakı: Azərbaycan nəşriyyatı, - 2002. - 351 s.

3.Dünya Azərbaycanlılarının II Qurultayı: Bakı səhəri, 16 mart 2006-cı il / tərt. ed: N.Qurbanov, R.Hüseynov, E.Miraləm. - Bakı: Çaşıoğlu, - 2006. - 192 s.

4.Dünya Azərbaycanlılarının III Qurultayı: Bakı şəhəri, 5 iyul 2011-ci il / tərt. ed. L.Həmzəyeva, N.Qurbanov, E.Miraləm. - Bakı: Adventa MMC, - 2011. - 240 s.

5.Dünya Azərbaycanlılarının IV Qurultayı: Bakı şəhəri, 3-4 iyun 2016-cı il / - Bakı: Azərbaycan Respublikası Prezidentinin İşlər İdarəsinin Prezident kitabxanası, - 2016. - 81 s.

6.Əliyev, İlham. İnkişaf - məqsədimizdir: [108 cilddə] / İ.Əliyev. - Bakı: Azərnəşr, - 2-ci kitab. - 2009. - 432 s.

7.Əliyev, İlham. İnkişaf - məqsədimizdir: [108 cilddə] / İ.Əliyev. - Bakı: Azərnəşr, - 87-ci kitab. - 2019. - 391 s.

8.Ömərov, Vahid. Azərbaycan dövlətçiliyinin inkişafında İlham Əliyev mərhələsi: siyasi varislik tarixi zərurət kimi // Səs. – 2012, 27 dekabr. - s. 14.

9.Həsənov, Ə. Azərbaycan Respublikasının milli inkişaf və təhlükəsizlik siyasətinin əsasları / Ə.Həsənov. - Bakı: Zərdabi LTD, - 2016. - 700 s.

10.Андриянов, Виктор. Ильхам Алиев / В. И. Андриянов, Г. Ф. Мираламов.- М.: Молодая гвардия, 2007.- 396 с.

11.Зенькович, Николай. Ильхам Алиев: взгляд из Москвы / Н. А. Зенькович.- М.: Яуза: Эксмо, 2008.- 512 с.

12.Озеров, Михаил. Ильхам Алиев: я верю в мой Азербайджан / М. Озеров.- М.: Бослен, 2007.- 352 с.

УДК 94

Акмурзаева З.М.
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории ДГПУ
им. Р.Гамзатова
г. Махачкала, РФ

XX съезд КПСС в исторических судьбах народов Дагестана: смена эпох, уроки и значение.

Аннотация. 70 лет назад состоялся XX съезд КПСС, решения которого продолжили процесс десталинизации, начатый весной 1953 года, внесли значительный вклад в разрушение тоталитарной системы. Либерализация общественно-политической жизни страны стала необратимой, распространяясь на всё большее количество жертв политических репрессий и беззаконий. После съезда наметился поворот в объективном освещении репрессий 30-40-х годов и их последствий. Были реабилитированы многие видные государственные и общественные деятели Дагестана, которые внесли громадный вклад в культурное строительство, в социально-экономическое развитие республики. XX съезд КПСС вернул истории их имена, стал временем торжества правды и справедливости.

Ключевые слова: хрущёвская «оттепель», XX съезд КПСС, либерализация, демократизация, реабилитация, Дагестан, А.А.Тахо-Годи, И.М.Алиев, К.Г. Мамедбеков.

Процесс демократизации общественно-политической жизни страны начался весной 1953 года, однако длительное время перемены в политической сфере советского общества были малозаметны. Важным этапом на пути либерализации общественно-политической жизни стал

состоявшийся в феврале 1956 г. XX съезд КПСС. [4, с.7-9]. На закрытом заседании с докладом «О культе личности и его последствиях» выступил Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв. В докладе содержались собранные специальной комиссией сведения о массовых расстрелах невинных людей и о депортации целых народов в 30-начале 50-х гг., о репрессиях, гибели выдающихся людей, о пренебрежении И.В. Сталина коллективным руководством, о причинах поражения Красной Армии на начальном этапе Великой Отечественной войны. Оставаясь в плену идеологических догм, всё это Н.С.Хрущев объяснял исключительно личными качествами И.В.Сталина, связывал с негативными чертами его характера, с отступлениями от марксистско-ленинского понимания роли личности в истории. [3, с.128-170]. Съезд одобрил положения доклада и поручил ЦК КПСС последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы. [4, с.90].

Значение этого беспрецедентного шага, на который решился Н.С.Хрущев, было огромно. Публичное осуждение культа И.В. Сталина, разоблачение преступлений сталинского режима вызвали глубокие перемены в общественном сознании, разрушение системы страха. После съезда была продолжена политика, направленная на соблюдение законности в общественно-политической сфере.

В Дагестане, как в целом по всей стране, наметился поворот в объективном освещении репрессий 30- начала 50-х годов и их последствий. Работа по реабилитации жертв политических репрессий и беззаконий была развёрнута с новой силой. В Дагестане массовым репрессиям подвергались многие сотни коммунистов, комсомольцев и беспартийных, хозяйственных и военных кадров, деятелей науки, культуры и искусства. По данным реабилитации, опубликованным МВД и Прокуратурой Республики Дагестан по республике за 1930-1950-е годы общее количество репрессированных составило 14 000 человек, из них осужденных по политическим мотивам 7500 человек. [7, с.40]. Результаты репрессий были поистине опустошительными, так как значительную часть репрессированных составляли высокообразованные, талантливые и социально активные люди. Среди них было немало тех, кто стоял у истоков революционного движения в Дагестане, создавал первые партийные организации и комсомольские ячейки, боролся с бедностью и неграмотностью, вносил достойный вклад в развитие промышленности и сельского хозяйства, культурное строительство в Дагестане.

В 1937 г. трагически оборвалась жизнь видного государственного и общественного деятеля Дагестана **Алибека Алибековича Тахо-Годи.** Окончив гимназию во Владикавказе, в 1912 г. он поступает на юридический факультет Московского университета. По окончании университета работал помощником присяжного поверенного во Владикавказе. В апреле 1917 г. А.Тахо-Годи возвращается в Дагестан, где вместе с Д.Коркмасовым, М.Дахадаевым и С.Габиевым организует социалистическую группу. В годы Гражданской войны он работал членом Совета Обороны Северного Кавказа и Дагестана. После установления советской власти в Дагестане А.А.Тахо-Годи выдвигают на различные ответственные партийные и государственные должности. В 1920 г. А.А.Тахо-Годи избирается членом бюро Дагестанского обкома ВКП (б), членом Дагестанского ЦИК. Весной 1920 г. его рекомендуют на должность заместителя Дагестанского ревкома и заведующего отделом юстиции, а позднее -с 1922 по 1929 гг.- он занимает ответственные посты народного комиссара просвещения и народного комиссара юстиции. Одновременно руководит также отделом продовольствия. В эти годы он также избирается членом Совета национальностей ЦИКа СССР от Дагестана. (6, С.38). Одновременно он являлся директором научно -исследовательского института (НИИ) национальной культуры (1924-1928 гг.), зам. председателя СНК ДАССР и одновременно наркомом просвещения (1926-1929 гг.).

В 1929 г. А.А.Тахо-Годи переезжает в Москву, где назначается заместителем заведующего отделом главпрофобразования при Наркомпросе РСФСР. А.А.Тахо-Годи огромную организаторскую и научную работу сочетает с преподавательской работой. Он читает лекции в Московском университете, на курсах высшей партийной школы (ВПШ) при ЦК ВКП (б), в Институте Красной профессуры, в Коммунистическом университете трудящихся Востока, в Университете нацменьшиств. В 1932 г. А.А.Тахо-Годи стал первым директором созданного Центрального научно-исследовательского педагогического института национальностей – ЦНИПИН, одновременно сочетая с этим работу в Наркомпросе. [6, с.41]

В 1935 г. А.А.Тахо-Годи как умелый организатор и прекрасный педагог был выдвинут на работу в аппарат ЦК ВКП (б)на должность зам. заведующего отделом школ и учебных заведений. Одновременно он являлся зам. ответредактора журнала «Красный архив» (1931-1937 гг.). А.А.Тахо-Годи был арестован органами НКВД в Москве 22 июня 1937 г. По решению Военной коллегии Верховного суда СССР 9 октября 1937 г. был осужден и приговорен к высшей мере наказания.

Военная коллегия Верховного суда СССР своим решением от 07.01.1956 г. оправдала и реабилитировала А.А.Тахо-Годи в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС посмертно реабилитировал А.А. Тахо-Годи как коммуниста. [6, с.58].

Алиев Ибрагим Махмудович (1889-1937 гг.) – член партии с 1917 года, образование высшее. Будучи студентом юридического факультета Московского государственного университета, знакомится с будущими дагестанскими революционерами Уллубием Буйнакским и Гаруном Саидовым. [2, с.27]. После Февральской революции 1917 года вместе с ними возвращается в Дагестан. Работает в Порт - Петровском Совете рабочих и солдатских депутатов, выступает на собраниях и митингах рабочих городских предприятий, на сходах крестьян окрестных селений, на собраниях учащейся молодёжи. В мае-июне 1917 г. вместе с З.С.Захарочкиным – студентом Харьковского университета - он организовал молодёжный социалистический кружок. [1, с.50].

В последующие годы он работал наркомом юстиции ДАССР (1921г.), секретарём Дагестанского обкома РКП (б) (1921-1923 гг.), представителем Дагестана во ВЦИКе (1931-1932 гг.), директором научно-исследовательского института национальной культуры (1932-1934 гг.), председателем Главсуда ДАССР (1923-1925 гг.) и (1934-1937 гг.). Летом 1937 года московская комиссия проверяла деятельность правоохранительных органов Дагестана. По итогам её работы И.М.Алиев был исключен из рядов партии и снят с работы как «буржуазный националист», после чего он покончил жизнь самоубийством. Не до конца осознавая случившееся, он отвергал предъявленные ему обвинения: «Но я вовсе не виновен в предъявленном мне обвинении… С малых лет я приобщился к революционной работе. В самое тяжёлое время для партии, накануне Октября, я вступил в её ряды. Я вырос вместе с моей партией на виду у рабочих г. Махачкалы и бедняков окрестных сёл…. Всю свою жизнь в Дагестане я преследовал и преследую лишь одну цель – помочь этому отсталому дагестанскому горцу выбраться из глубокой тьмы и невежества, в которой он пребывает не по своей вине… Исповедую общечеловеческие коммунистические идеалы моему народу, их недр которого я вышел и за средства коего я получил соответствующее образование.» [5, с.14]. После XX съезда КПСС решением бюро Дагестанского обкома партии от 30 марта 1956 г. И. М. Алиев был посмертно реабилитирован. [7, с.446].

Посмертно был реабилитирован и другой видный общественно-политический и государственный деятель Дагестана **Керим Гусейнович**

Мамедбеков (1899-1938 гг.). Уже в 1915 г. в Дербенте Мамедбеков К.Г. стал активным участником нелегального молодёжного кружка «Умуд», объединявшего мусульманскую учащуюся и рабочую молодёжь. Весной 1917 года после Февральской революции был избран председателем ученического комитета реального училища, который возглавил всеобщую забастовку учащейся молодёжи города Дербента, направленную против реакционно настроенных учителей. [1, с.47, 48]. В мае 1917 года от революционной молодёжи города Дербента был делегирован на первый общекавказский съезд учащихся – мусульман в Баку. Весной 1920 г. возглавил работу по созданию в Дербенте первых ячеек комсомола. [1, с.52,80]. В годы Гражданской войны он был членом Совета обороны и наркомом транспорта Дербентского Совнаркома (1918 г.), членом Астраханского губисполкома (1918 г.), военкомом Дагестанского конного полка, военкомом-начальником Дагестанского отряда, военкомом бригады (1919-1920 гг.), членом и заместителем заведующего горской секцией Астраханского бюро по восстановлению Советской власти в Дагестане (1920 г.), военкомом Дагестана, чрезвычайным комиссаром Юждага (1920 г.), членом Дагревкома и председателем революционного военного трибунала Дагестана (1920-1921 гг.). Более десяти лет он занимал должность председателя ЧК – начальника Дагестанского отдела ГПУ-ОГПУ (1921-1931 гг.). В 1932 г. он был назначен на должность председателя Совнаркома ДАССР (1932-1937 гг.). [8, с.5-6].

С назначением на этот пост К.Г. Мамедбеков направил всю свою энергию и силу на осуществление политических, социально-экономических и культурных программ Коммунистической партии. Неутомимая энергия, искренняя преданность делу позволила ему добиться в короткие сроки ощутимых результатов на всех участках работы. За годы его деятельности была осуществлена коллективизация сельского хозяйства и практически решена культурная революция в горах.

На этой высокой должности К.Г.Мамедбеков проработал до конца свой жизни. Осенью 1937 года был исключён из партии, снят с работы и арестован. Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 7 сентября 1938 г. К.Г.Мамедбеков по обвинению в буржуазном национализме был приговорён к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор в тот же был приведён в исполнение. Жизнь Мамедбекова К.Г. трагически оборвалась в самом расцвете сил. [8, с.9]. В 1956 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор в отношении К.Г.Мамедбекова был отменён и уголовное дело на него за отсутствием состав преступления прекращено. [8, с.237].

Историческое значение XX съезда КПСС заключается в кардинальном идеологическом переломе, развенчании культа личности И.В.Сталина, осуждении массовых политических репрессий и начале масштабной «оттепели». Произошёл отход от жёсткой тоталитарной модели, началась либерализация общественно-политической жизни. Это событие привело к смене эпох, изменило вектор развития советского государства. Съезд запустил процесс реабилитации и восстановления доброго имени сотен тысяч невинно осужденных, в том числе видных партийных, военных и деятелей, в том числе из Дагестана.

Список источников и литературы:

1. Акмурзаева З.М. Молодёжное движение в Дагестане в первой половине XX века. – Махачкала: ИПЦ ДГПУ. 2006. – 402 с.
2.Ганзуров В.М. Ибрагим Алиев (1889-1937 гг.). //Борцы за власть советов в Дагестане: Сборник. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1987.- 288 с.
3. Известия ЦК КПСС. 1989. №3. С. 128-170.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986 гг.). Т. 9. 1956-1960 гг.- 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат.1986. - 574 с.
5. Люди и судьбы: заявления и письма репрессированных в 30-е годы. – Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ. 1997. – 77 с.
6.Магомедов А.М. Алибек Тахо-Годи. Жизнь, мировоззрение, творческое наследие. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1993. – 420 с.
7. Репрессии 30-х годов в Дагестане. (Документы и материалы).// Сост.: Какагасанов Г.И.,Бутаев М.Д.Джамбулатова Р.И. – Махачкала: Издательство «Юпитер», 1996. - 528 с.
8.Сулейманов С.И. Керим Мамедбеков – видный общественно-политический и государственный деятель Дагестана: Цикл «Дагестан: время и судьбы». – Махачкала: ГУ «Дагестанское книжное издательство», 2009. – 256 с.

УДК.93

Адигозалова М.З. кызы
Докторант, Институт истории и этнологии
им. Аббасгулу Аги Бакиханова НАНА
г. Баку, Республика Азербайджан
a.meleyke09@gmail.com

Научный руководитель: Тофик Тейюб оглы Мустафазаде,
д.и.н., профессор, г.н.с. Институт истории и этнологии
им. Аббасгулу Аги Бакиханова НАНА

Российско-сирийские отношения накануне арабской весны

Аннотация. В статье нашли освещение основные аспекты взаимоотношений России и Сирии на различных этапах исторического развития, в контексте международной обстановки на Ближнем Востоке. При этом автор отмечает, что обе стороны заинтересованы в сотрудничестве, особенно военно-технической сфере.

Ключевые слова: Ближний Восток, Арабская весна, Башар Асад, энергетическая дипломатия, Россия, советско-израильские отношения, турецкое сотрудничество, борьба с терроризмом

Ближний и Средний Восток, благодаря своим богатым ресурсам и геостратегическому значению, представляет интерес как для России, так и для других мировых центров силы. Оглядываясь на историю, можно сказать, что соперничество СССР и США в XX веке с окончанием холодной войны разрешилось в пользу США. Таким образом, Соединенные Штаты еще больше укрепили свое влияние в регионе. Однако, будучи преемницей СССР, Российская Федерация также стремилась укрепить свои позиции в регионе и добилась этого благодаря сотрудничеству с региональными государствами. Страной, на которой Россия сосредоточила свое внимание на Ближнем и Среднем Востоке, была Сирия. Этому есть несколько причин. Сирия расположена вблизи Красного и Средиземного морей и граничит с НАТО и союзниками США, такими как Израиль и Турция. В этом отношении для создания геополитического баланса в регионе и обеспечения собственного существования Сирия имеет важное значение. Кроме того, Сирия также имеет ключевое значение для региона с точки зрения энергетических проектов и транзитных маршрутов. В этом отношении она играет роль стратегического партнера России в энергетической дипломатии.

Хотя российско-сирийские отношения приобрели долгосрочный характер в советскую эпоху с созданием российской военно-морской базы в Тартусе, они ослабли в эпоху президентства Бориса Ельцина из-за снижения интереса к Ближнему Востоку. Причиной обострения отношений в эпоху Ельцина стало разногласие с Сирией из-за погашения долгов. Сирия объявила, что не будет выплачивать России долг советской эпохи, что Москва расценила как манипуляцию со стороны Сирии с целью получения большего количества оружия. Россия, не согласившись с такой позицией, оказала политическое давление на Сирию. Несмотря на такую напряженность, двусторонние отношения не были разорваны, поскольку они были взаимовыгодны для обеих сторон. Одним из важных факторов

поддержания отношений была покупка оружия. Сирия получала основное военное вооружение из России. Сирии было трудно получить оружие из других стран, особенно из западных стран и она не могла найти надежного союзника, как Россия. Сирия по-прежнему должна была России около 7–11 миллиардов долларов [10, с.18]. Единственная российская военная база на средиземноморском побережье располагалась в Сирии. В период ослабления отношений с другими ближневосточными государствами Сирия имела важное значение для России с целью сохранения влияния в регионе. Сирия также хотела видеть Россию в качестве посредника в разрешении конфликта с Израилем. Учитывая важность поддержания отношений и пытаясь улучшить положение, Россия в 1994 году списала долг Сирии в размере 2 миллиардов долларов [2, с. 54].

В 1999 году, в последние дни правления Б. Ельцина, отношения были восстановлены благодаря визиту президента Сирии Хафеза Асада в Россию. Развитие отношений с Сирией еще больше ускорилось с приходом к власти В. Путина. После прихода к власти В. Путин предпринял более активные и решительные шаги во внешней политике России, стремясь укрепить влияние России на международной арене как преемницы СССР. Одним из направлений внешней политики, на которого сосредоточил внимание В. Путин, было Ближний и Средний Восток. Сирия была главным центром влияния в этом направлении. В первые годы правления В. Путина отношения были несколько напряженными. Это было связано со сложностью международной ситуации вокруг Сирии и ее попытками уравновесить растущее давление со стороны Соединенных Штатов. После событий 11 сентября 2001 года Сирия заявила о своей поддержке США в борьбе с терроризмом, однако США обвинили ее в поддержке «Хезболлы» и «Хамас» и ввели против страны санкции. Кроме того, в октябре 2004 года после принятия резолюции 1559 Совет Безопасности ООН, Сирия была вынуждена вывести свой военный контингент из Ливана [8, с. 16]. В такой сложной ситуации Сирия еще больше сблизилась с Россией. В результате визита Башара Асада в Россию в 2005 году Россия согласилась продать стране современные системы противовоздушной обороны, несмотря на возражения США и Израиля. Россия также списала 73% непогашенного долга Сирии и согласилась, что оставшаяся часть долга будет погашена на условиях, выгодных Дамаску. В обмен Сирия обязалась закупать у России новое вооружение и разрешать российским компаниям беспрепятственно выходить на свои рынки.

События, начавшиеся в Тунисе в декабре 2010 года и получившие название «Арабская весна», не обошли стороной и Сирию: демонстрации и

протесты против режима Б. Асада начались в марте 2011 года. Эта волна протестов переросла в гражданскую войну и приобрела характер политического кризиса. События продолжались до 2024 года, когда Ахмед аш-Шара положил конец режиму Б. Асада и возглавил новое правительство. В отличие от своей позиции по отношению к событиям в Ливии, Египте и Тунисе, Россия продемонстрировала более активное участие в сирийском конфликте, оказав поддержку режиму Башара Асада. Примечательно, что именно Россия стала убежищем для Б. Асада после прихода к власти А. Шаари. Ключевым фактором, обусловившим такую активную роль России в сирийском кризисе, стали последствия ливийских событий и операция НАТО, приведшая к свержению Муаммара Каддафи. Как отметил министр иностранных дел России С. Лавров, «повторение ливийского сценария в Сирии, Йемене и Бахрейне может быть очень опасным» [9, с. 7].

Официальная Москва не вмешивалась напрямую в события в Тунисе и Ливии и даже сохраняла нейтральную позицию при голосовании резолюции 1973 Совета Безопасности ООН против Ливии [7, с. 33]. В результате Россия понесла определенные экономические и политические потери после свержения режима Каддафи в Ливии. Соответственно, до событий в Ливии существовали контракты с Россией на сумму около 10 миллиардов долларов. Россию беспокоило отношение нового правительства, сформированного в Ливии после событий «арабской весны», к этим контрактам. События в Ливии нанесли ущерб репутации России в регионе. Исходя из этого, российское правительство продемонстрировало решительное противодействие любому международному вмешательству, ведущему к смене режима, включая любые шаги, которые может предпринять ООН в этом отношении. Это привело к более активной позиции в отношении событий в Сирии и поддержке режима Асада.

Ослабление российского влияния на Ближнем и Среднем Востоке, а также переход Сирии, где находится ключевая российская военная база, под контроль США и Запада, шли вразрез с интересами России. Москва опасалась, что смена власти в Сирии может привести к формированию прозападного правительства, что негативно отразится на российско-сирийских отношениях и российских позициях в регионе. Таким образом, в ходе событий, происходящих в Сирии, Россия поддержала режим Асада и официально заявила, что признает администрацию Асада как единственного законного правительства Сирии.

Россия использовала свое право вето против санкций в отношении Сирии, а также против резолюций, направленных на формализацию интервенции во имя борьбы с терроризмом, которые были вынесены на

обсуждение в ООН. В то же время Россия продолжала продавать оружие Сирии в обычном режиме. Согласно предоставленной информации, у Москвы были действующие контракты на поставку вооружений Сирии на сумму более 4 миллиардов долларов, и по этим контрактам Сирии поставлялись истребители МиГ-29, зенитные ракетные комплексы «Панцирь-С1», артиллерия и противотанковые средства. Статистические данные утверждают, что за 2013 год Россия продала Сирии оружие на сумму более 1,2 миллиарда долларов [5, с.151].

Борьба с силами ИГИЛ в Сирии в 2014 году фактически велась на фоне борьбы США и их союзников против России. Таким образом, Россия рассматривала операции США и их союзников против ИГИЛ в Сирии как операцию против режима Асада. Параллельно с наземными операциями Запада по борьбе с ИГИЛ в 2015 году Россия начала воздушные операции [1, с.320]. Этот шаг России подвергся критике на Западе, и, как отмечали многие западные авторы, на самом деле это была операция против тех, кто противостоял режиму Асада, а не против террористов ИГИЛ. Поэтому Россию критиковали не только США и западные страны, но и такие региональные государства, как Турция, Катар и Саудовская Аравия.

Ключевым условием посреднических усилий России было сохранение режима Асада. В ходе этой миссии Россия продемонстрировала свою военно-дипломатическую мощь и способность к скоординированному взаимодействию с региональными партнерами. Благодаря своей сирийской политике и позиции по кризису, Россия утвердилась как один из наиболее влиятельных политических игроков в регионе.

Сирийско-российские отношения сохранились и после смены власти в Сирии в 2024 году. Новый лидер Сирии, А. Шаара, сформировавший правительство, совершил визит в Россию, где провел переговоры с В. Путиным [4]. Примечательно, что, несмотря на прежнюю поддержку Б. Асада со стороны российской администрации и его последующее бегство в Москву после свержения, Россия признала легитимность правительства А. Шаары и начала диалог с ним. Несомненно, это был правильный стратегический шаг для России, которая хочет сохранить свое влияние в регионе и свои военные базы в Тартусе и Хмеймиме. В то же время А. Шаара, правильно оценивая события, не хочет терять связи с традиционным союзником Сирии, Россией, и пытается заручиться поддержкой независимой внешней политики и продолжить двусторонние отношения. Важным аспектом переговоров стали также территории, освобожденные А. Шааром от других оппозиционных сил [6]. Россия, вероятно, была заинтересована в поддержке территориальной целостности, поскольку не желала усиления

других региональных игроков за счет этих групп. Таким образом, Российско-сирийские отношения имеют давнюю историю, предшествующую "арабской весне". Сегодня, будучи ключевым игроком в сирийском конфликте, Россия выступает надежным партнером Дамаска. Взаимные региональные интересы делают сотрудничество двух стран стратегически важным.

Список источников и литературы:

1. Averre D. Russia's 'strategic narratives': the case of Syria and the "Arab Spring" // Вестник Удмуртского Университета: Социология. Политология. Международные Отношения, 2019. Т. 3, вып. с.317-325.
2. Ilkbahar H. Russian Foreign Policy in the Arab Spring Period // Journal of Economics and Political Sciences 2021 1(1) p.47-58.
3. Vystoyski A. Russia and the Arab Spring // The quarterly journal. Vol. 14, No. 1 (Winter 2014), p..41–64.
4. Putin-Əhməd əl-Şaraa görüşü: "Ərazi bütövlüyü" mesajının gizli qiyməti // https://ordu.az/az/news/408068.
5. Ахмедов, В. М. Сирийская революция. // История и современность 4: 2023.с.148–172. DOI: 10.30884/iis/2023.04.06.
6. Мардасов А. Перезапуск с переворотом: как противник Асада дошел до Кремля // https://www.forbes.ru/mneniya/547964-perezapusk-s-perevorotom-kak-protivnik-asada-dosel-do-kremla.
7. Россия и большой Ближний Восток / [В.В. Наумкин (рук.) и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: Спецкнига, 2013. — 52 с. — ISBN 978-5-91891-219-5.
8. Тренин, Д. Россия и кризис в Сирии. Рабочие Материалы Фонда Карнеги. 2013 // https://carnegieendowment.org/files/WP_Syria_Rus_web_Feb2013.pdf.
9. Фитуни Л. "Арабская весна": трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 1, с. 3–14.
10. Шумилин А. Россия на Ближнем Востоке: от экономики к геополитике // Russie.Nei.Visions. № 93, май 2016. 30 с.

Алиева Э.К. кызы
доктор философии по истории, доцент
Институт Истории и Этнологии им. А.А. Бакиханова
НАН Азербайджана
emiliaaliyeva11@gmail.com
https://orcid.org/0009-0000-4929-5928

Из истории развития красильного ремесла (Боякчалык) в городах Северного Азербайджана в XIX – начало XX вв.

Аннотация: В статье на основе историко-этнографических материалов рассматривается состояние и развитие одного из древнейших народных промыслов Азербайджана - красильного ремесла (боягчылыг). Анализируются традиционные центры производства натуральных красителей на севере страны, такие как Шуша, Шеки, Баскал и Гянджа. Исследуются технологические приемы окрашивания шелка, шерсти и хлопка с использованием растительных компонентов: марены (гызылбоя), скумпии, грецкого ореха, шафрана. Особое внимание уделяется влиянию присоединения Северного Азербайджана к Российской империи, которое привело к расширению рынков сбыта и росту объемов производства, а также появлению первых анилиновых (синтетических) красителей, вступивших в конкуренцию с вековыми традициями. В статье показана роль красильщиков в социально-экономической структуре городов и сельских общин, а также дан анализ причин упадка промысла в начале XX века.

Ключевые слова: Северный Азербайджан, красильное ремесло, боягчылыг, ковроткачество, боягчы, натуральные красители, марена, скумпия, келагаи, ремесленные цехи.

Введение. Когда заходит речь о традиционных ремеслах Азербайджана, большинство из нас в первую очередь вспоминает изысканные ковры, чеканку по меди или резьбу по дереву. Однако за внешней красотой этих изделий всегда стоит работа невидимых мастеров - тех, кто давал материалам цвет. Красильное ремесло, или «боягчылыг», было тем фундаментом, на котором держалась яркость восточного базара и богатство национального костюма. В конце XIX - начале XX века Северный Азербайджан переживал непростой период: с одной стороны, бурно развивалась нефтяная промышленность, росли города, с другой - веками складывавшиеся ремесленные традиции либо встраивались в новые экономические реалии, либо отступали под натиском фабричного производства. Именно в это время красильное дело достигло своих вершин в объемах и техническом совершенстве, но одновременно столкнулось с вызовом, который в итоге привел его к упадку. Цель данной статьи - не просто перечислить факты, а воссоздать живую картину того, как работали, чем дышали и как выживали мастера цвета в эпоху больших перемен. Чтобы понять масштаб явления, нужно сначала оглянуться назад и увидеть, какие города и села славились этим искусством, какие династии создавали неповторимые оттенки и как ремесло было вплетено в повседневность. [1]

Исторические корни и географические центры промысла. Красильное дело в Азербайджане уходит корнями в глубокую древность. Еще арабский ученый XI века Бируни упоминал о «кирмизе» как о черве

красильщиков, разводимом на территории Азербайджана для получения стойкой красной краски. [2] Однако наибольшего расцвета промысел достиг в XIX веке, когда на фоне общего подъема ремесленного производства спрос на качественные краски вырос многократно. Согласно данным историков, почти во всех уездах Северного Азербайджана были распространены такие отрасли, как ковроделие, ткачество и неразрывно связанное с ними красильное дело. Но были и настоящие «столицы» этого ремесла.

Шуша по праву считалась одним из главных центров. К концу XIX века здесь действовало 8 крупных красильных камер (мастерских), чья годовая производственная мощность достигала 69 500 рублей - колоссальная по тем временам сумма. Шушинские мастера славились искусством окрашивания не только тканей, но даже стекла, умея получать до 50 различных цветов и оттенков исключительно из растений. [3] В Шуше сложилась целая ремесленная улица, где дым от котлов с кипящей мареной стоял столбом с утра до вечера. Причем работали там не только мужчины, но и женщины, которые занимались более тонкими операциями - например, нанесением восковых резервов.

Шеки и село Баскал (Исмаиллинский район) были вотчиной шелковых платков *келагаи*. Здесь сложилась уникальная система: во многих двухэтажных домах на первом этаже ткали шелк, а на втором - окрашивали. Красильщик, или *боягчы*, был центральной фигурой всего производства. В **Гяндже** ремесленные традиции также имели глубокие корни, причем местные мастера отличались особыми технологическими приемами, характерными именно для этого региона. Гянджинские красильщики предпочитали работать с плотной шерстью и хлопком, производя ткани для мужских халатов и шаровар. В каждом из этих городов были свои цветовые пристрастия: в Шуше любили глубокий красный и охра, в Шеки - золотисто-желтый и фиолетовый, в Гяндже - коричневый и зеленый. Это создавало здоровую конкуренцию и обогащало общую культуру.

Палитра мастера: секреты натуральных красителей. Секрет успеха азербайджанских красильщиков заключался в блестящем знании местной флоры. В отличие от европейских мануфактур, где все больше применяли химию, здесь продолжали использовать дары природы, добиваясь поразительной прочности и чистоты цвета.

Самой ценной технической культурой была **марена** (в народе - *гызылбоя*). Из ее корней добывали краски всех оттенков красного - от нежного розового до густого пурпурного. Спрос на нее был огромен: уже к середине XIX века большую часть потребности российских фабрик в красящих веществах обеспечивал именно Северный Азербайджан. [4]

Марена шла на экспорт наряду с шелком-сырцом. Крестьяне специально выращивали марену на отдельных делянках, сушили корни, измельчали в ручных мельницах и продавали красильщикам мешками. Это был прибыльный, хотя и трудоемкий промысел: чтобы получить один килограмм сухого корня, нужно было перекопать и промыть несколько квадратных метров земли.

Для получения других цветов использовали: Скумпия (желтая древесина) - давала желтый и оранжевый цвета, особенно популярные при окраске шелка для келагаи. Интересно, что цвет скумпии становился ярче под воздействием солнечного света, поэтому платки часто досушивали прямо на крышах. **Грецкий орех** (зеленая кожура и листья) - позволял получать всю гамму коричневых и бежевых тонов. Кожуру собирали осенью, когда орехи падали, и замачивали в больших глиняных кувшинах. **Шафран, барбарис, дикая яблоня, сумах** - использовались для создания тонких золотистых, лимонных и оливковых оттенков. Шафран был дорог, поэтому его применяли только для самых дорогих заказов - например, для окраски пояса невесты. **Кошениль** (червец «кирмиз») - давал карминно-красный цвет невероятной стойкости. Червецов собирали с корней злаков ранним утром, пока роса не сошла, затем высушивали и растирали в порошок. Этот краситель был на вес золота.

Исследователи отмечают, что красильное дело дольше всего удерживало свои позиции именно в тех районах, где был богатый лесной покров и развито садоводческое хозяйство, поскольку ручной труд и природный краситель были главными факторами, определявшими оригинальность национального продукта.

Технология и процесс окрашивания (подробное описание). Процесс работы красильщика был трудоемким и требовал не только физической силы, но и глубоких знаний, граничащих с алхимией. Профессор Видади Мурадов, изучавший историю промысла, подчеркивает, что красильное дело в Азербайджане невозможно рассматривать отдельно от ковроткачества - это были две стороны одного целого.[5]

Типичный процесс окрашивания пряжи выглядел так: **Подготовка сырья.** Шерсть, хлопок или шелк тщательно промывали и отбеливали на солнце. Шерсть, например, мыли в растворе золы и квасцов, чтобы удалить жир. Шелк отбеливали, раскладывая на влажной траве под солнцем - это называлось «вылеживание». **Приготовление протравы.** Для того чтобы краска «схватилась» и не линяла, нити обрабатывали растворами квасцов, железного купороса или дубильными веществами. Протрава - это был главный секрет мастера. Один и тот же краситель мог дать разный цвет в

зависимости от того, чем протравили нить: квасцы давали яркий тон, купорос - приглушенный, а дубильные орешки - коричневатый оттенок. **Варка красителя.** В огромных медных котлах (*казаны*) часами вываривали корни, кору или листья. Котлы вкапывали в землю, чтобы тепло сохранялось дольше. Мастер строго следил за температурой и временем - ошибка могла испортить всю партию. Если передержать - цвет станет грязным, если недоварить - блеклым. **Погружение и томление.** Пряжу опускали в горячий раствор и многократно перемешивали длинными деревянными палками, добиваясь равномерного пропитывания. Иногда нити оставляли в красителе на ночь, чтобы цвет «впитался» глубоко. **Промывка и сушка.** Окрашенные нити полоскали в проточной воде (часто в горных реках) и сушили на солнце, развесив на специальных шестах. Важно было, чтобы нити не пересыхали слишком быстро - иначе краска могла выцвести.

Особого внимания заслуживает техника *басманахыш* - набивка узоров на шелковые платки с помощью деревянных штампов (*галиб*). Красильщик-*галибчи* наносил расплавленный воск (резерв) на будущие белые участки, затем погружал ткань в краситель. Воск счищали, и узор оставался светлым. Процесс могли повторять несколько раз, добиваясь многоцветных композиций. В Баскале до сих пор показывают старые штампы из грушевого дерева - их поверхность покрыта сложнейшей резьбой, каждый завиток которой имеет значение.

Социальный статус красильщиков и цеховая организация. В социальной структуре азербайджанского города красильщики занимали почетное, хотя и не самое высокое, место. По сравнению с тяжелой долей крестьянина, ремесленник в городе (в Шемахе, Шуше, Гяндже) имел больше свободы, хотя и платил высокие налоги. Жизнь их была нелегкой, а работа - вредной: постоянное вдыхание испарений от кипящих котлов и едкой пыли от протрав сокращало век мастеров. Многие красильщики страдали болезнями легких и глаз, но редко бросали ремесло - оно кормило семью и давало уважение соседей.

Традиционно красильное дело было наследственным. Секреты рецептуры передавались от отца к сыну, причем брак в семье красильщика мог стать причиной промышленного шпионажа. В крупных городах существовали неформальные цеховые объединения, которые регулировали цены, качество и разрешали споры. Однако в отличие от средневековой Европы, азербайджанские цехи («таифе») не имели жесткой бюрократической структуры, держась больше на авторитете старших мастеров и общинных традициях. [6] Раз в месяц красильщики собирались в чайхане, обсуждали цены на сырье, делились новостями, а иногда и

устраивали «выставки» - вывешивали образцы окрашенных тканей на всеобщее обозрение. Самый яркий и стойкий цвет получал право на звание «уста» (мастера) на следующий год.

Влияние российского правления и экономический подъем. Присоединение Северного Азербайджана к Российской империи в первой половине XIX века оказало на красильное дело двойственное влияние. С одной стороны, отменились внутренние таможни между ханствами, улучшились дороги, и мастера получили доступ к огромному российскому рынку. С другой - на местные товары обрушился поток фабричной продукции из Центральной России и Европы.

Но красильщикам поначалу удалось выстоять. Более того, в 60-70-х годах XIX века наблюдался настоящий расцвет. Например, в Шуше в 60-х годах действовало 16 шелковых фабрик, и все они нуждались в услугах красильщиков. Российское правительство, заинтересованное в развитии экспортных отраслей, даже поощряло выращивание марены. Промысел начал приобретать черты мелкотоварного производства: мастер работал не только на заказчика из своего квартала, но и на купца, который вывозил партии крашеной пряжи в Тифлис или Москву. Появились первые артели - группы из 5-10 красильщиков, которые совместно закупали сырье и сбывали продукцию. Это позволяло снижать издержки и конкурировать с фабриками.

В Баку, который быстро превращался в нефтяную столицу, тоже открылись красильные мастерские, но они ориентировались на нужды быстрорастущего населения: окрашивали форменную одежду для рабочих, флаги, паруса для каспийских судов. Спрос был стабильным, но уже не таким эстетичным, как в Шуше или Шеки.

Конкуренция с химией и начало заката. Переломным моментом стало последнее десятилетие XIX века, когда на кавказский рынок хлынули дешевые немецкие и русские анилиновые красители. Искусственные краски были ярче натуральных, не требовали сложных протрав и многодневного труда. Крестьяне, которые веками копили на красное платье для невесты, теперь могли купить фабричную ткань цвета фуксии за копейки.

Профессор Видади Мурадов отмечает, что, несмотря на это, природное красильное дело в Азербайджане до конца XX века смогло удержать свои позиции в труднодоступных лесных районах и центрах садоводства. Однако в крупных городах, таких как Баку, где население росло невиданными темпами на почве нефтяного бума, услуги традиционных красильщиков стали не нужны. [7] В эпоху, когда нефтепромышленник мог купить любой готовый товар из Европы, тратить недели на ожидание окрашенной вручную

ткани казалось варварством. Красильни закрывались, мастера уходили грузчиками в порт или рабочими на промыслы.

Особенно болезненным стал удар по мареноводству. Если в 1880-е годы из Азербайджана вывозили тысячи пудов сушеного корня марены, то к 1905 году экспорт упал почти до нуля. Крестьяне, которые специализировались на выращивании марены, разорились и переключились на зерно или хлопок. Некоторые красильщики попытались приспособиться и использовать анилиновые красители, но качество их работы упало, потому что вековые навыки работы с натуральными компонентами оказались бесполезны перед химией.

Мастера и их наследие: живые истории. За сухими цифрами статистики стоят живые люди. В Шуше в конце XIX века работали десятки красильщиков, чьи имена, к сожалению, редко попадали на страницы документов. Но мы знаем, что их труд был зримым. Ковры шушинской школы, хранящиеся сегодня в Эрмитаже и Метрополитен-музее, до сих пор радуют глаз глубокими, немеркнущими тонами. Это заслуга именно красильщиков.

Одним из известных мастеров был Мирза Алекбер из Шеки. Он содержал красильню на 5 котлов и обслуживал полтора десятка ткацких станков в округе. Его секретным ингредиентом был мед, который он добавлял в протраву для шелка - якобы это придавало нитям особый блеск. Когда в 1898 году в Шеки приехал русский фабрикант и предложил Мирзе Алекберу купить его рецепт за 500 рублей, мастер отказался. Но через пять лет его мастерская закрылась - никто не хотел платить за натуральный шелк дорогую цену, когда можно было купить китайский, окрашенный анилином.

В селе Баскал традиция сохранилась благодаря тому, что местные женщины не прекращали ткать и красить келагаи для себя и на заказ для соседних деревень. Старожилы вспоминают бабушку Гюльнар, которая до 1930-х годов красила платки вручную, используя кору грецкого ореха и луковую шелуху. Она говорила: «Химия обманывает глаз, но через месяц краска слезет, а моя останется навсегда». Эти слова - ключ к пониманию ценности натурального ремесла.

Традиции сохранялись в семейных династиях. Мать учила дочь не только ткать, но и различать 50 оттенков красного, полученного из марены. В селе Баскал старые мастера до сих пор помнят, что «комната, где красят келагаи, - это волшебное место, куда нельзя впускать посторонних, иначе заклинания цвета не сработают». В начале XX века эти знания воспринимались как пережиток, но сегодня мы понимаем их как бесценное культурное наследие.

Причины упадка и попытки возрождения в начале XX века. К 1910-м годам красильное ремесло в Северном Азербайджане находилось в глубоком кризисе. Из 8 шушинских красильных камер к 1914 году работала только одна, да и та занималась в основном перекрашиванием старых вещей в черный цвет. В Гяндже из 15 мастерских осталось три. В Баскале еще держались, но и там молодежь уходила на нефтяные промыслы.

Причин несколько. Во-первых, экономическая: синтетические красители были в 5-10 раз дешевле натуральных. Во-вторых, социальная: престиж ремесленника упал, работать красильщиком считалось «грязным и отсталым». В-третьих, технологическая: фабрики могли окрашивать километры ткани в день, тогда как ручной красильщик - лишь несколько десятков метров.

Были и попытки спасти промысел. В 1912 году в Баку на средства нефтепромышленника Тагиева открылась школа ремесел, где среди прочего учили натуральному крашению. Но школа просуществовала недолго - из-за начавшейся Первой мировой войны её перепрофилировали под госпиталь. После революции 1917 года и установления советской власти традиционные ремесла окончательно перешли в разряд «кустарщины», и государство сделало ставку на крупную промышленность. Лишь в 1960-70-е годы, когда началось возрождение ковроткачества как искусства, интерес к натуральным красителям вернулся, но уже в музейном качестве.

Дополнительные сведения о красильных растениях и их заготовке. Чтобы читатель лучше представил себе масштаб работы красильщиков, стоит сказать несколько слов о том, как именно добывалось сырье. Марена, например, росла на полях два-три года. Корни выкапывали осенью, когда в них накапливалось максимум красящего вещества. Их тщательно мыли, резали на мелкие кусочки и сушили в тени. Готовый корень мололи в порошок на ручных мельницах. Пыль от марены была едкой и вызывала кашель, поэтому работники завязывали лица тряпками.

Скумпию заготавливали иначе: срезали молодые ветки и листья, сушили в связках под навесом. Ценилась древесина старых деревьев - она давала более насыщенный желтый цвет. В некоторых районах кору скумпии сдирали прямо с растущих деревьев, что, конечно, вредило лесам. Власти иногда пытались ограничить заготовку, но без особого успеха.

Грецкий орех был повсюду, поэтому проблем с коричневым красителем не возникало. Зеленую кожуру собирали в августе-сентябре, пока она не почернела. Её заливали водой и настаивали несколько недель в глиняных кувшинах, закопанных в землю. Получался густой темный

экстракт, который можно было хранить годами. Многие красильщики делали запас на несколько лет вперед.

Заключение. Подводя итог, можно сказать, что конец XIX - начало XX века стали для североазербайджанского красильного ремесла временем «прощания с эпохой». Искусство боягчы, отточенное веками, достигло пика своего технического совершенства и объемов производства, оказавшись на пике востребованности. Однако оно не смогло конкурировать с индустриальной революцией и химией. Это была не деградация мастерства, а смена экономической парадигмы.

Красильное дело ушло из больших городов, но не исчезло бесследно. Оно ушло вглубь, в домашние промыслы, в работу над коврами и платками на заказ. Сегодня, когда мир вновь поворачивается к экологичности и натуральным материалам, мы заново открываем для себя секреты старых мастеров. В Шеки и Баскале действуют небольшие мастерские, где туристам показывают процесс окрашивания шелка мареной и скумпией. [8] В Шуше, к сожалению, традиция прервалась из-за войны, но энтузиасты пытаются восстановить рецепты по старым записям.

История развития боягчылыг - это яркий пример того, как традиционное общество встречается с модернизацией, теряя количественные объемы, но сохраняя качество, которое спустя столетие превращается в искусство. И когда мы смотрим на старый азербайджанский ковер или шелковый платок, мы видим не просто вещь, а следы тысяч часов работы красильщика, его терпение, чутье и любовь к своему делу. Возможно, именно это чувство - главное, что мы должны сохранить от уходящей эпохи.

Список источников и литературы:

1. История Азербайджана (учебник для вузов). Баку, 2010.
2. Исследования сектора ковроткачества Института археологии и этнографии НАНА.
3. Гасанов Э.Л. Характерные особенности ремесленных отраслей Гянджи конца XIX - начала XX веков.
4. Материалы о шушинских ремесленниках (Архивы г. Шуша).
5. Этнографические очерки о селе Баскал.
6. Мурадов В. Традиционные ремесла Азербайджана: история и современность. Баку, 2005.
7. Отчеты Бакинской городской управы за 1890-1910 гг. (фонды Госархива АР).
8. Алиева С. Народные промыслы Северного Азербайджана в XIX веке. Баку, 2002.

УДК 93

Алиева В.Т. гызы,
диссертант
Института Истории и Этнологии
имени А.А.Бакиханова НАН Азербайджана,
г. Баку, Республика Азербайджан
vfa.aliyeva85@mail.ru

Об Агабале Гулиеве и продовольственном снабжение города Баку в годы Первой мировой войны

Аннотация: В представленной статье рассматриваются трудности, возникшие со снабжением Баку зерном в годы Первой мировой войны, и деятельность видного азербайджанского предпринимателя Агабалы Гулиева по преодолению этих трудностей. Отмечается, что одним из важных направлений предпринимательской деятельности Агабалы Гулиева в тот период была борьба с острой нехваткой продовольствия, с которой столкнулся Баку и Азербайджан в целом в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Агабала Гулиев, Первая мировая война, город Баку, хлебный дефицит, продовольственное снабжение.

Видный азербайджанский предприниматель Агабала Гулиев выстраивал альтернативные логистические цепочки, обеспечивал бесперебойные поставки зерна и стремился сохранить работу мельниц. Его усилия стали примером адаптации национального капитала к экстремальным условиям войны. Однако реализация этих мер столкнулась с серьезными препятствиями: дезорганизация экономики, неэффективность административных решений и вмешательство государства усугубляли кризис. Бюрократический аппарат часто препятствовал использованию ресурсов, необходимых для стабилизации ситуации. Тем не менее Гулиев стремился обеспечить продовольственную безопасность региона и смягчить последствия кризиса. После Февральской революции 1917 года ситуация ухудшилась, и продовольственная проблема достигла пика. Вынужденная остановка мельниц стала символом общего экономического кризиса. Экономический прагматизм и социальная ответственность уступили нарастающему политическому хаосу. Таким образом, деятельность Агабалы Гулиева демонстрирует важную роль национального предпринимательства в преодолении кризисов и обеспечении устойчивости общества в условиях глубоких исторических потрясений.

В годы Первой мировой войны продовольственная проблема стала одним из ключевых факторов, непосредственно влиявших как на ход боевых действий, так и на итоговые результаты войны. Продовольствие превратилось в стратегический ресурс, необходимый как для действующей армии, так и для тыловых районов Российской империи. Поскольку снабжение фронта напрямую зависело от мобилизации сельскохозяйственных ресурсов, обеспечение продовольственной безопасности в городах и сельской местности стало приоритетной задачей правительства на протяжении всех четырех лет конфликта.

Значительную роль в смягчении кризиса сыграла частная инициатива. Азербайджанская национальная буржуазия оказывала всестороннюю помощь в снабжении населения в тяжелых условиях военного времени. Ярким примером служит деятельность Агабалы Гулиева – видного предпринимателя, владельца мукомольных и рисоочистительных предприятий.

Обеспокоенный дефицитом продовольствия в городе Баку 17 ноября 1915 года он направил письмо в Бакинскую городскую думу. В нем Агабала Гулиев предложил схему поставок. Главным условием было организация безопасности для транспортировки муки с его мельниц в Ставрополе Его компания «Кавказское акционерное общество мукомольных и рисоочистительных мельниц А.Б. Гулиева» выразила готовность реализовывать эту продукцию населению города Баку по ценам ниже официального прейскуранта, установленного для ставропольских производителей [18, лл. 67-67 об].

Из переписки А.Б. Гулиева с Бакинской городской думой следует, что его мукомольное предприятие оказалось на грани остановки из-за отсутствия сырья. Предприниматель ходатайствовал о выделении подвижного состава для вывоза зерна, скопившегося на железнодорожных станциях Ставропольской губернии и критически необходимого для обеспечения продовольственной безопасности города Баку. Особую тревогу вызывало состояние груза на станции Изобильная: зерно, хранившееся там с февраля прошлого года, находилось под угрозой порчи [20, лл. 2-15]. В обращениях Акционерного общества подчеркивалась готовность использовать для транспортировки даже открытые платформы в случае дефицита крытых вагонов. Кроме того, предлагался альтернативный логистический маршрут: если прямое железнодорожное сообщение на линии Ставрополь-Баку затруднено, предприниматель просил доставить груз до Порт-Петровска (ныне Махачкала) для последующей отправки в Баку морским путем [20, л. 18; 23].

Анализ жалоб бакинских мукомолов на имя городского головы показывает, что значительная часть пшеницы, предназначенной для населения Баку, подвергалась реквизиции на Северном Кавказе под предлогом нужд военного времени. Так А. Гулиев в письме к председателю продовольственного отдела сообщал о намерении властей изъять партию зерна, закупленную для его предприятия и находившуюся на станции Егорлык Владикавказской железной дороги. Указывая, что мельница уже вынуждена была приостанавливать работу из-за дефицита сырья, и что изъятие груза ударит по интересам города, А. Гулиев ходатайствовал о предотвращении реквизиции [10].

16 мая 1916 года Бакинский градоначальник провел совещание по вопросам продовольственного снабжения с участием городского головы и А. Гулиева, представлявшего интересы владельцев мельниц и пароходных обществ. В ходе обсуждения, когда был затронут вопрос о хлебных резервах, А. Гулиев категорически опроверг утверждение городского головы о наличии в Баку запасов на 2–3 месяца. Предприниматель заявил, что реальных запасов городу хватит лишь на один месяц [2].

Ситуация с продовольствием критически обострилась летом 1916 года. Главной проблемой для бакинских мукомолов стали систематические задержки грузов на Северном Кавказе и их частая реквизиция для нужд армии. Выход из сложившегося положения владельцы мельниц видели в получении для своих предприятий статуса «работающих на оборону», что давало бы иммунитет от изъятия сырья [5].

В соответствующие инстанции направлялись многочисленные ходатайства. Так, в телеграмме на имя Бакинского городского головы П.И. Шашковского содержалась просьба санкционировать закупку в декабре 100 тысяч пудов муки и 100 тысяч пудов пшеницы для Бакинской городской управы, а также 225 тысяч пудов для мельницы Г.З.А. Тагиева, 225 тысяч для мельницы Скобелева, 150 тысяч для фирмы «Глаз» и 150 тысяч для мельницы А. Гулиева. Груз предполагалось доставить в распоряжение города через станции Баладжары или порт Петровск [6].

В результате переговоров удалось добиться гарантий, что зерно, заготовленное на Северном Кавказе, будет доставлено в Баку без реквизиций. Однако из-за логистических трудностей груз не дошел до пункта назначения. Уполномоченный по Северному Кавказу Данилевский уведомил городского голову, что не возражает против отправки А. Гулиевым трех маршрутных поездов с мукой из Георгиевска в адрес Бакинской управы [7]. Тем не менее, как следует из документов, Петровская городская управа (г. Петровск-Порт,

ныне Махачкала) самовольно задержала два из этих составов для собственных нужд; третий эшелон также остался там по той же причине [8].

Обострение продовольственного кризиса во второй половине 1916 года было обусловлено стремительным ростом цен на основные продукты питания (прежде всего на хлебобулочные изделия), а также увеличением расходов на железнодорожные и морские перевозки зерна из центральных и южных губерний России в Баку. По свидетельству городского головы, ключевой причиной дефицита стали перебои в снабжении. Крайне малые объемы муки поступали по железной дороге в Петровск (ныне Махачкала) для последующей отправки морем в Баку. Лишь к концу 1916 года ситуация несколько стабилизировалась. Пароходами в город было доставлено до 100 тысяч пудов пшеницы. Кроме того, удалось организовать отправку дополнительных эшелонов с мукой. Благодаря этим мерам Баку и его окрестности на короткое время были обеспечены хлебом, однако полностью решить проблему данные временные меры не могли.

Ситуация усугублялась тем, что в тот период в городе функционировала только мельница Агабалы Гулиева. Остальные три крупных мукомольных предприятия остановились из-за отсутствия сырья, в связи с чем городская управа была вынуждена распродавать свои скудные резервы муки [15]

В начале января 1917 года председатель городского совета по продовольствию и предметам первой необходимости обратился к Бакинскому градоначальнику с ходатайством разрешить А. Гулиеву в течение двух месяцев закупить 30 вагонов зерна в Терской области, на Дону и в Ставропольской губернии [12]. Градоначальник, в свою очередь, уведомил городского голову, что А. Гулиеву санкционирован ввоз 20 вагонов зерна со станции Георгиевск в счет январской нормы [13].

А. Гулиев также искал пути преодоления дефицита и роста цен, вызванных сбоями в поставках зерна. В своем обращении в Городскую управу он предлагал частично компенсировать нехватку пшеницы за счет ввоза кукурузы с Северного Кавказа. Предприниматель ходатайствовал о разрешении на закупку и вывоз этой культуры из региона, но при условии предоставления гарантий, что груз не будет реквизирован уполномоченным Данилевским. В случае одобрения этого плана Управой, А. Гулиев выражал готовность оперативно закупить 120 вагонов кукурузы [1].

Ввиду острой нехватки пшеничной муки, с санкции Градоначальника было принято решение об обязательном введении примесей: отныне 10–15% в хлебопечении должна была составлять кукурузная мука. Для реализации этой меры фирмам «Глаз и Кретинген», а также А. Гулиеву было поручено

заключить соглашение с братьями Скобелевыми об организации производства кукурузной муки [9].

Следует также отметить, что правительственным указом была запрещена выработка крупчатки. Согласно объявлению председателя городского совета по продовольствию и предметам первой необходимости, производство крупчатки допускалось лишь в исключительных случаях с личного разрешения Градоначальника. На остатки этого сорта была установлена твердая такса: мешок крупчатки разрешалось продавать не дороже 18 рублей. Кроме того, жесткие ценовые ограничения вводились на отруби и побочные продукты размола: пуд отрубей первого сорта должен был стоить 1 рубль 30 копеек, второго сорта – 85 копеек. О любых случаях нарушения установленных цен следовало немедленно уведомлять Городского голову [14].

Несмотря на то, что благодаря принятым мерам и усилиям азербайджанских предпринимателей Г.З.А. Тагиева и А. Гулиева зерновой кризис в Баку был временно смягчен [22, с. 149], с начала 1917 года дефицит хлеба в городе, как и во всей империи, вновь обострился. Ситуацию усугубляли перебои с поставками зерна с Северного Кавказа и участившиеся случаи его реквизиции. Газета «Ачык Сёз» («Ясное слово») сообщала, что А. Гулиев уведомил городского голову о получении телеграмм, подтверждающих реквизицию 8000 пудов зерна, закупленного им на Северном Кавказе [9]. Очевидно, что жесткая реквизиционная политика бюрократического аппарата сорвала планы предпринимателя по насыщению бакинского рынка, в том числе за счет ввоза кукурузной муки.

Кризис достиг апогея 14 февраля 1917 года, когда мельница А. Гулиева прекратила работу. В письме в Городскую думу владелец констатировал, что производство остановлено из-за отсутствия сырья и надежд на скорое возобновление работы нет, так как подвоз зерна извне фактически парализован. Правление акционерного общества отмечало, что, несмотря на огромные усилия и значительные финансовые затраты, предотвратить остановку мельницы не удалось. Закупленное за большие деньги зерно, предназначенное для Баку, было конфисковано на станциях Дарг-Кох и Эльхотово. В заключение правление предлагало городскому Совету по продовольствию и предметам первой необходимости обратиться напрямую в Управление по снабжению армии хлебом на Северном Кавказе с просьбой об отпуске зерна, так как частная инициатива и собственные средства мельниц оказались бессильны перед административными барьерами [11].

Революционные процессы 1917 года не только обострили экономический кризис, но и дезорганизовали административное управление.

В этот период возник острый конфликт между А. Гулиевым и новыми городскими властями на почве продовольственного снабжения. Бакинский продовольственный комиссар А.М. Стопани докладывал градоначальнику, что А. Гулиев своими распоряжениями вносит дезорганизацию в распределение муки на территории Градоначальства [16].

В связи с этим сигналом начальник Бакинской городской полиции А.К. Леонтович направил А. Гулиеву предписание с требованием строго соблюдать правила распределения, установленные «Хлебным бюро». В письме содержалось предупреждение, что в случае неповиновения предприниматель может быть подвергнут административному аресту сроком до 5 месяцев [19]. Давление на промышленника усиливалось и «с низу». В апреле 1917 года «Совет рабочих и служащих мельничных предприятий Баку» направил в Исполнительный комитет общественных организаций (ИКОО) и другие инстанции обращение, в котором обвинил А. Гулиева в систематическом нарушении установленных правил [21].

Кульминацией конфликта стало заседание Бакинского городского продовольственного комитета в начале мая под председательством А.М. Стопани. В ходе обсуждения вопроса о нарушениях правил распределения муки А. Гулиев был фактически лишен слова и возможности оправдаться. Комитет постановил создать следственную комиссию для проверки действий предпринимателя, оставив его в составе органа до завершения расследования [17]. Очевидно, что в революционной атмосфере того времени представитель крупной национальной буржуазии стал удобной мишенью для обвинений в продовольственном кризисе, однако данное дело в итоге не получило серьезного развития.

Согласно данным газеты «Ачык Сёз» за октябрь 1917 года, продовольственный кризис в Баку достиг критической точки. Город жил в режиме ежедневного ожидания подвоза, полностью завися от текущих поставок. Снабжение зерном с Северного Кавказа было дезорганизовано из-за массового вовлечения в этот процесс спекулянтов. Перекупщики приобретали зерно у крестьян по рыночным ценам (15 рублей за пуд), тогда как государственная твердая цена составляла всего 6 рублей 8 копеек. Вследствие такого диспаритета крестьяне отказывались сдавать хлеб продовольственным организациям по официальным расценкам.

Ситуацию усугубляла хаотичная транспортировка: промысловые и заводские рабочие самостоятельно закупали зерно на Северном Кавказе, нарушая график железнодорожных перевозок. Этим пользовались спекулянты, которые под видом рабочих ввозили муку в Баку и перепродавали её по баснословной цене — 250 рублей за мешок. Полная

дезорганизация продовольственного дела вынудила власти расширить практику реквизиций. Планировалось изымать муку и зерно у частных лиц на железнодорожных станциях Северного Кавказа (с оплатой по твердым ценам) и передавать их официальным продовольственным органам [3].

В условиях угрозы голода председатель Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов С.Г. Шаумян издал обязательное постановление. Согласно документу с 26 ноября 1917 года частным лицам категорически запрещалось закупать и ввозить муку в Баку. Любые партии муки, ввезенные после указанного срока, подлежали реквизиции по твердой цене с передачей в распоряжение продовольственных комитетов для нужд армии и населения. Также вводился запрет на продажу муки выше таксы, установленной городским продовольственным управлением. К нарушителям постановления и спекулянтам применялись жесткие меры: арест сроком на 3 месяца и конфискация товара [4].

Однако эти чрезвычайные меры советской власти не принесли ожидаемого результата, и продовольственный кризис продолжал усугубляться.

Подводя итог, следует констатировать, что предпринимательская активность Агабалы Гулиева в годы Первой мировой войны вышла далеко за рамки частного коммерческого интереса, приобретя характер миссии по обеспечению продовольственной безопасности города Баку и всего Азербайджана. В условиях дезинтеграции экономического пространства империи именно представитель национальной буржуазии продемонстрировал способность выстраивать альтернативные поставки и оперативно реагировать на дефицит, пытаясь спасти город от голода. Его усилия, направленные на сохранение непрерывного производственного цикла мукомольной промышленности, являются ярким примером адаптации крупного национального капитала к экстремальным условиям военного времени. Стратегия предпринимателя строилась на двух векторах: с одной стороны, он пытался наладить бесперебойные поставки зерна с Северного Кавказа и других аграрных регионов, а с другой — стремился сохранить работоспособность своих мельниц в условиях истощения сырьевой базы.

Однако реализация этих планов столкнулась с рядом объективных препятствий. Неготовность имперского правительства к затяжной войне привела к дезорганизации товарообмена между регионами, а неспособность организовать военную экономику привела к тому, что административные меры – хаотичные реквизиции и запреты на вывоз хлеба с Северного Кавказа – не регулировали рынок, а разрушали последние работающие связи. Государство пыталось компенсировать сбои в снабжении путем усиления

административного вмешательства в экономику. Тем не менее, бессистемность этих мер и отсутствие конструктивного диалога с деловыми кругами лишь усугубили хаос в системе распределения. Трагедия ситуации заключалась в том, что бюрократический аппарат своими действиями блокировал те самые ресурсы, которые национальный капитал мобилизовал для спасения населения.

На примере А. Гулиева отчетливо прослеживается стремление национальной буржуазии стабилизировать ситуацию. Однако эти инициативы были во многом нивелированы действиями бюрократии: уполномоченные по продовольствию на Северном Кавказе чинили препятствия вывозу уже закупленного хлеба, регулярно прибегая к практике реквизиций.

После Февральской революции 1917 года, когда экономика страны приблизилась к коллапсу, продовольственная проблема обострилась до предела. Вынужденная остановка мельниц А. Гулиева в 1917 году стала закономерным и символичным итогом кризиса: экономический прагматизм и социальная ответственность потерпели поражение перед лицом нарастающего политического хаоса и административного паралича власти.

Список источников и литературы:

1. Ağabala Quliyevin bəyanatı // “Açıq söz” qəzeti. – 1917, 8 yanvar, №371
2. Arutyunov və Quliyev // “Açıq söz” qəzeti. – 1916, 19 may, №189
3. Bakı xəbərləri // “Açıq söz” qəzeti. – 1917, 10 oktyabr, №586
4. Bakı xəbərləri // “Açıq söz” qəzeti. – 1917, 17 noyabr, №608
5. Dəyirman sahiblərinin təşəbbüsü // “Açıq söz” qəzeti. – 1916, 3 avqust, №249
6. Ərzaq və mühimmat // “Açıq söz” qəzeti. – 1916, 29 noyabr, №340
7. Ərzaq və mühimmat // “Açıq söz” qəzeti. – 1916, 7 dekabr, №346
8. Ərzaq və mühimmat // “Açıq söz” qəzeti. – 1916, 8 dekabr, №347
9. Qarğıdalı həczi // “Açıq söz” qəzeti. – 1917, 19 yanvar, №381
10. Quliyevin məktubu // “Açıq söz” qəzeti. – 1916, 25 mart, №142
11. Taxıl böhranı // “Açıq söz” qəzeti. – 1917, 23 fevral, №410
12. Taxıl mövcudu haqqında // “Açıq söz” qəzeti. – 1917, 4 yanvar, №368
13. Un // “Açıq söz” qəzeti. – 1917, 6 yanvar, №370
14. Un hazırlamaq // “Açıq söz” qəzeti. – 1917, 11 yanvar, №374
15. Un məsələsi // “Açıq söz” qəzeti. – 1916, 19 dekabr, №355
16. Бакинская жизнь // Газета «Каспий», – 1917, 17 марта, №62, с. 5
17. В городском продовольственном комитете // Газета «Каспий», – 1917, 9 мая, №102, с. 3

18. Отношение управляющего «Кавказского акционерного общество мукомольных и рисоочистительных мельниц «Ага Бала Гулиев» в Бакинскую Городскую Управу, от 17-го ноября 1915 г. // Государственный Исторический Архив Азербайджанской Республики, фонд № 512, опись №1, дело №24, лл. 67-67 об
19. Письмо А.Б.Гулиеву // Газета «Каспий», – 1917, 24 марта, №68, с. 3
20. Прошение «Кавказского акционерного общество мукомольных и рисоочистительных мельниц «Ага Бала Гулиев» о предоставлении ему маршрутных поездов для доставки муки в г. Баку для нужд населении города. 1916 г. // Государственный Исторический Архив Азербайджанской Республики, фонд № 512, опись №1, дело №24, лл. 2-25
21. Рабочие мельниц и А.Б.Гулиев // Газета «Каспий», – 1917, 22 апреля, №88, с. 4
22. Рустамова Дж.Я. Продовольственное обеспечение населения г. Баку в годы первой мировой войны // Pedaqoji Universitet Xəbərləri, Humanitar elmlər bölməsi, – 2013, №1, – s. 147-151

УДК 93

Аллахвердиева С.А. кызы,
Преподаватель, Бакинский государственный университет
г.Баку, Республика Азербайджан
Email: allahverdiyevasurayya@mail.ru

Вопросы продвижения национальной идеологии в трудах Мухаммада Амина Расулзаде

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы национальной идеологии в трудах Махаммада Амина Расулзаде, одного из основателей первой Азербайджанской республики, существовавшей в 1918-1920 годах. М.А. Расулзаде провел более половины своей 71-летней жизни за пределами Азербайджана, борясь за независимость Азербайджана. В ходе этой борьбы, начавшейся в Азербайджане, было опубликовано большое количество его работ. Из исследования становится ясно, что общественно-политическая деятельность Махаммада Амина Расулзаде была весьма продуктивной с юности. Главной темой его работ на протяжении всей жизни была идеология азербайджанизма, любовь к родине и защита государственности. Эти идеи и мысли ясно выражались как в его многочисленных статьях, написанных для прессы, так и в других произведениях.

Ключевые слова: Махаммад Амин Расулзаде, азербайджанизм, национальная идеология, научные труды

Труды Махаммада Амина Расулзаде, одного из идеологов Азербайджанской Республики, имеют большое значение в изучении национальной идеологии. В его работах на протяжении всего периода творчества на первом плане стояли любовь к Азербайджану и концепция родины. Деятельность автора в этом направлении привлекает внимание как в его многочисленных статьях на страницах азербайджанской прессы [1, с. 18], так и в работах, написанных в годы основания Азербайджанской Республики, а также в период эмиграции после 1920 года [2, с. 34: 3, с. 19].

Прежде всего, обратим внимание на идеи, выраженные М.А. Расулзаде в его работах, опубликованных в Азербайджане, относительно первой республики, установленной в нашей истории. В статье «Интервью с господином Расулзаде» М.А. Расулзаде, называя Азербайджан одним из независимых правительств, созданных на Кавказе, отметил, что он был участником мирного урегулирования проблем между независимыми государствами, возникающих на Кавказе [5; 6, с. 72]. Хотя его работа «Азербайджанская Республика», опубликованная в газете «Истиглал» 28 мая 1919 года, была издана в Стамбуле в виде книги в 1923 году, она также публиковалась в газете «Истиглал», органе «Турецкой гуманистическо-централистской партии» «Мусават» [7, с. 6-11]. Разница заключается в том, что в версии работы, опубликованной позже в Стамбуле, события прослеживаются до падения Республики и состоят из 11 разделов. Однако версия, опубликованная в газете «Истиглал», состоит из 7 разделов. В этой главе мы проанализируем первые 7 разделов работы. Подробное объяснение остального мы дадим в разделе «Произведения, опубликованные в Турции». В первом разделе этой работы [9, с. 82-120], опубликованной по случаю первой годовщины М.А. Расулзаде, отмечается, что первоначально было ошибочно применять название Азербайджан только к Тебризу и его окрестностям. Как пояснил мыслитель, территория, населенная азербайджанскими турками, не ограничивалась Южным Азербайджаном, а включала и Северный Азербайджан. У людей, живущих по обе стороны реки Араз, общий язык, письменность, литература, обычаи и история. В таком случае, как может быть, что название Азербайджан приписывается только Югу? М.А. Расулзаде обращался к истории, чтобы обосновать свои идеи. Он писал, что Баку, Гянджа, Ираван, Тебриз, Марага, Ардабиль, Халхал и другие провинции, а также территории, такие как Карабах, Аран, Муган, Гарадаг, всегда были родиной и охотничьими угодьями тюркского народа, многих больших и малых тюркских династий [9, с. 83]. М.А. Расулзаде представляет территорию Азербайджана как землю хазар, поселение туранских кочевников, территорию, которую сельджуки превратили в определенное тюркское государство, и пишет, что теми, кто правил территорией Азербайджана на протяжении веков, были в

основном тюрки. Он приводил в пример атабеев, туркменских беев Гарагоюнлу и Аггёюнлу, правивших в Азербайджане — Узуна Хасана и Гара Юсифа. Азербайджанскими тюркскими ханами он называет даже ханов Дербента, Губы, Баку, Шеки, Ширвана, Карабаха, Гянджи, Иревана и Нахчывана, подвергшихся русской оккупации [9, с. 84-85]. Во второй части работы он комментирует ситуацию в Азербайджане в период русской оккупации с 1828 по 1905 год. Выражением «Нация с другим языком, другой письменностью!» он сообщает о влиянии персидского языка на население Южного Азербайджана и русского на население Северного Азербайджана. Призывая народ к пробуждению, он обращает внимание на заслуги азербайджанских интеллектуалов – Хасана бея Зардаби и Мирзы Фатали Ахундова – на этом пути, и призывает народ бороться за независимость [9, с. 86-91]. В третьей части работы он приводит в качестве примеров достижений азербайджанского народа в результате революции 1905 года национальную школу, национальную прессу и национальные общества. Он отмечает, что Первая мировая война, начавшаяся в 1914 году, вывела на повестку дня идею «право нации священно!» и называет эту войну лучом надежды на победу над принципом национальности. В этой части работы внимание обращается на программу, выдвинутую Россией на съезде тюрко-американско-централистской партии «Мусават» относительно будущей формы правления. Как мы уже упоминали ранее, в качестве важнейшей формы правления была выдвинута национально-местная автономия, провозглашены политические права, такие как свобода слова, печати, совести, собраний и забастовок. В частности, подчеркивалось, что Азербайджан имеет полное право на независимость. В программе, включенной в работу, подчеркивалось разделение каждой автономной области на административно-территориальные единицы, такие как области, районы и округа, официальный язык как общий язык большинства населения, необходимость формирования парламента-депутата для выполнения задачи принятия законов и совета адвокатов для выполнения задачи исполнения законов [9, с. 92-100]. Четвертая часть работы посвящена описанию и анализу событий от русской революции 1917 года до мартовского геноцида 1918 года [9, с. 100-106]. Наиболее поразительным моментом в этой части работы, несомненно, являются попытки большевиков объединиться с дашнаками и подавить стремление азербайджанского народа к независимости. Недаром М.А. Расулзаде пишет, что «когда большевики перешли от оппозиции к власти, они вновь осознали, насколько далеки друг от друга слова и дела». Иными словами, хотя большевики представляли себя защитниками прав трудящихся, во время мартовского геноцида они убили больше трудящихся. М.А. Расулзаде ясно доказал, что политика большевиков ничем не отличалась от политики «разделяй и властвуй» царизма, приводя примеры «кровавых убийств-геноцидов», совершенных большевиками

вместе с дашнаками. Не случайно места, где нация наиболее полно провозгласила свою независимость, здание «Исмаилии» и офис «Ачик Соз», бывшие рассадником азербайджанской мысли, также были превращены в руины [9, с. 100-106]. В целом, М.А. Расулзаде, кратко рассмотревший путь к независимости в первых 4 частях работы, уже кратко углубился в историю республиканского периода в частях 5-7. В частности, в части 5 работы, которая сначала рассматривает путь из Тбилиси в Баку, М.А. Расулзаде пишет, что существовала сила, способная спасти нацию от трудной ситуации, и это была Турция. В этой связи он особо подчеркивает важность Батумских переговоров в сохранении независимости Азербайджана и их роль в освобождении Баку. Затем он кратко освещает вступление британских войск в Азербайджан под руководством генерала Томпсона и начало деятельности азербайджанского парламента спустя некоторое время. М.А. Расулзаде, особо обративший внимание на важность деятельности парламента, писал: «7 декабря в странном здании бывшей школы Унаса, рядом с сгоревшим зданием «Исмаилии», торжественно открылся Азербайджанский Меджлис-Мабусан. Наш трехцветный флаг, развевающийся над нашими головами, возвестил о том, что наша независимость вот-вот будет спасена от сомнений и тревог» [9, с. 114]. Он писал, что делегация, направленная правительством Азербайджана на Парижскую мирную конференцию, «отправилась с прощением и покорностью» со стороны британцев. Часть 5 работы завершается въездом итальянцев в столицу Азербайджана и подчеркиванием их позитивного отношения к нашей независимости. В части 6 работы М.А. Расулзаде, вновь подчеркивая важность парламента для Республики, пишет, что с началом работы парламента независимость Азербайджана была достигнута идеологически [9, с. 115-117]. Не случайно в конце части 6 М.А. Расулзаде выразил свое мнение о достигнутой независимости в целом как о цели всего народа. Он писал, что если Азербайджан изначально был национальной культурной борьбой, а затем абстрактной политической идеей, которой обладала одна партия, то сегодня это цель всего народа. Народ больше не может представить себе счастливую жизнь вне этой цели. Для народа, пережившего столько страданий, Азербайджанская Республика стала сформированным порядком-событием. М.А. Расулзаде не зря писал, что все должны смириться с этим порядком-событием, все должны его уважать [9, с. 117].

Последняя, 7-я часть работы «Азербайджанская Республика» имеет большое значение для изучения взглядов М.А. Расулзаде на стратегическое значение Азербайджана. Так, он называет азербайджанский народ прогрессивным народом, а Азербайджанскую Республику — более независимой, то есть талантливой республикой, чем другие независимые республики Кавказа. Он отмечал важность постоянного учета России, независимо от решения, принятого на Парижской

мирной конференции в отношении Азербайджана, который находится на пересечении кратчайшего пути, где встречаются Восток и Запад. Причина была ясна. Как отмечал М.А. Расулзаде в работе, он хорошо понимал, что России нельзя позволять входить в Азербайджан ни в какой форме [9, с. 117-119]. Выдающийся государственный деятель М.А. Расулзаде хорошо знал, какие результаты ранее принесло вхождение России в Азербайджан, и правильно их оценивал. Как он также отметил, «но ни интересы России, ни Англии, ни какого-либо другого государства на этой священной земле (Азербайджане) не могут сравниться с интересами азербайджанцев» [9, с. 118]. Работа завершается напоминанием о том, насколько важна независимость Азербайджанской Республики для каждого азербайджанца. М.А. Расулзаде неоднократно подчеркивает, что первая республика в исламском мире, Азербайджан, является образцовой формой правления, основанной на национальности, интернационализме и современности, и в конце работы он пишет, что необходимо работать во имя свободной турецкой культуры и высоко держать над головой наш некогда поднятый трехцветный флаг [9, с. 119].

Что касается парламента Азербайджанской Демократической Республики, давайте обратимся к статье М.А. Расулзаде «Сможет ли Национальный совет защитить независимость Азербайджана?» [11, с. 2]. В этой статье он называет Национальный совет новой страницей в истории независимости Азербайджана. М.А. Расулзаде был обеспокоен тем, как азербайджанские граждане отреагируют на открытие Национального совета в ситуации, когда геноцид, начавшийся в марте, продолжается, Османская империя капитулирует в Первой мировой войне, турецкие войска покинули Баку, британцы стоят у ворот Баку, а Центральная Европа охвачена революциями. По этой причине он обращается к читателю в статье со следующим вопросом: «Сможет ли Национальный совет защитить независимость Азербайджана от стольких трудностей?» [11]. Прежде чем ответить на этот вопрос, М.А. Расулзаде сначала напомнил читателю о важности Национального совета, то есть парламента, и написал, что парламент, по сути, является платформой для донесения желаний и стремлений нации до всей мировой культуры. М.А. Расулзаде считал важным доказать всему миру, что это наше место, и что мы должны считать это своим долгом [10, с. 78; 11]. Он не ограничился оценкой начала деятельности Национального совета как прогрессивного события, призванного доказать независимость Азербайджана всему миру, и призвал нацию защищать свою независимость до конца [10, с. 80; 59].

В работах М.А. Расулзаде в центре внимания также находится важнейшее условие нашей независимости — наша территориальная целостность и обеспечение единого управления на территории Азербайджана. В этой связи в

своей статье под названием «Наш успех в территориальном вопросе» [10 с. 399-401; 47] В статье упоминалось постепенное очищение Азербайджана от врага после провозглашения Республики — освобождение Ленкорана от вражеских сил, сдача карабахских армян азербайджанским властям, изгнание армянских солдат, пытавшихся несправедливо подчинить Нахчыванский, Шарурский и Дараляйский районы границ государства [10, с. 399; 47]. В этой статье, написанной М.А. Расулзаде, говорится о том, что за 9 месяцев, прошедших с 28 мая 1918 года, враг отрубил руки от неотделимых частей нашей родины, таких как Карабахская, Ленкоранская, Борчалынская, Нахчыванская, Шарурская, Дараляйская и Сурмальская области, и о мрачном положении дел. В целом, М.А. Расулзаде, считающий неизбежным немедленное урегулирование Зангезурского и Борчалского вопросов, пишет, что наряду с территориальным вопросом необходимо также решить вопрос определения и обеспечения границ Азербайджана. Самой большой угрозой для решения этого вопроса была сила на Севере, то есть Россия. Путь противодействия этой угрозе заключался в устранении внутренних препятствий и обеспечении территориальной целостности. Эта целостность обеспечивалась и еще больше укреплялась в результате все более сильной идеи независимости и самопожертвования турецкого народа, проживающего на территории Азербайджана. В своей статье «О Национальном совете Азербайджана» М.А. Расулзаде приводит общую информацию о границах и населении Азербайджана. Он писал: «Территория Азербайджана, состоящая из Баку и Гянджи, Загатальского района и части Ереванской и Тбилисской провинций… имеет население 2 750 000 человек. Из них 1 900 000-мусульмане, 500 000-армяне, 230 000-русские, а остальные-представители различных национальностей» [10, с. 92; 34]. М.А. Расулзаде справедливо отмечает, что разделение русскими Южного Кавказа на части, такие как Баку, Гянджа и Бакунская области, вовсе не дает оснований утверждать, что эти территории не являются Азербайджаном, или что Северный Азербайджан никогда не может называться Азербайджаном. Потому что Гянджанская область, Аран и окрестности Барды, с их более древним названием, также находились в составе Азербайджанской области. Таким образом, как подтвердил М.А. Расулзаде в своей статье «Азербайджан и Иран», название Азербайджан может включать Гарадаг, Халхал, Марага, Муган, Аран, Барда, Ираван, Нахчыван, Баку и другие административные, исторические и географические названия [10, с. 311; 12].

В своих работах М.А. Расулзаде неоднократно подчеркивает, что главными целями борцов за независимость в борьбе за независимость Азербайджана было обеспечение территориальной целостности Азербайджана, будь то Борчалы, Зангезур, Нахчыван и Карабах. Например, он называет часть Борчал, населенную

турками и мусульманами, континентом, который не отделится от Азербайджана. Он не мог представить или даже рассматривать Зангезур и Карабах как уезды за пределами Азербайджана [10, с. 148]. Он писал, что как зангезурский, так и борчалский вопросы срочно требуют решения [10, с. 399]. Он напомнил, что Нахчыван не только не был отделен от Азербайджана [10, с. 402; 13], но и что Баку, Гянджа, Ираван, Тебриз, Марага, Ардабиль, Халхал и другие области, такие регионы, как Аран, Муган, Гарадаг и Карабах, всегда были населены тюркскими народами и являлись охотничьими угодьями тюркских ханов [10, с. 321]. Хотя для азербайджанского народа в то время это был хорошо известный вопрос, крайне важно было добиться его признания за пределами страны. В этом отношении признание независимости Азербайджана ведущими странами мира на Парижской мирной конференции имело огромное значение с точки зрения подтверждения территориальной целостности Азербайджана.

Известны многочисленные статьи М.А. Расулзаде об этой конференции. Признание Азербайджаном независимости союзными державами 11 января 1920 года решением Парижской мирной конференции является примером того, насколько глубоко вдумчивыми и преданными были наши республиканские деятели во главе с М.А. Расулзаде и как они действовали по отношению к родине. Об этой конференции он пишет в статьях «День расплаты — по случаю ожидания Генерального мирного конгресса», «Две конференции», «Наша ответственность возросла!» [10, с. 178-181]. В статье «День расплаты — по случаю ожидания Генерального мирного конгресса» он обращает внимание на важность Парижской мирной конференции, называет этот день «днем расплаты человечества» и сравнивает 14-пунктные мирные принципы, объявленные миру президентом США Вудроу Уилсоном в 1918 году перед конференцией, с «израильским Трампом». Он даже описывает возглас, исходящий из этой трубы, в форме метафоры: «Восстаньте, о несчастные народы, день воскресения — день расплаты» [10, с. 178-181; 60]. Действительно, эта конференция, которая должна была определить новый мировой порядок, была лучом надежды, особенно для государств, долгое время пребывавших в цепях рабства и только что обретших независимость. Неслучайно М.А. Расулзаде, подчеркивая важность этого события, писал: «Парижский конгресс, который учтет мир, построит мир с нуля» [10, с. 178-181]. М.А. Расулзаде выражал надежду на то, что новый порядок будет установлен справедливо, и предупреждал, что «народы, восставшие из могил и жаждущие жизни, не должны быть снова похоронены в своих могилах». Потому что если бы такая ситуация произошла, то ни совесть человечества не успокоилась бы, ни погребенные в могилах народы не смогли бы обеспечить мир и покой тем, кто хочет жить в процветании.

Представители Республики, которые во всех смыслах находили утешение в справедливости конференции, особенно М.А. Расулзаде, рассматривали Парижскую мирную конференцию как прекрасную возможность для мировых держав признать территориальную целостность и независимость Азербайджана и советовали азербайджанской делегации, которая должна была участвовать в конференции, наилучшим образом воспользоваться этой возможностью. Время показало, что они не ошиблись в своих мыслях, и независимость Азербайджана была де-факто признана на мирной конференции. В феврале 1919 года М.А. Расулзаде написал статью под названием «Две конференции». В этой статье видный общественный и политический деятель, повторяя свои мысли, отсылающие к статье «День расплаты-по случаю ожидания Всеобщего мирового конгресса», призывал к чрезмерному оптимизму, но не к излишним заблуждениям. Потому что, как признавал М.А. Расулзаде, новый мировой порядок будет определяться теми, кто одержит победу в борьбе великих мировых держав. «Наша ответственность возросла!»-говорилось в статье под названием «Будет ли подтверждена наша независимость?». Он отвечает на вопрос по-своему. Он писал, что, хотя такой вопрос еще впереди, наша независимость уже существует. Нам просто нужно вовремя доказать, что мы — нация, действительно достойная независимости. М.А. Расулзаде, надеявшийся, что решение о независимости Азербайджана будет принято в течение 3-4 месяцев, подчеркивал необходимость сохранения внутренней стабильности и готовности к любым внешним нападениям до момента принятия решения. В статье говорилось, что позиция Азербайджана, отходящая от большевизма, и демократическое поведение по отношению к другим народам сыграют решающую роль в принятии положительного решения [10, с. 402-406]. Действительно, учет вышеизложенного и постоянное его следование со стороны правительства Республики в конечном итоге привело к фактическому признанию независимости Азербайджана союзными державами 11 января 1920 года. М.А. Расулзаде писал: «Наши глаза ясны!» В своей статье под названием «Независимость Азербайджана» он выразил свою реакцию на эту новость следующим образом: «Азербайджанский турок, решивший добиться независимости справедливостью, гарантированной самым священным правом, услышал долгожданный, вдохновляющий голос: независимость Азербайджана подтверждена!» [10, с. 432-433].

Место Баку в истории азербайджанской государственности также занимает важное место в работах М.А. Расулзаде. 5 ноября 1918 года в газете «Азербайджан» была опубликована статья под названием «Нота азербайджанского правительства по Баку» [10, с. 65; 14], в которой были изложены взгляды М.А. Расулзаде [10, с. 65; 14]. Эта нота фактически была представлена в стамбульских газетах в середине сентября председателем

азербайджанской мирной делегации М.А. Расулзаде в качестве протестного плаката, принятого в связи с бакинским вопросом между Германией и Россией. 12 сентября представители Азербайджана в Стамбуле передали немецкому посольству, а также представителям нейтральных стран протестную ноту азербайджанского правительства, подписанную М.А. Расулзаде [9, с. 7-8]. В данной заметке отмечается связь Баку с Азербайджаном в области науки, культуры и промышленности, и эта идея также подтверждается наличием в Баку различных политических, экономических, социальных, религиозных и благотворительных мусульманских институтов. В статье отмечается, что в качестве доказательства исторического права азербайджанского правительства на город Баку приводится подробная информация об истории города. Это историческое право подтверждается географическим, экономическим и национальным воображением. Именно по этому случаю была написана работа М.А. Расулзаде «Столица Азербайджана». Работа М.А. Расулзаде под названием «Столица Азербайджана», опубликованная в конце 1918 и начале 1919 года, является первой инициативой по освещению истории портового города Баку от древних времен до 15 сентября 1918 года. Пять частей статей М.А. Расулзаде «Столица Азербайджана» были опубликованы в газете «Азербайджан» (№ 55, 57, 68, 75 – 1918, № 108 – 1919), а последняя часть была опубликована в 1-м номере журнала «Истиглал», вышедшем 28 мая 1919 года в связи с первой годовщиной Азербайджанской Демократической Республики [10, с. 235]. В начале работы М.А. Расулзаде обратил внимание на значение Баку для Азербайджана и написал, что Баку, столица Азербайджана, отличался тем, что являлся одним из важных центров нашей страны не после обретения независимости, а с более ранних времен [9, с. 27]. В первой части работы он показывает географическое положение Баку и рассказывает о том, что благодаря своим горючим газам он с древних времен был священным местом зороастрийцев и индийцев, а также о его превращении в промышленный центр, привлекавший внимание нефтяных магнатов в капиталистическую эпоху. Он также проводит интересное сравнение и выражает значение города для Азербайджана следующей аналогией: «Баку… это Кааба деяний, которую совершают обходы азербайджанские турки, мечеть жизни, в которой он находится» [9, с. 29].

В целом, изучение работ М.А. Расулзаде, опубликованных в Азербайджане в двух направлениях-до образования Азербайджанской Республики и в годы её существования, даёт основания сделать вывод, что его главной задачей было пробуждение народа и пробуждение вкуса национальной независимости. Ведь нация, вкусившая свободу, пусть даже немного, не забудет её сладости на всю жизнь. В частности, создание Республики и её 23-месячная деятельность

заложили первоначальные основы нашей национальной государственности и сыграли важную роль в развитии национального самосознания.

Список источников и литературы:

1. Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920), Парламент (Стенографические отчеты). Том I. – Баку: Азербайджанское издательство, – 1998. – 976 с.
2. Амрахов З. История азербайджанского парламентаризма – 100. Баку: Наука и образование, 2018, 268 с.
3. Амрахов З., Исмаилов С. История Бакинского государственного университета. Баку: Наука и образование, 2019, 328 с.
4. Мамедов Х. Национальная борьба азербайджанского народа за независимость: конец XIX века – начало XX века / Х. Мамедов. – Баку: Наука, – 2005. – 249 с.
5. Расулзаде, М.А. Съезд «Мусават» // Открытое слово. – 1917, 27, 29, 30, 31 октября, 1, 2 ноября, № 599, 600, 601, 602, 603, 604; 54.
6. Расулзаде, М.А. Сиявушу нашего века. Современная азербайджанская литература. История современного Азербайджана / М.А. Расулзаде. – Баку: Гянжлик, – 1991. – 112 с.
7. Расулзаде, М.А. Восточная политика большевиков // – Варшава: Прометей. – 1928, № 21, – с. 6-11.
8. Расулзаде, М.А. В каких условиях открывается парламент? // Ирани-нов. – 1909, 15 ноября, № 67, – с. 4.
9. Расулзаде, М.А. Труды по истории Баку и Азербайджана (1918-1919) / М.А. Расулзаде. – Баку: Издательство «Канун», – 2013. – 160 с.
10. Расулзаде, М.А. Труды: [в 5 томах] / М.А. Расулзаде. – Баку: Издательство «Канун», – т. 5. – 2014. – 564 с.
11. Расулзаде, М.А. С какой надеждой? // Азербайджан. – 1918, 16 ташрини-сани (ноябрь) 1918, № 41, – с. 2.
12. Расулзаде, М.А. Азербайджан и Иран // Азербайджан. – 1919, 28 нисана (апреля), № 168. с. 1.
13. Расулзаде, М.А. Наша ответственность возросла! // Азербайджан. – 1919, 29 августа (августа), № 263. – с. 3.
14. Расулзаде, М.А. Записка правительства Азербайджана о Баку // Азербайджан. – 1918, 5 ноября (ноября), № 31. – с. 1.

Гусейнова К.Р. кызы,
Преподаватель, Азербайджанский
государственный педагогический колледж
г. Баку, Республика Азербайджан

Email: konulh317@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-6321-0935

Новые факты и коцептуальные подходы в изучении карабахской проблемы

Аннотация. В данной статье анализируются новые факты и современные концептуальные подходы к изучению карабахской проблемы в контексте современных исторических исследований. Рассматриваются основные этапы исследования конфликта в российской, азербайджанской и западной историографии. Особое внимание уделяется роли архивных документов, статистических материалов и дипломатических источников в изучении исторических процессов, связанных с развитием конфликта. Показано, что включение новых архивных материалов в научное обращение позволяет более объективно оценить демографические и политические изменения в регионе в XIX и XX веках. В статье также анализируются основные методологические подходы к интерпретации карабахского конфликта, включая этнополитический, геополитический и историко-правовой подходы. Сделан вывод о том, что комплексное использование различных источников и научных концепций позволяет глубже понять причины конфликта и специфику его развития. Полученные результаты указывают на необходимость дальнейшего изучения архивных документов и международных материалов для более всестороннего и объективного анализа карабахской проблемы.

Ключевые слова: Архивные источники, геополитический анализ, демографические процессы, карабахская проблема, историография

В современной историографии карабахская проблема рассматривается не только как региональный конфликт, но и как сложное историческое явление, определившее политическое, этническое и геополитическое развитие Южного Кавказа. Этот вопрос тесно связан с политическими преобразованиями, имперской политикой и демографическими изменениями, происходившими в регионе с XIX века. Противоречия, возникшие вокруг Карабаха, являются не только результатом политического противостояния двух государств, но и следствием долгосрочных исторических процессов и этнополитических изменений. Поэтому карабахская проблема является важной темой исследований, позволяющей понять не только историю конфликта, но и закономерности исторического развития региона.

Изучение карабахской проблемы прошло несколько историографических этапов. Исследования, проводившиеся в конце XIX и начале XX веков, в основном основывались на административно-статистических материалах Российской империи. Эти источники предоставляли важную информацию об этническом составе, административной структуре и экономической жизни региона. В советский период карабахская проблема изучалась преимущественно в идеологических рамках, а история региона объяснялась в контексте советской национальной политики. Хотя такой подход позволял включать в научное обращение некоторые факты, он несколько ограничивал объективное изучение всех аспектов проблемы.

После распада Советского Союза карабахский конфликт стал центром международной политики и научных исследований. В этот период были проведены новые исследования по истории, демографии и политическому развитию региона, а архивные документы и международные материалы вошли в научный оборот. Современная историография стремится рассматривать карабахскую проблему не только как локальный конфликт, но и в контексте международного права и региональной геополитики.

Цель данной статьи-анализ новых фактов и методологических подходов в изучении карабахской проблемы. В рамках исследования проводится сравнительный анализ различных историографических направлений, архивных источников и международных документов, а также определяется сущность концептуальных подходов, сформировавшихся в современной научной литературе.

Историография и источниковая база карабахской проблемы

Изучение карабахской проблемы сформировалось в различных направлениях историографии. Современная историческая наука рассматривает этот вопрос не только как политический конфликт, но и как результат долгосрочных исторических процессов развития и этнополитических трансформаций региона. Карабахская проблема связана с политическими изменениями и демографическими процессами, происходящими на Южном Кавказе с XIX века, и изучается исследователями из разных стран.

Изучение Карабахского региона в российской историографии началось главным образом в XIX веке. Административно-статистические описания и официальные документы, подготовленные в этот период, предоставляют важную информацию о политической и социальной структуре региона. Материалы, собранные в период царской России, включая работы таких авторов, как Н.Ф.Дубровин, создали обширную базу данных об административной структуре Карабаха, этническом составе его населения и его экономической деятельности.

Систематические исследования карабахской проблемы в азербайджанской историографии расширились, особенно с конца XX века. Эти исследования позволили нам проанализировать политическую структуру Карабахского ханства и историческое развитие региона в более широком контексте. Исследования азербайджанских ученых, особенно таких исследователей, как Я.М. Махмудов, Б. Мустафаев и А.Юнусов, показывают, что Карабах играл важную роль в политической и экономической жизни региона на протяжении всей истории [8, с. 35–39; 9; 13].

В западной историографии карабахская проблема изучалась главным образом в контексте этнополитических конфликтов и проблем региональной безопасности. Многие исследователи, в том числе М. П. Круассан, Т. де Ваал, Р. К. Суни и Т. Светоховский, интерпретировали конфликт в рамках политических преобразований, произошедших в результате распада Советского Союза. Такой подход показывает, что карабахский конфликт является важным геополитическим фактором, влияющим на региональную и международную систему безопасности.

Однако некоторые западные ученые, такие как С.Е. Корнелл, А. Альтштадт и Г. Бурнутян, связывают корни конфликта с демографическими и политическими изменениями в регионе в XIX и XX веках. Эти исследования подчеркивают роль этнических факторов и политических процессов. Такой всесторонний анализ карабахской проблемы позволяет оценить события, происходящие в регионе, в более широком геополитическом контексте [4, с. 42–45].

Архивные документы имеют огромное значение в изучении карабахской проблемы. В частности, официальные документы имперского периода позволяют более объективно оценить политическое и социальное развитие региона. Эти материалы содержат обширную информацию об административной системе Карабахского ханства, земельных отношениях и социальной структуре населения.

В этом контексте документы, собранные Кавказской археологической комиссией (АКАК), считаются одним из главных источников для изучения политической и административной истории Карабахского региона.

Статистические и демографические материалы также играют важную роль в изучении карабахской проблемы. Данные переписей населения XIX-XX веков позволяют проследить изменения в этнической и социальной структуре региона. Сравнительный анализ этих материалов более наглядно демонстрирует демографические преобразования, происходящие в регионе, и их влияние на политические процессы.

Исследования, особенно работы А. Альтштадта, показывают, что демографическая структура Карабахского региона претерпела значительные изменения на различных исторических этапах, и эти изменения сыграли важную роль в формировании политической истории региона [2, с. 210–214].

В то же время существующая база источников имеет определенные ограничения. Некоторые документы давно интерпретируются под влиянием интеллектуальных подходов, а ряд архивных материалов долгое время были недоступны исследователям. Поэтому одной из главных задач современной историографии является переоценка существующих источников и сравнительный анализ различных историографических подходов.

Исследования, проводимые в этом направлении, позволяют более всесторонне изучить правовые и политические аспекты конфликта посредством сравнительного анализа архивных документов, дипломатических материалов и международных решений [6, с. 215–218].

Новые факты в изучении карабахской проблемы

В последние годы включение новых архивных материалов в научный оборот карабахской проблемы значительно расширило фактическую базу исследований. В частности, административные документы, военные доклады и дипломатическая переписка периода Российской империи предоставляют новую информацию о системе политического управления региона, земельных отношениях и социальной структуре населения.

Анализ архивных материалов показывает, что Карабах был одним из важных административных и экономических центров Южного Кавказа в XIX веке. Эти документы содержат обширную информацию об административной системе и социально-экономической жизни региона. В частности, материалы, касающиеся деятельности Карабахского ханства, позволяют более объективно изучить политическую историю региона.

Подобные документы имеют большое значение не только для региональной истории, но и для изучения общего политического развития Южного Кавказа и позволяют нам анализировать исторические корни карабахской проблемы в более широком контексте [3, с. 84–88].

Демографические и статистические материалы также играют важную роль в изучении карабахской проблемы. Данные переписей населения XIX и XX веков позволяют проследить изменения в этнической и социальной структуре региона. Сравнительный анализ этих материалов позволяет более точно определить демографические преобразования, происходящие в регионе.

Демографические изменения, особенно начиная со второй половины XIX века, стали одним из важных факторов, повлиявших на формирование карабахской проблемы. Эти изменения в социально-этнической структуре региона также оказали серьезное влияние на развитие политических процессов.

В этом контексте изучение демографических материалов позволяет глубже понять причины карабахской проблемы и динамику политического развития региона [2, с. 142–146].

Международные документы и дипломатические материалы также играют важную роль в объяснении развития карабахской проблемы. С конца XX века события, происходящие в регионе, стали предметом пристального внимания международных организаций, и по этому вопросу были приняты различные решения.

Дипломатические документы и решения международных организаций имеют огромное значение для определения международно-правовых аспектов конфликта. Эти материалы показывают, что карабахский конфликт рассматривается не только как региональная, но и как проблема международной безопасности.

Документы, принятые международными организациями, служат важными фактическими источниками, определяющими правовую и политическую основу конфликта и показывающими, как оцениваются процессы, происходящие в регионе, на международном уровне [12].

Концептуальные подходы к анализу карабахского конфликта

Изучение карабахского конфликта требует применения различных теоретических и методологических подходов. Современная историография рассматривает эту проблему не только как локальный конфликт, но и как сложный процесс, сформировавшийся в результате взаимодействия этнополитических, геополитических и историко-правовых факторов.

Этнополитический подход является одним из методологических направлений, широко используемых в изучении карабахского конфликта. Этот подход объясняет конфликт в контексте этнической идентичности, политических интересов и социальных преобразований, а также показывает взаимосвязь между этнической структурой региона и политическими процессами.

Такой подход показывает, что конфликт — это не только этническое противостояние, но и сложный процесс, сформированный в результате взаимодействия различных политических и исторических факторов [5, с. 67–72].

Одним из важных направлений анализа карабахской проблемы является геополитический подход. Этот подход объясняет конфликт в контексте интересов региональных и международных держав. Южно-Кавказский регион на протяжении истории находился в сфере интересов различных политических сил, и этот фактор оказал значительное влияние на политические процессы, происходящие в регионе.

Геополитический подход позволяет нам изучить роль карабахского конфликта в региональной системе безопасности и его влияние на международные отношения. С этой точки зрения конфликт воспринимается не только как противостояние двух государств, но и как часть более широких геополитических процессов.

Современные исследования показывают, что карабахская проблема является одним из главных факторов, влияющих на формирование геополитического баланса в регионе Южного Кавказа [4, с. 118–122].

Одним из важных подходов к анализу карабахской проблемы является историко-правовой подход. Этот метод позволяет изучать историческое развитие региона и то, как формировался его политический статус в разные периоды.

Анализ исторических источников и дипломатических документов показывает, что Карабахский регион в разное время играл важную роль в политической и административной системе региона. Этот факт имеет особое значение при изучении правовых и исторических аспектов конфликта [11, с. 102–106].

Заключение

Для современной исторической науки карабахскую проблему следует оценивать не только как историю регионального конфликта, но и как результат сложных и многогранных исторических процессов, определивших политическое и этнополитическое развитие Южного Кавказа. Изучение этой проблемы показывает, что формирование и развитие карабахского вопроса возникло в результате взаимодействия долгосрочных исторических преобразований, демографических изменений, имперской политики и геополитических изменений, происходящих в системе международных отношений.

Анализ показывает, что включение новых архивных материалов, статистических данных и дипломатических документов в изучение карабахской проблемы позволяет более объективно и всесторонне оценить историческое развитие региона. Эти источники позволяют исследователям глубже изучить причины конфликта, более четко объяснить социально-политические преобразования региона и переосмыслить ряд спорных вопросов карабахской проблемы в историографии.

В то же время современная историография демонстрирует важность применения новых методологических подходов в изучении карабахской проблемы. Комплексное применение этнополитического, геополитического и историко-правового подходов позволяет изучать конфликт не только как локальный, но и как неотъемлемую часть политико-исторического развития региона. Эти подходы обеспечивают изучение карабахской проблемы в более широком историческом и международном контексте и создают условия для более полного понимания сущности проблемы.

Таким образом, изучение карабахской проблемы имеет важное научное значение не только с точки зрения изучения прошлого, но и с точки зрения понимания будущих перспектив развития региона. Включение в исследование новых фактов, архивных материалов и концептуальных подходов позволяет более

объективно и систематически развивать научные исследования в этой области. Углубленное изучение карабахской проблемы с точки зрения историографии способствует более полному пониманию историко-политического развития Южно-Кавказского региона и открывает широкие научные перспективы для будущих исследований.

Список источников и литературы

1. Документы, собранные Кавказской археологической комиссией (АКАК) – Тбилиси, 1866–1886 гг. [Русский]
2. Альтштадт А. Азербайджанские турки: власть и идентичность под российским правлением. – Стэнфорд: Издательство Института Гувера, 1992. – 331 стр. [на английском языке]
3. Бурнутян Г. Карабахское ханство 1747–1822: исследование политической и экономической истории. – Коста-Меса: Mazda Publishers, 1994. – 219 стр. [на английском языке]
4. Cornell SE Малые нации и великие государства: исследование этнополитических конфликтов на Кавказе. – Лондон: Routledge, 2001. – 480 стр. [Английский]
5. Croissant MP Армяно-азербайджанский конфликт: причины и последствия. – Вестпорт: Praeger, 1998. – 212 стр. [Английский]
6. Де Ваал Т. Черный сад: Армения и Азербайджан в мирное и военное время. — Нью-Йорк: Издательство Нью-Йоркского университета, 2003. — 336 стр. [английский]
7. Дубровин Н.Ф. История войны и русской мощи на Кавказе. – Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1871. – Том 5. [Русский]
8. Махмудов Ю.М. Карабах: Реальная история, факты, документы. – Баку: Образование, 2005. – 256 с. [на азербайджанском языке]
9. Мустафаев Б. Карабахское ханство. – Баку: Карагач, 2010. – 304 с. [на азербайджанском языке]
10. Суни Р.Г. «Арарат в центре внимания: Армения в современной истории». — Блумингтон: Indiana University Press, 1993. — 289 стр. [английский]
11. Светоховский Т. Россия и Азербайджан: пограничный регион в переходный период. — Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 1995. — 272 стр. [английский]
12. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Резолюция 62/243: Ситуация на оккупированных территориях Азербайджана. – Нью-Йорк, 2008 г. [на английском языке]

13.Юнусов А. Карабах: прошлое и настоящее. - Баку: Заман, 2005. - 280 с. [Английский]

УДК 94

Курбанов М-З. Ю.
ст. н.с. Института ИАЭ ДФИЦ РАН.
г. Махачкала, РФ.

Социально-экономические проблемы миграций даргинцев за пределы Дагестана (Ставропольский край и Калмыкия)

Аннотация. В статье тема социально-экономические проблемы миграций рассматривается на примере Ставропольского края и Калмыкии, где даргинцы по численности занимают 3-е место. Прослежена динамика нарастания конфликтогенных аспектов в сфере землепользования за пределами Дагестана со времени ее заострения в 90-х гг. прошлого века до сегодняшнего дня***. Методы исследования.*** В основе проведенного исследования использованы системный подход, методы обобщения, логического и сравнительного анализа. В ходе исследования использованы историко-этнографические материалы собранные нами в Ставропольском крае и Республике Калмыкия, позволяющие выработать концептуальные походы социально-экономическим проблемам миграций даргинцев. ***Результаты.*** Выявлены объективные субъективные факторы миграционной активности даргинцев, приведшие к существенным изменениям этнической карты Ставрополья и Калмыкии. Исследования показывают, что отмеченные тенденции породили и опосредованные негативные правовые последствия: разбираются животноводческие точки; выселяются проживающие там люди; в отличие от буддистов и православных, дагестанцы не имеют своей централизованной религиозной организации (мечет) и т.д. Исследование демонстрирует, что в основе этого противостояния или конфликтов лежат реальные социально-экономические, политические факторы. Речь идет о специфических территориальных приобретениях и территориальных потерях. ***Область применения результатов.*** Результаты проведенного исследования могут быт использованы при прогнозировании и анализе социально-экономических, политических и религиозных факторов, а также региональными органами управления для разработки и реализации программы для сохранения межконфессионального и межэтнического согласия людей за пределами ареалов традиционного расселения. ***Выводы.*** По результатам исследований сделан вывод о необходимости особого подхода к управлению экономической и политической устойчивостью регионального хозяйства. Ведь миграция даргинцев в Ставропольский край и Республику Кальмикию имела позитивный эффект: ставропольское и калмыкское овцеводство было спасено чабанами-даргинцами, позволило сохранить определенную часть сельских поселений и т. Д

Ключевые слова: даргинцы, овцеводство, Ставропольский край, Калмыкия, «лицами кавказской национальности».

В настоящее время изучение миграционных проблем в мире является одним из основных вопросов. Понятно, что миграция и переселение людей за пределами ареалов традиционного расселения в латентной форме существует межнациональное противостояние и вытекающая из него межнациональная напряженность, почвой существования которой являются самые различные факторы: территориальный, кадровый, уровень социально-экономического развития, степень удовлетворенности или неудовлетворенности населения качеством и образом жизни. При этом основной исследовательской задачей является анализ этих различий, которые обусловлены не только локализацией агентов межэтнической напряженности, но и психологическими характеристиками взаимодействующих этносов.

Здесь будет поставлена сама проблема миграции даргинцев за пределы Дагестана, которая до сих пор не поднималась дагестанскими учеными, и будут изложены общие результаты обобщения и историко-этнографического исследования автора, проводившегося в Азгирском, Буденовском, Георгиевском, Нефтекумском, Туркменском районах Ставропольского края и Артезианском, Ики-Бурульском районах Республики Калмыкии(2017г.).

В начале 50-х годов прошлого века, первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев с официальным визитом посетил Австралию. Его ознакомили с достижениями страны, из которых Хрущеву приглянулось тонкорунное овцеводство. По возвращении домой он издал Постановлением Совета Министров СССР от 28. 05. 1954 г. № 1023 «О закреплении за колхозами зимних пастбищ госфонда «Черные земли» и «Кизлярские пастбища» отгонные пастбища площадью 61,4 тыс. га Ставропольского края были переданы 24 колхозам Дагестана «…с устранением чересполосицы, и закреплены за каждым колхозом навечно»[12]. В частности, именно в соответствии с этим решением происходит миграция даргинцев в Ставропольский край и пошли грозные директивы на места, в крае вообще отсутствовали нужные кадры. Местные жители не хотели идти в чабаны, труд на кошарах был тяжелым и малопродуктивным, поэтому ставропольский коммунисты обратили свой взор на Дагестан, где животноводство занимало приоритетное место в сельском хозяйстве. За ними в Дагестан приезжали целые комиссии, которые просили руководство Дагестана помочь им, обещая высокие заработные платы и собственные дома. Потомственными овцеводами это приглашение было воспринято с воодушевлением, поскольку в Дагестане свободных земель для ведения хозяйства из-за перенаселенности почти не осталось. В указанный период Ставрополье стало притягательным регионом для дагестанских чабанов, преимущественно из даргинских районов (Акушинский, Дахадаевский и Левашинский). Даргинцы приехали на Ставрополье в 50-х годах XX в. В.С. Белозоров датирует «истинное начало этой мирной «микроэкспансии» концом 1960-х-началом 1970-х гг.»[2,с.251].

Они жили на кошарах, голая степь, знойнее лето, комары и скотина, а их дети в интернатах специальных, для отгонщиков, а на выходные уезжали на кошары, во время окота могли вообще в школу не ходить.

В таких условиях только трудолюбие и нежелание снова менять место жительства удерживало даргинцев в Ставропольском крае. И работали они от души, скоро овцеводство превратилось в важнейшую отрасль сельского хозяйства региона. Достаточно сказать, что « до 60% поступлений в бюджет края в свое время обеспечивал труд дагестанцев»[7].

Вот уже 65 лет происходит экономическая миграция даргинских животноводов в Ставропольский край и в Калмыкию. Крупнейшая даргинская община за пределами Дагестана представлена в Ставропольском крае. В 1959 году в Ставропольском крае проживало 748 даргинцев, в 2002 году официально их там значилось более 40 тыс. чел., в 2010 году-49,3 тыс. чел., по оценочным данным проживают 78 тыс. человек[]7. В настоящее время даргинцы по численности занимают 3-е место среди населения края. Ставрополье является вторым после Дагестана регионом проживания даргинцев. Ареалы их компактного проживания там-восточные районы края: Арзгирский, Левокумский, Туркменский. По словам Я.Б. Аджиева, в 1980-е дагестанские колхозы, умудрились добиться передачи им в аренду пастбищ Нефтекумского района Ставрополья[1,с.62-63]. Преувеличивать значение данного фактора, по выражению Я.Б.Аджиева, вряд ли стоит, так как перераспределение пастбищ между областями, краями, республиками в этот период являлось прерогативой высших инстанций, на чьи решения, впрочем, могли оказывать влияние администрации тех же республик и т.д. Со своей стороны отметим: «Трудовая миграция даргинцев в Ставропольский край, Волгоградскую и Ростовскую области и в Калмыкию имела для субъектов РФ большое экономическое значение. Фактически, овцеводство на Юге России было «спасено» чабанами-даргинцами, так как кроме них этим видом трудовой деятельности заниматься никто не хотел.»[8,с.435]. Сейчас даргинские чабаны покупают дома в селениях на окраине. Почему на окраинах? Есть возможность сделать выпас. Так, все отгонные пастбища Дахадаевского района находятся в Бакресе; вокруг него все населенные пункты населены ими - зубачинцами, уркарахцами, аштынцами, кишинцами (по названиям горных селений). Вокруг него имеются источники воды, куда на водопой приходит скот с соседних кутанов. У даргинцев количество скота больше, чем во всем Бакресе, и весь частный. Там, на хуторе, начальство — выходцы из Акушинского района, а работники ветеринарной службы — из Дахадаевского района.

В последние два десятилетия овцеводство Ставропольского края как отрасль экономики переживает кризис, что в значительной степени обусловлено ухудшением этнического самочувствия даргинцев, их возвращением в Дагестан. Моральные и миграционные потери даргинцев в связи с ограничением их трудовой активности в овцеводстве (непрестижной среди других этнических групп отрасли хозяйства) несоизмеримы с

экономическими издержками, которые несет Ставропольский край. Поэтому чрезвычайно актуальным представляется адекватное понимание реальной этнической ситуации и межэтнических отношений, сложившихся в Ставропольском крае.»[8,с.436]. Так, ознакомление с ситуацией в Ставропольском крае привело нас к выводу, что местные власти в каждом выходце из Дагестана видят потенциального террориста, а чабаны, кошары, по их мнению,- это неконтролируемая субстанция. М. Бойд подчеркивала, что все это обусловлено исторически сформированными социальными, политическими и экономическими структурами, но больше как последствие взаимодействия всех этих факторов[4, с.642].

Подавляющее большинство даргинцев на Ставрополье-это жители края во втором, третьем и уже даже четвертом поколении. Они интегрированы в социокультурное пространство края. Хотя их образ жизни унифицирован, сообразен месту проживания и местным традициям, тем не менее, организовывает у себя в Дагестане условий для возвращения домой. Подобные причины исследователи миграции и диаспор называют «возвратная миграция», что часто связана с проявлением расизма и дискриминации[10]. Несмотря на это, положительно то, что экономически активные даргинцы получают возможность зарабатывать , трудоустроиться, з и основательно укрепиться в районах проживания. Будучи до сих пор занятыми преимущественно в овцеводстве, многие даргинцы стали заниматься арбузами, луком (раньше для них это было нехарактерно), возглавляют строительные управления, хладокомбинаты, рынки, оптовые базы, заправочные станции, они владельцы магазинов. Как отмечают нынешние животноводы, в настоящее время у них возникли трудности с пребыванием в этом регионе. Одним из факторов, обуславливающих межэтническую напряженность среди дагестанцев и русских на Ставрополье, является возросшее национальное самосознание, подогреваемое экстремистки настроенной частью национал-экстремизма- Русским Национальным Единством (РНЕ). Общественному мнению навязывается убеждение о привилегиях в указанных сферах приложения труда «других наций и народностей» и ущемлении прав «своей нации», что неизбежно ведет к противопоставлению «мы»- «они».В общественном мнении фиксируется также выражения «дагестанизация» и даже «даргинизация», охватившая Ставрополье, прежде всего северо-восток края. Очевидно, что не перенаселенность региона даргинцами, а их дети привели к указанным изменениям. Если русская бабушка рада трём – шести внукам, бабушка-дагестанка нянчит 10-12, а то и больше внуков или внучат. У кавалера орденов Трудовой славы Сулеймана Муртазалиева, насколько я знаю, у него 44 внуков. Отмечается существенное различие в материальной обеспеченности представителей разных этносов: в семьях русских количество скота колеблется от 5-10 голов овец и 1-2 коров, у даргинских пастухов-более 800 голов овец и 30-40 коров [9,с.265-266]. На самом деле все

вышеизложенные претензии к представителям Дагестана, как «рвущихся к власти» и т.д., не имеют под собой почвы.

После ознакомления с ситуацией в Ставропольском крае лично я пришел к однозначному выводу, что местные власти проводят четкую националистическую политику с персонификацией образа «чужого» в лице дагестанцев, зачастую идут на нарушения законодательства РФ, снимая с регистрации жителей овцеводческих кошар. Сегодня массово разбираются животноводческие точки, выселяются проживающие там люди, включая « грудных детей». В Ставрополе нет действующей мечети, функционируют только молельные дома. Здание же мечети, построенное в 60-е годы XXв., сдали под музей. В такой ситуации невольно приходишь к выводу, что «стрелки» переводятся на дагестанцев специально, чтобы отвлечь общественное внимание от экономических провалов во всем Ставрополье.

Прокуроры и судьи, прежде всего, должны были выяснить, почему колхозно-совхозное добро оказывается в руках посторонних лиц, а не выгонять людей на улицу. Но ничего этого не делается, беззаконие процветает, вышестоящие инстанции молчат, «градус» межнациональной напряженности растет с каждым днем, сегодня с проявлениями этнической нетерпимости в Ставропольском крае можно столкнуться буквально на каждом углу. « Наши доводы, сообщает чабан Магомедов Сулейман из Нефтекумского района(родом из с. Кассагу Акушинского района), футболят от одного начальника к другому. Наши доводы судьи вообще не принимают во внимание. Предлагаю выехать на места со мной, чтобы выяснить, в каких домах мы живем,- ноль внимания. Начальник отдела федерального бюро технической инвентаризации Нефтекумского района на суде заявляет, что дала справки о непригодности домовладений для жилья без выезда на место, под давлением вышестоящих инстанций, судья игнорирует ее показания. И таких примеров по краю десятки и сотни». Национализм проявляется и в других сферах. «Рядом с населенным пунктом Алексеевка есть такая же точка, как и наша, но живут там одни русские,- объясняет Мурад Халилов. Условия в их домах намного хуже, чем в наших, но никто не предъявляет к ним никаких претензий»[13]. С каждым годом усиливаются споры вокруг земель отгонного животноводства, закрепленных за Дагестаном. « Два года назад,- брат Магомедова Сулеймана — Ибрагим рассказывает,— более 20 тысяч га пастбищ в Нефтекумском районе оказались переданными в аренду юридическим и физическим лицам, хотя земляки имели приоритетное право на эти земли. Ставропольские полицейские провоцируют нас на противозаконные действия, нередко они нас беспричинно избивают. Такой же инцидент имел место в Буденновске и других населенных пунктах»[14].

Такое отношение к нашим землякам, кроме прочего, отражается на экономике Ставропольского края. «Недавно в Москву и Ставрополь от рабочих хозяйства «Красный Маныч» Туркменнского района ушло коллективное письмо, которое, кстати, подписали и дагестанцы, и русские,- объясняет председатель дагестанского культурного центра Туркменского

района Билал Курбанов. В письме отмечается, что нынешний руководитель хозяйства Григорий Грищенко умудрился уничтожить мощнейшую оросительную систему, из-за его недальновидных действий не была создана достаточная кормовая база, поэтому только за один год пали 230 коров, 2700 овец»[15] .

Есть и другой нюанс. Краевая власть в рамках федеральных программ не дает деньги на разведение овец даргинцам, а на таком фоне дагестанцев выживают с региона. Может, это и звучит шокирующее, но я лично слышал от чабанов-даргинцев, что существует целая программа по вытеснению даргинцев из края: мол, их место займут русские и наступит процветание для всех и каждого. Ставропольские даргинцы обижены и на руководство Дагестана. « Раньше такое отношение, как к нам, тут было к чеченцам. Но приехал Рамзан Кадыров, переговорил с губернатором края и ответственными лицами, теперь к чеченцам все относятся уважительно. А наших представителей власти, защищающих наши интересы, я что-то не видел»[16].

Часть правды в утверждении собеседника, наверное, есть, хотя власти республики предпринимают пока безуспешные попытки защитить интересы дагестанцев. В течение последних 5 лет Представительством РД в Ставропольском крае во главе А.М.Омаровым были минимизированы социальные последствия и не допущены акции протеста, вызванные случаями нарушения действующего законодательства со стороны должностных лиц, органов самоуправления, работников прокуратуры и судов, предвзятого отношения к животноводам - этническим дагестанцам. Неправомерное, а в ряде случаев демонстративное применение силы сотрудников МВД против дагестанцев имело место в Георгиевском, Буденовском, Левокумском, Туркменском районах. С целью предотвращения вовлечения студенческой, особенно иногородней молодежи в противоправную деятельность Ставропольской национально-культурной автономией народов Дагестана в течении 5 лет реализует проект «Молодежь», который возглавляет доктор наук профессор И.С.Исмаилов.

На Ставрополье проживала и проживает немало этнических дагестанцев, которые являются примером молодежи. Добрую память о себе оставили Герой Социалистического Труда Али Юнусович Юнусов из села Карлабко Левашинского района, первый председатель Совета старейшин Мухтар Лукманович Рамазанов из села Хуна Лакского района и др.

Достойно представляют своих земляков и сейчас: кавалер трех орденов Трудовой Славы Сулейман Муртузалиев из села Мекеги Левашинского района, депутат Государственной Думы РФ Д.Н. Гасанов из села Джангамахи Левашинского района, председатель Совета старейшин, доктор сельскохозяйственных наук, профессор И.С.Исмаилов и др[17].

Третье место занимали и занимают даргинцы-7,6 тыс.чел. (2,5%) по численности в Калмыкии. Впервые даргинцы на территории Калмыкии упоминаются в материалах Всесоюзной переписи населения 1959г., они были

зафиксированы в графе «Народы Дагестана», включавшей 1479 человек, из которых 608 отмечены как даргинцы[6,с.36]. Наиболее высокое представительство даргинского этноса наблюдается в структуре населения Ики-Бурульского (в 2002г.-1524 чел., или 13% численности жителей района, в 2010г.-1727 чел., или 15,1% численности жителей района), Черноземельского (в 2002г.-1515 чел., или 11,7%, в 2010г-12,1%)[11,с.4-6].

Некоторые исследователи подвергают сомнению цифру о численности даргинцев в Калмыкии, указанную в материалах переписи населения, полагая, что она сильно занижена. Последняя перепись населения зафиксировала только относительно постоянное население и не учла даргинцев, живущих и работающих семьями на чабанских стоянках. Действительно же численность даргинцев в Калмыкии намного больше и ориентировочно составляет не менее 40 тыс.человек[22,с.33].

Довольно тесные экономические связи между Дагестаном и Калмыкией установились в 1960-1970 годы. Это связано с тем, что восстановленная после сталинской депортации (1943-1956 гг.) республика Калмыкия испытала большую потребность в трудовых ресурсах. В результате, также как и на Ставрополье, в Калмыкии постепенно формировался и накапливался контингент даргинцев. В большинстве своем даргинцы трудоустраивались в животноводстве, семейными группами поселялись в небольших населенных пунктах: на фермах, гуртоправских стоянках и чабанских точках. Примечательно, что первым Героем Социалистического Труда в Калмыкии был чабан Ханбаба Мирземетов [20,с.4]. Как отмечалось в республиканской печати, Х.Н.Мирземетов «является символом дружбы народов Калмыкии и Дагестана». 17 сентября 1994 г. в республике торжественно отмечалось 60-летие Х. Н. Мирземетова.

В период стабильного функционирования государственной плановой экономики особых проблем между Калмыкией и Дагестаном не возникало, хотя в 1990-е годы проявились разногласия. Основной их причиной стали проблемы опустынивания пастбищ и условия аренды. Была небольшая задолженность по аренде у двух хозяйств, но она была погашена по договорённости с калмыцкой стороной.

Отличие современных миграционных процессов от тех, которые были известны ранее, заключается в принципиально новом поведении мигрантов. Многие из них не желают ассимилироваться, менять свой образ жизни, привычные ценности и традиции. Они стремятся в новой среде сохранить самобытность, не утратив своей идентичности. Более того, мигранты все чаще и чаще отказываются мириться с какими-либо видами дискриминации.

Относительно спокойное положение в республике не в последнюю очередь связывают с особенностями религиозных установок буддизма и православия (двух основных религий современной Калмыкии).

Следует отметить, что, в отличие от буддистов и православных, дагестанцы не имеют своей централизованной религиозной организации, большого количества молельных домов. В 2005 году после столкновения

дагестанцев и калмыков в селе Яндыки Лиманского района Астраханской области, власти Калмыкии снесли как незаконную постройку мечеть, возведенную дагестанцами в Сарпинском районе. Тогда напряженность в отношениях дагестанцев и местных властей достигла предельной точки, однако ситуацию удалось удержать под контролем. При встрече с министром по национальной политике, информации и внешним связам Республики Дагестан Э.Уразаевым (на тот период), представители дагестанской диаспоры выразили озабоченность предвзятым отношениям со стороны правоохранительных органов к этническим дагестанцам, проживающим в Калмыкии. До этого Б. Бекмурзаев на вопрос о том, почему Дагестан эффективно не защищает интересы дагестанцев в Калмыкии, Астрахани и других субъектах Российской Федерации и странах СНГ, заявил, что в большинстве случаев виноваты, бывают сами дагестанцы[19].

Через полтора года, 13 января 2007 года произошла драка в с. Кануково, Сарпинского района Калмыкии, в результате которой пострадали дагестан-цы. Непростые отношения между дагестанцами (в районе проживают немало даргинцев) и калмыками в районе ни для кого не является секретом. Однако если до сих пор это выливалось в бытовые стычки молодежи, то 13 января нападению подверглись уже представители власти и сотрудники милиции, находящиеся при исполнении служебных обязанностей[21].

Череда подобных инцидентов вынудила подписать межправительственное соглашение по использованию на правах аренды отгонных пастбищ площадью 101222 га. В начале 2008 года «Российская газета сообщала: «…Сейчас перед минсельхозземом Калмыкии стоит задача инвентаризации своих пастбищ и оценки животноводческой нагрузки на земли. Если поголовье скота будет превышать допустимые пределы, то с арендаторов будут взиматься повышенные ставки налогов. Но, как подчеркнули в министерстве, это коснется и своих арендаторов, и приезжих из других регионов»[3]. Такие же планы согласованы в ходе встречи в сентябре 2008г. министра сельского хозяйства РФ А.Гордеева с главой Калмыкии К. Илюмжиновым. Президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов присутствовавший на праздничных мероприятиях восстановленного в Дагестане «Дня чабана», где встречался с президентом РД М. Алиевым и подчеркнул следующее: «Дагестанцы, живущие в Калмыкии, добросовестно выполняют свою работу. Об отношении народа и руководства Калмыкии к дагестанцам, которые трудились и трудятся там, свидетельствует тот факт, что первым Героем Социалистического Труда в Калмыкии был дагестанец)[17] (речь идет о Ханбабе Мирземетове - М.-З.Курбанов).

Следует отметить и то, что отдельные даргинцы, оказавшись за пределами своей республики, не стремиться слиться с окружением, принять утвердившиеся в ней обычаи и образ жизни. А они, несомненно, находятся в прямой зависимости от социально-экономических, политических факторов, впрочем, как и от уровня правового и нравственного развития его

представителей. Как считают В.Томас, Р.Парк и их коллеги, главное противоречие в современном обществе лежит не сфере национальности или религии, это противоречие между культурой и невежеством [18]. Хотя некоторые публикации и пропагандистские материалы скорее заставляют задуматься иначе. В последнее время в Республике Калмыкия наблюдается довольно сложная и противоречивая ситуация. С одной стороны, руководство республики поддерживает достаточно тесные экономические и социальные связи с нами. С другой – общественность Калмыкии обеспокоена осложнением отношений с закрепляющимся в республике «дагестанцами», в первую очередь даргинцами. По сути, их можно представить в виде обвинений предъявляемых к нерусскому населению, в частности, к даргинцам, проживающихся на их территории.

Однако экономические последствия миграции на Ставропольский край и Кальмикию способствует подъему благосостояния граждан (дешевое мясо, строители, магазины, кафе и т.д.) в традиционных местах проживания. Необходимо признать, что миграция даргинцев в Ставропольский край и Республику Калмыкию носила позитивный характер: 1.ставропольское и калмыкское овцеводство было спасено чабанами-даргинцами; 2.позволило сохранить определенную часть сельских поселений; 3.именно она в основном обеспечивала прирост населения. Именно поэтому региональные органы управления Ставрополья и Кальмикии призваны реригиональными органами управления для разработки и реализации программы для сохранения межконфессионального и межэтнического согласия людей за пределами ареалов традиционного расселения.

Список источников и литературы

1.Аджиев Я.Б.Этноязыковая, этнодемографическая, этноэкологическая ситуация в Ногайской степи(история и современность)// Современное положение и перспективы развития ногайского народа в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции 2-4 ноября 2006 г. СПБ., 2007.С.62-63.

2.Белозоров В.С. Этническая карта Северного Кавказа . М.,2005. С.251.

3. Бондарев С. Земли отправят на отдых//Российская газета-Юг России.2008. №4570.

4 Boud M. Family and personal networks networks in international migratijntion: recent developments and new agendas // international Migration Review, 1989, VoI. 23, No. 3. P. 642

5.В 1989 г. даргинцы составляли большинство населения в 24 населенных пунктах Ставрополье(Белозеров В.С. Указ. соч. С.251.).

6.Гунаев Е.А.Народы Дагестана //Народы Калмыкии: историко-социологические очерки. Элиста,2011. С36.

7.Информация о сотрудничестве между Республикой Дагестан и Ставропольским краем Российской Федерации 21. 01.2017.

8Курбанов М.-З.Ю. Трудовая миграция как фактор межэтнической напряженности в Южном федеральном округе (на примере ставропольских даргинцев) // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатских-Кавказских чтений 2008-2009гг. К 100-летию Леонида Ивановича Лаврова. Этнология, история, археология и культурология. СПб.,2009. С.435.

9 Курбанов М.-З.Ю. Миграции и проблемы межэтнической напряженности в Ставропольском крае.// Всесоюзная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму. Махачкала 20-21 ноября 2008 года. Т.1 Махачкала, 2008. С.265-266.

10.Migration Theoryy TaIking across disciplines / Edited by C. B . BretteII and J. F .HoIIified. RoutIedge ,New York and London.2000.

11.Национальный состав и владение языками, гражданство.: итоги Всероссийской переписи населения 2010г./Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республики Калмыкия. Элиста, 2013. С.4-9.

12. Постановление Совмина СССР от 28. 05. 1954 №1023 «О закреплении за колхозами зимних пастбищ госфонда « Черные земли» и «кизлярские пастбища»[электронный ресурс]//Законодательство России/URL: http:// Russia. Bestpravo. ru/ ussu/ data 04/ tex 16230. htm (дата обращения6.02.2019).

13. Полевой материал автора (ПМА)2017 г.Буденновск

14.ПМА.2017 г. г.Ставрополь

15.ПМА.2017 г. Красный Маныч

16.ПМА 2017г. Нефтекумск

17. Стальский С. Где любовь и уважение- там счастье…//Меди Профиль. 2012. №9.

18.Thomas W. I., Park. R.E., Maier H.A. OId word traits transplanted. Montclair, N.J.1971.

19. Степные танцы со стрельбой?// Черновик. 2007. 19 января. №3. С.25.

20. Умалатов М.-Р. Народы Дагестана//Этномир Калмыкии: сб.статей и материалов. /Вступ. ст. Р.Б. Дякиево /Элиста,2012.С.4.

21. Ушанов М. Кануково: точки кипения //Парламентский вестник Калмыкии. 2007 №2.

22. Шахбанова М.М. Миграции и особенности межэтнического общения в Республике Дагестан (конец XX-начало XX! в)//Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. №3. С.33.

УДК 330

Лайпанова Р. М.
магистрантка института культуры и искусств,
Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У. Д. Алиева»
г. Карачаевск, РФ
E-mail: islamlaipanov6@gmail.com
Научный руководитель: Тамбиева Халимат Муссаевна
к.э.н., доцент, доцент кафедры экономики и прикладной информатики,
Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У.Д. Алиева
г. Карачаевск, РФ

Память, наследие и впечатления: музеефикация истории Кавказа в Новейшее время

Аннотация: в статье рассматривается процесс музеификации истории Кавказа, который в новейшее время сместился от архивного сохранения к динамичной экономике впечатлений. Анализируя риски коммерциализации и упрощения прошлого, демонстрируется, что сбалансированная модель взаимодействия с памятью позволяет сохранить историческую достоверность.

Ключевые слова: музеификация истории, культурное наследие Кавказа, экономика впечатлений, историческая память, идентичность, коммерциализация памяти, цифровое наследие, межкультурный диалог.

Переплетение коллективной памяти, культурных ценностей и экономических изменений в новейшей истории Кавказа характеризуется существенной сложностью. В указанном контексте музеефикация утратила статус исключительно просветительского или архивного занятия. Поскольку обращение прошлого в экспозиционный формат на протяжении последних десятилетий приобрело планомерный характер, отмечается его тесное сопряжение с принципами экономики впечатлений. Одной из наиболее репрезентативных площадок для изучения данного явления выступает территория Кавказа, отмеченная сложной исторической структурой, этнической пестротой, значительными травмами и выдающимися достижениями в сферах материальной и духовной культуры. Функционирование музеев, мемориалов, этнографических объединений и воссозданных исторических ландшафтов не ограничивается ныне хранением предметов старины. Данные институции интерпретируются как деятельные

субъекты, формирующие идентичность, стимулирующие туристические потоки и служащие пространством для обсуждения интерпретаций прошлого. Подобная трансформация соотносится с глобальными процессами в области культурного воспроизводства. На Кавказе она отличается особой напряжённостью, обусловленной непрерывным взаимодействием местных, региональных и государственных версий истории, а также высокой значимостью исторической памяти в обыденной жизни.

На протяжении продолжительного хронологического периода историческое пространство Кавказа трактовалось как арена символического соперничества. Каждой исторической вехой в данном контексте фиксировались собственные отпечатки — посредством архитектурных сооружений, географических наименований, механизмов коммеморации и доминирующих интерпретаций прошлого. В предшествующий период музейными учреждениями выполнялась функция укрепления главенствовавших идеологических конструкций; инаковые точки зрения, местные традиции и запутанные, противоречивые нарративы нередко отодвигались на второй план. После распада СССР наметился последовательный пересмотр значения культурного достояния. Феномен памяти утратил статус неподвижного хранилища, предназначенного исключительно для консервации, поскольку осмысление его стало производиться как подвижного ресурса, обладающего способностью отвечать на вызовы текущего момента. Данная трансформация происходила параллельно с возникновением новых моделей культурного потребления. В рамках этих моделей аудиторией ожидается не сухое изложение фактов, а эмоциональный отклик, чувство личной причастности и шанс встроить увиденное в контекст собственной жизни. В подобных условиях музеефикация обретает иной смысл: эволюционируя от процедуры сохранения к процессу передачи, исторический материал оформляется в формы, понятные и увлекательные для массового зрителя [3, с. 170].

Трансформация объектов в музейные экспозиции отнюдь не ограничивается пределами традиционных выставочных залов. В современной интерпретации данного феномена отмечается превращение целых регионов в выставочную среду: покинутые горные поселения реконструируются в качестве этнографических заповедников; древние оборонительные сооружения оснащаются указателями и аудиогидами; народные промыслы, обряды и фольклор выступают основанием для интерактивных мероприятий. Статус неподвижного предмета созерцания культурным наследием утрачивается — оно становится пространством, в котором посетителю отводится активная роль. Данный подход полностью согласуется с

концепцией экономики впечатлений: ценность формируется не через приобретение товара, а посредством проживания определенного опыта. На территории Кавказа эта модель находит широкое применение, что обусловлено уникальным переплетением природных пейзажей, многообразия архитектурных стилей, кулинарных обычаев и живой фольклорной традиции. Музейные организации все чаще создаются как полифункциональные комплексы: экспозиции соседствуют с ремесленными мастерскими, образовательными лекциями, праздничными событиями и цифровыми технологиями. Посетитель стремится не столько к получению сухого академического знания, сколько к особой атмосфере, подлежащей запечатлению, распространению в социальных медиа и использованию в качестве составляющей собственного культурного капитала.

Следствием указанной трансформации выступает изменение функционального назначения учреждений культуры. Музейными комплексами ведётся конкурентная борьба за привлечение аудитории — как с аналогичными институциями, так и с рекреационными зонами, предприятиями общественного питания, цифровыми сервисами и комплексными туристическими продуктами. Историческая достоверность в данных условиях нередко вытесняется на периферию, уступая место эмоциональному правдоподобию. Многогранность прошлого подвергается редукции, подгоняясь под упрощённые нарративные схемы. Экономика впечатлений, ориентированная на массового потребителя, провоцирует тяготение к примитивизации, стилизации и конструированию легко узнаваемых символических образов. Адаптивность, однако, обеспечивает культурному наследию возможность сохранения актуальности, привлечения молодёжных когорт и изыскания финансовых средств для собственных проектов — посредством билетных продаж, реализации сувенирной продукции и заключения партнёрских соглашений. Рассматриваемый регион иллюстрирует трансформацию исторической памяти в экономический ресурс, не утрачивающий потенциала для репрезентации серьёзных тем. Поддержание баланса между коммерческой эффективностью и интеллектуальной добросовестностью требует непрерывного мониторинга и профессиональной экспертизы.

Наибольшая отчетливость внутренней напряженности процесса репрезентации достигается именно в данной сфере. Коммерциализация памяти неизбежно ставит вопрос о том, какие голоса обретают право быть услышанными, а какие вытесняются на периферию дискурса. Любой выбор выставочной тактики на Кавказе приобретает политическую и общественную нагрузку вследствие сложного переплетения исторических ран, моментов

триумфа и эпох мирного сожительства. Официальные государственные версии, как правило, тяготеют к сглаживанию противоречий; акцент делается на полиэтническом единстве, древности местных цивилизаций либо преемственности культурного обмена. Местными общинами, напротив, требуются признания конкретных трагедий, иных трактовок исторических событий или сложных межнациональных контактов, не вписывающихся в упрощенные модели. Экономика, построенная на создании ярких впечатлений и ориентированная на внешнюю привлекательность и удобство восприятия, грозит превращением культурного достояния в простой антураж. Подлинность в такой ситуации уступает место эстетизированной картинке; острота конфликтов и разногласий притупляется ради формирования бесконфликтного туристического предложения. Возникает угроза так называемой диснеефикации истории: все многообразие прошлого сводится к набору броских, но лишенных глубины образов [1, с. 78].

Несмотря на наличие трудностей в сфере сохранения культурного наследия Кавказа, отмечается значительная гибкость применяемых подходов и выраженная склонность к самоорганизации. Инициативы на местах нередко опережают масштабные правительственные проекты: частные коллекции, домашние архивы, общественные культурные очаги и объединения краеведов сберегают то, что официальная система либо не успевает зафиксировать, либо сознательно игнорирует. Возникают проекты, в которых академическая точность соединяется с непосредственным участием жителей; устные предания записываются прямо в выставочных пространствах, мастера-ремесленники выступают соавторами экспозиций, а молодежь вовлекается в разработку цифровых реконструкций и мультимедийных продуктов. Подобный подход позволяет сгладить противоречие между профессиональной наукой и живой традицией, трансформируя музей из простого хранилища в пространство коллективного создания знаний. Параллельно формируется сетевая концепция наследия, при которой разные учреждения не соперничают за внимание публики, а взаимно обогащают друг друга, создавая культурные маршруты и тематические объединения [4, с. 193].

Значительное ускорение рассматриваемого процесса достигается посредством применения цифровых инструментов, что обеспечивает доступ к объектам культурного наследия вне зависимости от географического положения потребителя и способствует расширению аудитории. Виртуальные экскурсии, объёмные реконструкции утраченных архитектурных сооружений, аудиопередачи с участием носителей традиций, интерактивные схемы миграционных процессов народов и архивные

каталоги трансформируют сложившиеся практики взаимодействия с историческим материалом. Оцифровка, однако, не приводит к упразднению экономики впечатлений, но видоизменяет её. Восприятие информации с экрана диктует необходимость выработки новых подходов к удержанию зрительского внимания; интерес поддерживается посредством адаптации контента под конкретного пользователя, внедрения игровых элементов и организации межличностной коммуникации. На территории Кавказа данная тенденция находит выражение в инициативах, в рамках которых исторические сведения транслируются через личные записи, семейные предания, художественные объекты и документальные постановки, призванные пробудить сопереживание и сформировать ощущение личной причастности. Сохраняется угроза цифрового разрыва: не все общины располагают достаточными ресурсами для производства полноценного контента, а алгоритмические механизмы платформ зачастую отдают приоритет сюжетам, обладающим наибольшей «вирусностью», а не подлинной исторической ценностью.

Среди задач, решаемых в процессе музеефикации, особое значение придается функциям просветительского и общественного порядка. Актуализация этих функций наблюдается в ситуации, когда динамика трансформации социальных ожиданий существенно опережает возможности, предоставляемые официальным историческим образованием. Музейные учреждения трансформируются в дискуссионные площадки; данная тенденция особенно отчетливо проявляется в регионах, где межэтнические и межконфессиональные отношения требуют планомерной деятельности, направленной на укрепление взаимного уважения и преодоление стереотипов. Конструирование современных экспозиционных проектов все чаще основывается на идеях совместного проживания, межкультурного взаимодействия, коллективного творчества и анализа сложных периодов взаимных контактов. В рамках этого подхода различные интерпретации исторических событий не исключают, а сопоставляются друг с другом — в состоянии напряженного, но продуктивного сравнения. Отмечается созвучие данной методологии принципам публичной истории: формирование знания осуществляется не в изолированных фондохранилищах, а посредством коллективного обсуждения. Посетитель музея, соответственно, позиционируется не как пассивный реципиент, но как активный субъект аналитической деятельности.

Дальнейшее развитие рассматриваемого подхода сопряжено с необходимостью достижения устойчивого баланса между задачами консервации, процессами смысловой интерпретации и требованиями

рыночной конъюнктуры. Чрезмерная ориентация на извлечение коммерческой выгоды ведет к подрыву общественного доверия, способствует формированию упрощенных трактовок исторических событий и влечет за собой снижение институционального веса организации. Игнорирование экономических рычагов, в свою очередь, лишает сферу культурного наследия финансовых ресурсов, необходимых для проведения реставрационных работ, осуществления научных изысканий, организации профессиональной подготовки кадров и поддержания материально-технической базы в надлежащем состоянии. В регионах Кавказа фиксируется возрастающий запрос на взвешенную музеефикацию; при данной модели доходы от туристической деятельности реинвестируются в восстановление объектов, поддержку местных сообществ и реализацию просветительских программ. Кураторские решения разрабатываются при непосредственном участии местного населения, профессиональных историков и представителей различных этнокультурных групп; содержание экспозиций подвергается периодическому пересмотру по мере обнаружения новых архивных материалов и под влиянием общественных дискуссий. Данная стратегия базируется на долгосрочном планировании, высоком уровне экспертного знания и готовности к восприятию критики. Исходит она из понимания того, что коллективная память не является статичным монументом, но представляет собой непрерывно развивающийся процесс, требующий постоянного внимания, критического переосмысления и вовлечения в диалог всё новых участников [2, с. 155].

В современную эпоху фиксируются фундаментальные сдвиги в социокультурном восприятии прошлого, равно как и в способах его актуализации в настоящем, что наглядно демонстрируется процессом музеефикации кавказской истории. Коллективная память перестала быть пассивным содержимым архивных фондов или исключительно устным преданием, транслируемым между поколениями. Наблюдается её трансформация в деятельного субъекта: данная инстанция вовлечена в производство культурных ценностей, функционирование индустрии впечатлений и регулирование социальных процессов.

Список источников и литературы:

1. Модели формирования и использования человеческого капитала в условиях цифровизации сельского хозяйства: монография / О. В. Шумакова, Е. А. Асташова, Д. Р. Баетова [и др.]. — Омск : Омский ГАУ, 2023. — 284 с. — ISBN 978-5-907687-02-8.

2. Стариковская, Н. А. Цифровой бизнес и сквозные цифровые технологии: теория и практика : учебное пособие / Н. А. Стариковская, А. И. Стариковский, М. В. Кущ. — Москва: РТУ МИРЭА, 2022 — Часть 1 — 2022. — 259 с.

3. Стрелина Е.Н. Учебник для укрупненной группы направлений подготовки и специальностей 38.00.00 Экономика и управление: учебник / Е. Н. Стрелина. — Донецк: ДонГУ, 2022. — 310 с.

4. Туфанов Е.В. Становление и функционирование партийно-государственного аппарата управления в период модернизации народного хозяйства в 1920-1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) : монография / Е. В. Туфанов, И. Н. Карпенко. — Ставрополь: СтГАУ, 2022. — 212 с. — ISBN 978-5-9596-1876-6.

УДК 330

Муссакаева М.М.
магистрантка Института филологии
Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева
kornizen@mail.ru
Айдинова Диана Хаджи-Муратовна
кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономики и прикладной информатики
Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева
г. Карачаевск, РФ
diana.ajdinova@mail.ru

Языковое разнообразие и билингвильное образование в школах Северного Кавказа: педагогические стратегии сохранения родных языков

Аннотация: в статье рассматривается проблема сохранения родных языков в современных условиях на территории Северного Кавказа, исследуется явление билингвизма и многообразие языков.

Исследованы методики преподавания родных языков в школах Северного Кавказа и их изменения. Описаны результаты исследования внедрения родных языков не только в качестве отдельных дисциплин, но и в качестве междисциплинарной практики с другими предметами, продемонстрированы положительные результаты как в усвоении материала,

так и в обучении языкам. Рассмотрены инновации в образовании в виде появления мобильных сервисов и приложений, направленных на изучение родных языков. Изучена важность вовлеченности родителей в обучение родным языкам. Обозначена проблема исчезновения родных языков на территории Северного Кавказа, проанализирована текущая динамика, сделаны выводы на основании проведенной работы.

Ключевые слова: педагогика, родные языки народов Северного Кавказа, билингвизм, диалект.

Северный Кавказ, в соответствии со сложившейся научной традицией, относится к территориям Российской Федерации, демонстрирующим максимальные показатели языковой плотности. На сравнительно ограниченном пространстве фиксируется соседство десятков наречий, принадлежащих к различным языковым семьям и ветвям. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020–2021 годов и последующих наблюдений Росстата, в регионе проживают носители чеченского, ингушского, аварского, даргинского, лезгинского, кабардино-черкесского, осетинского, кумыкского и иных языков. Значительная часть данных языков обладает статусом государственных в границах соответствующих республик. При наличии официального признания и правовой поддержки практическое применение этих языков в системе образования сопряжено с системными трудностями. К таковым относятся: рост городского населения, доминирование русского языка в медиасреде, ослабление межпоколенческой передачи речи, а также неравномерное распределение преподавательских кадров и учебных материалов. В данных условиях двуязычное обучение интерпретируется не только как способ освоения родного наречия, но и как стратегический инструмент сохранения культурного и языкового многообразия, стимулирования когнитивного развития учащихся и укрепления общественного единства. В двадцатые годы текущего столетия зафиксирован рост исследовательского интереса к данной проблематике. Подтверждением тому служит увеличение числа прикладных изысканий, экспериментальных учебных инициатив и междисциплинарных проектов, объединяющих языкознание, педагогику, социолингвистику и цифровые гуманитарные науки.

Рассматриваемая языковая ситуация характеризуется наличием значительного числа диалектных различий и неравномерностью распределения функциональных нагрузок между используемыми идиомами. Доминирующие позиции в сферах государственного управления, науки и массовой коммуникации закреплены за русским языком; автохтонные же

языки реализуются преимущественно в обиходно-бытовой и обрядовой коммуникации. Данные, полученные в ходе совместной работы Института языкознания РАН и региональных научных организаций за период 2023–2025 гг., фиксируют устойчивое сокращение контингента учащихся, выбирающих национальный язык в качестве предмета изучения. Наиболее отчетливо данная тенденция проявляется в городских школах и на ступени среднего общего образования. В сельских населенных пунктах и местах компактного проживания национальных групп ситуация оценивается как более стабильная, однако и здесь отмечается постепенное замещение местных языков русским, позиционируемым в качестве инструмента профессиональной реализации и цифрового взаимодействия. Образовательная политика государства последних лет, включая корректировки федеральных государственных образовательных стандартов и региональных учебных планов, ориентировалась на достижение баланса между унификацией требований и сохранением этнокультурного компонента. В ряде субъектов Российской Федерации была внедрена модель, предполагающая включение курса «Родной язык и родная литература» в инвариантную или вариативную часть учебного плана. Результативность данной модели, однако, определяется степенью обеспеченности учебно-методическими материалами, уровнем профессиональной подготовки педагогических кадров и состоянием материально-технической базы образовательных учреждений.

В образовательных учреждениях Северного Кавказа в настоящее время фиксируется трансформация методик преподавания национальных языков: грамматико-переводные подходы классического типа замещаются практиками коммуникативной и иммерсивной направленности. Наблюдения за учебными программами, осуществленные в 2024 году на территории Чечни, Дагестана и Северной Осетии, позволили установить, что у школьников, вовлеченных в проекты, где национальный язык выступает инструментом освоения дисциплин (история, экология, регионоведение), отмечаются не только более высокие показатели языковой компетенции, но и усиление чувства этнокультурной идентичности. Интеграция языкового компонента в содержание различных предметов способствует устранению искусственного разрыва между курсами родного языка и иными учебными дисциплинами. В ряде школ Махачкалы и Грозного, в частности, была апробирована схема тематических блоков, предполагающая изучение происхождения местных топонимов, проведение интервью с представителями старших поколений, формирование электронных коллекций фольклорных текстов и подготовку докладов для конференций

регионального уровня. Указанная методика переводит национальный язык из статуса учебного предмета в средство познания окружающей действительности, что коррелирует с актуальными задачами развития практико-ориентированных навыков. [3, с. 1]

Интеграция цифровых инструментов в образовательный процесс создает ранее недоступные возможности для развития билингвального обучения. Имплементация данных технологий на территории Северного Кавказа, однако, должна учитывать специфику имеющихся языковых средств. К началу 2025 года для большинства местных языков разработаны или находятся на финальной стадии создания электронные пособия, мультимедийные онлайн-платформы и мобильные приложения, адаптированные под возрастные категории обучающихся. Подготовленные специалистами Центра цифровых образовательных технологий при Южном федеральном университете материалы демонстрируют: внедрение игровых симуляторов для отработки орфографических и лексических навыков, а также аудиозаписей на национальных языках обеспечивает рост заинтересованности школьников на тридцать–сорок процентов по сравнению с традиционными педагогическими подходами. [1, с. 430]

Прямая зависимость результативности билингвального образовательного процесса от профессиональной компетентности педагогов, действующих в полилингвальной среде, не подлежит сомнению. Региональными институтами развития образования констатируется, что существенная часть преподавателей национальных языков испытывает дефицит дидактических материалов, ограниченность доступа к актуальным научным изданиям и недостаточность методического сопровождения в части освоения цифровых технологий. Нивелирование указанных проблем в интервале 2023–2026 годов осуществлялось посредством инициации дистанционных программ наставничества, интегрирующих опытных педагогов, начинающих специалистов и экспертов-лингвистов. В республиках Дагестан и Чечня функционируют региональные центры педагогического мастерства, в рамках которых на плановой основе проводятся практикумы, посвященные конструированию учебных занятий по технологии CLIL, оцениванию языковых компетенций согласно европейским дескрипторам и организации взаимодействия с обучающимися инклюзивных групп. Формирование профессиональных сообществ учителей, использующих интернет-платформы для трансляции практического опыта, коллегиальной разработки открытых образовательных ресурсов и взаимного консультирования по модели «равный — равному», приобретает особую значимость. Выполненные в 2025 году исследования свидетельствуют:

образовательные организации, интегрированные в подобные сети, демонстрируют более высокие показатели удержания контингента на курсах родного языка и более активное вовлечение родителей в учебный процесс.

Поддержание двуязычного баланса детерминируется преимущественно воздействием семейного уклада и социокультурного ландшафта, при этом деятельность образовательных институций не компенсирует недостатка речевой практики за пределами учебных помещений. Проведенное в 2024 году анкетирование в городских агломерациях Нальчика, Владикавказа и Хасавюрта фиксирует амбивалентную ситуацию: родителями декларируется высокая ценность национального языка в качестве маркера этнической идентичности, одновременно с этим фиксируется преференция в пользу русскоязычной среды, мотивированная необходимостью успешного прохождения единого государственного экзамена и последующего зачисления в высшие учебные заведения. Для нивелирования указанного противоречия разрабатываются механизмы кооперации школы и семьи, включающие реализацию совместных культурно-образовательных проектов, организацию лингвистических кружков, проведение фольклорных праздников и внедрение программы «наставник из числа родителей». В Северной Осетии и Карачаево-Черкесии практикуется привлечение представителей старших поколений к школьной деятельности; данные лица выступают в качестве носителей речевых традиций, сказителей и специалистов в области народных промыслов.

Результативность современных педагогических подходов устанавливается посредством эмпирических наблюдений, опирающихся на качественные и количественные показатели. В лонгитюдном исследовании, проводившемся с 2022 по 2025 год на базе сорока пяти учебных заведений пяти регионов Северного Кавказа, зафиксировано следующее. Школьники, чье обучение строилось на интегрированных билингвальных методиках с включением проектной деятельности и цифровых технологий, продемонстрировали на двадцать пять процентов более высокие результаты при решении комплексных задач, оценивающих понимание языка, аналитическое мышление и межкультурное взаимодействие. Сравнение проводилось с контрольными группами, осваивавшими материал по стандартным учебным планам. Отрицательного влияния на усвоение государственного языка или математических навыков не выявлено. Данное обстоятельство опровергает распространенное заблуждение о «конкуренции» языков в образовательной среде. Эффективность рассматриваемых программ определяется не продолжительностью занятий на родном языке, а продуманностью педагогического подхода, степенью активности учащихся и

глубиной интеграции языка в повседневные школьные процессы. Аналитические материалы регионального уровня за 2025 год свидетельствуют об увеличении числа учреждений, переходящих от обязательных курсов к факультативно-проектным схемам. Учащимся предоставляется возможность самостоятельного определения направлений исследовательской деятельности, что способствует усилению личной заинтересованности и снижению бюрократизации учебного процесса. [3, с. 241]

Несмотря на фиксацию отдельных положительных сдвигов, модель двуязычного обучения, функционирующая на Северном Кавказе, сталкивается с препятствиями структурного и методического генезиса. Ключевой трудностью квалифицируется дефицит унифицированной методики оценивания языковых навыков, адаптированной к грамматически сложным и слабо документированным языкам данного региона. Применяемые в настоящее время измерительные средства базируются на образцах, разработанных для русского языка, что влечет искажение достоверных сведений о степени владения национальным языком и осложняет проведение сопоставительного анализа. Дополнительной проблемой признается неоднородность в распределении средств. Учебные заведения крупных населенных пунктов обеспечены новейшим оборудованием и программами повышения квалификации, тогда как школы в сельской местности и высокогорных районах ощущают острую нехватку базовых учебно-методических пособий.

Переход от фрагментарных инициатив к интегрированной образовательной среде, ориентированной на сохранение языков народов, составляет необходимое условие развития двуязычного образования в регионе. Включение языкового компонента в стратегии территориального планирования, цифровизации и культурных трансформаций поддерживается представителями научного сообщества, региональных органов управления и общественных организаций. Разработка учебно-методических комплексов на принципах открытой науки и свободного доступа выступает приоритетной задачей; тем самым нивелируются финансовые барьеры и обеспечивается равенство возможностей использования данных ресурсов для всех образовательных учреждений. Соблюдение этических норм и участие носителей в качестве полноправных соразработчиков обязательно при формировании лингвистических корпусов, систем машинного перевода и технологий голосового ввода для языков Северного Кавказа. Адаптивные схемы, интегрирующие аудиторные занятия, дистанционные форматы и внеурочную речевую практику, лежат в основе перспективных

педагогических моделей; акцент смещается на развитие коммуникативной компетенции, а не на механическое усвоение грамматических правил. Наиболее устойчивые результаты, как свидетельствуют эмпирические данные, достигаются в тех образовательных организациях, где национальный язык функционирует не как учебный предмет, а как инструмент мышления, самовыражения и социального взаимодействия. [4, с. 183]

Сохранение лингвистического разнообразия Северного Кавказа, реализуемое посредством механизмов двуязычного обучения, не сводится исключительно к педагогической проблематике, поскольку данная деятельность интерпретируется как один из детерминирующих факторов устойчивого развития обозначенного региона в условиях глобализационных процессов и цифровой трансформации. Эмпирическими изысканиями последних лет установлена корреляция между продуктивностью образовательных стратегий и комплексом мер. К числу таковых мер отнесены: интеграция языкового компонента с преподаванием профильных дисциплин; цифровая модернизация дидактических материалов; процедуры повышения профессиональной компетенции педагогического состава; инкорпорирование в образовательный процесс представителей семейного окружения учащихся и локальных общественных структур.

Список источников и литературы:

1. Актуальные вопросы общей и адыгской филологии. Материалы Международного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора З.И. Керашевой : материалы конференции. — Майкоп : АГУ, 2023. — 454 с. — ISBN 978-5-85108-424-9.

2. Кринко, Е.Ф. Национальное образование на Северном Кавказе и его правовое обеспечение / Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина // Российские регионы: взгляд в будущее. — 2014. — № 1. — С. 35-53. — ISSN 2409-899X.

3. Молодежь и образование XXI века: материалы XX научно-практической конференции студентов и молодых ученых (17 мая 2022 г., Ставрополь, СГПИ) : материалы конференции / под редакцией М. Г. Кулешина [и др.]. — Ставрополь : СГПИ, 2022. — 297 с. — ISBN 978-5-91090-151-7.

4. Русско-кавказские литературно-языковые взаимосвязи в контексте современной культуры : материалы конференции. — Махачкала : ДГУ, 2019. — 223 с. — ISBN 978-5-9913-0187-9.

УДК 93

Маликли Н.А. кызы
преподаватель,
Бакинский Инженерный Университет,
г. Баку, Республика Азербайджан
nurlanamalikli@gmail.com

Представительство регионов в Парламенте Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920)

Аннотация. История Азербайджанской Демократической Республики остается предметом особого внимания в азербайджанской историографии в связи с существованием комплекса научных проблем, актуальных и сегодня. Среди этих проблем особое значение имеет изучение формирования государственных органов, деятельности парламента, политических партий и общественных организаций. Изучение этих проблем имеет большое значение с точки зрения изучения системы управления первого национального государства – Азербайджанской Демократической Республики. В данной статье анализируется представительство регионов в Парламенте Азербайджанской Демократической Республики и деятельность региональных представителей в Парламенте в контексте регионального представительства.

Ключевые слова: Азербайджанская Демократическая Республика, Парламент, регионы, депутат

Одной из важнейших проблем, стоящих сегодня перед азербайджанской историографией, является углубленное и объективное изучение различных проблем истории национальной государственности. Азербайджанская Демократическая Республика, существовавшая в 1918-1920 годах, представляет собой один из важнейших этапов политической истории нашего народа. Именно в этот период в Азербайджане было сформировано первое национальное государство и были созданы все институты, характерные для демократического государства. Парламент занимал важное место в политической системе Азербайджанской Демократической Республики которая была первой демократической республикой на мусульманском Востоке. С созданием Азербайджанской Демократической Республики в Азербайджане был установлен институт парламентаризма, основанный на многопартийной системе и политическом плюрализме [16, с. 212].

Таким образом, в период существования Республики Азербайджанские уезды также были тесно вовлечены в процесс государственного строительства и формирования правительственных структур. Начиная с выборов во Всероссийское Учредительное собрание в ноябре 1917 года, население регионов вовлеклось в процессы самоуправления и выборов, являющиеся основными принципами демократического общества. Согласно закону о создании Парламента Азербайджана, высший законодательный орган был сформирован по принципу представительства, подразумевающего как политическое, так и административно-территориальное представительство. Законом все регионы (уезды) страны получили право направлять своих представителей в высший законодательный орган в зависимости от численности населения. Это создало возможность с высокой тридуны озвучить социальные, экономические, культурные и образовательные проблемы этих регионов и добиться их решения.

Создание Парламента Азербайджанской Демократической Республики и представительство региональных представителей в Парламенте.

Парламент, являющийся одной из главных ветвей власти в современном государстве и формирующийся на основе общенациональных выборов – один из основных атрибутов демократического управления. Хотя парламент, выполняющий высшие законодательные и представительные функции, является продуктом политической и правовой истории Западной Европы [14], подобные организации исторически существовали и в странах Восточной Европы, включая Азербайджан, где национальные вопросы обсуждались под руководством правителя. Хотя решения в древних и средневековых азербайджанских государствах обычно принимались по воле глав государств, важную роль в принятии этих решений играли совещательные органы, существовавшие под различными названиями (меджлисы, съезды, советы, диваны и т. д.) [5, с. 11, 35]. Хотя эти органы и не являлись законодательными и представительными органами, сформированными на основе выборов в современном понимании, они играли определенную роль в политической системе и структуре государства, а также в осуществлении его внутренней и внешней политики.

Как и Азербайджанская Демократическая Республика так и её парламент также прошёл своеобразный исторический путь. 26 мая 1918 года был роспущен Южно-Кавказский сейм. На следующий день, 27 мая 1918 года совместное собрание мусульманской (азербайджанской) фракции сейма, учитывая сложившиеся обстоятельства, объявило о создании органа, который возьмет на себя ответственную задачу управления Азербайджаном – Временного национального совета [13, с. 58]. Как видно, вновь созданный

орган носил временный характер и предназначался для избрания высшего органа на основе общенациональных выборов в короткие сроки.

На первом заседании Национального совета, состоявшемся 28 мая 1918 года, было принято решение провозгласить Азербайджан независимой республикой и принята «Декларация независимости». Статья VI Декларации о провозглашении независимости Азербайджана, состоящая из 6 пунктов, привлекает внимание. В этой статье было заявлено, что до созыва Учредительного собрания во главе администрации Азербайджана будет стоять Национальный совет, созданный на основе национальных выборов [5, с. 120-122; 13, с. 63]. Таким образом, Национальный совет объявил себя временным органом и заявил, что в будущем передаст свои полномочия верховному органу, созданному путем всенародных выборов, — Учредительному собранию, которое будет организовано на правовой основе вновь созданного государства. Та же идея нашла отражение в решении Национального совета от 17 июня 1918 года о передаче его полномочий Временному правительству [13, с. 76].

После того, как Азербайджанский национальный совет и правительство переехали в Гянджу в начале июня 1918 года, возникли ряд противоречий, между руководством Республики и Кавказской исламской армией, что привело к самороспуску Национального совета и передаче всех его полномочий Второму Временному правительству, созданному под руководством Ф. Х. Хойского. В этой связи в решении Национального совета от 17 июня 1918 года особо подчеркивалось, что временное правительство не должно идти на уступки никому в отношении основ независимости и политических свобод и должно созвать Учредительное собрание не позднее чем через шесть месяцев [13, с. 76-77].

Срок действия решения Национального совета от 17 июня 1918 года о созыве Учредительного собрания в течение 6 месяцев истек 17 декабря 1918 года. Однако в этот период проведение выборов в высший орган власти и его формирование были невозможны. Главной причиной этого были военно-политические условия, в которых тогда жил Азербайджан. С самого первого дня своего существования молодая республика была вынуждена вести настоящую борьбу за сохранение своего существования. В то время, когда город Баку- экономический, политический и культурный центр, находился в руках вражеских сил, а суверенитет над половиной его территории не был установлен, проведение всеобщих, свободных, демократических выборов и создание на этой основе высшего представительного органа было просто невозможно. Наряду с военно-политическими факторами, на своевременное созыв Учредительного собрания повлиял ряд внутренних факторов. Вновь

созданная Республика не обладала необходимой законодательной базой, организационной структурой и кадровым составом для проведения всеобщих демократических выборов. Для проведения выборов необходимо было провести перепись населения, создать центральные и местные избирательные комиссии. Справиться со всеми этими сложными задачами в короткие сроки, в условиях войны, было невозможно. В то же время Временное правительство не отказалось от идеи создания высшего законодательного органа и даже предприняло определенные шаги в этом направлении. 14 сентября 1918 года решением Совета министров премьер-министру, министру внутренних дел и министру народного образования было поручено создать соответствующую комиссию для подготовки Положения о проведении выборов в Учредительное собрание [1, с. 234-235]. 21 октября решением правительства была создана комиссия из 11 человек под председательством Мусы Рафиева для проведения выборов в Учредительное собрание [7].

К осени 1918 года международная ситуация значительно изменилась. Поражение Османской империи в Первой мировой войне поставило перед Азербайджаном сложные задачи. В результате пропаганды армян, ряда антитурецких и антиазербайджанских центров был распространён миф о том, что Азербайджанская Республика является искусственным государством и создан в результате интриг турок и это стало серьезным препятствием для будущей государственности Азербайджана. Согласно Мудросскому соглашению (30.10.1918), османские войска должны были покинуть Южный Кавказ, а регион, включая Баку, должен был перейти под контроль войск Антанты. Адаптация государственного управления к новым условиям в Азербайджане стала ключевой задачей для правительства. [4].

Ситуация требовала создания выборного органа, который бы подтвердил легитимность и демократию Азербайджанской Республики перед мировым сообществом. Первое заседание Комиссии по выборам в Учредительное собрание состоялось 5 ноября. Комиссия, учитывая невозможность созыва Учредительного собрания в установленный срок, сочла целесообразным срочно созвать Временный Азербайджанский парламент по упрощенной системе для участие народных представителей в решении политических вопросов [8]. Секретарь комиссии М. Махаррамов выступил в прессе и объяснил причины несозыва Учредительного собрания и необходимость создания Временного парламента в связи с сложившейся ситуацией [9]. В таких обстоятельствах возникла идея восстановления деятельности Национального совета, члены которого были избраны на всеобщих выборах. Автор этой идеи, премьер-министр Ф. Х. Хойский

обратился к М. А. Расулзаде [12] с просьбой принять соответствующий закон о создании Меджлиса-Мабусана и восстановления деятельности Национального совета. В ответ на эту просьбу М. А. Расулзаде призвал бывших членов Национального совета и попросил их собраться в Баку 16 ноября [6].

Председатель Национального совета М.А. Расулзаде, возобновивший его деятельность (16.11.1918), признавал что, хотя Национальный совет и не был советом, избранным народом, подобные случаи часто происходили на протяжении истории. Как было решено ранее, необходимо было расширить состав существующего Национального совета, чтобы он мог выполнять парламентские функции [10]. Выступая на встрече, премьер-министр Ф. Х. Хойский еще раз разъяснил причины, по которым Учредительное собрание не созывалось в течение 6 месяцев, и заявил, что полномочия, предоставленные правительству Национальным советом, были ему возвращены [11; 13, с. 80].

На втором заседании Национального совета, состоявшемся в тот же день, М.А. Расулзаде представил членам Совета на обсуждение проект закона «Об организации Временного парламента Азербайджана (Меджлис-Мабусан)». Введение к проекту кратко рассмотрело путь Азербайджана к независимости и выделило факторы, сделавшие необходимым создание парламента. В проекте закона особо указывалось на необходимость участия в парламенте представителей от провинций, а также представителей различных политических движений. Учитывая, что территория Азербайджана включала Баку и Гянджскую губернии, Загатальскую область и часть Ереванской и Тифлисской губерний, и что на этих территориях проживало 2 750 000 человек, из которых 1 900 000 были мусульманами, 500 000 — армянами, а 230 000 — русскими и представителями других национальностей, было ясно, что на каждые 24 000 человек приходился 1 депутат, и, соответственно, было избрано 80 мусульман, 21 армянин, 10 русских, 1 немец и 1 еврей. Другие малые народы, поскольку их численность была меньше, упустили возможность получить право на представительство. Однако, поскольку грузин и поляков было относительно много, им в качестве исключения было предоставлено право на 1 представителя в парламенте. Согласно проекту, народы-меньшинства должны были избирать своих представителей в парламент, а мусульмане должны были направить в парламент дополнительно 36 представителей путем кооптации, в дополнение к существующим 44 депутатам [5, с. 141-142; 17, с. 41-42].

Кооптация 36 представителей должна была осуществляться с учетом доли мусульманского населения регионов Азербайджана. В законе четко

отражалось количество людей, избираемых от каждого города и уезда. Внимание привлекло то, что от азербайджанской части Ираванской губернии должны были быть избраны 3 депутата; от Тбилисской губернии — 1. В проекте было решено, что из 5 представителей, избираемых от города Баку, 1 будет избираться мусульманскими членами муниципалитета Баку, в других городах — мусульманскими избирателями, а представители уездов будут избираться бывшими мусульманскими национальными комитетами уездов. В уездах, где не было муниципалитетов или национальных комитетов, депутаты могли избираться на собраниях сельских обществ (по одному представителю от каждого общества) [2, с. 73-75; 5, с. 142; 17, с. 42]. После утверждения соответствующего проекта Национальным советом он был принят в качестве закона 20 ноября 1918 года [3, с. 10; 5, с. 151].

Таким образом, миссия, поставленная перед Национальным советом как высшим политическим органом страны, а именно защита независимости, суверенитета и территориальной целостности Азербайджана, была выполнена и сыграла важную историческую роль в жизни азербайджанской государственности, обеспечивая территориальную целостность и политическую легитимность государства [13, с. 74-75; 15].

Парламент, называемый Меджлиси-Мабусан, открылся 7 декабря 1918 года и стал высшим представительным органом, в котором все регионы Азербайджана были представлены в равной степени по численности населения. Парламент, помимо важной роли в формировании национальной идентичности и национальной государственности азербайджанского народа, стал решающим фактором в осуществлении политических, экономических и административных изменений в стране, в том числе и в регионах, а также основным органом, где широко обсуждались социально-культурные потребности населения регионов. Анализ законодательной деятельности парламента за 17 месяцев показывает, что среди принятых им за этот период законов важное место занимали законы, касающиеся социально-экономических, политико-административных, культурно-образовательных вопросов различных регионов Азербайджана. Создание Парламента Азербайджанской Демократической Республики стало логическим следствием событий и процессов, происходивших в то время как внутри страны, так и в регионе. До создания парламента азербайджанские депутаты приобрели опыт представления интересов регионов Азербайджана, участвуя в работе различных выборных органов. Создание института парламентаризма в Азербайджане основывалось на многих общих демократических принципах, а также на принципе равного представительства регионов в законодательном органе. Выборы депутатов парламента в регионах осенью

1918 года стали показателем активного участия регионов в процессе государственного строительства. Парламент Азербайджана был важным органом, где обсуждались и принимались решения не только национальные, но и региональные проблемы. Избранные от регионов депутаты активно участвовали в рамках своих полномочий в обеспечении территориальной целостности Азербайджана и предотвращении агрессии Армении против наших регионов. Деятельность азербайджанского парламента, включая активное участие региональных представителей в работе законодательного собрания, стала ярким примером широкого распространения парламентских традиций в период существования Республики и того, что Республика является государством, воплощающим демократические ценности, основанные на принципах многопартийности, политического, национального и регионального представительства.

Ситуация в регионах, где существовал агрессивный сепаратизм — Зангезурском, Карабахском, Нахчыванском, Ведибасарском, Ленкоранском и Карском районах, — которые в то время подвергались вооруженным нападениям армян и представляли серьезную угрозу целостности государства, неоднократно обсуждалась в парламенте, ставились конкретные задачи перед властями и принимались решения по обеспечению суверенитета страны в этих регионах. В этой связи решение об учреждении в январе 1919 года должности генерал-губернатора для восстановления суверенитета Азербайджана в Карабахском регионе имело исключительное значение.

Избранные от регионов депутаты также обсуждали в парламенте проблемы своих регионов, поднимали вопросы перед министерствами и выдвигали собственные инициативы. Таким образом, Парламент Азербайджана обсуждал множество проектов, связанных с решением социально-экономических проблем регионов, развитием науки, образования и культуры, созданием промышленных, культурных и образовательных учреждений, и принимал соответствующие законы. Всё это составляло одно из главных направлений деятельности региональных депутатов. Деятельность депутатов от регионов в обсуждении национальных вопросов не может быть оценена однозначно. На парламентскую деятельность депутатов влияли нерегулярное участие в работе парламента по ряду причин, частые изменения в составе парламента, особенно в представительстве регионов, интеллектуальный уровень и административный опыт депутатов, их политические убеждения и фракционная принадлежность.

Заключение

Население азербайджанских регионов впервые получило опыт выборного представительства и выборов в законодательные органы еще до

образования республики, на выборах в Учредительное собрание России, состоявшихся в ноябре 1917 года. Впервые в этих выборах приняли участие политические партии, представляющие азербайджанский народ (партии «Мусават», «Мусульманский социалистический блок», «Гуммет» и «Иттихад»), и они также получили значительное большинство голосов избирателей на выборах, проведенных в азербайджанских уездах. В период существования южнокавказского государства мусульманская фракция, действовавшая в Сейме, который являлся высшим законодательным органом, фактически выступала в этом органе в качестве представителя азербайджанского населения.

Парламент, открытый 7 декабря 1918 года и называвшийся Меджлиси-Мабусан (собрание депутатов, представителей), стал высшим представительным органом, в котором все регионы Азербайджана были представлены в равной степени по численности населения. Парламент, помимо важной роли в формировании национальной идентичности и национальной государственности азербайджанского народа, стал решающим фактором в осуществлении политических, экономических и административных преобразований в стране, в том числе в регионах, и основным органом, где широко обсуждаются социально-культурные потребности регионального населения. Анализ законодательной деятельности парламента за 17 месяцев показывает, что среди принятых им за этот период законов важное место занимали законы, касающиеся социально-экономических, политико-административных, культурно-образовательных вопросов различных регионов Азербайджана.

Особо следует отметить деятельность представителей регионов Азербайджана в парламенте в направлении укрепления политических, экономических и культурных основ национальной государственности и независимости страны. Они активно участвовали в обсуждении законов, как в качестве членов фракций, так и в качестве независимых депутатов, и озвучивали национальные вопросы с парламентской трибуны. Ряд региональных депутатов представили на парламентское обсуждение законопроекты и обосновали их принятие. Несмотря на краткосрочный характер их деятельности, представители регионов в высшем законодательном органе сыграли важную роль в формировании традиции парламентского института, основанного на многопартийных и многомандатных выборах в стране.

Список источников и литературы

1. Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920 гг.):

Законодательные акты (Сборник документов). Баку: Азербайджан, 1998. 560 с.
2. Азербайджанская Республика: Документы и материалы (1918-1920 гг). Баку: Элм, 1998. 616 с.
3. Асадов О., Джабраилов Р. Парламент Азербайджанской Республики. Баку, 2008. 519 с.
4. Баку. 7 ноября // “Каспий”. - 1918, 8 декабря, - №96, - с.1.
5. Гасимли, М. История Азербайджанского Парламентаризма. Т. I. Баку: Мутарцим, 2018. 688 с.
6. Из Президиума Национального Совета Азербайджана // Азербайджан. - 1918, 12 ноября. - № 37, - с.4.
7. Из жизни и прессы мусульман // “Каспий”. - 1917, 31 марта. - № 73, - с.5.
8. К созыву Учредительного Собрания // Азербайджан. - 1918, 6 ноября. - №28, - с.1.
9. Магеррамов, М. К созыву Учредительного Собрания // Азербайджан. - 1918, 4 ноября. - № 27, - с.2.
10. Парламенте Азербайджана // Азербайджан. - 1918, 17 ноября, - № 42, - с.3.
11. Первое заседание Национального совета Азербайджана // Азербайджан. - 1918, 18 ноября, - № 43, с.2.
12. Письмо Председателю Парламента // Азербайджан. – 1918, 11 ноября, № 36, с. 2.
13. Протоколы заседаний Мусульманской фракции Закавказского Сейма и Национального совета Азербайджана. 1918. Баку: Адилоглу, 2006. 216 с.
14. Романов, Р.М. Парламентаризм: теория, история и современность: учеб. пособие. М: МИРОС, 2002. 295 с.
15. Ш.Р. Созыву Азербайджанского Национального Совета // Азербайджан. - 1918, - 13 ноября, - с.2

УДК 330

Салпагарова А.Х.
магистрантка института культуры и искусств,
Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У.Д. Алиева
г. Карачаевск, РФ
E-mail: nonnulan@gmail.com
Айдинова Диана Хаджи-Муратовна
к.э.н., доцент кафедры экономики и прикладной информатики
Карачаево-Черкесский государственный университет

имени У. Д. Алиева
г. Карачаевск, РФ

Советская модернизация Северного Кавказа: индустриализация, коллективизация и трансформация традиционного уклада (1920–1940)

Аннотация: в статье анализируется процесс цифровой трансформации культурных практик в городах Северного Кавказа в период с 2010 по 2025 год. Особое внимание уделяется специфике региона, где цифровизация стала инструментом переосмысления традиционной идентичности, преодоления географической изоляции и формирования новых форм взаимодействия между государством.

Ключевые слова: цифровизация культуры, Северный Кавказ, культурные практики, трансформация идентичности, цифровое наследие, городская среда, социальные медиа, виртуальные музеи.

Динамика внедрения цифровых инструментов в культурную среду регионов Северного Кавказа за период с 2010 по 2025 год представляет собою сложное и многосоставное явление. Объяснение данного процесса исключительно установкой технических новинок или запуском веб-ресурсов недостаточно. Фиксируется кардинальное изменение способов соприкосновения человека с культурным достоянием, творчеством и окружающей средой. За пятнадцатилетний отрезок времени территория, ранее описываемая через призму этнографической уникальности либо общественно-политической нестабильности начала двухтысячных, эволюционировала от обособленных локальных объединений к статусу полноправных участников всемирного цифрового обмена. Указанная перестройка разворачивалась в контексте общефедеральных процессов становления цифровой экономики и культурной сферы. Отчетливая региональная окраска, диктуемая неповторимым этнокультурным своеобразием, значительной ролью традиционных устоев и особыми характеристиками молодого поколения, выступала фактором дифференциации.

Период 2010–2015 годов характеризуется как этап стихийного и фрагментарного внедрения цифровых инструментов. Доступ к сети Интернет в городских агломерациях Северного Кавказа (Махачкала, Грозный, Нальчик, Владикавказ, Ставрополь) утратил признаки элитарного потребления, трансформировавшись в массовое коммуникативное средство. Культурные институции — музейные комплексы, театральные коллективы,

библиотечные сети — сохраняли приверженность традиционным формам функционирования, поскольку их присутствие в глобальной сети ограничивалось статичными веб-ресурсами. Обновлявшиеся с низкой периодичностью, данные ресурсы не предполагали интерактивного взаимодействия с пользователем. Движущей силой трансформации выступила не государственная политика, а активность населения, в первую очередь молодежных когорт, интенсивно вовлеченных в освоение социальных медиа. В данный хронологический отрезок фиксируется возникновение первых интернет-сообществ, ориентированных на проблематику краеведения, лингвистики и этнокультурных традиций. Подобные объединения зачастую существовали вне официального культурного поля, конституируя автономные площадки для дискуссий о региональной идентичности. В условиях, когда физические публичные пространства в ряде населенных пунктов подвергались сегрегации либо жесткому контролю, виртуальная среда выступила зоной относительной свободы для манифестации культурных предпочтений, обсуждения актуальных художественных практик и консолидации единомышленников.

Вторая половина второго десятилетия XXI века была отмечена инициированием на общегосударственном уровне масштабных проектов в сфере культурного развития и туризма; среди них выделяется национальный проект «Культура». Преобразования инфраструктурного характера, внедрённые в регионы Северного Кавказа, обеспечили поступление не только финансовых ресурсов, но и обновлённых подходов к осуществлению деятельности. Интерактивными системами оснащались музейные учреждения; фиксировались первые эксперименты по созданию виртуальных экскурсий и цифровых описей коллекций. Наличие современной техники, однако, не приводило автоматически к трансформации культурных привычек. Длительное время сохранялась дистанция между доступностью цифровых устройств и подготовленностью публики к их освоению, равно как и между технологическим потенциалом организаций и уровнем квалификации персонала. Постепенное исчезновение чёткой границы между реальной и виртуальной культурой началось именно в данный период. Сведения о культурных мероприятиях распространялись преимущественно через социальные медиа; впечатления посетителей влияли на имидж учреждений быстрее, нежели официальные отчёты.

В контексте обозначенных трансформаций особую значимость приобрели социокультурные параметры Северного Кавказа, для которых характерна повышенная роль коллективной идентичности и сохранения исторической связи поколений. Посредством интернет-платформ

сформировалась возможность переосмысления традиционных практик. Фольклорные нарративы, музыкальные композиции и генеалогические хроники, прежде циркулировавшие исключительно в семейном кругу или в границах локальных общин (джамаатов), подверглись оцифровке с последующей публикацией в открытом доступе. Следствием данных действий стало формирование феномена «цифровой памяти». С одной стороны, данное явление способствовало консервации исчезающих языков и диалектов; с другой — инициировало дискуссии высокой степени напряженности относительно легитимности доступа к информации, сакрального статуса определенных данных и этических аспектов их публичного распространения. Молодежная когорта, владеющая компетенциями в сфере цифровых технологий, реализовала функцию медиатора между старшим поколением (носителями традиции) и глобальным информационным полем. Данной возрастной группой осуществлялось продуцирование контента, транслирующего традиционную символику и сюжеты на язык современных коммуникационных средств: короткие видеоролики для TikTok и Instagram, подкасты на национальных языках, цифровые изображения с элементами этнического орнамента. Указанный процесс интерпретируется как культурная гибридизация, в рамках которой аутентичность не отрицается, но приобретает новые механизмы репрезентации.

Пандемией 2020 года, охватившей мировое сообщество, был существенно ускорен темп процессов цифровой трансформации. Вынужденный переход культурных организаций в виртуальную среду интерпретируется не только как значительный вызов, но и как мощный катализатор внедрения инноваций. Театральными коллективами Северного Кавказа, прежде ориентированными преимущественно на локального зрителя, стала осуществляться демонстрация постановок посредством сети Интернет; данное обстоятельство обеспечило доступ к спектаклям для аудитории из других регионов и зарубежных стран. Музейными учреждениями были разработаны дистанционные образовательные курсы, лекционные циклы и викторины. Посредством указанных мер достигалось сохранение зрительского внимания в условиях карантинных ограничений. Этим кризисным этапом была наглядно продемонстрирована следующая закономерность: цифровизация не сводится к простому копированию материалов в интернет-пространство, а представляет собой трансформацию модели восприятия искусства. Потребителем стали предъявляться повышенные требования к формату цифровой репрезентации, степени ее интерактивности и персонализированности взаимодействия. Культурными

институтами было освоено ведение работы с информацией, проведение анализа пользовательского поведения, а также формирование коммуникационных стратегий на долгосрочную перспективу [4, с. 65].

В период 2021–2025 годов культурные процессы эволюционировали в сторону зрелости и упорядоченности. Цифровые инструменты утратили статус факультативного либо внешнего элемента; их интеграция в механизмы производства и освоения культурных благ приобрела органический характер. В крупных городах региона (Грозный, Махачкала) отмечено формирование инновационных культурных центров, где цифровая среда выступала неотъемлемой составляющей как архитектурных решений, так и программных мероприятий. Технологии дополненной и виртуальной реальности стали рутинной практикой в музейных пространствах, обеспечивая зрителям возможность «переноса» в исторические эпохи или реконструкции облика утраченных архитектурных объектов. Для Северного Кавказа, отличающегося насыщенным и неоднозначным историческим наследием, данный подход приобретает особую значимость — вещественные свидетельства значительного числа периодов были утрачены или повреждены. Цифровые реставрации интерпретируются как инструмент не только просвещения, но и эмоционального переживания исторического прошлого.

Сегмент городского туризма, сопряжённый с культурными практиками, претерпел существенные изменения. Благодаря прогрессу в сфере мобильных приложений и геоинформационных сервисов стало возможным формирование маршрутов, выходящих за пределы стандартных туристических направлений. Цифровые путеводители активно используются как местными жителями, так и приезжими для ознакомления с уличным искусством, образцами современной архитектуры, скрытыми дворами и точками локальной памяти. Данное обстоятельство обусловило демократизацию городской среды: культура перестала восприниматься исключительно как атрибут официальных институций, будучи интегрированной непосредственно в структуру города. Ниша новых проводников культурного опыта была занята блогерами и местными инфлюенсерами, задававшими направления развития и привлекавшими интерес к элементам городской жизни, ранее остававшимся вне поля зрения. Их деятельность нередко носила аналитический или критический характер, инициируя общественные дискуссии по вопросам охраны исторического наследия и совершенствования общедоступных зон [2, с. 181].

Трансформация функционала государственных структур и некоммерческих организаций выступила ключевым фактором происходящих

изменений. В первой половине 2010-х годов импульсы развития генерировались преимущественно низовыми инициативами и отдельными активистами. К 2025 году, однако, сформирована система государственно-частного партнерства в сфере цифровой культуры. Региональными органами управления культурой осуществлялось систематическое финансирование на конкурсной основе проектов, ориентированных на оцифровку архивов, запуск просветительских онлайн-ресурсов, а также организацию виртуальных фестивалей. Сохранялось противоречие между тенденцией к унификации и усилением государственного контроля, с одной стороны, и стремлением независимых деятелей культуры к сохранению самостоятельности и инновационного характера собственных начинаний, с другой. Ужесточение нормативной базы не привело к полной элиминации возможностей для нестандартных высказываний в цифровом пространстве, особенно в областях актуального искусства и гражданской активности. Творческими работниками Северного Кавказа цифровые технологии стали широко применяться для осмысления острых социальных вопросов, в том числе гендерных стереотипов, экологических проблем и межнациональных отношений, что способствовало преодолению устоявшихся клише о данном регионе [3, с. 57].

Трансформации наблюдались и в области лингвистики. Внедрение цифровых технологий обусловило активизацию создания контента на национальных языках народов Северного Кавказа. Разработаны были электронные словари, мобильные приложения для изучения речи, а также цифровые библиотеки. Вследствие этого повысился авторитет национальных наречий в восприятии молодого поколения, которое ранее могло оценивать их как бесперспективные в условиях глобализации. Однако сопряжен данный процесс с трудностями, обусловленными качеством материалов и необходимостью подготовки специалистов (языковедов, разработчиков, графических художников), функционирующих на стыке технологий и гуманитарных дисциплин. Как показывают примеры, внедрение языка в цифровую среду реализуемо лишь при его использовании в современных, востребованных контекстах, а не исключительно в форматах фольклора или науки.

К завершению 2025 года в населённых пунктах Северного Кавказа зафиксирована коренная трансформация облика культурной среды. Внедрение цифровых технологий утратило статус простого технического усовершенствования, поскольку оно трансформировалось в фундаментальный принцип бытования культуры в условиях современности. Менее отчётливой стала граница, разделявшая создателя и получателя

культурных благ: любой владелец мобильного устройства способен выступать в роли генератора информации, толкователя исторических событий и активного участника культурного обмена. Города данного региона обрели большую заметность в информационном поле; их культурный потенциал получил свежие механизмы для извлечения дохода и популяризации. Вместе с тем наряду с открывшимися перспективами возникли и новые угрозы: дифференциация доступа к цифровым ресурсам между мегаполисами и сельскими территориями, опасность фрагментарного, поверхностного освоения многогранного культурного достояния, а также сложности, связанные с соблюдением авторских прав и обеспечением конфиденциальности личных сведений [1, с. 211].

На основе наблюдений за Северным Кавказом (2010–2025 гг.) установлено, что внедрение цифровых технологий в культурную сферу не является прямолинейным поступательным процессом, а интерпретируется как согласованный диалог (negotiated process). Указанный диалог разворачивается между устоявшимися традициями и инновациями, локальной спецификой и глобальными тенденциями, государственными инициативами и частными усилиями. Ключевым фактором успешности данной трансформации выступала не столько величина финансовых вливаний в техническое оснащение, сколько способность местных сообществ адаптировать технологические решения к собственным культурным кодам и актуальным запросам. Регион продемонстрировал гибкость и изобретательность: цифровые инструменты использовались как средство усиления уникальной идентичности и налаживания коммуникации с внешним миром. Дальнейшее развитие культуры на Северном Кавказе будет определяться степенью гармоничности сочетания верности исконным формам с восприимчивостью к новым способам самовыражения. Необходимым условием выступает гарантия равного доступа к культурным ценностям для всех групп населения.

Список источников и литературы

1. Модели формирования и использования человеческого капитала в условиях цифровизации сельского хозяйства: монография / О. В. Шумакова, Е. А. Асташова, Д. Р. Баетова [и др.]. — Омск: Омский ГАУ, 2023. — 284 с. — ISBN 978-5-907687-02-8.
2. Стариковская Н.А. Цифровой бизнес и сквозные цифровые технологии: теория и практика: учебное пособие / Н. А. Стариковская, А. И.

Стариковский, М. В. Кущ. — Москва: РТУ МИРЭА, 2022 — Часть 1 — 2022. — 259 с.
3. Стрелина Е.Н. Учебник для укрупненной группы направлений подготовки и специальностей 38.00.00 Экономика и управление: учебник / Е. Н. Стрелина. — Донецк: ДонГУ, 2022. — 310 с.
4. Туфанов Е.В. Становление и функционирование партийно-государственного аппарата управления в период модернизации народного хозяйства в 1920-1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа): монография / Е.В. Туфанов, И. Н. Карпенко. — Ставрополь: СтГАУ, 2022. — 212 с. — ISBN 978-5-9596-1876-6.

УДК 332.1(470.6)

Токова Ф.А.,
старший преподаватель
кафедры экономики и прикладной информатики,
Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У.Д. Алиева,
г. Карачаевск, РФ
E- mail: tokova.faina09@mail.ru

Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года

Аннотация. В статье представлен критический анализ реализации Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа в контексте её завершающего этапа (2025 год). На основе данных о динамике инвестиционной активности, рынка труда и туристического кластера исследуется противоречие между тактическими успехами в достижении количественных показателей и сохранением структурных ограничений, препятствующих переходу к модели устойчивого саморазвития. Особое внимание уделяется институциональным ловушкам — высокой дотационности, дефициту компетенций муниципального управления и анклавному характеру экономики — которые воспроизводятся даже в условиях беспрецедентной государственной поддержки. Делается вывод о необходимости смены парадигмы: от логики «догоняющего развития» с централизованным распределением ресурсов к политике «включённого роста», активирующей пространственный, человеческий и институциональный капитал самого макрорегиона.

Ключевые слова: Северо-Кавказский федеральный округ, стратегическое планирование, региональное развитие, инвестиционная политика, туристический кластер, институциональные ловушки, пространственное развитие.

Пятнадцатилетний рубеж, который Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) преодолел в 2025 году, стал не только формальной датой, но и поводом для подведения промежуточных итогов реализации долгосрочных стратегических установок [3]. Созданный в 2010 году как инструмент концентрации управленческих и финансовых ресурсов на территории, аккумулирующей наиболее острые социально-экономические и этнополитические вызовы, округ за прошедшее время трансформировался в уникальную лабораторию государственной региональной политики. Именно здесь апробировались механизмы особых экономических зон, комплексные программы развития территорий и новые формы межбюджетных отношений. Однако к 2025 году стало очевидно, что первоначальная стратегическая рамка, во многом ориентированная на парадигму «догоняющего развития» через наращивание трансфертов и реализацию точечных инвестиционных проектов, исчерпала свой потенциал.

Заявленные в Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 года цели - создание современной инфраструктуры, повышение инвестиционной привлекательности, снижение уровня безработицы и модернизация аграрно-туристической специализации - были достигнуты в неодинаковой степени. Инфраструктурный прорыв на ключевых направлениях, особенно в сфере туризма, сопровождался сохранением высокого уровня межрегиональной дифференциации и зависимости от федеральных трансфертов. Более того, реализация стратегии выявила фундаментальное противоречие между краткосрочной эффективностью административно-командных мер и долгосрочной устойчивостью институциональной среды. Цель настоящей статьи - не просто констатация итогов, но и анализ того, как стратегические ориентиры трансформировались в конкретные практики управления и какие структурные диспропорции эти практики воспроизвели.

Теоретической основой стратегического планирования в СКФО традиционно выступают положения кумулятивных теорий регионального роста, предполагающие создание «полюсов роста» - территорий с высоким мультипликативным эффектом, способных генерировать развитие окружающих районов [6]. На практике роль таких полюсов были призваны сыграть туристско-рекреационные особые экономические зоны, крупные инфраструктурные проекты и агропромышленные кластеры. Институциональная рамка задавалась комплексом документов, среди которых ключевое место занимает Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 года, поскольку в условиях

СКФО социально-экономические и этнополитические процессы неразрывно связаны [1]. Этот документ установил принцип «межнационального мира и согласия» как базовое условие развития, фактически легитимировав приоритет стабильности над экономической эффективностью.

Однако реализация стратегии столкнулась с классической проблемой институционального дизайна: формальные правила, установленные на федеральном уровне, вступали в противоречие с неформаными практиками, укоренёнными в социальной структуре северокавказских сообществ. Механизмы государственно-частного партнёрства, конкурсного распределения ресурсов и независимого надзора за их использованием оказались зачастую подменены отношениями, основанными на личных связях, клановой солидарности и административном торге. Е.В. Кравцев, анализируя практику реализации национальной политики, справедливо отмечает, что «муниципалитеты практически не могут самостоятельно бороться со структурными социально-экономическими проблемами» из-за отсутствия как финансовой базы, так и реальных полномочий [2]. Предпринимавшиеся попытки децентрализации управления сталкивались с риском утраты контроля над распределением бюджетных потоков, что для федерального центра было неприемлемо в силу высокой конфликтогенности региона.

К 2025 году институциональный дизайн стратегии продемонстрировал как свои сильные, так и слабые стороны. С одной стороны, была создана разветвлённая система мониторинга реализации национальных проектов, введены механизмы публичной отчётности и общественного контроля, что в ряде случаев позволило повысить прозрачность расходования средств. С другой стороны, институт мониторинга часто работал как имитационный механизм: собираемость статистических показателей не сопровождалась качественным анализом эффективности, а отчётность о достижении целевых индикаторов подменяла собой реальную оценку глубинных изменений. Как следствие, стратегия в своей управленческой части оставалась преимущественно «ручным инструментом», где ключевые решения принимались не на основе заранее установленных правил, а в режиме ad hoc согласований между федеральными и региональными элитами.

Несмотря на широкий спектр методологических подходов к оценке эффективности регионального развития — от анализа валового продукта до расчёта индексов человеческого развития — наиболее репрезентативными в контексте подведения итогов стратегии являются показатели, отражающие качественные сдвиги в структуре экономики. Итоги 2025 года, подведённые Министерством экономического развития РФ, зафиксировали рост объёма инвестиций в основной капитал на 16,3% по сравнению с предыдущим годом при одновременном увеличении реальных денежных доходов населения на 8,1% [5,

7]. На первый взгляд, это свидетельствует об успешной реализации инвестиционной модели: частные вложения демонстрируют положительную динамику, а уровень безработицы, долгое время остававшийся ахиллесовой пятой региона, снизился вдвое — с 16% в 2010 году до 8,1% в 2025-м [3].

Однако за этими цифрами кроется более сложная реальность. Прежде всего, рост инвестиций по-прежнему имеет точечный, а не системный характер. Основной объём средств концентрируется в трёх сферах: развитие всесезонных туристско-рекреационных комплексов, жилищное строительство и инфраструктурные проекты, имеющие высокую социальную значимость (строительство школ, больниц, объектов коммунального хозяйства) [9]. За девять месяцев 2025 года в округе было введено 52 объекта капитального строительства, но среди них практически отсутствуют проекты, связанные с созданием новых высокотехнологичных производств вне туристического и аграрного секторов [5]. Это означает, что структура экономики СКФО не претерпела качественных изменений: специализация на низко- и средне-технологичных отраслях сохраняется, а доля обрабатывающей промышленности остаётся незначительной.

Особого внимания заслуживает динамика туристического потока, который за девять месяцев 2025 года превысил 1,68 млн человек [4]. Успехи здесь впечатляют: запуск нового курорта «Мамисон» в Северной Осетии, развитие «Эльбруса», «Архыза» и «Ведучи», начало строительства Каспийского прибрежного кластера в Дагестане. Карачаево-Черкесия продемонстрировала рост турпотока на 128%, что стало абсолютным рекордом среди всех регионов России [3]. Тем не менее туристическая рентабельность округа остаётся ограниченной: значительная часть выручки уходит из региона через федеральные управляющие компании и туроператоров, а занятость на курортах носит преимущественно сезонный и низкоквалифицированный характер. Кроме того, бурное развитие туристической инфраструктуры создаёт новые экологические и социальные риски, особенно в густонаселённых и уязвимых в ландшафтном отношении республиках.

Беспрецедентный объём финансирования, выделяемый на реализацию национальных проектов в СКФО (почти 250 млрд рублей на 2025–2027 годы), действительно приносит ощутимые результаты в виде построенных дорог, отремонтированных школ и газифицированных сёл [8]. Однако он же создаёт и феномен «инвестиционного наркоза»: экономика региона привыкает функционировать в режиме постоянной донации, не вырабатывая внутренних механизмов самогенерации роста. Доля частных инвестиций, хотя и растёт в абсолютном выражении (5,45 млрд рублей за девять месяцев 2025 года), остаётся несоизмеримо малой по сравнению с государственными вливаниями [7]. Как справедливо отмечает директор по стратегии ИК «Финам» Я. Кабаков,

«значительная часть роста пока объясняется бюджетными вливаниями, которые поддерживают спрос и занятость, но требуют постепенной передачи инициативы частному сектору» [7].

За количественными успехами стратегии неизбежно встаёт вопрос о структурных барьерах, которые не могут быть преодолены в рамках текущей модели. Одним из них является пространственная неравномерность развития. Как показал анализ Батовым состояния пространственного развития макрорегиона, между регионами СКФО сохраняется глубокая дифференциация по ключевым показателям, причём она не имеет тенденции к сокращению [6]. Ставропольский край, Чеченская Республика и Дагестан выступают в роли локомотивов экономического роста, тогда как Ингушетия и Карачаево-Черкесия (за вычетом туристических анклавов) демонстрируют значительно более скромные результаты. При этом «опорные муниципалитеты», которые в теории должны становиться точками роста для окружающих территорий, на практике часто работают как «насосы», выкачивающие человеческие и финансовые ресурсы из периферии в центр [6].

Демографическая ситуация представляет собой ещё один сложный вызов. Гарибова, комплексно анализируя демографические тренды СКФО, подчёркивает, что округ сохраняет уникальную для России структуру воспроизводства населения: высокую рождаемость при сохраняющейся традиционной модели семьи [4]. С одной стороны, это формирует перспективную возрастную структуру и потенциальный «демографический дивиденд» - растущий контингент молодёжи, входящей в трудоспособный возраст. С другой стороны, создаваемые рабочие места (около 6,9 тыс. за 2025 год) не в состоянии абсорбировать этот прирост [5]. Молодёжная безработица, особенно среди выпускников высших учебных заведений, остаётся острейшей проблемой, угрожающей социальной стабильности. Традиционный для северокавказских обществ механизм социальной поддержки через расширенную семью и земляческие сети здесь уже не справляется, а выход на рынок труда вне региона (в крупные агломерации Европейской России) приводит к «утечке мозгов» и оттоку наиболее активной части населения.

Жилищный вопрос обнажает ещё один парадокс: сохраняющийся острый дефицит качественного жилья при высоких темпах строительства. В трёх республиках - Дагестане, Ингушетии и Чечне - проблема перенаселённости и ветхого жилого фонда остаётся наиболее критичной [9]. Массовое индивидуальное жилищное строительство, составляющее основу жилищного сектора, зачастую ведётся хаотично, без подключения к инженерной инфраструктуре и с нарушением градостроительных норм. Это не только создаёт

техногенные риски, но и увеличивает разрыв между формальными показателями ввода жилья и реальными условиями проживания.

Сфера межэтнических отношений, составляющая важнейший контекст любого социально-экономического проекта на Северном Кавказе, к 2025 году демонстрирует парадоксальную динамику. С одной стороны, удалось избежать крупных этнополитических конфликтов, а система мониторинга состояния межнациональных отношений, включающая круглосуточные call-центры и телефоны доверия, показывает свою формальную эффективность [8]. С другой стороны, это достигнуто ценой консервации традиционных институтов и неформальных практик разрешения конфликтов (советы старейшин, посредничество авторитетных лиц), которые не всегда вписываются в правовое поле и могут создавать зоны «серой» юрисдикции. Предложения Е.В. Кравцева о расширении участия муниципалитетов, открытых общественных слушаниях и создании мобильных приложений для общественного контроля за реализацией стратегии, безусловно, важны, но их системное внедрение требует изменения самого этоса государственного управления в регионе [2].

Подведение итогов Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 года неизбежно подводит к вопросу: что дальше? Анализ показывает, что парадигма «догоняющего развития», реализованная через масштабные бюджетные вливания, администрируемые сверху, принесла несомненные позитивные результаты в сфере инфраструктуры и социальной сферы. Однако она исчерпала себя как инструмент структурной трансформации экономики и формирования устойчивых механизмов саморазвития. Опасность инерционного сценария, при котором округ и в следующем десятилетии останется зоной перманентного «ручного управления» с высоким уровнем дотационности, сохраняющейся безработицей и анклавной экономикой, представляется вполне реальной.

Альтернативой могла бы стать смена парадигмы с «поддержки бедности» на «активацию развития». Это означает, что основное внимание должно быть перенаправлено не на распределение трансфертов между территориями, а на создание условий для реализации их собственного экономического потенциала. В практической плоскости такая смена предполагает несколько ключевых приоритетов. Во-первых, необходима реальная, а не декларативная, децентрализация управления с передачей на уровень республик и, главное, муниципалитетов не только ответственности, но и фискальных ресурсов для её реализации [10]. Во-вторых, требуется отраслевая диверсификация, выходящая за рамки туризма и АПК: развитие малого и среднего предпринимательства в сфере услуг, логистики, информационных технологий и перерабатывающей промышленности. В-третьих, демографический переход должен быть подкреплён

образовательной политикой, ориентированной на подготовку кадров для новых, а не традиционных, секторов экономики.

Показательно, что на Кавказском инвестиционном форуме 2025 года прозвучало предложение трансформировать институт развития «Кавказ.РФ» в «инвестиционный хаб» - «единое окно» для взаимодействия бизнеса с регионом [8]. Это движение в правильном направлении, но его успех будет зависеть от того, насколько удастся преодолеть ключевое противоречие, выявленное в ходе реализации предшествующей стратегии: между технократической логикой экономического планирования и социокультурной спецификой региона. Без институциональных изменений, меняющих систему стимулов для региональных элит, муниципальных чиновников и рядовых граждан, любой, даже самый совершенный, инструментарий «хаба» рискует остаться фасадом, за которым сохраняются старые практики.

Подводя итог анализу реализации Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 года, следует признать, что она выполнила свою важнейшую функцию: предотвратила социально-экономическую деградацию макрорегиона, создала базовую инфраструктуру для модернизации и обеспечила период относительной политической стабильности. Показатели 2025 года - рост инвестиций, туристического потока и доходов населения - свидетельствуют о том, что выбранная модель в своих тактических проявлениях была эффективна. Однако она не привела к качественному сдвигу в характере развития: экономика остаётся низкодиверсифицированной, рынок труда - напряжённым, а ключевые решения - централизованными. Стратегия завершилась, но вызовы, на которые она должна была ответить, не только не исчезли, но и приобрели новые, более сложные формы. Поэтому главный урок прошедшего пятнадцатилетия заключается в том, что следующим этапом для СКФО должно стать не продление логики «догоняющего развития», а переход к модели «включённого роста» - такой, при которой экономические, человеческие и институциональные ресурсы самого макрорегиона становятся не объектом приложения внешних усилий, а главным двигателем собственного развития.

Список источников и литературы

1. Батов, Г. Х. Проблемы и перспективы пространственного развития макрорегиона (на материалах регионов Северо-Кавказского федерального округа) / Г. Х. Батов. — Текст : непосредственный // Studies on Russian Economic Development. — 2025. — Т. 36. — № 6. — С. 867–874.
2. Кравцев, Е. В. Предложения по совершенствованию методов реализации государственной национальной политики Российской Федерации в субъектах

СКФО / Е. В. Кравцев. — Текст : непосредственный // Конфликтология / nota bene. — 2020. — № 4. — С. 80–88.
3. Кущ, Е. Н. Инвестиционная привлекательность регионов СКФО: анализ текущего состояния и перспектив развития / Е. Н. Кущ, Х. С. Мальсагова, Г. А. Гюльмагомедова. — Текст: электронный // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2025. — № 5. — DOI 10.26726/rppe2025v5iaotn. — URL: http://rppe.ru/new/index.php/rppe/article/view/2881 (дата обращения: 12.05.2026).
4. Garibova, F. M. Demographic situation as a key factor in the socio-economic development of the North Caucasus Federal District / F. M. Garibova. — Текст : непосредственный // Regional Problems of Economic Transformation. — 2025. — No. 5 (175). — Pp. 320–331.
5. Ter-Grigoryants, A. A. Assessing the socioeconomic development of a region under risk conditions / A. A. Ter-Grigoryants, E. A. Shelukhina, G. I. Leonova, V. E. Statsenko. — Текст: непосредственный // UNICURITIBA. — 2025.
6. О Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 06.09.2010 № 1485-р (ред. от 03.02.2021). — Текст: электронный // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104089/ (дата обращения: 12.05.2026).
7. В СКФО по итогам девяти месяцев зафиксирован рост турпотока, инвестиций и числа рабочих мест. — Текст : электронный // Министерство экономического развития Российской Федерации : официальный сайт. — 2025. — 17 ноября. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_skfo_po_itogam_devyati_mesyacev_zafiksirovan_rost_turpotoka_investiciy_i_chisla_rabochih_mest.html (дата обращения: 12.05.2026).
8. На хребте государства: В чем причины экономического роста регионов Северного Кавказа. — Текст: электронный // Коммерсантъ. — 2025. — 23 декабря. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/8314902 (дата обращения: 12.05.2026).
9. Северный Кавказ получит почти 250 млрд рублей на нацпроекты в 2025-2027 гг. — Текст : электронный // Интерфакс. — 2025. — 27 мая. — URL: https://www.interfax.ru/russia/1028061 (дата обращения: 12.05.2026).
10 . Турпоток, инвестиции и число рабочих мест в СКФО выросли по итогам девяти месяцев 2025 года. — Текст: электронный // КАВКАЗ.РФ. — 2025. — 17 ноября. — URL: https://kavkaz.rf/news/turpotok-investitsii-i-chislo-rabochikh-mest-v-skfo-vyrosli-po-itogam-devyati-mesyatsev-2025-goda/ (дата обращения: 12.05.2026).

УДК. 94

Хатуев И.З., кандидат исторических наук,
доцент кафедры Всеобщей истории,
ФБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
г. Грозный, РФ
hatuev@inbox.ru,

Первая мировая война и политика Турции на Кавказе

Аннотация: В статье показана главные особенности политики властей Турции в период Первой мировой войны в контексте интересов младотурок в Кавказском регионе, рассматривается основной ход военных действий и неудачи турецкой армии на фронтах, включая Кавказский фронт, анализируется политическая ситуация в Турции после завершения мировой войны и развязывания локальных конфликтов, в том числе, в Закавказье, описываются события, связанные с приходом к власти в России большевиков и контактов их лидеров с новыми турецкими политическими и военными элитами на фоне армяно-турецкого и турецко-греческого вооруженного противостояния, раскрыты причины ослабления влияния Турции на Кавказский регион в результате поражения этого государства в войне 1914-1918 годов, очерчены основные контуры кризиса турецкой политической системы по итогам Первой мировой войны.

Ключевые слова: Россия, Турция, Кавказ, политика, война, младотурки, Антанта, Германия.

Как только началась Первая мировая война в 1914 году, правительство младотурок предпринимает активные попытки избавиться от режима капитуляций, которыми обладали, прежде всего, Англия и Франция. Именно с этой целью младотурки, заключив тайные соглашения о военном союзе с Германией, официально объявили о своем нейтралитете. Поняв, что страны Антанты не идут на существенные уступки, власти Турции начинают подготовку к войне. Берлин дал Порте большие займы, в том числе, на перевооружение армии. Более того, Германия передала Турции два современных по тем временам боевых корабля (крейсеры «Бреслау» и «Гебен»). Энвер-паша по согласованию с Берлином передал командование турецким флотом немецкому адмиралу Сушону [3, с. 261].

В начале 1914 года лидеры младотурок Джемаль-паша, Энвер-паша и Талаат-паша сосредоточили реальную власть в стране в своих руках. Эта группа фактически втянула Османскую империю в Первую мировую войну на стороне Тройственного союза. Во внутренней политике «триумвират» применял жесткий террор против инакомыслящих и представителей национально-освободительного движения. Так, в 1915 году карательное

акции масштабного характера коснулись армян, проживавших в империи [1, с. 35].

В стране постепенно нарастало недовольство народа режимом младотурок. В самой турецкой армии наблюдались волнения. Многие османские офицеры были возмущены тем, как в стране хозяйничают чиновники и генералы Германской империи.

29 октября 1914 года турецкие корабли напали на русские суда в Черном море. Был также атакован Севастополь, Новороссийск, Феодосию. Стамбул официально и фактически вступает в мировую войну. Как отмечали газеты того периода, Турция стала вассалом Германской империи. А начавшиеся военные действия достаточно быстро привели Османское государство к усилению всех кризисных явлений, которые были характерны стране и до начала войны. Война стремительно вела Турцию к экономическому и военному краху. Можно утверждать, что война ускорила, по сути, неизбежный процесс падения Османской империи.

Германское командование рассчитывало, что турецкая армия начнет широкомасштабные наступательные операции против англичан на египетском направлении и против России в Закавказье. Но ход событий показал, что эти грандиозные проблемы обернулись провалом.

В конце 1914 - начале 1915 гг. русские войска нанесли ряд серьезных поражений под Саракамышем. Лидеры младотурок, являясь военными, сами возглавили отдельные стратегические направления боевых действий. На Кавказском фронте, где управлял сам Энвер-паша, турки терпели одну неудачу за другой. Вооруженные силы Российской империи, развивая саракамышский успех, взяли Трабзон и Эрзурум.

Другой лидер младотурок Джемаль-паша возглавил египетское направление. Ведомая им в наступление на Суэцкий канал 4-я армия османских вооруженных сил, потерпела полное фиаско. В течение 1915-1916 годов турецкие войска провалили наступление, перешли к обороне, а затем и стали отступать вглубь Палестины.

Только на двух направлениях турецкие войска имели относительный успех в 1915-1916 годах. Они достаточно долго противостояли англо-французскому десанту в районе Дарданелл. Кроме того, турки сумели в этом временном промежутке потеснить британские войска, ведомые генералом Таунсендом в Ираке [8, с. 102].

Однако эти незначительные успехи на фоне разворачивающихся крупных наступательных операций английской и французской армий, вместе с войсками других союзников этих держав, да еще и при активном участии в

боях против Турции арабских отрядов сначала шерифа Мекки, а затем и короля Хиджаза Хусейна аль-Хашими.

В начале 1917 года англо-французские войска начала методично выдавливать турок со всех арабских территорий, входивших ранее в состав Османской империи [6, с. 198].

С ноября 1914 по октябрь 1918 года Османская армия понесла колоссальные потери. Страна исчерпала почти все свои людские ресурсы. На начало войны население османского государства составляло цифру в 21 млн. чел. Так вот, за годы войны страна потеряла около 3 млн. чел. Из них более 600 тысяч были убиты, около 1 миллиона стали инвалидами. Наибольшие потери были среди крестьянского населения Турции. В итоге засеваемые площади земель империи сократились за период с 1914 до 1916 гг. более чем в 2 раза [7, с. 87].

Верхушка правящей младотурецкой элиты не только не предпринимала срочных и действенных мер по преодолению возникших острых проблем, а, наоборот, пыталась, пользуясь тяжелой ситуацией, еще и обогащаться на этом. Угрожающих масштабов достигли такие явления, как взяточничество, казнокрадство, спекуляция топливом и основными продуктами питания. В масштабном разбазаривании средств из госбюджета страны были замечены чиновники и генералы из ближайшего окружения того же Энвера-паши.

Усилению национальной буржуазии способствовала и военная конъюнктура. В течение периода с 1914 по 1917 годы возникло почти 100 новых акционерских обществ и компаний, собственниками которых были турецкие капиталисты. Произошел рост количества турецких промышленных предприятий. Они начали активно работать по таким направлениям, как горная промышленность, переработка сельскохозяйственной продукции, производства тканей и т. д.

Правительство предпринимает шаги, направленные и на поддержку отечественных предпринимателей. Так, в 1915 году правительство увеличило на 30 % пошлины на ввозимые товары в страну. Кроме того, иностранные компании и акционерные общества были прямо подчинены турецкому законодательству. Более того, согласно закону «О поощрении промышленности», различные экономические и финансовые льготы распространялись только на поданных Османской империи. Правительство также способствовало открытию ряда местных кредитных банков [5, с. 208].

Однако эти, в общем-то, прогрессивные меры, не могли изменить общего и неизбежного тренда на движение империи к своему полному закату. Пытаясь как-то отвлечь народные массы, недовольные режимом, младотурецкие власти стали активно разжигали искусственную вражду турок

к грекам, армянам, курдам и другим национальностям империи. Закон «о депортации» в 1915-1916 годах привел к массовым репрессиям к армянам, грекам.

Младотурецкие элиты стремительно вели Османскую империю к гибели, а сам господствующий турецкий народ к настоящей национальной катастрофе. Еще до окончания Первой мировой войны, страны Антанты подготовили планы разделения Османской империи (соглашение Сайкс-Пико). Дело шло к полной ликвидации Турции как самостоятельного национального государства.

Власти Османской империи, вступая в войну против блока Антанты и будучи союзником Германии, Австро-Венгрии и Болгарии явно не рассчитали свои силы. Более того, продолжавшийся в течение длительного времени системный кризис социально-политической и финансово-экономической составляющих государства и общества неизбежно вел дело к краху.

В начале осени 1918 года войска Антанты при поддержке вооруженных отрядов арабских стран, начали мощное наступление на македонском и Палестинском фронтах. В итоге 30 октября 1918 года турецкое правительство вынуждено было пойти на Мудросское перемирие, означавшее полное поражение Османской империи в Первой мировой войне.

В промежутке между 1918-1922 годами власть в Турции перешла в руки консервативных кругов, которые считали себя противниками младотурецких идей. Мустафа Кемаль-паша конкурировал с младотурками изначально даже препятствовал их возвращению в Турцию. Однако можно утверждать, что некоторые цели младотурков и кемалистов совпадали. Интересен факт, когда Мустафа Кемаль одержал политическую победу в стране, бывшие младотурки активно поддержали созданную им Республиканскую народную партию [9, с. 19].

Армянские вооруженные группы в течение нескольких лет выследили и убили многих лидеров младотурецкого движения, мотивируя это местью за геноцид армян 1915 года [10, с. 49].

Несмотря на отдельные локальные успехи турецкой армии на некоторых фронтах Первой мировой войны, Турция, тем не менее, проиграла. Власти Турции пошли на навязанное им блоком стран Антанты Мудросское перемирие 30 октября 1918 года.

После этого младотурецкая партия «Единение и прогресс» сразу же самораспустилась, а ее лидеры спешно покинули страну. Условия перемирия были настолько унизительными, что турецкие переговорщики не посмели вернуться в свою страну.

В конце 1918 года в гавань Севастополя вошли английские, французские и итальянские корабли. Руководство новой большевистской России, во главе с В. И. Лениным приняли решение поддержать усилия Турции по защите своей независимости.

3 ноября 1918 года один из главных лидеров младотурок Энвер-паша бежал в Германию. Он, а вместе с ним и другие младотурецкие лидеры (Таллат-паша, Бахаэтдин Шакир, Джемаль-паша и др.) 16 декабря 1918 года декретом Османского государства были обвинены во втягивании страны в мировую войну, а также в массовых убийствам армян, и заочно приговорены к смертной казни.

Согласно планам раздела Османской империи, страны Антанты приступили к аннексии всех внешних владений Турции. Судьбу бывших владений османского государства предстояло решить державами-победительницами на Парижской конференции 1919 года. Англия и Франция в своих планах аннексии османских территорий прикрывались мандатами от Лиги наций.

Таким подходом державы Антанты и, прежде всего, Франция и Великобритания, не ограничивались. Агрессивные их планы распространялись и на этнические территории Турции. Строились планы по созданию автономий Курдистана и Армении. Обсуждались проекты создания на причерноморской территории, прилегающей к Трабзону отдельного греческого Понтийского государства.

В середине мая 1919 года греческие войска вторглись в Измир и полностью оккупировала эти территории. Но в этом районе появились противоречия и среди вчерашних союзников. На Измир предъявила свои права и Италия.

Весной 1919 года Англия и Франция установили контроль (под видом международного контроля) над стратегически важными проливами Босфор и Дарданеллы. Ближе к Стамбулу был стянут военный флот держав Антанты.

В водах близ Стамбула стояла мощная «Союзная эскадра Эгейского моря» из более чем 60 боевых кораблей Англии, Франции, Италии и Греции.

Английские и французские власти назначили в этих районах своих комиссаров. Турецкий султан являлся формальным главой турецкого государства.

Бегство из страны младотурок и полное банкротство их идей и политики, способствовало переходу власти в начале 1919 года к представителям турецкой либеральной элиты из партии «Свобода и согласие». Хотя реальная власть в Турции, включая и ее бывшие владения, находилась в руках стран-победительниц в Первой мировой войне. Казалось,

что западноевропейские державы устанавливают полный и тотальный контроль над Турцией.

Такое демонстративное унижение Турции вызывало волну недовольства и возмущения среди народных масс страны. На начальном этапе уже в начале 1919 года в разных частях Турции организовываются очаги сопротивления.

Распространение получает и вооруженное партизанское движение. Уже в январе 1919 года на юге Анатолии возникают партизанские отряды. Почти одновременно с этим в западных районах Турции разворачивается довольно-таки масштабное партизанское движение. Офицеры и представители интеллигенции на местах создают свои «общества защиты прав населения».

10 августа 1920 года Турция вынуждена была пойти на подписание Севрского мирного договора. Эти условия были унизительными, подрывающими суверенитет турецкого государства. Помимо ликвидации всех османских владений, Турция теряла и часть своих коренных территорий, а страна фактически подлежала расчленению. Державы Антанты даже планировали столицу османов передать под «международное управление».

В этих непростых условиях начинается выдвижение личности Мустафы Кемаля-паши, бывшего командующего достаточно успешной 7-й армии османских вооруженных сил. Кемаль, которому исполнилось на тот момент 39 лет, пользовался известной популярностью. Боевой генерал, имевший опыт ведения успешных военных действий во времена Итало-турецкой (1911-1912 гг.), Балканских (1912-1913 гг.) войн и ставший известным в турецкой армии в результате руководства обороной Дарданелл, в ходе высадки там англо-французского десанта.

Турецкий султан Мехмед VI практически ничего не делал, что остановить развал империи. Его мотивация ограничивалась лишь страхом потерять свой престол и боязнью за свою жизнь. Султанское правительство шло на любые уступки иностранным державам. Однако внутри турецкого общества зрело недовольство такой пассивной политикой старой власти.

Историческое заседание депутатов Парламента прошло уже 23 января 1920 года, на этот раз в Стамбуле. Здесь был принят «Национальный обет». Этот документ можно характеризовать как фактическую декларацию независимости Турецкого государства. Парламент объявил целостности страны и заявил о том, что все привилегии западноевропейских держав отменяются, и Турция намерена выйти из-под иностранного финансового и экономического контроля. Такое развитие событий не могло удовлетворить державы Антанты.

23 апреля 1920 года начало свою работу Великой Национальное собрание Турции, которое собралось не в Стамбуле, а в Анкаре. Ставший на этот момент очень популярным в стране Мустафа Кемаль большинством голосов был избран председателем этого Собрания. Формирующаяся новая власть искала новых союзников в мире. Одним из таких новых союзников стал большевистская Россия. 26 апреля 1920 года М. Кемаль предложил В. Ленину установить между странами официальные дипломатические отношения. Кроме того, новый турецкий лидер обратился к главе Советского правительства просьбой оказать ему содействие в противоборстве с западными державами. 24 августа 1920 года между РСФСР и Турцией был заключен договор «О сотрудничестве». В марте следующего года правительства стран подписали документ «О дружбе и братстве между РСФСР и Турцией» [2, с. 35]. Надо отметить, что Ленин оказал большую помощь новым турецким властям в их борьбе против оккупации и расчленения Турции.

В этот период обострились отношения между новыми властями Армении и Турцией. В конце сентября 1920 года лидеры Дашнакцутюн, управлявшие Арменией начали войну против Турции. Армянские формирования начали наступление на Ольтинский округ Турции [4, с. 46]. Армянский премьер Качазнуни также дал команду на наступательные действия и в районе Нахичевани.

Однако туркам удалось нанести тяжелые поражения армянским силам по обоим направлениям фронта. Турецкие войска пошли в широкое контрнаступление и только по просьбе Советского правительства остановили свое продвижение в окрестностях Еревана (Эривани). 3 декабря 1920 года армянским властям пришлось подписать унизительный Александропольский (Гюмринский) мирный договор. Турки оккупировали Нахичевань, Батуми и другие районы.

Ситуация изменилась весной следующего года, когда части Красной Армии начали стремительное наступление в Закавказье. 16 марта 1921 года был заключен Московский район, по которому Турция отказывалась от многих территорий, занятых ее в 1920 году.

Кемаль и его сторонники отказывались выполнять унизительные условия Севрского мирного договора.

Идеологи новой власти провозгласили светскость, республиканизм, народность, национализм, реформизм. По тем временам, в условиях турецкого государства эта были, в целом, прогрессивные положения в идеологии новой элиты.

Мехмед VI последним носил титул султана. Он был свергнут и бежал из станы на британском корабле на Крит [11].

В 1922 году Абдул-Маджид II еще носил титул халифа (но не султана).

24 июля 1923 года был подписан новый, Лозаннский мирный договор, на более приемлемых для Турции условиях. В конце октября того же года генерал М. Кемаль объявил себя Президентом Турецкой Республики. Это было уже качественно новое государства на обломках бывшей Османской империи. Через несколько месяцев Кумаль упразднил навсегда и халифат.

Некогда великая Османская империя, а с ней и халифат прекратили свое существование.

Список источников и литературы

1.Баликян О., Эвоян В., Саркисян Г. Агрессивная политика Турции в Армении, документы. Вестник архивов Армении. 1971.№ 1 (28). С. 35.

2.Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 29.

3.История стран Азии и Африки в новое время. Под ред. Ацамба Ф.М. Ч. 2. М. МГУ. 1991. С. 261.

4.Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Соч. Т.3. М., 1954. С. 46.

5.Киласов Р.К. Буржуазные революции в Турции в первой четверти XX века. Махачкала, 1990. С. 208.

6.Лазарев М.С. Крушение турецкого господства на арабском Востоке (1914-1918 гг.). М.: Наука, 1960. С. 198.

7.Новичев А.Д. Экономика Турции в период мировой войны. М., 1935. С. 87.

8.Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М.: Наука, 1983. С. 102.

9.Чапкевич Е.И. Оценка большевиками младотурецкой революции // Народы Азии и Африки. 1975.№ 6. С. 19.

10.Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции, 1918-1923. М., 1966. С. 49.

11.100 лет назад распалась Османская империя. Кто создал независимую Турцию и как западные страны пытались этому помешать? https://lenta.ru/articles/2023/07/24/lausanne_treaty/?ysclid=ma498el4z625422510

УДК 93/94

Шамилова А.М. кызы,
докторантка
Сумгаитский Государственный Университет
г.Сумгаит, Республика Азербайджан
aysel.shamilova.555gmail.com

Влияние расширения правовых демократических реформ на социально-политическую-политическую жизнь Азербайджанской республики (2016-2020 гг.)

Аннотация. В странах, где последовательно проводятся правовые демократические реформы, возможно достижение устойчивого и динамичного экономического прогресса, ведущего к материальному благополучию людей.

Последовательные правовые демократические реформы, проведенные по инициативе и под руководством азербайджанского государства и его главы, создали благоприятные условия для обеспечения гражданской солидарности в обществе, что признают даже политические деятели ведущих мировых государств, для дальнейшего укрепления социально-политической стабильности и позволили поставить имя нашего государства на один уровень с именами государств, обладающих достаточным влиянием в сфере демократических ценностей и государственного строительства в мире.

Ключевые слова: Азербайджан, И.Алиев, правовые демократические реформы, общественно-политическая жизнь, государственное строительство

Введение. В Азербайджане в 2016-2020 годах не было ни одного года, когда правовые демократические реформы не были бы направлены на решение различных проблем в разных сферах общественной жизни, как по отдельности, так и в совокупности. Реформы дали мощный импульс началу нового качественного этапа в защите и обеспечении основных прав и свобод человека, создали условия для достижения эффективных результатов в направлении построения общества гражданского самоуправления и способствовали повышению степени участия граждан в государственном управлении.

Следует отметить, что в эти годы Президент Азербайджанской Республики И. Алиев, подчеркивая важность социально-экономической жизни, включая правовые и демократические реформы, также обеспечивал достижение конкретных и эффективных результатов в этом направлении.

Основная часть. И. Алиев особенно подчеркивал в ходе проведения правовых и демократических реформ тот факт, что реформы в стране проводятся смело как в политической, так и в экономической сферах. Такая позиция главы государства вполне оправдана. Политические и экономические реформы, экономический рост и процессы демократизации должны осуществляться параллельно, дополняя друг друга. В противном случае, если экономическая ситуация не улучшится, если наши

экономические планы не будут реализованы, то, конечно, не может быть и речи о построении полноценного демократического общества в Азербайджане [5, с. 1].

В странах, где последовательно проводятся правовые демократические реформы, возможно достижение устойчивого и динамичного экономического прогресса, ведущего к материальному благополучию людей. Ещё одним важным аргументом или выводом, подтверждающим это, является то, что причиной того, почему показатели материального благополучия граждан Азербайджана значительно выше среднемировых и европейских показателей, является успешная реализация инфраструктурных программ, проектов в сфере государственного управления и других проектов, подготовленных по поручению И. Алиева в 2016-2020 годах.

Последовательные правовые демократические реформы, проведенные по инициативе и под руководством азербайджанского государства и его главы, создали благоприятные условия для обеспечения гражданской солидарности в обществе, что признают даже политические деятели ведущих мировых государств, для дальнейшего укрепления социально-политической стабильности и позволили поставить имя нашего государства на один уровень с именами государств, обладающих достаточным влиянием в сфере демократических ценностей и государственного строительства в мире.

Следует также отметить, что законодательная роль Милли Меджлиса в осуществлении правовых демократических реформ с каждым годом возрастала. Главными результатами политико-правовых демократических реформ в эти годы стали повышение эффективности деятельности двух других ветвей государственной власти – судебной и Милли Меджлиса, а также реализация различных законов, принятых в этой области.

Продолжение правовых и демократических реформ в сфере прокуратуры, традиционно игравшей ведущую роль в правовой системе, в 2016-2020 годах, по сути, как требование времени, послужило адаптации текущей ситуации в этом направлении к новым передовым и общепринятым нормам в Европе и мире. Результатом проведенных реформ в сфере прокуратуры стало учет текущего развития нашей страны и принципов демократического правового государственного строительства, совершенствование порядка работы и полномочий прокуратуры, а также передача некоторых ранее выполняемых ею функций в распоряжение суда.

Еще одной областью, где расширились реформы в сфере права, стала деятельность полицейских органов. Основное содержание новых реформ заключалось в важности обеспечения общественного порядка в защите государственности и укреплении ведущей роли полиции в этом вопросе. За

годы исследований Закон о полиции Азербайджанской Республики был дважды изменен [10, с. 1; 11, с. 2].

Одним из направлений деятельности, которому наш глава государства придает особое значение для совершенствования государственного управления, является расширение масштабов реализации инициативы по продвижению открытого правительства с использованием опыта ведущих стран. Для обеспечения более эффективных результатов работы в этой области утверждение нашим главой государства документа «Национальный план действий на 2012-2015 годы» [3, с. 1] привело к началу нового этапа деятельности в этой области, и, что наиболее важно, было встречено с удовлетворением населения. Начало реализации второй подобной программы действий на 2016-2018 годы еще раз подтвердило особое стремление главы государства уделять приоритетное внимание новой форме управления [4, с.1].

Примечательно, что реформы, проведенные в различных областях законодательства, связанных с расширением предпринимательства и обеспечением благоприятной деловой среды, впервые коснулись и Уголовного кодекса, опять же по инициативе И. Алиева. Так, начиная с начала 2017 года, наш глава государства в своих выступлениях высказывал мнение о том, что настало время внести изменения в содержание уголовно-правовой политики. 10 февраля 2017 года И. Алиев также рекомендовал внести изменения в существующее законодательство, касающееся экономической деятельности, в том числе в Уголовный кодекс, о сокращении сроков наказания за некоторые экономические преступления и изменении его формы [8].

В годы, охватывающие исследовательский период в Азербайджанской Республике, дальнейшее укрепление атмосферы толерантности и решение этих вопросов имели особое значение в деятельности нашего главы государства. Он показал, что в нашей стране, где всегда царила атмосфера высокой толерантности, никогда не было случаев дискриминации и конфликтов на национальном и религиозном уровнях. Сегодня в нашем обществе традиции мультикультурализма и вытекающие из них нормы сосуществования стали нормой жизни и одним из важных факторов, повышающих международный имидж нашего государства.

В настоящее время права, языки, религии и культурная самобытность национальных меньшинств в Азербайджанской Республике находятся в рамках определенных правовых норм государственного законодательства, и ситуация полностью гармонизирована с международными законодательными актами.

В отчетах о визитах представителей международных организаций в Азербайджан, которые стали традицией, всегда признавалось, что национальные меньшинства создали в нашем обществе национальные культурные центры и общества и что существуют условия для их нормальной деятельности [2, с. 6].

Другим важным направлением укрепления правовых демократических реформ является дальнейшее улучшение ситуации с созданием нормальных условий для деятельности средств массовой информации, которые обычно называют «четвертой властью». Иными словами, в рассматриваемые годы независимая деятельность СМИ действительно обеспечивалась.

Эффективная работа и законодательная инициатива И. Алиева, которые еще раз доказали его внимание к защите прав и свобод человека, что является одним из важнейших требований в процессе построения правового демократического общества, и к решению всех проблем, связанных с этой областью, и направленные на активизацию деятельности государственных структур в этой сфере, были весьма направляющими и значимыми.

Следует отметить, что к 2017 году подавляющее большинство этих задач было выполнено, отношение граждан к судебным органам существенно изменилось в позитивном смысле, деятельность по оказанию юридических услуг населению была реорганизована до уровня, соответствующего мировым стандартам, отношения между государством и гражданами вступили в высшую стадию своего развития по качеству и эффективности, солидарность между государством и гражданами значительно укрепилась, и в результате среди граждан сформировалась четкая позиция относительно высокого уровня полного соблюдения высших интересов государства в деятельности органов правосудия. Это доказывает, что процесс интеграции в Европу в сфере правовых демократических реформ нашего государства является непрерывным и неизменным [7].

Несмотря на то, что значительная группа поправок и дополнений к первой и пока последней Конституции Азербайджанской Республики, принятой 12 ноября 1995 года, была внесена на референдуме 24 августа 2002 года, в последующие 5-6 лет быстрые и качественные изменения в обществе и новый уровень развития потребовали вновь, как особой необходимости, привести Конституцию в соответствие с её содержанием.

В целом, стремительный темп развития, начавшийся в начале XXI века, укрепление демократического управления во всех сферах общественной жизни, ускорение интеграции государственности в европейское пространство и мир, с одной стороны, и невозможность сохранения Основного закона неизменным на фоне различных реформ, обновивших государственное

управление и социально-экономическую сферы жизни, с другой стороны, стали условиями, обусловившими необходимость проведения референдума 26 сентября 2016 года.

По результатам референдума были внесены поправки в 23 статьи Конституции и добавлено в общей сложности 6 статей. Они были направлены, прежде всего, на улучшение защиты прав и свобод человека, дальнейшее совершенствование деятельности государственных административных органов, усиление законодательной деятельности на основе нового, более передового опыта, укрепление политической стабильности в обществе и обеспечение выявления новых возможностей для улучшения материального благополучия граждан [13].

Одно из нововведений — увеличение президентского срока с 5 до 7 лет. Это нововведение также основано на опыте, уже существующем в международной практике. Еще одно нововведение — снижение возрастного ограничения для участия в выборах до 21 года [6]. Это, помимо существования в избирательном законодательстве и основных законах многих стран в международной практике, также подразумевает устранение ограничений на способность граждан избирать, быть избранными и назначаться на государственные должности.

Дополнения и поправки к Конституции фактически направлены на дальнейшее укрепление демократических ценностей, совершенствование законодательной базы, способствующей расширению прав и свобод человека. Главными результатами реформ являются дальнейшее укрепление существовавших до сих пор стабильности и безопасности, сохранение и дальнейшее развитие основных направлений социально-экономического прогресса. Это означает, что «обновленная Конституция Азербайджанской Республики сможет обеспечить устойчивое развитие нашего государства в условиях стабильности на многие годы вперед, установить новые цели на пути независимого демократического развития, сохранить нашу независимость и служить народу Азербайджана [1, с. 153].

Одним из важнейших результатов стало то, что содержание всех правовых демократических реформ, направленных на совершенствование Основного закона, соответствовало содержанию и принципам всех международных договоров, участником которых является Азербайджанская Республика, а также нашло отражение в докладах международных организаций позитивные отзывы и мнения о полном внедрении всех статей Европейской конвенции о правах человека и свободах в нашем обществе в результате реформ [9, с. 8].

Нет необходимости приводить дополнительные аргументы, чтобы доказать, что поправки и дополнения, внесенные в Основной закон по результатам референдума, состоявшегося 26 сентября 2016 года, способствуют дальнейшему совершенствованию системы государственного управления и улучшению работы во всех сферах общественной жизни. Об этом свидетельствует содержание внесенных поправок и дополнений, а также отношение людей из различных категорий населения, международных аналитиков, известных политиков, юристов и многочисленные высказанные мнения [12].

Все успехи, достигнутые нами на пути к независимости в последние годы, непрерывное и динамичное развитие экономики, новые достижения в области государственного строительства, успешная внешнеполитическая деятельность, обеспечившая превращение нашей страны в одного из самых достойных и передовых членов мирового сообщества, потребовали адаптации механизмов государственного управления и экономической деятельности к современному уровню развития, а также к международной ситуации и международным стандартам в Основном законе. Создание в Конституции нового вице-президентского института направлено на совершенствование системы государственного управления, уточнение механизма осуществления полномочий президента и предотвращение опасности попадания государственного управления в нежелательные и неожиданные ситуации.

Хотя начало нового этапа в ходе этих реформ с 2016 года фактически было обусловлено многими причинами, результат сыграл важную роль в обеспечении дальнейшего развития, прогресса и безопасности азербайджанской государственности.

Начало нового этапа в ходе реформ, по своему содержанию и характеристикам, не ускользнуло от внимания как граждан страны, так и международных аналитиков. На этом этапе, сохраняя прежние направления реформ, новое направление реформаторского курса теперь должно было уделять особое внимание более значительным и всеобъемлющим правовым и политическим реформам управления. В этом направлении следует прежде всего отметить наличие серьезных структурных изменений в системе государственного управления. Хотя масштаб начатых и продолжающихся в этой области реформ значителен, он также необычен для политиков, хорошо знакомых с современными моделями государственного управления в мировой практике.

По сравнению с областями, где были проведены правовые демократические реформы и уже достигнуты определенные успехи, короткий

опыт структурных изменений в сфере управления, охватывающий всего 1-2 года, дает нам основания полагать, что наши успехи в этом направлении не заставят себя долго ждать. Эти структурные изменения чрезвычайно важны и актуальны с точки зрения содействия нашим будущим достижениям в системе государственного управления.

Помимо демонстрации того, что политические и правовые демократические реформы имеют большое значение для углубления процесса демократизации в нашем обществе, мы хотели бы обратить внимание на основные направления их проведения. В первую очередь, в ходе политических реформ особенно важным направлением стали правовые реформы, а ведущим направлением стало укрепление независимости суда в соответствии с международными стандартами. В ходе правовых демократических реформ наблюдалось расширение полномочий муниципалитетов и других выборных органов власти, а также повышение уровня участия в системе управления.

Также одним из главных результатов работы в этой области является то, что темпы политических и административных реформ, имеющих чрезвычайно важное значение для построения современного правового демократического государства, превышают темпы развития экономических реформ.

Одним из главных результатов обеспечения внутренней стабильности и гражданской солидарности, которые являются одними из важнейших направлений политических и правовых реформ, является отсутствие каких-либо столкновений и конфронтаций на религиозной и этнической почве в Азербайджанской Республике. Во всех докладах международных организаций признается, что Азербайджан является одной из наиболее передовых стран в плане мультикультурных ценностей, и что наш народ служит примером для стран мира, которые на протяжении веков занимались политической и государственной деятельностью в духе толерантности.

Среди главных результатов политики И. Алиева по развитию государственности в 2016-2020 годах особенно важна реализация таких почетных работ, как модернизация и обновление Азербайджана, создание сильной армии, способной защищать безопасность нашего государства и территориальную целостность.

После успешной реализации проведенных в 2016-2020 годах правовых реформ следует отметить совершенствование законодательной базы, эффективное функционирование этих структур во всех сферах общественной жизни.

Главным результатом всей работы, связанной с последовательным проведением правовых демократических реформ, совершенствованием функций государственного управления, достижением серьезных успехов во всех сферах экономической и политической жизни и неуклонным улучшением материального благосостояния, стало то, что народ вновь проявил доверие к И. Алиеву и доверил ему кресло главы государства. И. Алиев был избран Президентом Азербайджанской Республики 11 апреля 2018 года, получив 86,02 процента голосов [13]. Это означало, что безграничное доверие народа к И. Алиеву вновь получило легитимность.

Заключение. Мы также хотели бы выразить некоторые наши мысли об основных выводах пройденного пути и результатах проделанной за годы исследований работы.

Если кратко оценить значимость результатов работы, проделанной в направлении проведения правовых демократических реформ, можно сказать, что сегодня наше государство достигло высоких результатов в области обеспечения основных прав и свобод человека и сумело за короткое время пройти путь и достичь результатов, которые ведущие мировые государства демонстрировали на протяжении столетий. На новом этапе развития нашей национальной государственности надежные и полностью сформировавшиеся идеологические, политические, экономические и правовые основы государственного строительства дают нам основания утверждать, что уровень развития, достигнутый сегодня нашим государством и народом, обеспечит Азербайджану в ближайшем будущем превращение в сильное государство, достигшее самого демократического, цивилизованного и высокопрогрессивного уровня в мире.

Список источников и литературы:

1.Abbaszadə, N.M. Azərbaycan Respublikasında konstitusiya islahatları və dövlətçiliyin möhkəmləndirilməsində onların rolu // - Bakı: Tarix və onun problemləri, - 2019. №1, - s. 150-154.

2.Azərbaycanda mütərəqqi milli-mədəni və dini münasibətlər sistemi formalaşıb // 525-ci qəzet. - 2013, 20 iyun. - s. 6.

3.”Açıq Hökumətin təşviqinə dair 2012-2015-ci illər üçün Milli Fəaliyyət Planının və Korrupsiyaya qarşı mübarizəyə dair 2012-2015-ci illər üçün Milli Fəaliyyət Planının təsdiq edilməsi haqqında” Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Sərəncamı. 5 sentyabr 2012-ci il // Azərbaycan. - 2012, 6 sentyabr. - s. 1.

4.“Açıq hökumətin təşviqinə dair 2016-2018-ci illər üçün Milli Fəaliyyət Planı”nın təsdiq edilməsi haqqında” Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Sərəncamı. 27 aprel 2016-cı il // Azərbaycan. - 2016, 28 aprel. - s. 1.

5.Həsənov, Ə.M. Möhtəşəm zəfər salnaməsi: Prezident İlham Əliyev hələ uzun illər xalqı öz arxasınca daha yüksək zirvələrə və böyük qələbələrə doğru aparacaq // Azərbaycan. – 2018, - 13 oktyabr. - s.1-2
6.Həsənov, Ə.M. "Konstitusiya islahatları ölkədəki əsaslı dəyişikliklərdən irəli gəlir: [Elekrton resurs]
7.Hüquqi dövlət quruculuğu:
[Elekrton resurs] / URL: https://republic.preslib.az/az_a6.html
8.Hüseynov, Vüsal. Prezident İlham Əliyevin hüquqi islahatlar siyasəti və iqtisadi inkişaf: [Elekrton resurs] / URL: http://1news.az/az/mobile/news/prezident-ilham-eliyevin-huquqi-islahatlar-siyaseti-ve-iqtisadi-inkisaf-meqale
9.İnsan hüquqlarının və əsas azadlıqların müdafiəsi haqqında Avropa Konvensiyası // Həftə içi. - 2011, - 29 yanvar. - s. 8.
10.“Polis haqqında” Azərbaycan Respublikasının Qanununa dəyişiklik edilməsi barədə Azərbaycan Respublikasının Qanunu. 1 fevral 2010-cu il // Azərbaycan. - 2010, 24 fevral. - s. 1.
11."Polis haqqında" Azərbaycan Respublikasının Qanununda dəyişiklik edilməsi barədə" Azərbaycan Respublikasının Qanunu. 23 fevral. 2016-cı il // Azərbaycan. - 2016, 12 mart. - s. 2.
12.Referendum dövri mətbuat səhifələrində. (Biblioqrafiya): [Elekrton resurs] / URL: http://www.preslib.az/referendum/pdf/kiv.pdf
13.11 aprel 2018-ci il tarixində keçirilmiş Azərbaycan Respublikası Prezidentinin seçkilərinin yekununa dair Mərkəzi Seçki Komissiyasının Protokolu: [Elekrton resurs] / URL: http://www.msk.gov.az/uploads/Secki-2018/MSK_protokol-2018.pdf.

РАЗДЕЛ 3. ВКЛАД НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ДОСТИЖЕНИЕ ПОБЕДЫ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 гг.

Алиева С. Ю.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин
филиала Дагестанского государственного
университета в г. Дербенте
г. Дербент, РФ13
e–mail: alievasurizhat@yandex.ru

Многонациональное единство СССР и его роль в достижении победы в Великой Отечественной войне

Аннотация: Статья посвящена многонациональному единству СССР и его роли в достижении Победы в Великой Отечественной войне. В центре внимания находится вопрос о том, почему именно сплочённость народов Советского Союза стала одной из важнейших основ общего успеха в борьбе с врагом.

Рассматривается участие представителей разных республик и национальностей в боевых действиях, работе тыла, снабжении армии, размещении эвакуированных предприятий и помощи мирному населению.

Показано, что война объединила людей самых разных национальностей общей целью, защитить страну, сохранить её независимость и не допустить уничтожения мирной жизни.

Особое внимание уделяется тому, что вклад в Победу был общим. На фронте вместе сражались бойцы из разных уголков СССР, а в тылу миллионы людей обеспечивали армию оружием, техникой, продовольствием и всем необходимым. Отмечается, что республики Советского Союза несли разную нагрузку, но каждая из них была важной для общего результата. Одни территории давали нефть, металл, уголь и хлеб, другие принимали заводы, госпитали и эвакуированных людей. В статье делается вывод о том, что Победа в Великой Отечественной войне была достигнута не только силой оружия, но и общей сплочённостью, взаимной поддержкой и готовностью народов СССР действовать как единое целое в самый тяжёлый период истории страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, многонациональное единство, народы СССР, Победа, фронт, тыл, союзные республики, патриотизм.

Великая Отечественная война стала для Советского Союза не только тяжелейшим военным испытанием, но и проверкой внутренней прочности

огромной многонациональной страны. Нацистское руководство рассчитывало на быстрый распад советского пространства, на рост внутренних противоречий и на то, что различия между народами можно будет превратить в политическое оружие. Реальное развитие событий оказалось иным. В условиях смертельной угрозы на первый план вышли общая государственная принадлежность, чувство ответственности за родную землю и готовность к совместной борьбе. В этом ипроявилась особая историческая роль многонационального единства СССР.

Современная историография также подчёркивает, что среди факторов Победы важное место занимали общественная консолидация, мобилизационный потенциал и способность разных республик действовать как части единого целого.

Нельзя сводить вопрос единства только к политическим декларациям. Военная повседневность давала более убедительные примеры. В одном подразделении могли служить русские, украинцы, белорусы, казахи, татары, узбеки, армяне, грузины, азербайджанцы и представители многих других народов. На уровне фронтового опыта первостепенное значение имели дисциплина, взаимовыручка и доверие. Национальные различия не исчезали, но они подчинялись общей задаче. В условиях боя решающим становилось не происхождение человека, а его надёжность, стойкость и готовность разделить опасность с товарищами [2, с.401].

С первых дней стало ясно, что война будет долгой, кровопролитной и очень тяжёлой. Победить в такой борьбе можно было только в том случае, если вся страна будет действовать вместе. Нужна была не только сильная армия. Нужны были заводы, транспорт, хлеб, топливо, металл, одежда, лекарства, связь и постоянная поддержка фронта. Всё это можно было обеспечить только общими усилиями всего многонационального государства.

Особенно ярко многонациональное единство проявилось на фронте. В Красной армии служили представители практически всех народов СССР. Они вместе проходили через тяжёлые оборонительные бои, вместе переживали отступление 1941 года, вместе защищали Москву, сражались под Сталинградом, на Курской дуге, освобождали оккупированные районы, форсировали реки, брали города и дошли до Берлина. На войне имело значение не происхождение человека, а его верность присяге, мужество и готовность бороться до конца.

На передовой быстро исчезали многие различия мирной жизни. Солдаты из разных республик делили один окоп, один паёк, одну опасность. Они вместе шли в атаку и вместе теряли товарищей. Такая общая военная судьба делала людей ближе друг к другу. Именно поэтому фронт стал не только местом боёв, но и местом настоящего единства народов Советского Союза [1, с.65].

При этом важно понимать, что вклад многонационального СССР в победу не ограничивался только армией. Не меньшее значение имел тыл.

Пока бойцы сражались на фронте, миллионы людей в глубоком тылу работали без отдыха. Они выпускали оружие, шили форму, ремонтировали технику, выращивали хлеб, перевозили грузы, строили новые предприятия и лечили раненых. Без этой огромной работы победа была бы невозможна.

Уже в первые месяцы войны началась масштабная эвакуация заводов, оборудования и людей в восточные районы страны. Предприятия перевозили буквально по частям, а затем в очень короткие сроки собирали на новом месте. Это требовало огромной организованности. Нужно было найти помещения, подвести электричество, разместить работников, наладить производство. Во многих случаях люди начинали работать почти сразу, ещё до того, как былиполностью созданы нормальные условия. Такая стойкость была возможна только при общем понимании, что всё делается ради фронта и ради будущей Победы.

Особую роль в это время сыграли Казахстан, Узбекистан, Киргизия, республики Кавказа, Поволжье, Урал и Сибирь. Эти территории приняли большое число эвакуированных предприятий и людей. Там размещались заводы, мастерские, госпитали, склады, учебные центры. Местные жители делились жильём, помогали с устройством на работу, принимали семьи, прибывшие из прифронтовых районов. В условиях нехватки продовольствия, топлива и бытовых удобств такая помощь имела огромное значение.

По мнению А.О. Чубарьяна, Победа в Великой Отечественной войне была общей победой всех народов Советского Союза, а вклад каждой республикиь являлся частью единого исторического результата [7, с. 276]. Важную роль сыграла и экономическая взаимосвязь республик. Одни регионы поставляли нефть, другие металл и уголь, третьи хлеб, хлопок, мясо и другое продовольствие. Каждый элемент этой общей системы был нужен фронту. Без нефти не могли двигаться танки и самолёты. Без металла нельзя было выпускать оружие. Без хлеба и мяса нельзя было кормить армию и население. Без железных дорог невозможно было доставлять всё необходимое в нужное место. Победа рождалась не в одном городе и не в одной республике. Она создавалась усилиями всей страны.

Очень большой была и роль женщин, подростков и пожилых людей. После ухода миллионов мужчин на фронт именно они взяли на себя значительную часть работы в тылу. Женщины вставали к станкам, работали в поле, служили в госпиталях, ухаживали за ранеными, осваивали профессии, которыми раньше чаще занимались мужчины. Подростки трудились на заводах и в колхозах. Пожилые люди помогали там, где хватало сил. Такая самоотдача стала одной из важных сторон общего подвига советского народа [5, с.89].

Многонациональное единство проявлялось и в повседневной жизни. Люди помогали друг другу независимо от национальности. В дома принимали эвакуированные семьи. Для фронта собирали тёплые вещи, продукты, деньги. В госпиталях лечили раненых из разных уголков страны. В тыловых городах и сёлах рядом жили люди, которые раньше могли никогда

не встречаться. Но война заставила их стать ближе и научила поддерживать друг друга в самых тяжёлых условиях. Иногда именно простая человеческая помощь оказывалась не менее важной, чем крупные государственные решения. Когда одна семья делилась жильём с другой, когда женщины отправляли на фронт посылки незнакомым солдатам, когда жители одной республики принимали детей из другой, всё это тоже становилось частью большого общего дела. В таких поступках особенно хорошо видно, что единство народов существовало не только на словах.

Большое значение имело и то, что люди понимали смысл своей борьбы. Война воспринималась не как далёкое политическое событие, а как смертельная опасность для страны, дома, семьи и будущего. Поражение означало бы разрушение привычной жизни, насилие, голод, страх и гибель огромного числа людей. Поэтому борьба с врагом воспринималась как личное дело каждого. Именно это делало сопротивление таким упорным.

По мнению Е.М. Малышевой, патриотизм народа в 1941–1945 годах стал одной из важнейших духовных опор, которые помогли советскому обществу выдержать тяжелейшие испытания войны [3, с.182]. Патриотизм военных лет объединял разные народы СССР. У каждого человека была своя малая родина, свой край, свой город или село. Но при этом существовало и общее чувство ответственности за всю страну. Люди понимали, что защищают не только конкретное место на карте, но и общее государство, в котором жили многие народы. Такое чувство помогало сохранять внутреннюю стойкость даже тогда, когда было очень тяжело.

Нужно отметить и роль национальных регионов в боевых действиях и в тыловой работе. Народы Кавказа, Средней Азии, Поволжья, Сибири и других территорий дали стране множество бойцов, офицеров, медиков, инженеров, рабочих и колхозников. Их вклад проявлялся в разных формах. Кто-то сражался в действующей армии. Кто-то строил оборонительные рубежи. Кто-то добывал сырьё, шил форму, собирал технику или выращивал хлеб. Но все эти усилия сходились в одну общую точку, в победу над врагом.

Отдельно стоит сказать о трудностях, которые страна пережила в годы войны. Разрушение городов, оккупация, нехватка продовольствия, тяжёлые условия труда, огромные потери на фронте и в тылу могли сломить любое государство. Но Советский Союз смог сохранить управляемость и внутреннюю сплочённость. Это произошло во многом потому, что народы страны не замкнулись только на своих местных проблемах, а продолжали действовать как части одного большого целого.

Важным было и то, что общая работа соединяла людей сильнее любых различий. На заводах рядом трудились представители разных национальностей. В армии служили бойцы из самых разных республик. В госпиталях врачи и медсёстры спасали всех без различия. В эвакуации рядом оказывались семьи, приехавшие из разных частей страны. Во всех этих условиях формировалось чувство общей судьбы. Оно помогало выстоять и фронту, и тылу.

Как пишет Р.Н. Сулейманова, в годы Великой Отечественной войны национальная политика СССР была связана с задачей сохранить устойчивость страны, и обеспечить взаимодействие народов в условиях тяжелейшего военного кризиса [4, с.353].

Нужно учитывать и то, что многонациональное единство не означало отсутствия проблем. В годы войны существовали тяжёлые противоречия, депортации, дефицит ресурсов, кадровые потери и колоссальная нагрузка на общество. Однако даже при наличии этих драматических обстоятельств общий вектор не изменился. Основная масса населения страны сохранила лояльность государству. С исторической точки зрения это особенно важно. Любая многонациональная держава в условиях столь масштабной войны могла столкнуться с распадом, но СССР сумел удержать управляемость и превратить разнообразие своих народов в фактор выживания и Победы. По этой причине многонациональное единство следует рассматривать как одно из важнейших объяснений исхода войны наряду с военным мастерством, промышленной мобилизацией и огромным человеческим мужеством [6, с. 386].

Если смотреть на итоги войны шире, становится понятно, что многонациональное единство было не второстепенным фоном, а одной из опор Победы. Без него невозможно представить работу тыла, эвакуацию предприятий, снабжение армии, пополнение фронта, лечение раненых и общую моральную стойкость общества. Победа была достигнута не усилиями одной части СССР, а общим трудом и общей борьбой всей страны. Вот почему тема многонационального единства остаётся важной и сегодня. Она помогает лучше понять, за счёт чего Советский Союз смог выстоять в самый тяжёлый момент своей истории. Сила страны заключалась не только в количестве солдат, танков и самолётов. Она была ещё и в умении людей разных национальностей жить, работать и бороться вместе.

В итоге можно сказать, что многонациональное единство СССР сыграло огромную роль в достижении Победы в Великой Отечественной войне. Оно проявилось на фронте, в тылу, в общей работе заводов и колхозов, в приёмеэвакуированных, в помощи раненым, в поддержке семей и в ежедневной взаимной помощи людей. Победа 1945 года стала общим результатом всех народов Советского Союза. Именно сплочённость, общая ответственность и готовность действовать вместе помогли стране выдержать страшные годы войны и одержать победу.

Список источников и литературы

1. Александров Г. Ф. Великая Отечественная война советского народа. М. ОГИЗ, Гос. изд-во полит. лит., 1942. 91 с.
2. Бушуев А. С., отв. ред. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов. Сборник статей. Вып. 2. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. 800 с.
3. Малышева Е. М. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг. М., Вече, 2011. 492 с.

4. Сулейманова Р. Н. Национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны. Из региональной истории // Историческая этнология. 2025. Т. 10. № 3. С. 352–366.
5. Хатуев И. З. Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 215 с.
6. Хисамутдинова Р. Р. Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945 годы). Военно-исторические очерки. Оренбург. Изд-во ОГПУ, 2014.476 с.
7. Чубарьян А. О., отв. ред. Народы Советского Союза и Великая Победа. 1941–1945. М., Наука, 2025. 583 с.

Алимирзаева Э.А.,
Кандидат педагогических наук, доцент,
ЧОО ВО ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
г. Дербент, РФ
E-mail: aesbiet@mail.ru

«Мы все дети одной матери – Родины»: интернациональный подвиг народов Дагестана

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу интернационального подвига народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. На основе широкого круга документальных материалов, мемуарных источников и исторических исследований раскрывается феномен единства и сплоченности многонационального дагестанского народа в борьбе против фашизма. Центральное место в статье занимает анализ героического поступка Магомед-Загида Абдулманапова, чьи слова «Мы все дети одной матери – Родины» стали символом интернационального братства народов СССР. В статье также приводятся развернутые статистические данные о вкладе Дагестана в Победу, анализируется роль тружеников тыла, деятелей культуры и интеллигенции в достижении общей цели. Особое внимание уделяется проблеме исторической памяти и актуальности подвига для современного патриотического воспитания.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дагестан, интернациональный подвиг, единство народов, Магомед-Загид Абдулманапов, патриотизм, историческая память, тыл, героизм, многонациональный советский народ.

В истории человечества нет урока любви к Родине более потрясающего, вдохновляющего и светлого, чем тот, что преподали потомкам ветераны Великой Отечественной войны [3, с. 3]. Эта война стала самым тяжелым и кровопролитным испытанием для народов Советского Союза, потребовавшим от каждого человека предельного напряжения физических и духовных сил. Одними из решающих факторов исторической

победы Советского Союза над фашистской Германией явились единство и сплоченность народов многонациональной и многоконфессиональной страны [3, с. 3]. Именно в горниле войны родилось и закалилось то уникальное явление, которое историки впоследствии назвали «интернациональным братством народов СССР».

Дагестанцы, как и все народы Советского Союза, встали на защиту Родины, продемонстрировав миру величайший образец интернационального единства. Республика, где проживали десятки этносов, говоривших на разных языках и исповедовавших различные религии, смогла стать единым лагерем, готовым к самопожертвованию ради общей цели – Победы [8]. Вместе со всем советским народом в войну вступил и многонациональный Дагестан, встав плечом к плечу с другими народами СССР [8].

Актуальность обращения к теме интернационального подвига народов Дагестана в наши дни обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях современного геополитического противостояния и попыток пересмотра итогов Второй мировой войны необходимо сохранение исторической правды о решающей роли советского народа в разгроме фашизма. Во-вторых, опыт единства многонационального народа перед лицом общей угрозы имеет непреходящее значение для укрепления межнационального согласия в Российской Федерации. В-третьих, героические примеры прошлого служат основой для патриотического воспитания подрастающего поколения [1].

После известия о вероломном нападении Германии на Советский Союз Дагестан, его города и села охватили митинги и собрания. Жители единодушно выражали возмущение агрессией, заявляя о готовности защищать Родину до последнего [8]. Вечером 22 июня 1941 года участники митинга в Махачкале единогласно приняли резолюцию, в которой поклялись по первому зову встать на защиту страны и разгромить врага [8]. Такая же картина наблюдалась во всех районах республики – от прикаспийских равнин до высокогорных аулов.

Цель настоящей статьи – на основе документальных источников и героических примеров раскрыть сущность интернационального подвига народов Дагестана, показав, как идея единства перед лицом общего врага становилась реальной силой, способной противостоять фашизму. Для достижения этой цели в статье решаются следующие задачи: анализируются масштабы участия Дагестана в войне, рассматривается вклад тружеников тыла, исследуется феномен интернационального единства на примере конкретных героических поступков, а также определяется значение исторической памяти о войне для современного общества.

К началу Великой Отечественной войны в Дагестанской АССР проживало более 1 млн. человек. Всего за годы войны в армию и на флот из республики были призваны порядка 180 тыс. человек, что составляло более 10% всего населения республики [1]. 60 дагестанцев были удостоены звания Героя Советского Союза, а летчик-истребитель Амет-Хан Султан стал

дважды Героем Советского Союза, 7 стали полными кавалерами ордена Славы трех степеней [3, с. 3; 9].

На фронтах Великой Отечественной войны пали смертью храбрых более 90 тыс. сынов республики [1]. Иными словами, каждый второй из ушедших на фронт дагестанцев не вернулся домой. Эта трагическая цифра свидетельствует о том, какую высокую цену заплатил маленький, но мужественный народ за общую Победу.

Дагестанцы сражались практически на всех ключевых участках советско-германского фронта: у стен Бреста, Ленинграда, Москвы, Одессы, Севастополя, Сталинграда, Новороссийска, в Белоруссии и на Украине, в горах Кавказа, активно участвовали в освобождении европейских народов от фашизма [1]. География боевого пути дагестанцев охватывает всю восточноевропейскую равнину – от Заполярья до Кавказа, от Баренцева до Черного морей.

Особого внимания заслуживает участие дагестанцев в битве за Кавказ (июль 1942 – октябрь 1943 года). Когда враг подошел к границам республики, Дагестан превратился в прифронтовую зону. На его территории были развернуты госпитали, склады, ремонтные мастерские. Тысячи дагестанцев вступили в истребительные батальоны и народное ополчение. Они несли службу на перевалах, охраняли стратегически важные объекты, участвовали в строительстве оборонительных сооружений [8].

Значителен был вклад дагестанцев и в партизанское движение. На оккупированных территориях Украины, Белоруссии, Брянской области действовали партизанские отряды, в состав которых входили выходцы из Дагестана. Они подрывали вражеские эшелоны, уничтожали гарнизоны, вели разведку в тылу противника. Многие из них были отмечены высокими государственными наградами [1].

Цифры, приведенные выше, говорят сами за себя: каждый десятый житель республики взял в руки оружие, каждый второй из ушедших не вернулся домой. Но за этими цифрами стоят судьбы конкретных людей – отцов, сыновей, братьев, которые добровольно или по призыву отправились защищать свою землю и погибли за нее.

Дагестан быстро перестроился на военный лад, мобилизуя все ресурсы для победы. Усилия тыла были направлены на обеспечение фронта, стабильную работу экономики, культуры и науки [8]. Инженеры и техники руководили расширением производства и освоением новой, в основном военной, продукции [8].

Промышленность Дагестана в годы войны претерпела серьезную реструктуризацию. Предприятия, ранее выпускавшие гражданскую продукцию, перешли на выпуск военной. Махачкалинский машиностроительный завод освоил производство минометов, гранат, авиабомб. Дербентский коньячный комбинат выпускал медицинский спирт для госпиталей. Каспийский рыбоконсервный комбинат поставлял на фронт

консервы и рыбную муку. Текстильные предприятия шили солдатское обмундирование, белье, рукавицы.

Особого внимания заслуживает трудовой героизм дагестанцев при строительстве оборонительных сооружений. Осенью и зимой 1941-1942 годов в этих работах участвовало 150 000 человек, а летом 1942 года – более 100 000. Восемь линий обороны протянулись вдоль берегов Терека [8]. Восемь линий обороны – это не просто цифры, это 250 тысяч человек, вложивших свой труд в неприступность родного края. Работы велись в тяжелейших условиях, часто под открытым небом, при недостатке продовольствия и инструментов. Но люди работали по 12-14 часов в сутки, понимая, что от их труда зависит жизнь тысяч солдат на фронте.

Сельское хозяйство Дагестана также было переориентировано на нужды фронта. Колхозы и совхозы республики поставляли хлеб, мясо, молоко, овощи, шерсть для армии. Тракторные бригады работали круглосуточно. В полях трудились старики, женщины и подростки, заменившие ушедших на фронт мужчин. Несмотря на нехватку рабочей силы и техники, дагестанским крестьянам удавалось обеспечивать продовольствием не только республику, но и соседние регионы.

Представители интеллигенции вели активную общественную работу. В республиканских газетах публиковались статьи и произведения дагестанских поэтов и писателей, таких как Гамзат Цадаса, Абуталиб Гафуров, Эфенди Капиев, Сайгид Абдуллаев, Камиль Султанов, Аткай Аджаматов, Гаджи Залов, Зияутдин Эффендиев, Тагир Хрюгский, молодой Расул Гамзатов и другие, воспевавшие героизм воинов и тружеников тыла [8]. Их стихи, рассказы, очерки печатались в газетах «Дагестанская правда», «Большевик гор», «Ленинское знамя», зачитывались на митингах, передавались по радио. Литература стала мощным оружием в борьбе с врагом, поднимая боевой дух солдат и трудовой энтузиазм рабочих.

Ученые и преподаватели Дагестанского государственного педагогического института (ныне ДГУ) также внесли свой вклад в дело Победы. Они проводили научные исследования, имевшие оборонное значение, занимались изучением местных лекарственных растений для нужд госпиталей, готовили кадры для промышленности и сельского хозяйства. Многие студенты и преподаватели ушли на фронт добровольцами.

Когда в августе 1942 года враг приблизился к границам Дагестана, народный поэт Гамзат Цадаса призвал горцев встать на защиту родного края. Его слова объединили дагестанцев в решительном отпоре врагу [9; 5]. Гамзат Цадаса, отец великого Расула Гамзатова, сам был уже немолодым человеком, но его поэтическое слово действовало сильнее оружия. Его стихотворение «Будьте готовы!», опубликованное в августе 1942 года, стало боевым гимном дагестанского ополчения.

Прежде чем перейти к анализу конкретных героических поступков, необходимо рассмотреть теоретические основы феномена интернационального единства народов СССР в годы войны. Советский Союз

представлял собой уникальное в мировой истории государственное образование, объединявшее более ста этносов, различавшихся по языку, религии, культуре, уровню экономического развития [3, с. 5]. Накануне войны в СССР проживало около 200 млн. человек, принадлежавших к разным национальностям и народностям.

С началом войны фактор интернационального единства приобрел критическое значение. Фашистская Германия делала ставку на разжигание национальной розни, надеясь на то, что многонациональный Советский Союз распадется под ударами вермахта. Гитлер и его идеологи полагали, что украинцы, белорусы, народы Кавказа и Средней Азии не станут защищать «русский» или «коммунистический» режим [8]. Однако эти расчеты провалились.

Война стала поистине всенародной, отечественной. Она затронула каждую семью, каждый аул, каждый город. Общий враг и общая беда сплотили народы Советского Союза как никогда раньше. В окопах Сталинграда, в блиндажах под Москвой, в партизанских отрядах Белоруссии русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне, азербайджанцы, дагестанцы, казахи, узбеки и представители многих других национальностей сражались плечом к плечу, не спрашивая друг у друга национальности [1].

Дагестан, где издревле проживало более тридцати коренных народов (аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, рутульцы, агулы, цахуры и др.), стал микромоделью всего Советского Союза. В дагестанских частях и соединениях бок о бок сращались люди разных национальностей, говорившие на разных языках, но понимавшие друг друга без переводчика – потому что у них была одна цель и одна Родина [3, с. 7].

Ярчайшим примером интернационального единства и личного мужества является подвиг юного дагестанца Магомед-Загида Абдулманапова, чьи слова стали символом братства народов СССР. История его жизни и героической гибели заслуживает подробного изложения.

Магомед-Загид Абдулманапов родился в райцентре Ахвахского района – селении Карата, расположенном в высокогорной части Дагестана. Семья его была простой крестьянской. С детства он познал тяжелый труд в поле и дома. С 16 лет, еще до призыва, он работал у станка на заводе: предприятие выполняло срочные заказы для фронта [4]. Юноша, как и многие его сверстники, рвался на фронт, но заводское руководство ценило его как квалифицированного рабочего и не отпускало. Однако в 1942 году, когда враг подошел к Кавказу, Магомед-Загид сам был призван в ряды Красной армии [4].

После краткого обучения он был направлен в разведывательное подразделение. Разведка – это особая военная специальность, требующая не только физической выносливости и мужества, но и хладнокровия, наблюдательности, умения быстро принимать решения. Молодой дагестанец быстро освоил воинскую науку и заслужил уважение товарищей.

12 апреля 1944 года группа советских разведчиков, в числе которых был и не достигший ещё 20 лет Магомед-Загид Абдулманапов, на танке проводила разведку расположения войск противника в Крыму. Крымская операция была в самом разгаре: советские войска освобождали полуостров от немецко-фашистских захватчиков. Возле селения Ашага-Джамин (ныне – село в Бахчисарайском районе) разведывательная группа попала под артиллерийский обстрел. Выяснилось, что красноармейцы (в составе группы всего из 9 человек) столкнулись с целым немецким батальоном [4].

Немцы, имевшие многократное количественное преимущество, предложили разведчикам сдаться. Сержант Поддубный, командовавший группой, ответил отказом. Два часа продолжался неравный бой, после которого израненных бойцов захватили в плен [4]. Разведчики сражались до последнего патрона, уничтожив более полусотни немецких солдат. Но силы были слишком неравны.

На допросе тяжело раненного дагестанца уговаривали назвать часть, где он служил. Фашистский офицер, пытаясь сыграть на национальных чувствах, сказал: «Они же русские, а ты кто? Их не опасайся. Скажи нам всё, и мы сохраним тебе жизнь». Магомед-Загид, собрав последние силы, ответил: «Они все мои братья. Мы все дети одной матери – Родины!» [4]. Этот ответ прозвучал как приговор самому себе: фашисты не прощали такого мужества и презрения к их пропаганде.

Фашисты жестоко пытали юношу, но не добились ни слова. Все разведчики были расстреляны. Благодаря чудом выжившему боевому товарищу Василию Ершову, который получил несколько огнестрельных и штыковых ранений, но выжил, мир узнал подробности этого боя и слова героя [4]. Ершов, притворившийся мертвым, дождался ночи и выполз к своим. Он и рассказал командованию о последних минутах жизни своих товарищей и о словах юного дагестанца.

Все участники боя посмертно получили звание Героя Советского Союза. Это решение Верховного Главнокомандования стало признанием того, что каждый из девяти разведчиков совершил подвиг, достойный высшей награды. Имя Героя-дагестанца носят улицы в Махачкале и Каспийске, а также сквер и школа в его родном селении Карата [4]. В Махачкале, на проспекте Имама Шамиля, установлена мемориальная доска в честь Магомед-Загида Абдулманапова. Каждый год 9 мая у этой доски собираются ветераны, школьники, студенты, чтобы почтить память героя.

Слова Магомед-Загида «Мы все дети одной матери – Родины» стали девизом не только для дагестанцев, но и для всех советских людей, сражавшихся за свою землю. Они выражают самую суть патриотизма – любви не к территории, не к абстрактному государству, а к общему дому, к людям, с которыми делишь хлеб и кров, к матери-Родине, которая растит и защищает всех своих детей, независимо от их национальности [3, с. 12].

Подвиг Магомед-Загида Абдулманапова – не единичный случай, а яркое проявление общей закономерности. В истории войны множество

примеров, когда представители разных национальностей проявляли чудеса взаимовыручки и братства. В дагестанской диаспоре, по словам её председателя Ризвана Максимова, практически у каждого есть родственники, которые в составе Красной армии участвовали в той войне [6]. Из его родного высокогорного селения Борч, в котором на тот момент проживало чуть более тысячи человек, на фронт ушли свыше двухсот. То есть каждый пятый [6].

Вот лишь несколько имен дагестанцев – Героев Советского Союза, чьи подвиги известны всей стране.

Летчик Амет-Хан Султан, дважды Герой Советского Союза, по национальности крымский татарин, родился в Луганской области, но долгое время жил в Дагестане и считается дагестанцем по духу и по признанию. Он совершил 603 боевых вылета, лично сбил 30 самолетов противника и 19 – в группе. Его именем названы улицы во многих городах России, ему установлены памятники в Махачкале, Ярославле, Алупке.

Снайпер Махмуд Амаев, аварец по национальности, уничтожил 186 фашистов. Он был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды. После войны он вернулся в родное селение и работал учителем.

Пехотинец Ханпаша Нурадилов, чеченец, погиб в 1942 году под Сталинградом, уничтожив из пулемета более 900 немецких солдат. Он был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Летчик-штурмовик Юсуп Акаев, кумык, совершил 110 боевых вылетов на штурмовку вражеских войск. Был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени.

Артиллерист Султан Алисултанов, лезгин, отличился в боях за освобождение Украины и Польши. Был награжден орденами Славы трех степеней – редчайший случай для солдата-артиллериста.

Эти имена – лишь малая часть списка дагестанцев, удостоенных высших воинских наград. Но есть и тысячи безымянных героев, чьи подвиги не были отмечены медалями, но остались в памяти их товарищей и потомков. Особого упоминания заслуживают женщины Дагестана, которые также внесли огромный вклад в Победу. Тысячи девушек и женщин работали в госпиталях медсестрами и санитарками, вынося раненых с поля боя. Многие из них служили в армии: были связистками, разведчицами, зенитчицами. Девушка-дагестанка Шамсият Алиева, служившая санинструктором, вынесла с поля боя более 50 раненых солдат и офицеров. Ей было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Победа над фашизмом была достигнута огромной ценой благодаря единству, воинскому мастерству и трудовым подвигам всех народов страны. Этот тяжелый и героический опыт Великой Отечественной войны должен быть сохранен в памяти поколений [8]. Разгромив фашистскую Германию, советский народ не только защитил независимость страны, но и внес огромный вклад в сохранение европейской и мировой цивилизаций [9; 5].

Сегодня, когда в мире наблюдаются отдельные очаги фашистской идеологии, когда предпринимаются попытки фальсификации истории и пересмотра итогов Второй мировой войны, обращение к подвигам прошлого приобретает особое значение [1]. В ряде стран Восточной Европы сносят памятники советским воинам-освободителям, переписывают учебники истории, героизируют пособников нацистов. В этой ситуации сохранение исторической памяти о подлинных героях и подлинных событиях становится гражданским долгом каждого из нас.

Особую роль в сохранении памяти играют ветеранские организации, поисковые отряды, школьные музеи. В Дагестане действует республиканский поисковый отряд «Кавказ», который ежегодно выезжает на места боев и находит останки погибших солдат. Благодаря работе поисковиков удалось установить имена многих безымянных героев и перезахоронить их с воинскими почестями.

Важно и то, как подвиг предков передается молодому поколению. Как справедливо отмечает председатель дагестанской диаспоры в Туле, наставничество в воспитании патриотизма нужно возрождать: «Это как в горных селениях аксакалы, с мнением которых не просто считались, а руководствовались им. Так и должно быть из поколения в поколение» [6]. Воспитание патриотизма – это не разовые мероприятия, а системная работа, включающая в себя и уроки истории в школе, и встречи с ветеранами, и поисковую работу, и изучение семейных архивов.

Интернациональный подвиг народов Дагестана имеет и современное политическое измерение. В условиях, когда отдельные силы пытаются посеять рознь между народами России, пример Великой Отечественной войны показывает, что единство – это наша главная сила. Дагестан, где бок о бок веками живут представители десятков национальностей, где нет межнациональных конфликтов, где уважают обычаи и традиции каждого народа, – это живое свидетельство того, что интернациональное братство не миф, а реальность, выкованная в огне войны и подтвержденная мирным созидательным трудом [3, с. 15].

Заключение

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы.

Интернациональный подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны – это не просто страница военной истории, это вечный урок человечности, мужества и братства. Слова юного героя Магомед-Загида Абдулманапова «Мы все дети одной матери – Родины» стали не просто лозунгом, а жизненным кредо миллионов советских людей разных национальностей, вставших на защиту своего общего дома.

Вклад Дагестана в Победу огромен и многогранен. Он включает в себя:

- 180 тысяч призванных на фронт, что составило более 10% населения республики;

- более 90 тысяч не вернувшихся с полей сражений – каждый второй из ушедших;
- 60 Героев Советского Союза, включая дважды Героя Амет-Хана Султана;
- 7 полных кавалеров ордена Славы;
- сотни тысяч тружеников тыла, построивших восемь линий обороны и обеспечивавших фронт всем необходимым;
- деятелей культуры и интеллигенции, чье творчество поднимало боевой дух солдат и вдохновляло на подвиги.

Но главное – это единство, которое стало той силой, что сломала хребет фашизму. Именно единство, осознанное как братство перед лицом общей угрозы, позволило многонациональному советскому народу выстоять в самой страшной войне XX века и одержать победу, которая спасла человечество от «коричневой чумы».

Этот исторический опыт единства многонационального народа перед лицом общей угрозы остается актуальным и сегодня. Он служит основой для патриотического воспитания молодых поколений, для сохранения исторической правды о войне, для укрепления межнационального согласия в современной России.

Память о подвиге народов Дагестана должна жить в веках. Мы обязаны передать эту память нашим детям и внукам, чтобы они знали, какой ценой досталась Победа, и чтобы никогда не повторялись ужасы войны. Как сказал великий дагестанский поэт Расул Гамзатов, сын Гамзата Цадасы: «Если стрелять в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки». Мы не имеем права забывать свою историю – ни ее героические, ни ее трагические страницы. Только помня прошлое, мы можем построить достойное будущее.

Список источников и литературы

1. Бутаев М.М. Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны: статистический и биографический справочник / М.М. Бутаев. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2020. – 248 с.
2. Каймаразов Г.Ш. Не меркнущий подвиг: дагестанцы на фронте и в тылу / Г.Ш. Каймаразов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1985. – 184 с.
3. Книга «Мы все дети одной матери – Родины» / Издательский дом «Эпоха». – Махачкала, 2015. – 312 с.
4. Магомедов Р. Вклад Дагестана в победу над фашистской Германией // РИА «Дагестан». – 2025. – 23 января. [Электронный ресурс]. - URL: https://riadagestan.ru/news/society/prepodavatel_dgu_robert_magomedov_rasskazal_o_vklade_dagestana_v_pobedu_nad_fashistskoy_germaniey (дата обращения:06.04.2026).
5. Муртазалиева П.Т. Дагестан в годы Великой Отечественной войны // Национальная библиотека Республики Дагестан им. Р. Гамзатова. – 2024. – 28 сентября. [Электронный ресурс]. - URL: https://lib05.ru/archive/202409(дата обращения:08.04.2026).

6. Одна история, одни герои. Что объединяет многонациональную Тульскую область // Аргументы и Факты-Тула. – 2023. – № 14. – 5 апреля. [Электронный ресурс]. - URL: https://tula.aif.ru/society/odna_istoriya_odni_geroi_chto_obedinyaet_mnogonacionalnuyu_tulskuyu_oblast(дата обращения:06.04.2026).
7. Они все мои братья. Мы все дети одной матери – Родины! Подвиг дагестанца Магомед-Загида Абдулманапова // Вехи истории. – 2024. – 17 ноября. [Электронный ресурс]. - URL: https://m.ok.ru/group/61131143905438/topic/156669253823902. (дата обращения:06.04.2026).
8. «Они ковали Победу в тылу!» // Национальная библиотека Республики Дагестан им. Р. Гамзатова. – 2025. – Февраль. [Электронный ресурс]. - URL: https://lib05.ru/meropriyatiya/oni-kovali-pobedu-v-tylu (дата обращения:06.04.2026).
9. Урок мужества «Дагестан в годы Великой Отечественной войны» // Национальная библиотека Республики Дагестан им. Р. Гамзатова. – 2024. – 28 сентября. [Электронный ресурс]. - URL: https://lib05.ru/meropriyatiya/urok-muzhestva-dagestan-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny. (дата обращения:06.04.2026).

Абдуллаева З.Г. кызы,
доктор философии по истории, доцент
Сулейманлы Д.К. кызы
доцент
Сумгаитский Государственный Университет
г. Сумгаит Республика Азербайджан

Роль дружбы и солидарности советских народов в достижении Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Советский Союз, дружба народов, солидарность, Азербайджан, победа*

Резюме*. В данной работе на научной основе анализируется роль дружбы и солидарности народов Советского Союза в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Рассматриваются мобилизация различных народов для достижения общей цели, механизмы взаимной поддержки на фронте и в тылу, а также факторы морального и психологического единства. В частности, в качестве примера представлено участие и экономический вклад азербайджанского народа в войну. В результате исследования установлено, что единство советских народов было одним из главных факторов достижения победы.*

СССР был сформирован как многонациональное государство в 1922 году, и объединение различных этнических групп в рамках политической и идеологической структуры стало одним из главных направлений государственной политики. Особенно в сталинскую эпоху широко продвигались концепция «советского народа» и идеология социалистического патриотизма, способствовавшие формированию общей национальной идентичности [2]. Эта идеологическая основа оказала

значительное влияние на укрепление солидарности между народами в годы войны.

Великая Отечественная война, продолжавшаяся с 1941 по 1945 год, характеризуется как один из самых трагичных и сложных этапов мировой истории. Эта война, начавшаяся с нападения фашистской Германии на Советский Союз, привела к гибели миллионов людей и разрушению обширных территорий. В таких условиях победа была тесно связана не только с военно-стратегическими преимуществами, но и с единством и взаимной поддержкой многонационального советского общества [9].

Состав Красной Армии был многонациональным, и представители разных народов сражались под единым командованием. За годы войны на военную службу было призвано около 640 тысяч азербайджанцев, более 130 из которых были удостоены звания Героя Советского Союза [5]. Этот факт можно считать ярким примером совместной борьбы советских народов за победу.

Этническое многообразие Советского Союза не стало фактором слабости во время войны, а, наоборот, превратилось в важное стратегическое преимущество. Идеологическая политика, проводимая государством, была направлена на укрепление принципов дружбы, равенства и взаимного уважения между народами [3]. 416-я Таганрогская, 223-я Белградская и 77-я Симферопольская дивизии были сформированы в Азербайджане. Эти дивизии, большинство личного состава которых составляли азербайджанцы, проложили себе путь из Азербайджана через Кавказские горы к Берлину и внесли свой вклад в победу.

В решающих боях под Сталинградом и Курском многонациональный состав советской армии сыграл важную роль в обеспечении победы. Эти сражения были значимы не только с военной точки зрения, но и с точки зрения укрепления взаимного доверия и солидарности между народами [8].

Особо следует отметить и деятельность тылового фронта в достижении победы. Непрерывная работа промышленных предприятий, развитие сельского хозяйства и самоотверженный труд населения позволили обеспечить фронт материально-техническим обеспечением. Распределение ресурсов и взаимопомощь между различными союзными республиками способствовали общей победе [1].

Стратегическую роль Азербайджана в войне сыграла особенно важная роль. Бакинская нефть сыграла решающую роль в обеспечении советской армии топливом. При этом азербайджанское население продемонстрировало высокую самоотверженность как на фронте, так и в тылу.

В ходе войны единство народов проявилось не только на материальном, но и на моральном уровне. Чувство патриотизма, дух борьбы против общего врага и вера в будущее усилили силу народного сопротивления [7]. Эти моральные и психологические факторы сыграли важную роль в достижении победы.

Таким образом, анализ показывает, что во время Великой Отечественной войны дружба и солидарность народов Советского Союза были одним из решающих факторов достижения победы. Единство, взаимная поддержка и моральная устойчивость, продемонстрированные на фронте и в тылу, послужили главными факторами, обеспечившими общую победу [9]. Исторический опыт доказывает, что во времена кризиса единство народов является одним из самых мощных стратегических ресурсов.

Список источников и литературы

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. – Moskva: Voenizdat, 1960–1965.
2. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. – Moskva: Politizdat, 1970.
3. История СССР. – Moskva: Prosveşeniye, 1980.
4. Azərbaycan tarixi (XX əsr). – Bakı: Elm, 2001.
5. Azərbaycan Böyük Vətən müharibəsi illərində. – Bakı: Elm, 2010.

УДК 94

Бикоев А. В.,
аспирант, Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова,
научный руководитель: **Дзахова Л. Х.,**
доктор политических наук,
Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова,
г. Владикавказ, РФ
bik.art-777@mail.ru

Роль военных отделов партийных комитетов Северо-Осетинской АССР в оказании помощи семьям фронтовиков

Аннотация. В статье впервые подвергнуто изучению участие военных отделов комитетов ВКП (б) Северо-Осетинской АССР в организации помощи семьям фронтовиков. Как известно, положение семей фронтовиков было одним из важнейших направлений работы партийных органов. Во многом настроение воюющей армии зависело от того, как складывается положение родных в тылу. На материалах ГАНИ РСО-Алания, часть которых вводится в научный оборот впервые, анализируются меры социальной поддержки семей военнослужащих. Несомненно, чрезвычайная ситуация, вызванная войной, не позволяла в полной мере устранить все возникающие проблемы, однако принимаемые меры дали возможность создания необходимых условий труда и быта. Было установлено, что наряду с государственной помощью

создавались общественные фонды на предприятиях, в организациях, которые также способствовали социальной поддержке нуждающихся. Общественные инициативы выражались также в проведении субботников, воскресников, средства от которых также направлялись для улучшения положения семей фронтовиков. Последних привлекали к активному участию в производственной и общественной жизни региона, чтобы приближать победу над врагом.

Ключевые слова: военные отделы, социальная работа, общественные инициативы, помощь семьям, трудоустройство.

В истории Великой Отечественной войны особого внимания заслуживает роль партии не реализации социальных мероприятий в тылу. К сожалению, политические метаморфозы конца XX в. вычеркнули из истории саму историю ВКП (б)/КПСС и отодвигали ее на задворки исторической науки. Однако новая объективная методология восстановила историческую правду и вновь стала изучаться и эта сторона нашей истории.

Отметим, что в архивохранилищах республики отложился богатый материал по социальной политике, проводимой партийно-советской властью. Рассекреченные документы были введены в научный оборот, что позволило отчасти восполнить лакуны в региональной истории войны.

Анализ документов позволяет проследить процесс взаимодействия партийно-государственных органов как между собой, так с обществом в целом и с отдельными гражданами. Благодаря отложившейся в документах информации можно сделать вывод о том, что реализация совокупности направлений государственной политики в отношении семей фронтовиков при крайней скудности ресурсов и большом объеме работы позволила создать для них приемлемые условия жизни и смягчить негативное влияние военных условий.

Большую роль в организации тыла сыграли военные отделы при комитетах партии. Свое начало они берут с 1939 г., когда стало понятно, что сползание Европы к войне неизбежно. На военные отделы возлагалась вначале работа с призывниками: их обучение через секции Осоавиахима, ликвидация неграмотности, сам процесс мобилизации в помощь военкоматам. Когда началась война и потребовались усилия для перевода тыла на военные рельсы, военные отделы продолжили прежнюю работу и получили новые обязанности.

Среди них наиболее сложной оказалась социальная поддержка семей военнослужащих. Отметим, что из Осетии на фронт было призвано около 90 тыс. чел. и большинство из имели семьи, которые нуждались в помощи и

поддержке. Кроме того, в 1941-1942 гг. на территорию республики было эвакуировано свыше 20 тыс. граждан из Европейской части страны, которых также следовало поддерживать (трудоустраивать, обеспечивать жильем, яслями, садами и школами и др.).

Отметим, что в социальной политике, проводимой в годы войны, было несколько направлений поддержки семей фронтовиков. В данной статье м остановимся на материальной поддержке и помощи в бытовых вопросах.

Прежде всего, речь идет о финансовой поддержке семей. Главным источником социальных выплат являлись государственные фонды. Так, в 1943 г. правительство СОАССР на эти цели получили из Центра около 200 тыс. руб. Количество семей, которым следовало назначить пособие, превышало 6 тыс. семей. Распределение по районам осуществлялось в зависимости от количества семей комбатантов. Четвертая часть выделенных сумм досталась столице республики, это было связано с тем, что в город прибывали эшелоны с эвакуированными гражданами, которые так же нуждались в социальной помощи. Трудности военного времени часто тормозили эти выплаты. Кроме того, часто сами адресаты вовремя не оформляли документы, что приводило к неразберихе.

В 1943 г. был проведен перечет по г. Владикавказу и было установлено, что количество семей военнослужащих составило 13680, из них семей офицерского состава 4767, семей, получавших госпособие – 5632. Государством было выплачено по этому пункту 7250480 руб.

Таблица 1.

Социальная поддержка семей военнослужащих в 1943 г.

Форма помощи	Количество семей
Назначено пособий и пенсий	562
Оказана материальная помощь	6934
Предоставлено квартир	802
Устроено в детскую столовую	3769
Удовлетворено огородами	1707

На устранение недостатков в работе по оказанию социальной поддержки семьям военнослужащих было направлено Постановление Совета Народных комиссаров СОАССР от 12 февраля 1943 «О мерах улучшения работы советских органов по оказанию помощи семьям военнослужащих». В этом же постановлении указывается на задержку в выплате пособий на 5 месяцев в Ирафском, Правобережном, Дарг-Кохском и Ардонском районах СОАССР. Причина — военные действия на территории этих районов. В

Орджоникидзевском районе причина заключалась в том, что не сохранились списки получателей пособий в связи с уничтожением дел. В г. Орджоникидзе выплата пособий по аттестатам семьям офицерского состава задерживалась на 6-7 месяцев. Из 250 заявлений, которые поступили в райисполком Промышленного района г. Орджоникидзе по материально-бытовому обеспечению семей военнослужащих, положительное решение было получено только по 25 заявлениям.

Во время оккупации части территории Северная Осетия понесла большие материальные потери, в том числе, были разрушены помещения райсобесов, а вся документация уничтожена, что в дальнейшем сильно затрудняла выплату пособий. Только невероятными усилиями сотрудников собесов удалось в короткие сроки восстановить документы, и в первом квартале 1943 г., т.е. спустя 1,5-2 месяца семьи начали вновь получать пособия.

Надо сказать, что по республике создавались многочисленные фонды помощи семьям военнослужащих. Районные военные отделы активно включились в организацию помощи. В колхозах выделялись поля, урожай с которых передавался для поддержки таких семей. Кроме того, регулярно пополняли продовольственные фонды поддержки; например, в колхозе им. Сталина Алагирского района труженики выделили из урожая более 1000 кг пшеницы, столько же кукурузы и 200 кг мяса. 660 семей получили в пользование 254 гектара земли под огороды. Наиболее нуждающиеся семьи, в количестве 965, получили единовременную помощь на общую сумму 22 000 рублей. Общий объем государственных выплат по пособиям и пенсиям составил 919 000 тыс. рублей.

Молодежь ряда колхозов проводила регулярно субботники, средства от которых передавались в фонд помощи. Надо отметить участие детей в оказании помощи семьям, где были старики или маленькие дети. Тимуровское движение в республике оказывало помощь этим семьям, они были взяты на учет в пионерских дружинах, которые оказывали посильную помощь в работах в огородах и домах.

Отдельно решался вопрос с инвалидами Великой Отечественной войны.

Таблица 2

Обслуживание инвалидов по г. Владикавказу

Состоявшие на учете инвалиды по г. Владикавказу	1281 чел.

Из них получают пенсию	1206 чел.
Рядового состава на учете	1034
Среднего командного состава	247
Из них инвалидов 1-й группы 2й группы 3й группы	26 556 705

Для них были организованы столовые в г. Владикавказе, «к столовой в среднем ежемесячно прикреплено более 500 чел.». К магазину инвалидов Отечественной войны прикреплено в среднем 1200 чел. В 1943 г. выдано талонов на промтовары 3362 шт., из них: белья мужского – 899 пар, обуви мужской – 100, обуви детской – 186, трикотажных изделий – 1181

Особого внимания требовали дети из семей военнослужащих. Было отмечено, что из 4246 учтенных детей, только часть была устроена в детские учреждения, т.к. городские сады и ясли были переполнены и не могли принять всех желающих. Такое положение дет приводило к тому, что матери этих детей не могли выйти на работу, что в условиях острой нехватки рабочих рук было недопустимо; из учтенных трудоспособных, но неработающих членов семей военнослужащих насчитывается по городу 5710 чел. При этом во всех официальных документах указывалось, что семьи военнослужащих имеют приоритетное право на трудоустройство. Если в 1942 г. было трудоустроено 820 чел., то в 1943 г. – уже 927 чел.

К работе с семьями нуждающихся была привлечена общественность. В районах города такие общественные активы начали свою работу в феврале 1943 г., благодаря хорошо отлаженной деятельности большинство нуждающихся семей фронтовиков получали промышленные товары, питание. Решались вопросы с трудоустройством на работу. Актив города выступил с инициативой: если остро не хватает мест в яслях и детских садах, то женщины преклонного возраста могли взять уход за детьми в свои руки. В частных домах создавались небольшие детские сады, куда матери приводили своих детей, чтобы затем идти на завод или на строительство оборонительных сооружений.

Среди других бытовых проблем остро стоял топливный вопрос. Нередко случалось, что плановые задания по отпуску дров населению Гортопом выполнялись не в полном объеме. Например, в условиях зимы 1942-1943 гг. семьи военнослужащих получили не более 30% нормы. Власти вынуждены были обратиться к населению с просьбой оказать содействие. Военные отделы этот вопрос держали на контроле. Ряд городских предприятий проявил инициативу и дополнительными дровами было обеспечено свыше 100 семей.

Большой проблемой стало предоставление жилья. Дело осложнялось наплывом большого количества эвакуированных, которым также необходимо было жилищное обустройство. В городе в мирное время нехватка жилого фонда была постоянным вопросом, в годы войны проблема усложнилась многократно. Военные отделы совместно с исполкомами изыскивали возможности предоставления жилья путем уплотнения, временного предоставления квартир, принадлежавших мобилизованным без квартир, другим семьям, приспособление под жилье нежилых помещений и др. Получаемое жилье нередко представляло собой в лучшем случае комнату (с подселением), в других случаях жилье малоприспособленное, без удобств, требующее ремонта. Но в условиях военного времени приходилось считаться с проблемами.

Таким образом, роль военных отделов в оказании помощи в обустройстве семей военнослужащих, несомненно, большая. Благодаря тому, что они оказывали содействие местным исполнительным органам, удалось достаточно быстро решать проблемы.

Список источников и литературы

1. Государственный архив новейшей истории РСО-Алания (далее - ГАНИ РСО-А). Ф. 1. Оп. 1. Д. 182
2. ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 187
3. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.1. Д. 225. Л. 7
4. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.4. Д. 721.
5. Хаблиева Л. Ч., Тедеева У.Ш. Материально-бытовая помощь семьям военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии) / Л.
6. Хаблиева, У. Ш. Тедеева //Научный диалог. — 2017. — № 8. — С. 317—324. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-317-324
7. Хаблиева Л.Ч., Колесников И.Н., Туфанов Е.В., Гуляк И.И. Мероприятия по поддержке семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (на материалах ГАНИ РСО-А и ЦГА РСО-А). //Вопросы истории. 2023. № 9-1. С. 30-39.
8. Хаблиева Л. Ч., Хубулова С.А. Архивные материалы об организации социальной поддержки семьям военнослужащих в Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны. //Новое прошлое 2024. №2 DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-242-260
9. Центральный государственный архив РСО-Алания (далее - ЦГА РСО-А). ФР. 56. Оп. 2. Д. 49,
10. ЦГА РСО-А, ФР. 56. Оп. 2. Д. 51
11. ЦГА РСО-А, ФР. 629. Оп. 2. Д. 63

12.ЦГА РСО-А, ФР. 629. Оп. 2. Д. 64
13.ЦГА РСО-А. ФР. 629. ОП. 2. Д. 67
14.ЦГА РСО-А. ФР 56. Оп.2. Д. 184.

УДК 94

Кидирниязов Д.С.,
д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник
ДФИЦ ИИАЭ РАН,
г. Махачкала, РФ.
Магомаев В.Х.,
д.и.н., профессор
главный научный сотрудник
Академии наук ЧР
г. Грозный, РФ

Промышленность и труженики тыла Северного Кавказа в годы войны: вклад в Великую Победу

Аннотация. В статье рассматривается вклад промышленности и тружеников тыла Северного Кавказа в достижение Победы в Великой Отечественной войне. На основе широкого круга источников, включая архивные материалы, анализируется процесс перевода экономики региона на военные рельсы в 1941–1945 гг. Показаны особенности мобилизации промышленных мощностей, перепрофилирования предприятий на выпуск оборонной продукции, а также трудовой героизм рабочих, комсомольцев и местного населения. Особое внимание уделяется деятельности предприятий Чечено-Ингушетии, Дагестана, Кубани, Ставрополья и других территорий Северного Кавказа. Освещаются проблемы восстановления промышленности после временной оккупации региона, кадровый вопрос и итоги производственной деятельности к концу войны. Делается вывод, что героический труд промышленности и жителей Северного Кавказа стал одной из ключевых составляющих общей победы над фашизмом.

Ключевые слова. Северный Кавказ, Великая Отечественная война, промышленность, труженики тыла, перевод экономики на военные рельсы, оборонная продукция, мобилизация, восстановление промышленности, оккупация, вклад в Победу.

Одной из самых значимых дат в истории нашего многонационального государства занимает День Победы, который в этом году наша страна отмечает восемьдесят первый раз. «Священный долг нашей памяти, великий завет Победы – передать грядущим поколениям всю правду о войне и ее

героях – Правду, не подверженную политическим манипуляциям или конъюнктурным искажениям масштабов и значимости отгремевших сражений» [1, с. 58].

В год празднования великой Победы мы осознаем, что это была не только грандиозная битва на полях сражений, но и величайшее испытание для всего народного хозяйства страны. Эта Победа ковалась не только в окопах – она рождалась в горячих цехах заводов, в темных глубинах шахт и на колхозных полях. Девиз «Все для фронта, все для победы!» стал законом жизни для миллионов тружеников тыла.

Роль Северного Кавказа в Великой Отечественной войне трудно переоценить. Этот регион, богатый стратегическими ресурсами, стал главной экономической целью гитлеровской Германии в 1942 году, что определило ход одной из самых тяжелых битв войны.

В это чрезвычайно трудное время для нашей страны, руководство страны приложило огромные усилия для того, чтобы в сложных условиях, в кратчайшие сроки перевести всю экономику страны на военные рельсы, создать слаженное военное хозяйство, которое бы обеспечило победу над фашистской Германией.

Перевод экономики на военный лад означал полную и срочную переориентацию всех ресурсов на нужды фронта. Это выразилось в мобилизации промышленных мощностей, сельскохозяйственных ресурсов для фронта, коренной постройке транспорта, сверцентрализованном строительстве военных заводов, реорганизации госаппарата для тотальной мобилизации и изыскании дополнительных финансовых средству населения и в народном хозяйстве.

С началом войны произошли большие изменения в управленческой сфере страны и регионов. Укрепилась тенденция централизма и единоначалия в госаппарате, общественных организациях и трудовых коллективах. Установилась военно-политическая диктатура, в целом положительно сказавшаяся на деятельности всех составных элементов управленческой структуры. Она способствовала эффективному и быстрому решению оборонительных проблем, поставила под свой контроль все сферы деятельности общества, осуществляла все свои функции при опоре на силовые структуры.

Иногда при бездействии централизованной управленческой вертикали (в результате неразберихи, паники, отсутствии связи) инициатива управления переходила к местной власти, заполнявшей вакуум управления. Это сказывалось на создании новой схемы территориально-производственных кооперативов.

Если энергетическая, нефтяная, горнорудная, угольная отрасли сохранили производство и наращивали выпуск сырья, то предприятия тяжелого машиностроения, металлообработки, легкой индустрии провели реконструкцию в нужных объемах и перепрофилировали производство на основе мобилизационных предписаний. Ряд предприятий пищевой промышленности наряду с выпуском основной продукции по собственной инициативе освоил выпуск продукции для фронта.

К началу сентября 1941 г. 28 предприятий Чечено-Ингушетии освоили производство вооружения, боевой техники, боеприпасов, противотанковых препятствий и многих других видов оборонной продукции [2, с. 475]. Все важнейшие отрасли промышленности Чечено-Ингушской АССР были переключены на производство боеприпасов и вооружения для Красной Армии. В общей сложности номенклатура изделий для нужд фронта, выпускавшихся на предприятиях Грозного, состояла из более 90 названий [3, л. 8].

Адыгейский консервный комбинат стал выпускать банки для горючей пасты, детали для минометов, патроны для мин. Краснодарский химико-технологический институт выпускал пять наименований оборонной продукции: ампулы с горючей смесью, взрыватели, запалы и другое.

Из 1685 промышленных предприятий Кубани к началу июня 1942 г. выпускали продукцию для фронта 1245 предприятий. За достигнутые успехи в деле выпуска снаряжения и боеприпасов для Красной Армии группа работников (21 человек) предприятий Краснодара весной 1942 г. была представлена к правительственным наградам [4, л. 70, 101, 192].

В сжатые сроки промышленность Дагестана освоила выпуск продукции военного назначения, быстро переключилась на выполнение военных заказов.

Был налажен выпуск 216 наименований изделий, ранее не производившихся в республике. Металлообрабатывающая промышленность начала изготовлять боеприпасы. На Двигательстрое (Каспийск) стали производить 83-мм зенитные гранаты, авиа и глубинные бомбы, 82-мм чугунные мины, литье корпуса 50-мм чугунных мин. Уже к осени 1941 г. промышленность Дагестана освоила массовый выпуск минометов, осколочных бомб, снарядов, мин, гранат, патронов и многих других изделий военного назначения [5, с. 505-506].

Большинство рабочих промышленности и промкооперации Ставрополья за 11 мес. войны стали двухсотниками и трехсотниками. В среднем работали по 18 часов, не покидая рабочего места до тех пор, пока не выполнят задания. Например, рабочие завода «Красный металлист», за 4 мес.

войны выдали продукции по сравнению с первым полугодием на 198%, выполнив за июль-октябрь план на 250%. Себестоимость продукции завод за это время снизил на 36,4%.

Организаторская, хозяйственно-политическая работа партийных и комсомольских организаций способствовала повышению производительности труда на предприятиях региона. Так, к концу августа 1941 г. 600 комсомольцев Ростсельмаша выполняли дневные задания на 150-200%, 242 человека стали «двухсотниками», все комсомольско-молодежные бригады завода выполняли норму от 175% до 200 % и более [6, с. 40]. К этому периоду на промышленных предприятиях и транспорте Краснодарского края 918 комсомольцев выполняли норму на 200-500%, в Дагестане - более 2 тыс., на нефтепромыслах Чечено-Ингушетии - более 700 [7, л. 58].

За первые месяцы войны среднесуточная добыча сырья в крае увеличилась с 229 до 625 тонн. [6, с. 41] В конце 1941 г. среднесуточная переработка нефти в Чечено-Ингушской АССР выросла на 63% по сравнению с довоенным периодом. Выработка авиабензина возросла в 4 раза [8, л. 55]. Снизилась себестоимость буровых работ за счет использования внутренних резервов производства. Ввод в строй новых скважин привел к резкому увеличению производства горючего. Значительно увеличилась мощность нефтеперегонных заводов в результате реконструкции и изменения технологий. Увеличилась выработка высокооктановых бензинов.

Временная оккупация Северного Кавказа привела промышленность, транспорт, сельское хозяйство в упадок. Разрушений по Северному Кавказу было совершено на сумму свыше 50 млрд. руб. по ценам 1940 г. На восстановительные нужды в 1943-1945 гг. государство выделило 75 млрд. руб. Ходом восстановительных работ на Северном Кавказе управлял СНК РСФСР.

Сильно пострадала нефтяная отрасль региона. После изгнания врага с Кавказа нефтяную отрасль пришлось создавать фактически заново. Не все вложенные затраты окупались. За первое полугодие 1943 г. план бурения новых скважин был выполнен на 14,2%. С 1944 г. нефтедобыча постепенно увеличивается. В 1945 г. добыча кавказской нефти составила половину от довоенного уровня [9, с. 538].

6 ноября 1943 г. ГКО издал постановление «О мероприятиях по восстановлению нефтяной промышленности Краснодарского края». В 1944 г. правительство включило Краснодарский нефтекомбинат в перечень действующих и установило плановое задание.

Для решения задач по восстановлению промышленности и транспорта нужно было решить кадровый вопрос, создать резерв рабочей силы. На 1

января 1943 г. общая численность рабочих и служащих промышленности Краснодарского и Ставропольского краев составляла около 40 тыс. чел, из них более 26 тыс. - женщины. Основной формой обеспечения промышленности и транспорта рабочей силой было привлечение крестьянства и молодежи. Основной метод привлечения рабочей силы в промышленность - мобилизация трудоспособного населения, не занятого в общественном производстве.

На X пленуме Ставропольского крайкома ВКП(б) о промышленности (9-11 марта 1943 г.) говорилось: «Организовать немедленное восстановление промышленных предприятий. Обязать городские, районные, окружные комитеты партии и исполкомы Советов повседневно заниматься вопросами промышленности, регулярно контролировать выполнение планов восстановления предприятий и выпуска ими продукции, широко развернуть социалистические соревнования и политическую работу на предприятиях» [10, л. 1-10].

К концу войны уровень промышленного производства составил в Ставрополье - 41,8% к 1940 г., на Дону - 26%, на Кубани - 21,1%, Северной Осетии - 50%, Кабардино-Балкарии - 46,6%. Местное население быстрыми темпами ликвидировало последствия оккупации. Производственные связи регулировались местными органами власти, руководителями предприятий, сумевших воспользоваться помощью тыловых районов СССР. Восстановление велось методом народной стройки, инициативно.

Одновременно проводились эксплуатационные работы, что вело к ускорению производственных процессов. Но ни одной отрасли народного хозяйства не удалось достигнуть довоенного уровня (максимум – 50% в Северной Осетии). Лишь спустя 5 лет после победы вышли на довоенный уровень промышленного производства.

Тем не менее, именно героический труд промышленности и жителей Северного Кавказа стал одной из ключевых составляющих общей победы над фашизмом.

Список источников и литературы:

1. Великая Отечественная война: уроки патриотического воспитания. // Материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию Победы в ВОВ 1941-1945 гг.» «Народы Кавказа в ВОВ 1941-1945 гг.». 26-27 апреля 2005 г. Махачкала 2005.
2. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Грозный, 2008.
3. ЧИОПА (Чечено-Ингушский партийный архив). Ф. 2. Оп. 1. Д. 140. Л. 8.

4. ЦДНИ КК. Ф. 1774-Ф. Оп. 1. Д. 18. Л.70, 101; Оп.2. Д. 166. Л. 192.
5. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009.
6. Якаев С.Н. Партийное руководство комсомолом Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Ростов-н/Д, 1988.
7. ЦЦНИ СК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 507. Л.58.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 60.
9. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. М., 1977.
10. ЦЦНИ СК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1. Л.1-10.

Каймаразова Л.Г.
Кандидат исторических наук
Дагестанский федеральный исследовательский центра
Российской академии наук
kaymarazova@mail.ru

Лысенко Ю.М.
Кандидат исторических наук
Дагестанский федеральный исследовательский центра
Российской академии наук
г. Махачкала, РФ
ljuma78@mail.ru

Интернационализм как консолидирующий фактор победы в Великой Отечественной войне (По материалам письма-газеты «Дагестан своим фронтовикам»)

Аннотация. Материалы периодических изданий в годы Великой Отечественной войны представляют особую ценность для комплексного изучения отечественной истории. Печать Дагестана 1941–1945 гг., выполняя возложенные на нее задачи, отражала перестройку экономики и социально-культурной жизни республики на военный лад, оказывала огромное влияние на формирование общественно-политической и военно-патриотической обстановки в регионе. Во многом благодаря ее работе в кратчайшие сроки удалось настроить общество на преодоление трудностей, мобилизацию материальных и духовных возможностей ради достижения великой цели – Победы. Статья посвящена характеристике материалов газеты «Дагестан

своим фронтовикам», издававшейся в Махачкале комиссией по истории Великой Отечественной войны для фронтовиков-дагестанцев в 1943–1945 гг. в контексте отражения единства народов страны и народов многонационального Дагестана. Уникальное издание стало посланием республики своим бойцам. Письмо-газета поддерживало их на фронтах, сообщая о новостях в родном крае, вело переписку, публиковало материалы о дагестанцах – Героях Советского Союза, других отважных земляках, прославивших героическими подвигами свою малую родину. Складные миниатюрные письма-газеты стали блестящими страницами истории журналистики Дагестана периода Великой Отечественной войны, позволяющими ощутить ритм жизни республики и дагестанцев в сложный для всей страны период войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дагестан, интернационализм, газета, журналистика, фронтовик.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала тяжелейшим испытанием для всех народов СССР, потребовала от них мобилизации колоссальных сил и возможностей для разгрома врага и достижения Победы. В годы войны народы страны, демонстрируя общность многонационального населения Советского Союза, проявили массовый героизм на фронте и в тылу, беззаветную любовь к Родине. И хотя Великая Отечественная война остается местом общей исторической памяти для всего постсоветского пространства, сложившегося после 1991 г., новым поколениям надо по-новому в новой исторической реальности разъяснять ценность таких понятий как патриотизм и интернационализм.

Одна из интереснейших страниц истории Великой Отечественной войны, формирующая более детальный взгляд на события военных лет, связана с изданием в годы войны в Дагестане открытого письма-газеты «Дагестан своим фронтовикам». В 2026 г. научные сотрудники Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук Ю.М. Лысенко (руководитель проекта) и Л.Г. Каймаразова работают над реализацией научного проекта по сбору, систематизации материалов о создании и содержании газеты «Дагестан своим фронтовикам», оцифровке и подготовке к изданию текстов (с обширными примечаниями) ее 12-ти номеров, хранящихся в Научном архиве Института ИАЭ ДФИЦ РАН.

Осуществление проекта представляет большой научный интерес и имеет актуальное практическое значение. Реализация проекта – это попытка пополнить историю Дагестана 1941–1945 гг. живым и ярким материалом о

всенародном подвиге в годы Великой Отечественной войны. В сборнике, посвященном письму-газете «Дагестан своим фронтовикам», будут представлены сведения о социально-экономических, общественно-политических и социально-культурных процессах в Дагестане в годы войны, получат освещение факты из жизни городов, районов, сел республики, свидетельствующие о каждодневном трудовом вкладе рядовых дагестанцев в приближение Победы. Эти небольшие очерки, зарисовки, информация с мест, а также рассказы о боевых подвигах дагестанцев на фронтах войны, созданные ее современниками и непосредственными участниками событий, позволят противостоять фальсификации истории Великой Отечественной войны, будут содействовать усилению патриотического и интернационального воспитания детей и молодежи, пробуждая у них чувство ответственности за судьбу страны и Дагестана.

Материалы выпускаемого в годы войны в республике уникального издания – открытого письма-газеты «Дагестан своим фронтовикам», аналога которого не было в СССР имеют непреходящую ценность. Внешне это обычное открытое письмо. Текст печатный. Содержание – новости родного края. Она печаталась на 1/8 обычного газетного листа формата А2 и после фальцовки принимала вид открытого письма. Такие письма выходили с августа 1943 г. по 16 мая 1945 г. В конце войны их тираж составил 2500 экземпляров. За два года существования газета получила около трех тысяч писем от фронтовиков, и на каждое из них был отправлен ответ.

Вот что вспоминал известный дагестанский историк и журналист М.Д. Бутаев: «Август 1943 года. Затишье перед боем. Ротный почтальон вручает мне в блиндаже письмо в необычном конверте. Вначале я не поверил, что такое солидное послание адресовано именно мне. Читаю: «Действующая армия. Полевая почта № 26520 «Б», фронтовику-дагестанцу Бутаеву Магомеду» [1].

Открыв конверт, я прочитал: «Дорогие друзья! У меня, старика, в армии два сына, много на фронте моих земляков и знакомых. Со многими я переписываюсь, многим заменяю отца, а иным и газету — сообщаю обо всех наших дагестанских новостях. Чтобы улучшить нашу общую переписку с фронтом, я внес предложение: ежемесячно посылать нашим землякам-фронтовикам коллективное открытое письмо-газету.

Друзья-дагестанцы! Посылаем вам первое такое открытое письмо. В нем вы прочтете, как живет ваша родная Страна гор. А тем, кто знает и помнит меня, вместе с этим коллективным листком я посылаю свой горячий привет и пожелание успехов в боях. Приказ и благодарность великого

Сталина да вдохновит вас на новые подвиги. Июль 1943 г. Гамзат Цадаса» [3, с. 1.].

Бутаев М.Д. писал: «Нам, фронтовикам-дагестанцам, казалось, что весь родной Дагестан думает о каждом из нас. По-доброму завидовали боевые друзья, видя, что мы получаем такие задушевные письма. Фактически эти весточки из родного края сражались вместе с нами. Некоторые из них пробиты пулями и осколками, обагрены кровью тех, кому они адресовались» [1].

Стоит отметить, что название одного из направлений нынешней конференции «Дружба народов как ключевой фактор победы Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» отражает явление общности большинства советских граждан в сложнейший для страны период. Народы страны, не разделяя и не отделяя себя от других сплотились в борьбе с фашизмом. В рядах Красной Армии сражались представители всех национальностей, проживавших в СССР. Заслуживает внимания и создание национальных дивизий из различных республик (как союзных, так и автономных) СССР. Большинством граждан нашей страны война воспринималась как справедливая, освободительная, что усиливало патриотический настрой. Идеологическая работа в СССР была организована на высоком уровне, и несмотря на разноязычие его граждан, часть которых не владели русским языком, ставила целью воспитывать их в духе верности социалистической Родине, готовности отстоять ее свободу и независимость. Советское многонациональное государство «работало» над укреплением межнационального единства всех народов огромной страны.

В Дагестане, где многонациональность является его особенностью, идеи патриотизма всегда были неотделимы от идей интернационализма. С учетом этого перед местной периодической печатью была поставлена непростая задача: при наличии различий в обычаях, традициях, жизненном укладе и вероисповедании воспитывать у народов республики чувства взаимного уважения, дружбы, взаимопомощи и единения в борьбе с ненавистным врагом. В периодической печати военных лет сложилась традиция называть национальность героев своих заметок и репортажей (аварец, лезгин, кумык и т.д.), как боевого, так и трудового фронтов, что позволяло демонстрировать вклад представителей всех народов республики в Победу над фашизмом.

В газете печатались краткие биографии дагестанцев – Героев Советского Союза. После имени и фамилии героя указывалось: «аварец из сел. Мегеб», «лезгин из сел. Ахты», «лакец из аула Кулушац», «чеченец из Осман-юрта», «кумык из Буйнакска» и т.д. Даже в таком «небоевом»

сообщении, как заметка об издании книги, к примеру, указывается национальность писателя: «Вышла в свет 1-я часть книги аварца Магомеда Хуршилова». Или, географические отсылки к местности, где проживало большинство представителей того или иного народа Дагестана, содержат «национальный окрас»: «По кумыкской степи и горным тропам Аварии тянутся арбы, груженные орехами, сушеными фруктами, сыром, маслом – дарами колхозников-горцев для родной Красной Армии».

В нескольких номерах открытого письма-газеты «Дагестан своим фронтовикам» – №№ 6, 7, 8 (на второй странице) – был опубликован новый Гимн Советского Союза на языках народов Дагестана: кумыкском, аварском, лезгинском. Делалось это для того, чтобы бойцы-дагестанцы, плохо владеющие русским языком, и тем более не имеющие возможность его прочесть, могли бы ознакомиться с его содержанием.

На языках народов республики (лакский, аварский, лезгинский) также было продублировано обращение комиссии по истории Отечественной войны к дагестанцам с просьбой присылать материалы о дагестанцах: «Если в вашей части есть дагестанец, хорошо, по-шамилевски, как его храбрые русские собратья, разящий врага, напишите о нем. Пришлите нам вырезки из газет. Напишите о погибших героях, заслуживающих уважения и памяти их земляков. Если у вас есть какие-либо личные поручения к вашим семьям, очутившимся в Дагестане, напишите нам – мы выполним ваши поручения. Работников армейской печати просим организовать для нас очерки, заметки и воспоминания о наиболее отличившихся в боях дагестанцах».

В ряде номеров письма-газеты размещались и другие тексты на языках народов Дагестана. Важными акторами процесса создания газеты и придания ее публикациям интернационального звучания можно считать дагестанских поэтов, представляющих разные национальности: Гамзат Цадаса, Сулейман Стальский, Анвар Аджиев, Николай Веди, Тагир Хурюгский и др. Патриотические стихотворения этих мастеров слова публиковались практически в каждом номере газеты. При этом обязательно указывалось, что это «перевод с кумыкского», «перевод с аварского» и т.д., называлась фамилия переводчика.

Во втором номере открытого письма-газеты «Дагестан своим фронтовикам» напечатана подборка пословиц и поговорок народов Дагестана о доблести, боевом духе, чести дагестанцев, при этом под каждой их них приводится уточнение – «(лакская)», «(даргинская)», «(лезгинская)», «(кумыкская)», «(аварская)».

В тоже время в газете неоднократно подчеркивается общность дагестанцев, веками, проживавшими на сравнительно небольшой

территории. В № 10 открытого письма, изданного в октябре 1944 г. опубликована статья «О дружбе, выкованной в совместной борьбе», где указано: «В этом номере письма-газеты нашим землякам мы печатаем документы дружбы народов нашей страны. Эта дружба выковывалась в совместной борьбе против иноземных завоевателей. Она закреплена навеки в великом сталинском содружестве советских народов. История Дагестана изобилует огромным количеством фактов, свидетельствующих об этой дружбе. Здесь мы приводим только небольшое количество их. В наши дни с особой силой звучат исторические примеры совместной борьбы народов нашей страны против немецких империалистов. В Карпатах, где сейчас победоносно сражается Красная Армия, четверть века тому назад плечом к плечу с русскими воинами бился великий дагестанский поэт Махмуд. В годы гражданской войны только помощь русского народа спасла горцев от немецко-турецкого ига. Русский народ и партия большевиков привели Страну гор к победе, к свободе, к счастью.

Крепите же и дальше дружбу с великим русским народом, со всеми другими народами нашей социалистической Родины! Об эту нерушимую дружбу разбились кровавые замыслы Гитлера. Эта ленинско-сталинская дружба народов приведет нас к окончательной и уже недалекой победе» [2, с.1]. В газете в специальных рубриках – «В глубокой древности», «В средние века», «В годы 1914–1918», «Гражданская война», «Годы Победы» – читатели находили немало примеров дружбы народов края в различные исторические периоды.

Складные миниатюрные письма-газеты «Дагестан своим фронтовикам» – блестящие страницы журналистики Дагестана периода Великой Отечественной войны, обращение к которым дает ощущение ритма жизни республики в целом и рядовых дагестанцев в отдельности в годы войны. К сожалению, оригиналы газеты практически не сохранились ни в библиотеках, ни в архивохранилищах. К примеру, в Российской государственной библиотеке (РГБ) хранится только один номер. Упоминания о газете встречаются в монографиях, научных и публицистических статьях, однако саму газету мало кто видел. Сегодня это библиографическая редкость. Переиздание текстов и факсимиле 12-ти номеров газеты позволит взглянуть на историю Великой Отечественной войны глазами научных сотрудников, творческих работников, журналистов, простых тружеников республики, фронтовиков.

В коротких заметках письма-газеты «Дагестан своим фронтовикам» сконцентрирована ценная информация о военных буднях, достижениях и тяготах военного времени. Листая ее страницы, мы можем увидеть

отражение национальной политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны, примеры дружбы и единства народов страны, народов многонационального Дагестана, вклад каждого из них в Победу.

Работа подготовлена в рамках грантового проекта на 2026 г. «Письмо-газета "Дагестан своим фронтовикам": документальное наследие военных лет», поддержанного Фондом Гаджи Махачева по поддержке науки, образования и культуры.

Список источников и литературы.

1. Магомедова С. Дагестан – своим фронтовикам // Дагестанская правда. 24.06.2020. №№133-134. https://dagpravda.ru/obshestvo/dagestan-svoim-frontovikam/ (Дата обращения 12.01.2026).
2. О дружбе, выкованной в совместной борьбе // Дагестан своим фронтовикам: Открытое письмо № 10. 1944. С.1.
3.Цадаса Г. Предложение народного поэта Дагестана, орденоносца Гамзата Цадасы // Дагестан своим фронтовикам: Открытое письмо № 1. 1943. С.1.

УДК 3; 009; 80/81; 93/94

Лепшокова С.М.,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры германской филологии
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский Государственный университет им У.Д. Алиева», г. Карачаевск, Россия
E-mail: lepshokova.sveta62@mail.ru

Единство перед лицом испытания: вклад народов Северного Кавказа в победу в Великой Отечественной войне

Аннотация. Великая Отечественная война стала событием, которое во многом определило не только геополитическую конфигурацию второй половины XX века, но и внутреннюю социально-психологическую структуру советского общества. Для полиэтничного региона Северного Кавказа эта война явилась экзистенциальным вызовом, одновременно испытавшим на прочность как лояльность местных народов советскому государству, так и их способность к консолидации перед лицом общего врага. Историография последних десятилетий, освободившаяся от жестких идеологических рамок, стремится к более многомерному и объективному анализу событий 1941–1945 годов, отказываясь как от однозначно героической риторики советского периода, так и от конспирологических построений новейшего времени.

В данной статье предпринимается попытка синтезировать имеющиеся научные данные для создания комплексной картины вклада народов Северного

Кавказа в победу над нацизмом, рассматривая этот вклад как многоплановое явление, включавшее участие в боевых действиях, титанический труд в тылу и сложный процесс сохранения гражданской идентичности в условиях оккупации.

Ключевые слова: война, народ, вклад в победу, Северный Кавказ, округ, стремление к победе, ратный труд.

Северный Кавказ занимал особое место в стратегических планах нацистской Германии. Операция «Эдельвейс» и летнее наступление 1942 года (в рамках «Блау») были нацелены не просто на захват территории, а на овладение важнейшими экономическими ресурсами — грозненской и майкопской нефтью, а также на выход к Закавказью, что создавало бы угрозу британским коммуникациям на Ближнем Востоке [4]. Для идеологов Третьего рейха Кавказ представлял собой не только стратегический плацдарм, но и «лабораторию» по расчленению СССР. Нацистская пропаганда, как показывают исследования оккупационных газет, активно эксплуатировала идею «освобождения» горских народов от большевистского гнета, обещая создание национальных государств под протекторатом Германии [10].

В этих экстремальных условиях руководством СССР была развернута масштабная мобилизационная кампания. Однако процесс мобилизации в регионе имел выраженную специфику. Исследования, основанные на документах Центрального архива Министерства обороны, показывают, что изначально, в 1941 году, призыв коренных народов Северного Кавказа имел ограничения, что было связано как с недоверием сталинского режима, так и с необходимостью сохранения трудовых ресурсов в колхозах. Тем не менее, по мере ухудшения ситуации на фронте и непосредственной угрозы оккупации региона, политика изменилась. К 1942–1943 годам национальные формирования и отдельные представители кавказских народов стали неотъемлемой частью действующей армии [7].

Участие выходцев с Северного Кавказа в боевых действиях выходило далеко за рамки простого выполнения воинского долга. Оборона Кавказа, продолжавшаяся более 14 месяцев (июль 1942 - октябрь 1943), характеризовалась крайним ожесточением и высокой степенью личного мужества. Особое место в этой эпопее занимают сражения на подступах к Грозному и Баку. Например, оборона города Малгобека (ныне Ингушетия), переименованного в «северный Сталинград», показала, что упорство защитников смогло сорвать немецкий план молниеносного захвата нефтеносных районов [3]. Именно здесь, на Терском хребте, в сентябре-октябре 1942 года были остановлены отборные части вермахта, рвавшиеся к нефти [1].

Ратный подвиг народов Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии запечатлен в тысячах имен Героев Советского Союза. Примечательно, что для представителей горских народов, чьи культурные коды включали культ воинской доблести и защиту рода, война против нацизма приобрела характер священной борьбы. Это противоречило расчетам нацистской пропаганды, которая предполагала легкое переманивание «недовольных» на свою

сторону. Исследования современной российской историографии показывают, что число коллаборационистов из числа народов Кавказа (зачастую из числа белоэмигрантов или репрессированных) было несопоставимо мало по сравнению с количеством тех, кто сражался в рядах Красной Армии [5]. Тем не менее, феномен коллаборационизма, создание «Северокавказского национального комитета» и попытки формирования легионов в составе вермахта представляют собой трагическую страницу истории региона. Действия отдельных эмигрантских групп или людей, движимых желанием выжить в аду плена, не отменяют общей картины сопротивления, но требуют взвешенного исторического анализа без упрощений [3].

Масштаб потерь и жертвенность, проявленная народами Северного Кавказа, создали мощный пласт исторической памяти, который продолжает играть консолидирующую роль в современном российском обществе. Для сегодняшней полиэтничной молодежи региона День Победы остается, согласно социологическим исследованиям, не просто «праздником с оркестром», а важнейшим ценностным и смысловым основанием для формирования общероссийской идентичности [2].

Общая победа воспринимается как точка сборки, преодолевающая локальные этнические и конфессиональные различия. Однако современная историография настаивает на сложности этого восприятия. Память о войне на Северном Кавказе неразрывно связана с последующими травматическими событиями - депортацией балкарского, ингушского, карачаевского, калмыцкого, чеченского народов в 1943–1944 годах. Этот факт создает в исследовательском поле напряжение между героическим нарративом Победы и репрессивной политикой государства. Научный анализ последних лет направлен не на противопоставление этих исторических пластов, а на их реконфигурацию: понимание того, что даже несправедливость по отношению к целым этносам не смогла уничтожить их вклад в общую победу над фашизмом. Сложность и неоднозначность этого периода позволяют сегодня говорить о «северокавказском дискурсе» Победы как об одном из самых сложных для осмысления, но и наиболее показательных для понимания логики советского военного времени [9].

В ноябре 1943 года были выселены карачаевцы, в декабре - калмыки, в феврале-марте 1944 года - чеченцы, ингуши и балкарцы. Формальным основанием для этих акций послужили обвинения в массовом коллаборационизме и пособничестве оккупантам. Современная историография, основанная на рассекреченных архивах (в частности, документах НКВД и СМЕРШа), убедительно доказывает, что масштабы коллаборационизма среди этих народов были существенно преувеличены, а само решение о депортации носило характер коллективного наказания, противоречащего как принципам справедливости, так и военной целесообразности.

В контексте темы Победы депортации создают трагический парадокс. Сотни тысяч представителей этих народов прошли горнило фронтов, получили награды, погибали за Родину - и одновременно их семьи (пожилые родители, жёны, дети) были насильственно переселены в отдалённые регионы Казахстана,

Киргизии и Сибири, многие - с гибелью в пути. В научный оборот введены свидетельства о том, что в Красной армии продолжали сражаться бойцы чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской национальностей даже после того, как их народы были объявлены «репрессированными». Это находит документальное подтверждение в подвигах: так, гвардии старший сержант Ханпаша Нурадилов (чеченец) закрыл своим телом амбразуру дзота, став одним из первых Героев Советского Союза (посмертно, 1942 год); лётчик Амет-хан Султан (крымский татарин, но путь которого типологически близок северокавказским историям) дважды удостаивался звания Героя, - список можно продолжать долго. Таким образом, нацистская пропаганда не смогла расколоть кавказское общество, но сталинский режим нанёс по нему тяжёлый удар уже после того, как угроза оккупации миновала [6].

Современные исследования (например, работы А.А. Татарова и Е.Ф. Кринко) предлагают отказаться от дихотомии «или - или»: Победа не перестаёт быть Победой от того, что вслед за ней последовали несправедливые репрессии. Однако и депортации не могут быть оправданы ссылкой на военную необходимость. Научная этика требует удерживать оба факта одновременно. Для народов Северного Кавказа этот двойной опыт - фронтовая жертва и послевоенное изгнание - сформировал особую, «разорванную» память о войне. В публичной сфере она долгое время замалчивалась, в семейной же традиции передавалась со сложной амплитудой: гордость за деда-фронтовика соседствовала с болью о бабушке, пережившей вагон для скота и спецпоселение. Лишь в конце 1980-х - начале 1990-х годов эта травма начала артикулироваться, а после реабилитации репрессированных народов (Законы РСФСР от 26 апреля 1991 года) стало возможным говорить о «двух ликах» войны на Кавказе [8].

С точки зрения современной мемориальной политики, признание депортаций трагедией не ослабляет, а, напротив, укрепляет значение общей Победы. Именно потому, что плата была столь высока и несправедлива, подвиг тех, кто добровольно шёл на фронт, становится ещё весомее. На Северном Кавказе сегодня наблюдается интересный феномен: в общественном сознании происходит своего рода «примирение» с историей. Местные ветеранские организации, объединяющие сегодня потомков фронтовиков всех национальностей, всё чаще выступают с совместными инициативами по увековечению памяти, не делая различий между «репрессированными» и «нерепрессированными» народами. Этот процесс далёк от завершения и остаётся чувствительным, но сам факт диалога указывает на то, что общий экзистенциальный опыт победы над нацизмом обладает высшей объединительной силой.

Если ратные подвиги получили широкое освещение в мемуарной литературе и монументальном искусстве, то вклад северокавказских учёных, инженеров, аграриев и медиков в Победу остаётся в тени массового героического нарратива. Однако именно на Северном Кавказе в годы войны была создана уникальная научно-производственная кооперация, позволившая компенсировать потерю промышленных районов Украины и центра России.

С начала эвакуации (вторая половина 1941 - первая половина 1942 года) в города Северного Кавказа - Ставрополь, Орджоникидзе (Владикавказ), Грозный, Махачкалу, Краснодар - прибыли сотни заводов. Так, в Махачкале разместилось оборудование московского завода «Красный пролетарий», эвакуированного из Тулы и частично из Запорожья. В Грозном на базе местных нефтеперерабатывающих заводов и прибывшего оборудования были организованы цеха по производству реактивных снарядов для «Катюш». Ключевой проблемой стало отсутствие легированных сталей и специальных сплавов. Тогда учёные Дагестанского филиала Академии наук СССР (ныне Дагестанский научный центр РАН) разработали технологию использования местных бокситов для получения алюминия, а также метод цементации стали с применением природного газа, что позволило выпускать стволы для миномётов прямо на месте, без оглядки на снабжение из центра.

Иной, но не менее важный подвиг совершила аграрная наука. Северный Кавказ был житницей страны, и с началом войны продовольственная проблема вышла на первый план. В условиях, когда техника и лошади были реквизированы на фронт, а трудоспособное мужское население ушло в армию, учёные-аграрии (ВНИИ зерновых культур, опытные станции в Краснодарском и Ставропольском краях) разработали и внедрили облегчённые технологии обработки почвы, а также сверхранние сорта зерновых, которые успевали вызревать между боями на прифронтовых территориях. Особого внимания заслуживает деятельность медицинских научных центров Пятигорска и Ростова-на-Дону. Здесь были созданы методики полевой хирургии для лечения ран, загрязнённых землёй и навозом (специфика кавалерийских и пехотных боёв на пересечённой местности), а также разработаны высокоэффективные антибиотики из местного сырья (на основе плесневых грибов). Ростовский медицинский институт, эвакуированный в Кисловодск, продолжал выпускать врачей, каждый из которых уходил на фронт уже через 4–6 месяцев ускоренного обучения.

Наконец, нельзя обойти вниманием героический труд женщин и подростков на заводах. В Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии на промышленных предприятиях доля женщин к 1943 году достигла 80% от всех рабочих. Они осваивали токарные и фрезерные станки за 2–3 недели, работали по 12–14 часов без выходных, стояли в очередях за хлебом и одновременно поднимали детей. Мемуары фронтовиков содержат тёплые слова о качестве снарядов с маркой «Грозный» или «Махачкала» - рабочие на Кавказе ставили личное клеймо на каждый выпущенный патрон, что было формой социалистического соревнования, но по сути - проявлением высокой производственной этики перед лицом смертельной опасности. Если бы немецкие войска прорвались к нефти Грозного и Баку в сентябре-октябре 1942 года, исход войны мог бы стать иным - и этот провал вермахта был обеспечен в том числе ежедневным, незаметным для газет, трудом тех, кто стоял у станков в 50–100 километрах от линии фронта.

Таким образом, «тыловой подвиг» на Северном Кавказе был не фоновым обстоятельством, а одним из решающих факторов военно-экономического

превосходства СССР. Его следует включить в общеобразовательные и университетские курсы на равных правах с рассказами о боях за Малгобек или Эльбрус. Ибо Победа ковалась не только штыком и гранатой, но и токарным резцом, колбой химика и плугом, который тянула на себе 14-летняя девушка.

Подводя итог, следует категорически отвергнуть любые попытки принизить роль народов Северного Кавказа в победе над нацизмом, основываясь на фактах коллаборационизма или послевоенных депортаций. Вклад региона был всеобъемлющим: он включал в себя стратегическую оборону ключевых нефтяных артерий, тяжелейший труд в тылу, интеллектуальное обеспечение военных нужд и непосредственное участие сотен тысяч солдат в наступательных операциях от Сталинграда до Берлина.

История показала крах нацистских планов по расколу Кавказа. Более того, общий экзистенциальный опыт — необходимость защиты родной земли от оккупантов, практиковавших геноцид и политику «выжженной земли», привел к формированию надэтнической сплоченности. В современной гуманитарной повестке обращение к теме подвига северокавказских народов является необходимым условием для выработки эффективных механизмов патриотического воспитания и укрепления гражданского единства. Память о войне, несмотря на всю ее травматичность и неоднозначность трактовок, остается тем духовным ресурсом, который позволяет говорить о Северном Кавказе как об органической и неразрывной части России, скрепленной кровью, пролитой за общее Отечество.

Список использованных источников и литературы

1. Безугольный, А. Ю. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения / А. Ю. Безугольный, Н. Ф. Бугай, Е. Ф. Кринко. — Москва : Центрполиграф, 2012. — 478 с. — ISBN 978-5-227-03635-5.
2. Битва за Кавказ (1942-1943): Время. События. Люди : сборник материалов научно-практической конференции, посвящённой 75-летию со дня начала освобождения Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков / ответственный редактор С. С. Зенгин. — Краснодар : Краснодарский государственный институт культуры, 2017. — 251 с.
3. Битва за Кавказ — завершение коренного перелома в годы Великой Отечественной войны: сборник материалов Международной научно-практической конференции / главный редактор Г. Н. Каменева; Региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Ставропольском крае. — Ставрополь : Бюро новостей, 2023. — 396 с. — ISBN 978-5-6050679-6-2.
4. Кринко, Е. Ф. Коллаборационизм народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны : причины, формы, итоги / Е. Ф. Кринко // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – IV : материалы

региональной научно-практической конференции. — Пятигорск : Издательство ПГЛУ, 2012. — С. 184–193.
5. Линец, С. И. Оборона Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июль – декабрь 1942 года) / С. И. Линец, С. В. Януш. — Москва : Илекса, 2010. — 639 с. — ISBN 978-5-89237-306-9.
6. Мощанский, И. Б. Оборона Кавказа : великое отступление, 25 июля – 31 декабря 1942 года / И. Б. Мощанский. — Москва : Вече, 2009. — 191 с. — ISBN 978-5-9533-3826-8.
7. Хаблиева, Л. Ч. Великая Отечественная война: боевые действия, тыл, власть, социум: региональный аспект (на материалах Северного Кавказа) : монография / Л. Ч. Хаблиева, А. А. Татаров, Т. У. Эльбуздукаева, С. А. Хубулова ; Министерство высшего образования и науки Российской Федерации, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова [и др.]. — Владикавказ : Цопанова А. Ю., 2024. — 231 с. — ISBN 978-5-00081-663-9.
8. Татаров, А. А. Бандитизм и антисоветское вооруженное подполье на Северном Кавказе в 1942—1944 гг.: на материалах Кабардино-Балкарии / Е. Х. Апажева, А. А. Татаров // Известия СОИГСИ. — 2021. — Выпуск 39. — С. 71–82. — URL: http://izvestiya-soigsi.ru/upload/articles/39/E-KH-APAZHEVA_A-A-TATAROV.pdf (дата обращения: 12.05.2026).
9. Лукова, Н. В. Подвиги на Северном Кавказе во время Великой Отечественной Войны / Н. В. Лукова, Т. В. Григорова // Молодая наука-2020 : сборник научных трудов VIII ежегодной научно-практической конференции. — Пятигорск : ПФ СКФУ, 2020. — Том 1. — С. 87. — URL: https://pf.ncfu.ru/upload/medialibrary/272/w6yb7cwj3x53qzrs343yzfx3zchydojz/Sbornik_MN_2020_Tom_1.pdf#page=87 (дата обращения: 12.05.2026).
10. Линец, С. И. Коллаборационизм на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: истоки, проявления, масштабы / С. И. Линец // Россия в глобальном мире. — 2016. — № 8. — С. 148–165. — URL: https://russiaglobal.spbstu.ru/userfiles/files/Rossiya-v-globalnom-mire-8(31)-2016.pdf (дата обращения: 12.05.2026).

УДК 94

Махадов А.К.
Преподаватель и аспирант
Дагестанский государственный университет
ahmed020895@mail.ru
Султанбеков Р. М.
кандидат исторических наук, доцент
Дагестанский государственный педагогический
университет имени Р. Гамзатова
г. Махачкала, РФ
rabadan.sultanbekoff@yandex.ru

Роль женщины в общественно – политической жизни Дагестана в годы Великой Отечественной войны

Аннотация. Великая Отечественная Война Советского Союза против Нацистской Германии 1941 – 1945 гг. подвергла жестокому испытанию не только отдельных людей, но и весь государственный механизм. В годы войны на защиту Родины, вместе со всем советским народом, поднялись славные женщины. Они работали на заводах, фабриках, в колхозном производстве, заменив своих отцов, братьев, мужей, сыновей, ушедших на фронт. Большинство из них были выдвинуты на руководящие советские, хозяйственные и общественно – политические работы. Во всех районах и городах Дагестана, как и во всем Советском Союзе, не было такой отрасли или участка работы, где женщина не занимала бы видного места.

Ключевые слова: СССР, Дагестан, женщина Дагестана, война, Победа.

Великая Отечественная Война Советского Союза против Нацистской Германии 1941 – 1945 гг. подвергла жестокому испытанию не только отдельных людей, но и весь государственный механизм. В годы войны на защиту Родины, вместе со всем советским народом, поднялись славные женщины. Они работали на заводах, фабриках, в колхозном производстве, заменив своих отцов, братьев, мужей, сыновей, ушедших на фронт. Большинство из них были выдвинуты на руководящие советские, хозяйственные и общественно – политические работы. Во всех районах и городах Дагестана, как и во всем Советском Союзе, не было такой отрасли или участка работы, где женщина не занимала бы видного места.

Во всех сферах, где она была занята, женщина представляла мощную и грозную силу. Придавая исключительно важное значение работе среди женщин в 1942 году ЦК РКП (б) принял решение о введении в 25 горных районах Дагестана при райкомах партии должности женорганизаторов для работы среди горянок. [6, л. 177]

В населенных пунктах появились женские активы и общественные организаторы, которые мобилизовали горянок на борьбу за выполнение хозяйственно – политических задач. Многие женщины активно проводили массово – агитационную работу среди населения. На предприятиях, заводах и колхозах создавались женские советы, в состав которых в первую очередь включали активных женщин, женщин – коммунисток, комсомолок. Через

женсоветы горянки вовлекались в общественно – политическую и производственную жизнь.

На предприятиях и учреждениях проводились конференции, собрания и митинги, совещания женщин – активисток. Было организовано обучение женщин различным профессиям. В 1942 г. в 22 районах республики работало более 1800 активисток – горянок, которые в течение года провели 4324 бесед, докладов с охватом 106352 женщин. За этот период было проведено 1530 женских собраний с охватом 86363 женщин. [1, с. 147]

Женщины прекрасно справлялись на постах председателей колхозов. Всего в 1942 году 24 женщины возглавили колхозы в различных районах республики. Они проявили незаурядные способности, умение воодушевлять людей на тяжелый и непосильный труд. В годы войны женщины – горянки стали вступать в ряды коммунистической партии. Дагестанская областная партийная организация к концу войны увеличилась по сравнению с 1940 годом более чем на 9 тыс. человек. До 30% вновь вступивших в партию составляли женщины. Многие женщины – коммунистки, комсомолки, агитаторы вели большую общественную работу в качестве агитаторов, уполномоченных по сборку подарков и теплых вещей для фронтовиков. Лучшие коммунистки работали секретарями первичных партийных организаций. В годы войны женщины стали более активно выдвигаться на руководящую партийно – советскую работу.

К примеру, по данным Карабудахкентского райисполкома, к февралю 1942 года в районе насчитывалось 5414 трудоспособных женщин, из них 4200 состояли в колхозе, более 300 возглавляли колхозы. [4, л. 2] В районе 57% женщин работали на ответственных постах в колхозах, на промыслах и в разных учреждениях. Архивные материалы освещают картину состояния представленности горянки в общественном производстве в разных районах Дагестана. Например, в Лакском районе за 1944 год было проведено в колхозах и в райцентре 43 собрания женщин – горянок с охватом 5786 чел., из которых в райцентрах было проведено 3 собрания с охватом 360 человек. Женщины района принимали активное участие в проведении агитационно – массовой работы среди колхозников. Они принимали участие в различных кружках: самодеятельных, оборонных, агротехнических, зоотехнических. 97 женщин являлись агитаторами, лекторами, докладчиками, чтецами. В районе в том же году 21 женщина была занята на руководящей, из них 11 женщин заведовали складами, 1 – заведовала фермой, 1 – прокурор, 3 – секретари парторганизации. По 6-часовой программе ПВХО было подготовлено 3749 женщин, 678 – значкистов, 26 – инспекторов ПВО, 175 – работали на курсах по подготовке инструкторов. [5, л. 1-5]

В 1944 году в Махачкале начали функционировать постоянно действующие курсы по подготовке и переподготовке председателей сельисполкомов, созданные для повышения общеобразовательного и политического уровня работников сельсоветов, а также по подготовке их к практической работе. В период Великой Отечественной Войны сотни председателей и секретарей сельисполкомов были призваны в ряды Красной Армии. На их место пришли новые молодые кадры, которые нуждались в повышении своей квалификации. К 1946 году, то есть за 2 года, эти курсы прошли 301 человек, среди них председатели и секретари сельсоветов, председатели постоянных комиссий. После окончания курсов большинство председателей значительно улучшили свою работу. Работа этих курсов показала, что подобная форма повышения квалификации была действенной и полностью оправдала себя.

Необходимо было укреплять кадры работников сельского хозяйства, систематически организовывать в районах семинары для повышения их квалификации в дальнейшем. За 1943 год в комсомол было принято 117 человек, из них 23 были женщины. Более 40 женщин Карабудахкентского района работали агитаторами, чтецами, беседчицами и проводили большую работу по повышению политического уровня молодежи района. [3, л. 158]

Партия и Правительство страны, и республики высоко оценили труд женщины – горянки. 261 женщина в Дагестане была награждена орденами СССР, свыше 40000 – медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне», свыше 10000 женщин получили медали «За оборону Кавказа». За активную общественную работу больше двух с половиной тысяч женщин наградили Почетными грамотами Верховного Совета ДАССР.

Таким образом, огромные успехи, достигнутые женщиной Дагестана в общественно – политическом, культурном и других сферах, возможны были там, где работа среди женщин проходила ежедневно и в тяжелые годы Великой Отечественной войны и в послевоенные десятилетия. Вопрос о полном ее вовлечении в общественно – политическую работу и предоставлении ей равных прав с мужчиной не только юридически, но и фактически, разрешалось путем привлечения ее в хозяйственное и государственное строительство.

Завершение Великой Отечественной Войны положило начало восстановлению разрушенного народного хозяйства страны и перехода к мирному строительству. Победа в этой войне досталась народам СССР очень страшной и дорогой ценой – в ней погибли 27 млн. советских граждан, в основном взрослого мужского населения. СССР понес не только огромные

людские потери, но и громадные материальные издержки, которых не имело ни одно государство в мире.

В войне против гитлеровской Германии советские женщины своими героическими подвигами на фронте и самоотверженным трудом в тылу внесли неоценимый вклад в дело разгрома врага и укрепления тыла.

Женщина в СССР и ДАССР получила равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно – политической жизни. За годы советской власти и особенно за годы Великой Отечественной войны неизмеримо возросла роль и участие женщин – горянок в хозяйственной и культурной жизни республики. В годы послевоенных пятилеток в период восстановления народного хозяйства роль женщины в хозяйственной и культурной жизни страны и республики стала только возрастать. [2, с. 306]

Список источников и литературы

1. Алиев Б.Г. Вклад женщин Дагестана в Победу в Великой Отечественной войне // Великий подвиг Советского народа (к 66 – летию Победы СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.). Материалы республиканской научной конференции. – Махачкала, 2011. С. 147.
2. Нагиева М.К. Вклад женщин в социально – культурное развитие Дагестана в 1940-е годы. – Махачкала, 2024. – 347 с.
3. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5967. Л. 158.
4. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5298. Л. 2.
5. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6044. ЛЛ. 1-5.
6. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 7371. Л. 177.

Мугутдинова Н.Ш.
к.и.н., доцент кафедры истории
ДГПУ им. Р. Гамзатова

Роль патриотического воспитания молодежи Дагестана в современных условиях.

Аннотация: в данной статье рассматривается патриотическое воспитание как систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти и организаций по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Ключевые слова: патриотизм, воспитание, образование, героизм, традиция, мужество.

Проблема патриотического воспитания весьма обширна и включает в себя многие аспекты. Этой проблеме историки, философы, литературоведы уделяют много внимания. Созданы ценные исследования, введено в научный оборот огромное количество архивных документов. И, несмотря на их, подчас локальный характер, мы имеем целостную концепцию изучаемой проблемы, что и явилось основой для написания нашей работы.

Основной целью концепции «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» является определение патриотического воспитания граждан как важнейшего направления деятельности государства, а также условий комплексного функционирования системы патриотического воспитания, обеспечение конкретности и адресности проводимой работы.

Основное место, где закладывается база патриотического воспитания - это школа. И на сегодняшний день в системе образования республики складывается довольно стройная система воспитания, которая объединяет все учреждения образования, начиная со школьного и заканчивая учреждениями высшего специального образования.

Патриотическое воспитание в образовательных учреждениях направлено на формирование и развитие личности, обладающей качествами гражданина-патриота Родины и способной успешно выполнять гражданские обязанности в мирное и военное время. [1. С. 4]

Принятие программы явилось важным событием в жизни страны. Был принят государственно-правовой акт, определяющий роль, место и значение идей патриотизма на современном этапе общественной жизни России, направленный на обеспечение социально-экономического, духовного и культурного подъема Российского общества, укрепление государства и его обороноспособности, достижение социальной и экономической стабильности страны.

Значимость Программы заключается и в том, что она определила пути создания и развития государственной системы патриотического воспитания граждан России, роль и место федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, общественных объединений и организаций в этой системе, содержание и основные направления их деятельности в современных условиях.

Важнейшим событием общественной жизни страны прошедшего десятилетия явился Всероссийский семинар-совещание организаторов

патриотического воспитания «О ходе реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской федерации на 2001-2005 годы». «Актуальные проблемы и пути их решения», состоявшийся в г. Москве 16-17 декабря 2003 года. [2]

Говоря об организации патриотического воспитания в образовательных учреждениях Республики Дагестан, прежде всего, следует отметить, что в республике в короткие сроки районными и городскими администрациями, управлениями образования были разработаны планы мероприятий.

Для обобщения опыта работы по внедрению передовых форм и методов патриотического воспитания проводились семинары-совещания с директорами школ, их заместителями, руководителями ОБЖ, НВП, учреждений дополнительного образования. Учителя истории, военруки, заместители директоров по воспитательной работе проводили конкурсы на лучшую организацию работы педагогов по патриотическому воспитанию среди учащихся под девизом «Растим патриотов России».

В этих условиях стала очевидна неотложность решения на государственном уровне острейших проблем системы воспитания патриотизма как основы консолидации общества и укрепления государства.

Планируется проведение комплекса мероприятий военно-патриотической работы, создание музеев и организация деятельности патриотических, военно-патриотических, военно-исторических, военно-технических и военно-спортивных клубов и объединений, клубов и учебных пунктов будущего воина, офицера, широкое проведение дней и месячников защитника Отечества, Вахт памяти и поисковых мероприятий, военно-спортивных игр и походов.

Определяя государственное воздействие на пропаганду патриотизма в средствах массовой информации, программой предусматривается система мер по поддержке средств массовой информации, участвующих в пропаганде патриотизма.

Предусмотрена публикация новых архивных документов, военно-исторической литературы, мемуаров, пособий и книг патриотической направленности. Предполагается образование специального печатного органа по проблемам патриотического воспитания, а также выпуск новых учебных пособий, раскрывающих значение проводимых в стране социально-экономических и культурных преобразований роли государства и личности в судьбах российского народа.

Необходимо полнее использовать опыт и духовный потенциал общественных ветеранских объединений в целях сохранения преемственности славных боевых традиций старшего поколения.

Механизм реализации программы определяется ее государственным статусом и учитывает сложившуюся к настоящему времени тенденцию, связанную с консолидацией общества и подъемом патриотизма, переносом основных усилий в патриотическом воспитании на регионы, общественность которых высказывается за более активное участие Центра в решении задач патриотической направленности. [3. С.123]

В последние годы много внимания уделяется одной из неотложных задач нашего общества - возрождению патриотизма как важнейшей духовной и социальной ценности, основы укрепления новой российской государственности. А уроки истории в школах дают очень обильный материал для этого, в том числе и уроки по истории Дагестана. [4. С.79]

Настоящий патриотизм сегодняшних детей точно также, как ц многих их предшественников, нельзя развивать в совершенстве без ежедневного и правдивого показа им положительного примера старших, без привития им с ранних лет заботливого и хозяйского отношения к отцовским родникам, мостам, горным тропам и пастбищам, историческим памятникам и культурным сооружениям родного народа без внесения человеком конкретного и ощутимого вклада в благоустройство, прежде всего, своей школы, своего села и города. Патриотизм как миссия служения Отечеству формируется в процессе обучения, воспитания и социализации детей и молодежи, подготовке к созидательному труду, служению своей Родине. Важно при этом, чтобы молодые люди усвоили, что их личное, семейное благополучие, достижение жизненных ожиданий в различных сферах деятельности и социальный статус взаимосвязаны с готовностью к служению своему Отечеству — тому коллективу, обществу и государству, в котором они живут. Чем глубже и всесторонне осветим мы детям патриотические традиции народа, тем прочнее будут развиваются и формироваться у них патриотические чувства, сознание и поведение, т.е. истинная любовь к Родине и своему Отечеству. [5. С.161]

11 июля 2005 г. постановлением правительства Российской Федерации №422 утверждена государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы». Она ехала неразрывным продолжением действовавшей до конца 2005 года государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы».

Цель программы - дальнейшее совершенствование созданной в стране системы патриотического воспитания граждан в интересах укрепления

российской государственности, формирование у них любви к Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по поддержанию общественной стабильности, упрочению единства и дружбы народов России. [6. С.106]

Список источников и литературы:

1. Исмаилов А.Р., Казиханов С.М. Проблемы патриотического воспитания. Махачкала, 2003. С. 4.
2. Всероссийский семинар-совещание организаторов патриотического воспитания «О ходе реализации Государственной программы», «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы», «Актуальные проблемы и пути их решения» (16-17 декабря 2002 года). М., 2003 г.
3. Исмаилов А.Р., Казиханова С.М. Республика Дагестан. Проблемы науки, культуры и образования. История и современность. Махачкала, 2002. С. 123.
4. Измаилов Г.М. Изучение нового периода истории Дагестана. Конец XX – начало XXI века. Махачкала, 2005. С. 79.
5. Мирзоев Ш.А. Культура Дагестана – основа формирования человека. Махачкала, 2023. С. 161.
6. Исмаилов А.Р. Проблемы борьбы с терроризмом и оздоровление социально-патриотической обстановки в республике Дагестан. Махачкала, 2007. С. 106.

УДК 93

Пухаева О.Р.
Научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии
Юго-Осетинский научно-исследовательский институт
им. З.Н. Ванеева
г. Цхинвал, Республика Южная Осетия
e-mail: puchati@mail.ru

Некоторые проблемы повседневной жизни тылового города (Владикавказ в годы Великой Отечественной войны)

Аннотация. История повседневной жизни стала привлекать внимание исследователей в последние десятилетия. В статье впервые ставится вопрос о повседневности тылового города (на примере г. Владикавказа), формах и стратегиях выживания в экстремальных условиях военного времени. Привлеченный материал позволяет восстановить картину повседневных практик населения города и восполнить региональный аспект Великой

Отечественной войны. Повседневные практики многообразны, в рамках небольшой статьи автор остановился лишь на некоторых ее проявлениях. Источниковая база основана на большом корпусе архивных документов, периодической печати и эго-документах. В результате проведенного анализа показана картина работы, быта и досуга жителей, которые мужественно переносили вся тяготы военного времени.

Ключевые слова: война, повседневность, работа, общественные инициативы, досуг.

Изучение повседневной жизни этого большинства позволяет по-другому взглянуть и оценить исторические процессы. С полным правом это относится к военному периоду нашей истории, когда простые граждане страны проявляли свои лучшие качества в тылу, приумножая силу страны и приближая победу над врагом [2; 5; 6; 7; 8]. К сожалению, региональный аспект избранной темы до настоящего времени не получил полного освещения, можно указать лишь на некоторые работы по отдельным аспектам повседневной жизни[1; 9; 10; 11; 12].

Цель данной статьи – определить основные направления повседневной жизни тылового (до августа 1942 г.) города, привлекая корпус документов, значительная часть которых до недавнего времени хранилась под грифом «совершенно секретно».

В первый период Великой Отечественной войны г. Владикавказ/Орджоникидзе находился в глубоком тылу, но стал одной из важнейших промышленных баз страны. До войны в Северной Осетии получили развитие промышленные предприятия цветной металлургии (завод «Электроцинк», Мизурская обогатительная фабрика), химической, пищевой промышленности. В годы войны практически вся экономика была переведена на военные рельсы.

Прежде всего, отметим основные направления деятельности городского населения.

Мобилизации мужского населения привела к тому, что на предприятия пришли женщины, подростки и старики. Рабочая смена продолжалась по 10-14 часов, нередко молодые люди оставались на отдых на территории завода.

Заводы города занимались производством продукции военного назначения (гранаты, части к артиллерийским орудиям, шашки и проч.). От населения потребовалось большое напряжение сил.

Второй важной составляющей повседневности городского населения была работа в трудовых армиях на строительстве оборонительных сооружений. Как свидетельствуют источники, всего на строительстве было задействовано более 20 тыс. граждан [3]. Строительство началось уже в июле

1941 г. на дальних рубежах в районе реки Малки. С продвижением противника на юг потребовало продолжить возведение оборонительных сооружений вокруг Владикавказа. В самом городе шло размещение «ежей», дзотов, рытье траншей. За это время был проделан огромный объем работ: проложено 10 км противотанковых рвов; поднято более 300 тыс. куб.м, построено 34 батальонных узла обороны с 473 огневыми точками, 10 км противотанковых рвов[4].

Следующим направлением повседневности населения стало участие в партизанских отрядах, истребительных батальонах, отрядах самообороны, частях МПВО. 13 сентября 1942 г. комитет обороны постановил: «Из трудящихся г. Орджоникидзе, способных носить оружие, сформировать три полка народного ополчения и ввести в стрелковую бригаду (стрелковая бригада народного ополчения позже была сформирована из двух полков)»[4]. На территории республики действовало 9 партизанских отрядов численностью более 300 чел.

Но не только работать и сражаться могли жители. В годы войны не останавливалась культурная жизнь, хотя изменившаяся ситуация оказала негативное влияние на досуг.

Прежде всего, агитационно-пропагандистская работы велась с большим размахом.

Деятельность музеев также была перестроена с акцентом на показ героического прошлого народа, его жертвенности. Так, музей С.М. Кирова и Г.К. Орджоникидзе построил экспозицию таким образом, чтобы весь демонстрируемый материал был увязан с событиями войны, а для более прочной связи с населением предлагалось устраивать мобильные выставки, показ макетов и др.

В это время в городе к посещению было 5 театров, каждый спектакль имел аншлаг, количество желающих попасть на представление было большим.

Те же, кто предпочитал кинотеатры, могли выбрать афишу любого из 4- х культурных заведений. В театрах шли постановки как отечественных авторов (Симонов «Парень из нашего города», Островский «Поздняя любовь», Джимиев «Боевые дни», Казбеков «Нарт Батраз»), так и зарубежные классические произведения (Шекспир «Отелло»). Впервые на подмостках Северо-Осетинского государственного драматического театра шел специальный спектакль-концерт, состоящий из скетчей (одноактных пьес): «Родина зовет», «Бешеная собака», «Одна минутка» и другие, и выезжает в районы нашей республики. В программу гастролей вошли также отрывки из лучших спектаклей репертуара театра, художественное чтение,

танцы, героические народные песни. Театр работал в Правобережном, Орджоникидзевском, Дарг-Кохском, Кировском, Ардонском, Дигорском и Алагирском районах и предполагал дать в полевых бригадах и селах до 50 концертов-спектаклей[3].

Так, в начале 1942 г., когда враг рвался на Юг, во Владикавказ на гастроли прибыл коллектив МХАТ со спектаклями «Дядя Ваня», «Русские люди» и др. В том же году во Владикавказе с успехом шли спектакли «Цыгане», «Свадьба в таборе» московского цыганского театра «Ромэн».

Культурный ландшафт города претерпел серьезные изменения: те учреждения культуры, например, цирк, которые не отвечали вызовам времени, оказались закрыты, а их помещения переданы госпиталям, эвакуированным или под другие цели.

Наиболее доступным видом досуга было кино. Перед началом сеанса демонстрировались кадры хроники о победах, что вызывало оглушительный успех у зрителей. Как утверждают кинокритики, советское кино военного времени подарило миру шедевры: «В 6 часов после войны», «Жди меня», «Иван Грозный», «Два бойца». Эти фильмы собирали полные залы, зрители много раз пересматривали их, песни из кинолент становились народными («Темная ночь», «Синий платочек», «Священная война» и др.).

Не менее важную роль в патриотическом воспитании играли газеты. В это время в городе выходило несколько республиканских газет («Социалистическая Осетия», «Растдзинад», районные газеты). Газеты были самыми оперативными источниками информации. Наряду с фронтовыми известиями, в газетах печатались вести с полей, заводов, освещались общественные инициативы по оказанию помощи фронту. Особо отметим такой раздел, как сатирические плакаты, на которых Гитлер и его клика изображались в гротескно-иронической форме. В городе были установлены «Окна РОСТа», которые также сыграли большую роль в информировании населения о ситуации на фронте, о том, что победа будет обязательно за СССР.

Таким образом, повседневные практики населения города Орджоникидзе/Владикавказ претерпели серьезные изменения в период Великой Отечественной войны. Традиционные занятия теперь дополнились либо совершенно преобразовались в новых, непростых условиях. Но даже в такой ситуации, к примеру, культурно-досуговая сфера продолжала функционировать, давая людям возможность приобщаться к духовной жизни страны.

Список источников и литературы

1. Бизикова А.С., Хаблиева Л.Ч. Решение жилищно-коммунальных проблем в период Великой Отечественной войны. // Битва за Кавказ в исторических и культурных символах (ко Дню воинской славы России – годовщине завершения освобождения Кавказа 9 октября 1943 г.). Сборник материалов Международного молодежного научно-практического форума. – Ставрополь, 2024. С. 44-47 12
2. Букин С.С. Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): сб. науч. тр. – Новосибирск, 2004. С. 79–114 9
3. ГАНИ РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д. 164. 17
4. Городские партийно-государственные органы управления в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Орджоникидзе/Владикавказ). /Авторы-составители: Л.Х. Дзахова и др. – Владикавказ, 2023. 245 с. 18
5. Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941 - 1945 гг. – М., 1994. 195 с. 11
6. Козлов Н.Д. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Т. 4. 2012. № 2. С. 125-129 7
7. Корнилов Г.Е. Урал в Великой Отечественной войне: историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. 2013. № 4. С. 103-110 8
8. Перчиков Ю.А., Степанов В.Р. Социально-бытовая и культурная деятельность местных Советов в 1941-1945 годах: на материалах Волго-Вятского региона Российской Федерации. – Чебоксары, 1992. С. 94-99 10
9. Хаблиева Л.Ч. Повседневность мирного населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии). //Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2024. № 3 (66). С. 74-83. 13
10. Хубулова С.А. Партийно-советские органы и проблемы городского хозяйства в условиях Великой Отечественной войны (на материалах г. Владикавказа). // Черноморско-средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2025. С. 279-282. 14
11. Хубулова С.А., Хубулова Э.В. Военные будни населения г. Владикавказа (1941-1945). //Таврические студии. 2025. № 42. С. 62-66. 16

12.Хубулова С.А., Хубулова Э.В. Коммунальное хозяйство г. Владикавказа в годы Великой Отечественной войны. //Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2 (38). С. 114-118. 15

УДК 94

Сулаев И.Х.,
доктор исторических наук, профессор
кафедры Отечественной истории исторического факультета
Дагестанского государственного университета
г. Махачкала, РФ

О состоянии колхозов и положении колхозников Дагестанской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Аннотация: Великая Отечественная война 1941-1945 гг. явилась величайшим испытанием для всех республик, краёв и областей Советского Союза. И одним из главных причин Победы Советского Союза над немецко-фашистской Германией мы считаем огромный вклад тружеников тыла в промышленности и сельском хозяйстве. Успехи в сельском хозяйстве во многом обеспечивались четкой организацией работы, правильной расстановкой рабочей силы. Партийные и советские организации добивались вовлечения всех трудоспособных в общественное производство. В советской и постсоветской историографии десятки и сотни работ посвящены трудовым подвигам колхозников Дагестанской АССР в годы войны, но мало освещённым или практически не затронутыми страницами остаются реальное положение колхозов и материальное положение самих колхозников в годы войны. В нашей статье мы делаем попытки осветить как раз эту малоизвестную страницу военных лет, для чего привлекли как опубликованные работы, таки и не введённый в научный оборот архивный документ.

Ключевые слова: письма на фронт, колхозники, трудодни, голод, бездушное отношение чиновников.

Колхозное крестьянство Дагестанской АССР ответило на нападение немецко-фашистских захватчиков еще более напряженной работой на полях и фермах. Тысячи колхозников ушли на фронт, намного сократились сельскохозяйственная техника, посевные площади, количество рабочего скота [3, с. 359-362]. В 1941 году в колхозах Дагестана работали более 140 000 женщин, а в целом в годы войны более 2/3 общей численности рабочих рук в сельском хозяйстве республики были женские [4, с. 14]. Вклад

дагестанского колхозного крестьянства в военно-экономическую победу над агрессором значителен. По некоторым данным, всего за 1941-1945 гг. труженики дагестанского села дали Родине свыше 50 тысяч тонн мяса,1400 тонн масла, 1150 тонн брынзы, 120 тыс. тонн зерна, 25 тыс. тонн картофеля, 48 тысяч овощей, 15 тысяч тонн винограда, 18 тысяч тонн плодов, свыше 28 тысяч тонн сена, 5 тысяч тонн шерсти, 135 тысяч штук крупного и 2 млн штук мелкого кожевенного сырья [2, с. 214].

В тылу, где ковалась Победа над врагом, не всё было гладко, многие факты нарушений и приписок хозяйственными и районными руководителями разных регионах Советского Союза, очковтирательства не нашло полного отражения в отечественной историографии. В настоящей публикации мы привлекли неопубликованный документ из Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД), рассекреченный недавно. Документ содержит письма членов семей своим родным на фронт – мужьям, отцам, братьям. Все письма на фронт и с фронта проходили через военную цензуру, а письма, вызывающие интерес у правоохранительных органов, после ознакомления с ними, поступали к сотрудникам народного комиссариата госбезопасности. Выявленный нами в фондах секретные сообщения наркома госбезопасности ДАССР М.И. Калининского[2] Первому секретарю Дагобкома ВКП(б) А.М. Алиеву[3] легли в основу нашей статьи. Главным материалом для доклада стали жалобы тружеников сельского хозяйства – колхозников своим родным и близким на фронты Великой Отечественной войны и их ответы. К сожалению, имена отправителей и адресатов выяснить нам не удалось.

В секретном спецсообщении наркома госбезопасности ДАССР Калининского Первому секретарю Дагестанского обкома ВКП(б) Алиеву

---

[2] Калининский Михаил Иванович (1905-1954) – с мая 1941 по июль 1942 года работал начальником секретно-политического отдела управления НКГБ по Архангельской области; с июля 1942 по май 1943 года был заместителем начальника управления НКВД по Архангельской области; с мая 1943 года по май 1947 года работал народным комиссаром – министром государственной безопасности Дагестанской АССР в звании генерал-майора; с мая 1947 по 1953 год был министром госбезопасности Северо-Осетинской АССР, с 1953 по 1954 год работал заместителем начальника Управления МВД по Ивановской области.

[3] Алиев Азиз Мамедкеримович (1897-1962) - доктор медицинских наук, видный государственный деятель Азербайджанской ССР, которого 16 сентября 1942 года Председатель Государственного комитета Обороны СССР И.В. Сталин назначил на должность Секретаря (фактически Первого секретаря) Дагестанского обкома ВКП(б) (1942-1948), освободив от должности секретаря ЦК ВКП(б) Азербайджана. 23 сентября 1942 года XIV-й пленум Дагестанского областного комитета ВКП(б) утвердил А. Алиева в этой должности. А.М. Алиев показал себя крупным организатором, что особенно проявилось в годы войны в Дагестанской АССР [1, с. 69-76].

Азизу Мамедбековичу 10 января 1945 года «О состоянии колхозов и положении колхозников» сообщалось о том, что за последнее время через пункты Военной цензуры проходят в большом количестве письма, отправителями которых являются колхозники различных районов Дагестана, описывая в них крайне тяжёлое положение колхозников, невыплата на трудодни, отсутствие продуктов питания и др. Так, например:

Получатель: Полевая почта: 11603 «Д», Гаджиеву Магомеду.
Отправитель: ДАССР, Ритлябский район[4], селение Н(или Ц) – Гордали (название села не читается – *И.С.*), Гаджиев.
« … Магомед, нас переселили в Чечню[5], (за что) люди были очень недовольны». Далее следуют проклятья в адрес чиновников: «Чтобы ослеп Хунзахский райисполком за то, что приказал о выселении нас на чужую землю! Дай Бог, чтобы никогда не ушло чёрное пятно и от райкома за то, что издали такой приказ! Переселили нас, чтобы мы голодали, правда мы бы не голодали, если бы руководители не воровали наш хлеб и картошку, дали бы нормально нам жить! Когда мы отказывались от переселения, нам стали угрожать: «если не уедете в указанное время, то ваше домашнее хозяйство и всё что у вас есть, будет гореть в огне». Никто не хотел уезжать на чужую землю, но нас заставили. Мы желаем, чтобы в горах Хунзаха не цвели цветы и высохли все ручьи, чтобы провалилась хунзахская крепость! Начальство собрала всю молодёжь и отправила на фронт, пусть сейчас успокоятся и спят спокойно Советские главари! Слышали ли вы, чтобы невинных людей ссылали в Сибирь?[6] …» [6, Л.28].

Получатель: Полевая почта: 43013, Нуцалову Гаджи.
Отправитель: ДАССР, Казбековский район, селение Дылым, Нуцалову.
«… Гаджи, сообщаю тебе, что мы в колхозе ничего не получаем. Уже три года, как мы работаем беспрерывно, но толку нет никакого. В этом году дали пол килограмма зерна» [6, Л. 28].

Получатель: Полевая почта: 41798 «Ш», Бабушову Абдурахману

---

[4] Ритлябский район ДАССР с райцентром селением Ритляр образован указом Президиума Верховного Совета РСФСР (ПВС РСФСР) от 7 июня 1944 года путём переименования Саясановского района бывшей ЧИАССР (после выселения чеченцев в феврале 1944 г. и заселения дагестанцами их территорий и населённых пунктов). Этим же указом переименованы сельсоветы и населённые пункты района. Указом ПВС РСФСР от 9 января 1957 г. вновь возвращён в ЧИАССР [ ]. (См.: Республика Дагестан. Административное устройство, население, территория (60-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.). (Статистический справочник). Составители: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Ахмедова Д.Б.). – Махачкала. Издательство «Юпитер» - С. 150-151.

[5] После депортации чеченцев в Казахстан в феврале 1944 года на их земли и сёла насильно были переселены дагестанцы (в основном аварцы, даргинцы и лакцы.)

[6] Автор этого письма сравнивает их выселение в Чечню со ссылкой в Сибирь.

Отправитель: ДАССР, Каякентский район, селение Утамыш, Бабушову М.
«…Абдурахман, сообщаю тебе, что мы в колхозе ничего не получаем. У мамы за 1943 год имеется 320 трудодней, а за 1944 год – 270 трудодней, но колхоз ничего не даёт, несмотря на такое количество трудодней. Пуд пшеницы на рынке стоит 1000 руб., а купить не имеем возможности …» [6, Л. 29].

Получатель: Полевая почта: 37753 «А», Умарову Салиху.
Отправитель: ДАССР, Андалальский район[7] [5, с.146], селение Андалал, Умарову М.
«…Салих, сообщаю тебе о положении нашего колхоза. Положение неважное, на трудодни ничего не дали и не дают …» [6, Л. 29].

Получатель: Полевая почта: 16929 «К», Абдулатипову М.Д.
Отправитель: ДАССР, селение Саясаны, Абдулатипову Н.
«… Магомед, сообщаю тебе, что нас переселили. Мать всё время плачет, за то, что пришлось оставить свой дом. В колхоз здесь нас не принимают и отсюда хотят выгнать. Не знаем, что будем делать дальше…» [6, Л. 29].

Получатель: Полевая почта: 36704 «В», Карагодиной А.
Отправитель: ДАССР, станция Шамхал, селение Богатырёвка, Карагодину А.
«…Нет мне житья от председателя колхоза и от руководства нашего сельсовета! Они меня ненавидят и упрекают за то, что у меня есть корова, гуси и козы [6, Л. 29]. Я тебе писала, что в 1943 году купила у Федорина землянку и сарайчик для того, чтобы держать там скотину. Председатель колхоза надо мной издевается! Сегодня он прислал троих колхозников, которые разобрали сарай. Когда я спросила, зачем они разобрали, мне ответили, что это сарай колхозный. На мои жалобы, председатель ответил так: «если я поступил неправильно, подавайте на меня в суд». Но у него же все купленные районные чиновники и судья, куда нам с ним судиться? Если приедет судья или какой-нибудь другой чиновник, он их угостит и даст сыр, яйца, масло, разве судья после этого будет судить в мою пользу?...» [6, Л. 30].

Получатель: Полевая почта: 12823 «У», Абдусаламову Басиру.
Отправитель: ДАССР, Казбековский район, сельсовет Хубар, Шихаматова.
«… Басир, сообщаю тебе, что в ауле очень много жителей умирают. Кроме того, из колхоза ничего не получаем и не дают ничего на трудодни, сколько бы ни работали…» [6, Л. 30].

---

[7] Андалальский район с районным центром селение Андалаль образован указом Президиума Верховного Совета РСФСР (в дальнейшем - ПВС РСФСР) от 07.06.1944 г. путём переименования Ножаюртовского района бывшей ЧИАССР и его сельсоветов. Указом ПВС РСФСР от 09.01. 1957 г. район ликвидирован в связи с передачей территории района в состав восстановленной Чечено-Ингушской АССР [5, с. 146].

Получатель: Полевая почта: 39459 «В», Газигову Али.
Отправитель: ДАССР, Гунибский район, селение Согратль, Маргинову Ш.
«…Али, сообщаю тебе, что здесь люди живут очень плохо. Жизнь очень плохая, из колхоза колхозники ничего не получают …» [6, Л. 30].

Получатель: Полевая почта: 17229 «Г», Айгубову Расулу.
Отправитель: ДАССР, Казбековский район, селение Буртунай, Айгубову.
«…Расул, ты спрашивал в письме, получаем ли мы из колхоза что-либо или нет? Отвечаю, что сколько бы мы ни работали, ничего не дают и нет никакой помощи от колхоза …» [6, Л. 30].

Получатель: Полевая почта: 42734 «Г», Шапиеву Курбану.
Отправитель: ДАССР, Казбековский район, селение Хубар, Сайпудинов.
«… Курбан, сообщаю тебе, что мы из колхоза ничего не получаем. Уже три года, как мы работаем без отдыха, а толку никакого. Наши люди голодают, чтобы не голодать, кушают траву…» [6, Л. 30].

Получатель: Полевая почта: 29263 «В», Абуханинаеву Идрису.
Отправитель: ДАССР, Казбековский район, селение Дылым, Гаджиеву Ю.
«…Идрис, сообщаю тебе, что я работаю в колхозе бригадиром. Если у нас пойдёшь в магазин соли купить, и то отказывают! Бедным колхозникам в соли даже отказывают, не говоря уже об остальном! На колхозников не обращают никакого внимания. Я сам проработал до 1 сентября в колхозе, но мне тоже ничего не дали …» [6, Л. 30].

Получатель: Полевая почта: 19978, Мирзаханову Д.
Отправитель: ДАССР, станция Берикей, селение Берикей[8], Мирзаханову П.
«… Колхоз нам на трудодни ничего не дал уже десятый месяц. Наш народ не знает, как быть, куда обратиться за помощью! Кончается работа на полях, скоро наступит зима, а мы не знаем, что делать! Постарайся приехать домой…» [6, Л. 31].

Письма аналогичного содержания продолжают поступать.
Народный комиссар Госбезопасности ДАССР Калининский. Подпись.
10 января 1945 года. № 12/1 Гор. Махачкала, ДАССР».

Итогом обращения наркома госбезопасности ДАССР М.И. Калининского к А.М. Алиеву стало срочный, 15-го января 1945 года, созыв бюро Дагестанского обкома ВКП(б), на обсуждение которого был вынесен вопрос: «О фактах бездушно-бюрократического отношения к удовлетворению нужд семей военнослужащих в городах Махачкала, Дербент, посёлке Двигательстрой, Казбековском, Веденском,

[8] Станция и селение Берикей находится в Дербентском районе и жили там теркемейцы-азербайджанцы.

Кизилюртовском, Дербентском и других районах» (Справка НКГБ тов. Калининского от 11/1 1945 года») [1, с. 428-430]. В постановлении Бюро обкома ВКП(б) от 15-го января 1945 года горкомам ВКП(б) трёх городов республики – Махачкалы, Дербента, Буйнакска и 13 райкомам было поручено немедленно проверить, указанные в справке наркома госбезопасности Калининского факты, оказать семьям военнослужащих необходимую помощь в улучшении их материально-бытового положения, о принятых мерах к 5 февраля необходимо было предоставить справку [1, с. 428]. Для проверки сигнальных сообщений, в районы и города направлялись инструктора и другие ответственные работники обкома партии и советские работники. В конце января 1945 года тем же постановлением на бюро Дагобкома был вынесен вопрос Казбековского района, откуда больше всех поступило жалобы от семей военнослужащих на плохое материальное положение и бездушное отношение местных чиновников [1, с. 429].

На первой странице документа стоит резолюция из двух пунктов А. Алиева: (товарищу) Путерброт [9] и Гусейнову [10]: 1. «Составьте письма соотв(етственно) секр(етарям) РК ВКП(б) с требованием в декадный срок проверить материальные условия колхозников – семей фронтовиков этих районов, оказать им необходимую помощь. О принятых мерах направить в обком ВКП(б) справку и поставить в известность. 2) Эту справку передайте мне 4. II перед Пленумом обкома ВКП(б). Подпись Алиева. Число.11. I. 1945 г.

---

[9] Путерброт Александра Терентьевна (Дурова) (1914 – 2000) – советский журналист, писатель и общественный деятель, родилась в селе Колывань Томского уезда Томской губернии. Получив среднее образование, вступила в комсомол, стала журналистской местных и районных газет, с 1930 года на комсомольской работе. В 1939 году была направлена в Дагестан, где продолжила свою трудовую деятельность в должности заведующей отделом культуры и образования редакции газеты «Комсомолец Дагестана». В 1941—1943 годах Путерброт А.Т. становится заведующей отделом комсомольской жизни редакции правительственной газеты «Дагестанская правда»; в 1943-1944 годах – ответственный секретарь Комиссии по истории Отечественной войны при Дагобкоме ВКП(б), затем инструктор отдела пропаганды и агитации Дагобкома ВКП (б). С 1944 по 1971 год А. Т. Путерброт работала корреспондентом ТАСС в Дагестане, а поисковая работа по воинам-дагестанцам стала её основной задачей.

[10] Гусейнов Идаят Гусейнович родился 17 марта 1928 года в с. Рутул Рутульского района Дагестанской АССР. В годы войны (1941-1945) учёбу в школе совмещал с работой монтёра электростанции и помощника бригадира колхоза имени Ворошилова в родном селе. С апреля 1944 года по февраль 1945 года работал секретарём и диктором республиканского радиовещания. С февраля 1945 года по февраль 1946 года учился в годичной областной партийной школе при Дагестанском обкоме ВКП(б). После окончания исторического факультета ДГПИ, поступил в аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию и работал доцентом ДГУ.

Слева внизу стоит ещё одна резолюция Алиева, адресованная Путерброт: «Возьмите на строгий контроль. Подпись». Внизу на первой странице документа стоит штамп: «Секретно. Число. 12. I. 45 г.». Далее текст не читается.

Таким образом, несмотря на то, что прошло 80 лет, как закончилась Великая Отечественная война, самые тяжёлые страницы жизни и деятельности дагестанских колхозов и рядовых колхозников остаются мало изученными. Эту тему можно ещё дальше развивать, если исследователям удастся в государственных или частных архивах найти письма и воспоминания самих колхозников военных лет.

Список источников и литературы:

1. Азиз Алиев – видный учёный, государственный, политический и общественный деятель. (Годы работы в Дагестане 1942-1948). (Доклады, речи, статьи, воспоминания, документы, иллюстрации). К 115-летию со дня рождения. – Махачкала, 2012. – 520 с.
2. Искендеров Г.-М.А., Ахмедов Б.Г. Сельское хозяйство Дагестана в годы Великой Отечественной войны (Проблемы изучения) // Народы Кавказа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Материалы Международной научной конференции, посвящённый 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. 26-27 апреля 2005 г. / Составитель: Г.И. Какагасанов. - Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. – С. 214-217.
3. История Дагестана в 4-х т. Т. 3. М., 1968. – 426 с.
4. Патриотический и трудовой подвиг трудящихся Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сборник статей. – Махачкала: Типография ДагФАН СССР. 1983. – 216 с.
5. Республика Дагестан. Административное устройство, население, территория (60-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.). (Статистический справочник). Составители: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Ахмедова Д.Б.). – Махачкала. Издательство «Юпитер». 2001. – 189 с.
6. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6237. Л.Л. 28-31

УДК 94

Суздальцева И.А.,
Кандидат исторических наук, доцент
Дагестанский государственный
педагогический университет им. Р. Гамзатова

г. Махачкала, РФ

Участие рабочей молодежи в организации строительства бронепоезда «Комсомолец Дагестана» в годы Великой Отечественной войны

Аннотация. Статья посвящена важной инициативе: в декабре 1941 г. в Махачкале началось строительство бронепоезда «Комсомолец Дагестана». Молодежь всей республики провела воскресник и перечислила собранные средства в специальный фонд. Строительство бронепоезда велось работниками железнодорожных мастерских и вагонного депо. Активное участие в реализации проекта приняли молодые железнодорожники города. В августе 1942 г. «Комсомолец Дагестана» как отдельный бронепоезд № 17 включили в состав войск Закавказского фронта.

Ключевые слова: Буйнакск, митинг, воскресник, комсомол, Махачкала, железная дорога, мастерские, вагонное депо.

В годы Великой Отечественной войны советская молодёжь стала инициатором многих важных патриотических начинаний, которые затем выливались в массовые движения. Так, молодые работники Дагестана проводили комсомольско-молодёжные вахты и создавали комсомольско-молодёжные фронтовые бригады, участвовали в движении «двухсотников» и собирали средства для помощи фронту [2, с. 91-92].

В сентябре 1941 г. на Буйнакском кожевенно-обувном комбинате зародилась инициатива построить для советских воинов бронепоезд. Заведующий производством М.Д. Фирсов писал по этому поводу: «Инициатива его постройки принадлежала нам. Осенью 1941 года на митинге комсомолка Арсланбекова внесла предложение — собрать средства и построить бронепоезд для отпора врагу. Ее горячо поддержал весь коллектив нашего комбината, все комсомольцы и трудящиеся республики» [3, с. 191]. Секретарь Дагестанского обкома комсомола М.Т. Мусаев также вспоминал о том, как появилась инициатива построить бронепоезд: «На собрании молодежи комбината выступила комсомолка Асланбекова с пылкой речью и предложила тут же начать сбор средств на это дело. Собрание постановило отчислить в фонд строительства бронепоезда однодневный заработок, и через несколько дней комбинат перечислил в банк пять тысяч рублей. Инициативу молодых кожевников в тот же день подхватила молодежь всех предприятий и учреждений Буйнакска и колхозов Буйнакского района, а затем горячо поддержали комсомол и молодежь всей республики [3, с. 66].

26 октября 1941 г. бюро Дагестанского обкома ВКП (б) приняло постановление «О постройке бронепоезда «Комсомолец Дагестана» силами комсомольцев и молодежи. Партийное руководство одобрило это предложение. Кроме того, была поддержана инициатива проведения по всей республике массового комсомольско-молодежного воскресника с последующей передачей собранных денег в фонд постройки бронепоезда.

В организации воскресника с последующим отчислением средств на строительства бронепоезда приняла участие молодежь всех городов и сельских районов республики. По просьбе Дагестанского обкома ВЛКСМ государственный банк открыл специальный финансовый счет, куда в течение 15-20 дней было перечислено более 1 млн. рублей [3, с. 67]. По воспоминаниям секретаря Докузпаринского и Хивского райкомов партии Р.Ю. Юсуфова, более 3 500 комсомольцев и молодежи Докузпаринского района вышли на воскресник, и заработанные средства – 28 тыс. рублей внесли в фонд постройки бронепоезда «Комсомолец Дагестана» [3, с. 52]. В воскреснике, организованном комсомольцами Левашинского района, участвовало 3 350 человек, [4] в Хунзахском районе для строительства бронепоезда было собрано 45 880 руб. [6, с. 157].

На особом заседании СНК ДССР № 197 от 9 декабря 1941 г. было принято специальное постановление «О мероприятиях по строительству бронепоезда «Комсомолец Дагестана». Организовать строительство планировалось в вагонном депо на станции Махачкала-сортировочная Орджоникидзевской железной дороги силами местных рабочих. Решение о строительстве бронепоезда обсуждалась на комсомольском собрании железнодорожников. Мастер Махачкалинского вагонного депо М.А. Шаповалов писал, что оно «было принято единодушно, с большим подъемом» [3, с. 99]. Спустя несколько дней в Махачкалинское вагонное депо приехали руководители Президиума Верховного Совета ДАССР, Совнаркома ДАССР, Дагестанского обкома партии и обкома комсомола. На рабочем совещании с их участием был создан штаб руководства строительством бронепоезда. В него были включены начальник вагонного депо В.Г. Штурмин, секретарь Дагестанского обкома комсомола Измайлов, представитель республиканского обкома партии Кажлаев и другие. Для составления проектной документации было создано техническое бюро. В него вошли инженеры С.А. Джамалов и К.Н. Колесникова, мастер Махачкалинского вагонного депо М.А. Шаповалов и эвакуированные с Украины специалисты [3, с. 99].

По воспоминаниям работника железной дороги Я.Н. Кудрявцева, инициативу постройки бронепоезда поддержали работники всех служб

станции Махачкала-сортирочная. Он писал: «С большим подъемом приняли железнодорожники призыв Дагобкома ВКП (б) в кратчайший срок оборудовать бронепоезд своими силами. Большое участие в этом деле проявили В.Г. Штурмин, А.М. Шаповалов, В.Д. Котенко, машинисты Кириченко и Пигарев и весь коллектив ремонтных цехов вагонного и паровозного депо [3, с. 92-93].

Возможность постройки бронепоезда своими силами и в краткие сроки несколько раз обсуждалась членами партийной и комсомольской организации железнодорожников г. Махачкалы. Основная трудность состояла в том, что никто из инженеров и мастеров не имел опыта подобной работы.

Состав технического бюро не имел готового проекта, который бы учитывал новейшие технические достижения. Поэтому инженерно-техническим работникам пришлось собрать и изучить специальную литературу. Кроме того, им удалось осмотреть бронепоезд, прибывший в это время в г. Дербент. Его командир капитан С.Н. Бородавко, имевший военный опыт, высказал несколько предложений по бронированию, усилению средств защиты, модернизации установки орудий [8, с. 20]. В конце октября 1941 г. техническое бюро завершило составление проекта бронепоезда, и его рабочие чертежи были переданы строителям.

Для строительства бронепоезда были сформированы бригады слесарей, котельщиков, электросварщиков и кузнецов. Основу их составляли комсомольцы. Между бригадами сразу же началось социалистическое соревнование. Работники стремились досрочно завершить строительство каркаса и в короткие сроки, качественно изготовить узлы для бронепоезда.

Участники строительства перешли на казарменное положение, работали по 16-18 часов, часто в ночное время в условиях воздушных обстрелов и соблюдения правил светомаскировки. Железнодорожники вспоминали, что «в цехах строго соблюдалась светомаскировка, температура воздуха резко поднималась, становилось очень душно. Старички иногда не выдерживали такого напряжения, но молодежь трудилась беззаветно. … Весь коллектив строителей находился на казарменном положении, и мы не выходили из цеха по 16-18 часов, пока хватало физических сил» [3, с. 96].

Строительство бронепоезда в Дагестане завершилось в феврале 1942 года. 18 марта 1942 г. заместитель начальника АБТО Закавказского военного округа сообщил по этому поводу начальнику укомплектования Главного автобронетанкового управления Красной Армии (ГАБТУ КА): «Представляя материал о данных построенного бронепоезда «Комсомолец Дагестана» доношу, что бронепоезд, состоит из бронепаровоза и двух бронированных

платформ. Вооружением пока не укомплектован. Бронепоезд в настоящее время дислоцируется в Махачкале» [1].

В июне 1942 г. бронепоезд был передан военному командованию. Секретарь Дагестанского обкома ВЛКСМ М.Т. Мусаев вспоминал по этому поводу: «Трудно описать чувство радости комсомольцев и молодежи, когда в конце июня 1942 года бронепоезд был закончен и сдан военному командованию. Каждый из нас законно гордился тем, что бронепоезд с надписью «Комсомолец Дагестана» вышел навстречу врагу» [3, с. 67].

Многие участники строительства бронепоезда были отмечены наградами. В августе 1942 г. на арсенале в г. Тбилиси бронированный поезд был оснащен оружием. 25 августа 1942 г. «Комсомолец Дагестана» вошел в состав войск Закавказского фронта как отдельный бронепоезд № 17. В конце августа 1942 г. в 3-х дневных тяжелых боях под бомбежками и обстрелами он остановил фашистские танки, рвущиеся к р. Тереку [5]. «Комсомолец Дагестана» участвовал в 39 боевых операциях Великой Отечественной войны. Многие члены его экипажа были награждены орденами и медалями [7, с. 120].

Таким образом, значимой инициативой трудовой молодежи на начальном этапе Великой Отечественной войны стало строительство бронепоезда «Комсомолец Дагестана». Молодые работники дагестанских предприятий перечислили в специальный фонд однодневный заработок. Непосредственное участие в строительстве бронепоезда приняли молодые работники железнодорожных мастерских и вагонного депо г. Махачкалы.

Список источников и литературы

1. 19-й отдельный дивизион бронепоездов. [Электронный ресурс]. URL: http://tankfront.ru/ussr/odbp/odbp19.html#5ref
2. Акмурзаева З.М. Юношеские организации в Дагестане (XX - начало XXI в.): история, проблемы. Махачкала: Алеф, 2024. 212 с.
3. Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий. Махачкала, 1962. 496 с.
4. Дагестанская правда, 1941 г. 8 сентября
5. Ефимьев А.В., Манжоров А.Н., Сидоров П.Ф. Бронепоезда в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М. Транспорт, 1992. [Электронный ресурс]. URL: http: //militera.lib.ru/h/efimev_manzhosov_sidorov/08.html
6. Немеркнущий подвиг: дагестанцы на фронте и в тылу. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. Составители: М.Я. Мирзабеков, Г.И. Какагасанов, Л.Г. Каймаразова, М.М. Амирханова, Ю.М. Лысенко, С.А.

Амирова, П.К. Маграмова. Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2020. 312 с.
7. Суздальцева И.А. Железная дорога Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. СПб., 2020. № 3. С. 119-122.
8. Суздальцева И.А. Строительство бронепоезда «Комсомолец Дагестана» в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям). // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2025. № 1-2. С. 16-24.

Смыр С.А.
старший лаборант кафедры истории,
археологии и этнологии Абхазии
факультета истории и международных отношений (ФИиМО)
Абхазского государственного университета.
г. Сухум, Республика Абхазия
sofismyr@mail.ru

Уроженцы села Куланырхуа на фронтах Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

Аннотация: данная статья посвящена изучению судеб уроженцев села Куланырхуа (Руспублика Абхазия, Гудаутский район), мобилизованных в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. На основе архивных документов установлен полный поименный список призывников. Кроме того, выявлены все случаи гибели и пропажи без вести.

Ключевые слова: война, сельское население, мобилизация.

Великая Отечественная война (1941-1945 гг.) стала тяжелейшим испытанием для народов Советского Союза. Абхазия отправила на фронт 55,5 тыс. своих граждан. Пока они сражались на передовой, республика жила и работала для победы: экономика и все народное хозяйство были оперативно перестроены на военный лад. [3, с. 16]

Изучение вклада людей в Победу на микроуровне – актуальное направление современной исторической науки. За цифрами мобилизаций и потерь скрываются конкретные человеческие судьбы и локальная память. Для реализации изучения в масштабах одного села взято село Куланырхуа, расположенное в Гудаутском районе Республики Абхазия.

С начала объявления войны из села Куланырхуа было мобилизовано 132 жителя. 83 человека числятся погибшими и пропавшими без вести. Их имена навечно выбиты на мемориале как безвозвратная потеря села.

Работа по установлению подвигов, боевого пути, обстоятельств гибели длилось не одно десятилетие. Фронтовики, вернувшиеся в родное село, делились воспоминаниями для послевоенной хроники. Появлявшиеся в газетах статьи дополняли их рассказы, и в настоящее время эти публикаций используются как первоисточники. Благодаря созданию в открытом доступе сайта данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» стало возможным найти архивные документы с информацией об участниках, подвигах и наградах. Следует отметить, что в документах допущены некоторые ошибки, однако они никак не препятствуют в установлении личной принадлежности. Так, в исследованных наградных листах пятерых сыновей Осия Камшиша (Сократа, Владимира, Дмитрия, Снатия и Михаила) выявлены ошибки в отчестве (Константинович/Камшишевич), национальности (в некоторых документах Владимир записан как абхаз, а в других как лезгин). Война распорядилась судьбами братьев жестоко. Старший демобилизован в 1944 г. и от полученных ран умирает в том же году. Владимир Осия был участником Сталинградской битвы за проявленное мужество был награжден орденами Красной звезды и «За оборону Сталинграда». Также, он принимал участие в освобождении городов Житомира, Ровно, Проскурова, Винницы, Каменец-Подольска, Ковеля, Тернополя, Черновцов, Станислава, Дрогобыча, Львова. За боевые заслуги был удостоен ордена Отечественной войны II степени и ордена Александра Невского. Капитан Владимир Осия был семь раз тяжело ранен, дважды контужен, получил обморожение. Через год после окончания войны вернулся в родное село. Начал работать начальником финотдела. Создал семью, но прожил совсем недолго, от полученных на войне ран, его жизнь оборвалась в возрасте 38 лет.

Снатия погиб при исполнении боевого задания. Похоронен в Югославии. Михаил в одном из сражений пропал без вести. Лишь Дмитрий нашел свое место в мирной жизни – его послевоенная биография была связана с гражданской авиацией Абхазии. Во время Великой Отечественной войны Дмитрий осуществлял руководство по боевому оснащению и подготовке самолетов к боевому вылету. В наградном листе о заслугах говорится: «За время действий на фронте т. Осия обеспечил безотказную работу 203 боевых вылетов и совместно со старшим техником эскадрильи старшиной Мазур Л.В. восстановил два самолета». За самоотверженную по обеспечению безотказной работы самолета и мотора на выполнение боевых

заданий командования, качественную работу и отличное содержание самолета – достоин правительственной награды – медали «За боевые заслуги».

В 1944 году окончил школу формирования ночных экипажей дальней авиации. Ему присвоили звание лейтенанта и направили в 200-й гвардейский полк в Прибалтику. «Совершил 8 боевых вылетов, из них на столицу Германии – Берлин 2 боевых вылета, Данциг дважды, Кенигсберг дважды, Пиллау и по скоплению вражеских танков и пехоты в районе г. Берлин. Достоин правительственной награды – ордена «Красная звезда» (1945 г.). [4, с. 213]

Значительный вклад в разгром врага внес летчик Виктор Аргун. Его путь начался еще в 1936 году: когда в Абхазии открылся аэроклуб Осоавиахима, именно В. Аргун как самого опытного пилота назначили начальником летной части. Одной из его учениц была первая абхазская летчица Мери Авидзба, которая служила в женском авиационном полке в составе ВВС СССР во время Великой Отечественной войны.

1942 год – переломный и самый опасный для Кавказа. Немецкие войска захватили перевалы Клухор, Марух, Санчаро. В этих условиях советская авиация работала с предельной нагрузкой. Летчикам приходилось подниматься в воздух пять-шесть раз в день, наносить бомбовые удары по вражеским войскам. Всего Виктор Аргун совершил свыше 300 боевых вылетов. На его счету 5 сбитых самолетов, уничтожено 2 артиллерийские точки, 5 зенитных расчетов, 5 вьючных лошадей с боеприпасами. Во главе звена он всегда прикрывал от налетов фашистской авиации военные корабли и транспортные суда на Черном море. За его боевые заслуги он награжден: двумя орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени и боевыми медалями. Виктор Аргун погиб 18 декабря 1942 года при выполнении боевого задания. Он похоронен в родном селе Куланурхуа. Память о нем увековечена в названии средней школы №2 г. Гудаута. [5]

Перед лицом войны все равны. Ученый, как и любой другой, может быть мобилизован, оставляя свои исследования. Так, для выполнения главного гражданского долга, на фронт ушел первый абхазский археолог Михаил Маметович Трапш. Получив базовое образование в Гудаутской школе, затем в Сельскохозяйственном техникуме, Михаил Маметович быстро осознал, что его истинное призвание далеко от аграрного дела. Он нашел иное призвание в работе с землей, став ученым-археологом. В 1935 году М. Трапш стал студентом исторического отделения Сухумского государственного педагогического института. После его успешного окончания он продолжил научный путь в аспирантуре Тбилисского

Института истории имени И. Джавахишвили. Однако война внесла в его планы свои коррективы. Он прошел через ожесточенные бои за Ленинград, где получил многочисленные ранения, защищая город от захватчиков. После выздоровления обучал снайперов в военном училище. Весь период военных действий М. Трапш находился на фронте и вернулся на родину лишь после ее окончания. Его боевой путь отмечен почетной медалью «За отвагу». Вернувшись домой, он продолжил научную деятельность. В 1948 году М. Трапш приступил к археологическим раскопкам в родном селе Куланырхуа и обнаружил могильник эпохи поздней бронзы и раннего железа «колхидской» и «скифской культур» [6, с. 4]. После защиты в 1951 году кандидатской диссертации на тему «Куланурхвинский древний могильник», автор продолжил работу над темой. Результатом стала изданная в 1962 году монография «Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР», представляющая собой значительно дополненную версию его исследования. В честь М.М. Трапш было присвоено имя средней школе №1 села Куланырхуа.

Война безжалостна не только к тем, кто погибает на поле боя, но и к тем, кто остается ждать. Жизнь семьей, чьи сыновья пропали без вести, превращается в бесконечную пытку неизвестностью. В такую сложную ситуацию попала семья Авидзба Сергея Ахматовича. Ему было всего 20 лет, когда он ступил на путь войны. В письме от 25 января 1944 года он пишет: «Если спросите, как я, то я жив, здоров. Ранен был, но рана зажила, сейчас нахожусь в городе Тамбове в выздоравливающем батальоне». Эта весточка оказалась последней – после нее от него больше не было известий.

Прогремели залпы Победы, вернулись фронтовики, но Сергей так и не переступил порог родного дома. Куда бы ни обращались его старшие братья Мкан и Тукан Авидзба, их ждал только один ответ: ваш брат пропал без вести. Они так и не успели узнать ничего нового о брате. Понимая, что не в силах исполнить обещание, данное на могилах родителей, они перед смертью попросили своих сыновей – Анатолия, Эдуарда, Вячеслава и Владимира найти Сергея, живым или мертвым.

Попытки поиска не прекращались. И вот в 2005 году на запрос в Подольский Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, направленный Анатолием Авидзба пришло уведомление: «Командир отделения 14-й гвардейской кавалерийской дивизии гвардии сержант Авидзба Сергей Ахматович, 1921 года рождения, уроженец Абхазской АССР, г. Гудауты, призван в СА Гудаутским РВК, погиб 2 марта 1945 года, похоронен: м. Петницк р-н Грыфино, Германия (ныне г. Грайфенберг, Щецинского в-ва, Польша)». После запроса в Польшу, от

Группы по историко-мемориальной работы пришло письмо, в которой говорится, что в результате проверки «установлено прах Авизба (Авидзба) Сергея Ахметовича (Ахматовича), 1921 г.р., в настоящее время покоится в городе Грыфино, на ул. Войска Польского (Западно-Поморское воеводство), могила №25-39».

В 2006 году А.М. Авидзба побывал на могиле дяди, на протяжении 60 послевоенных лет считавшегося без вести пропавшим. На могиле установили надгробный камень с фотографией, Анатолий высыпал на могилу Сергея горсть земли с могил родителей и его братьев. И горсть земли с его могилы он привез в родное село, на родовое кладбище. [2]

Сергей Авидзба награжден медалью «За боевые Заслуги». В наградном листе мы читаем: «Участвует в Отечественной войне с 1941 года и за этот период проявил себя исключительно стойким и мужественным защитником Социалистической Родины, не знает страха в разгроме кровожадных немецких оккупантов. Тов. Авидзба в Отечественной войне имеет одно тяжелое ранение». В феврале 1945 года представили к награде ордена «Славы III степени». В изложении личного боевого подвига говорится: «Тов. Авидзба Сергей Ахматович в боях за Советскую Родину проявил себя как отважный и устойчивый командир. В боях за гор. Калиш отделение, где командовал гв. сержант Авидзба Сергей отбил две атаки немцев, пытающихся напасть на эскадру с левого фланга, при этом захватил шесть немцев и уничтожил часть фашистов» [1].

Война оставила свой след в каждой семье: одни не вернулись из боя, другие посвятили жизнь работе во благо страны, а чьи-то могилы затерялись далеко от родины. Мы в неоплатном долгу перед ними, и единственное, что в наших силах, — это бережно хранить и передавать память о них будущим поколениям.

Список источников и литературы

1. https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1102008479/. Дата обращения 15. 04. 2026.
2. Ирзаханова А. Через 60 долгих лет. Газета «Республика Абхазия», №12. 2006.
3. Пачулия В. М. Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Сухум,2015
4. Смыр С.А. К 80-летию Великой Победы: братья Осия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2025.

5. Тариа А.М. Первый летчик Абхазии. Сухум, 2004.
6. Трапш М.М. Труды. Т. I. Сухуми, 1970.

УДК 94

Саидова М.З.
к.и.н., доцент, зав. кафедрой Всеобщей истории
ДГПУ им. Р. Гамзатова
Эмирова М.Н.
к.и.н., профессор кафедры Всеобщей истории
ДГПУ им. Р. Гамзатова

Становление государственности в Советском Дагестане (20-г. XX века)

Аннотация: Провозглашение автономии Дагестана 13 ноября 1920 года и последующее юридическое оформление Дагестанской Автономной Социалистической Советской Республики (ДАССР) 20 января 1921 года стали поворотными событиями в истории региона. Впервые в истории дагестанские народы получили собственную государственность в рамках советской системы. Это означало признание их политической и административной субъектности, что было невозможно в условиях Российской империи.
События 1920–1921 годов заложили основу для дальнейшего развития республиканских институтов, принятия собственных законов, формирования национальной интеллигенции и культурной идентичности.

Ключевые слова: автономия, Дагестан, государственность, идентичность, гражданская война, дагестанские народы, советская власть.

Провозглашение автономии Дагестана, одна из интересных страниц истории нашей республики, поскольку после падения самодержавия, предпринималась не одна попытка создания новых форм государственности на территории бывшей царской окраины. Стоит вспомнить и Горскую республику, и Северо-Кавказский эмират.

Следует сказать, что до революции 1917 г. большевики выступали за унитарное демократическое централизованное государство с широкой областной автономией и были противниками федерализации страны. Но требования политического момента вынудили их пойти на уступки. Придя к власти, большевики признали целесообразность федеративного устройства России. СНК РСФСР уже на седьмой день утвердил Декларацию прав народов России, в которой провозглашались равенство и суверенность народов России, отмена всех национально - религиозных привилегий, свободное развитие национальных меньшинств.

В январе 1918 г. была принята Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа, включенная в первую советскую Конституцию, и

законодательно закреплявшая «признание выхода из Российской Федерации отдельных частей ее» [2, с.322].

Правда, новая власть не имела четких представлений о том, как на практике реализовать все эти принципы, а начавшаяся Гражданская война еще больше осложнила поиск форм и методов советского национально-государственного строительства. Большевикам противостояли многочисленные националистические группы и мусульманское духовенство, еще весной 1917 г. провозгласивших создание республики объединенных горцев Северного Кавказа «от моря до моря» [1, с.30].

Так же, как и в России, Гражданская война развернулась в Дагестане сразу после установления власти Советов. И так же здесь она сопровождалась иностранной военной интервенцией. Воспользовавшись кризисом, охватившим Россию, правительства иностранных государств пытались осуществить собственные планы. И в этих планах Кавказ играл немаловажную роль. На Парижской мирной конференции в 1919 г. Антанта обсуждала планы захвата и расчленения советской России и создания на Кавказе марионеточных правительств. Охваченный гражданской войной Дагестан оказался, кроме того, камнем преткновения интересов стран англо-американского блока, с одной стороны, и германо-турецкого – с другой.

Уже в первый период формирования «белого» движения его лидеры заявляли, что они будут отстаивать право на широкую автономию отдельных народностей, но при условии сохранения государственной целостности России. [5, с. 104.].

По мере эскалации конфликта девиз национальной политики белых упростился до лозунга «единой и неделимой России». Они крайне нетерпимо относились к любым акциям, которые могли быть расценены как шаги к установлению самостоятельности региона – национального или этноконфессионального. Это значительно суживало социальную опору антисоветского лагеря и, в конечном счете, привело к победе большевиков.

В горах Дагестана еще продолжалась гражданская война, когда советское правительство уже приступило к реализации национально-государственного вопроса на Северном Кавказе. В октябре 1920 г. было решено образовать Горскую и Дагестанскую автономные республики.

13 ноября 1920 г. в Темир-Хан-Шуре, в здании городского театра, открылся Чрезвычайный съезд народов Дагестана. 300 депутатов Съезда стали участниками исторического события: нарком по делам национальностей РСФСР И.В. Сталин огласил декларацию об Автономии Дагестана в составе РСФСР с внутренним самоуправлением и сохранением норм шариата, подчеркнув при этом, что «…автономия Дагестана не означает и не может означать отделения его то советской России. Россия и Дагестан должны сохранять между собой связь, - сказал он, - ибо только и в этом случае Дагестан сможет сохранять свою свободу» [4, с. 398.].

И.В. Сталин обратил внимание, что «…среди дагестанских народов шариат имеет серьёзное значение. … Советское правительство считает

шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию. Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены[4, с. 398.].

Законодательное закрепление автономия республики получила 20 января 1921 г. декретом ВЦИК об образовании ДАССР.

Система органов власти и управления Дагестана, как автономной республики, была определена Конституцией 1921 г., принятой I Вседагестанским съездом Советов. Высшим органом государственной власти республики стал Вседагестанский Съезд Советов, а в период между съездами - Центральный Исполнительный Комитет. На сессиях (т.е. проводимых в установленном порядке общих собраниях депутатов) ЦИК формировалось правительство - Совет Народных Комиссаров - осуществляющее руководство хозяйственно-политической и культурной жизнью республики. Органами власти на местах стали местные Советы рабочих и крестьянских депутатов[3, с.447].

После бесконечной смены правительств и ориентаций решающую победу в гражданской войне в Дагестане одержали большевики. Они действовали более решительно, организовано, и конечно их главным козырем в этой борьбе была опора на силы Красной Армии.

Сталин, обращаясь к Чрезвычайному съезду народов Дагестана 13 ноября 1920 г. отмечал, что «…Советское правительство - первое правительство, которое добровольно даёт Дагестану автономию. Это означает, что автономия Дагестана войдет в жизнь Дагестанской Республики, как ее прочное и нерушимое основание. Ибо прочно лишь то, что дается добровольно. Мы надеемся, что народы Дагестана оправдают доверие Советского правительства» [4 с. 399.].

Напутственные слова наркома по делам национальностей РСФСР не потеряли актуальности в наши дни. Провозглашение автономии стало отправной точкой для формирования современной дагестанской государственности, обеспечив региону политическую субъектность, культурное развитие и социально-экономический прогресс в составе Советского Союза. Пройдя через годы испытаний, созидательного труда, лихие 90-е и крушение идеалов, пойдя в XXI век, с его новыми реалиями, будучи субъектом РФ, Дагестан продолжает пользоваться внутренним самоуправлением, сохраняя братскую связь с народами России.

Список источников и итературы:

1. Власть и мусульманская религия в Дагестане 1917-1991гг. Махачкала, 2007.
2. Декреты Советской власти. Т.I. М., 1957.
3. Революционные комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства (март 1920-декабрь 1921гг.). Махачкала, 1960.
4. Сталин И. Съезд народов Дагестана 13 ноября 1920 г. Сочинения. Т.4, М., 1947.

5. Ушаков А.И., Федюк В.П. Белое движение и право наций на самоопределение. // Проблемы политической и экономической истории России. М., 1998.

УДК 94

Саидова М.З.
к.и.н., доцент, зав. кафедрой Всеобщей истории
«Дагестанский государственный педагогический университет» им. Р. Гамзатова
г. Махачкала, РФ.

Из истории деятельности аппарата местных советов, как органов самоуправления (60- 70-е г. XX века)

Аннотация: Идея создания Советов, изначально предусматривала, что они станут не только органами государственной власти, но и органами самоуправления, в которых будет задействована широкая масса общественности, поскольку круг вопросов, решаемых местными органами власти, затрагивал практически все узловые проблемы жизни республики, города, района, поселка. В этом плане знаменательны для местных Советов ввиду того, что неизмеримо возросла их ответственность во всех областях жизни общества, оказались 60-70-е годы XX века. Именно в этот период, лучше всего советы проявили себя как органы самоуправления, которые хотят, а главное могут, справятся с насущными вопросами любой сложности.

Ключевые слова: советы, депутаты, самоуправление, органы государственной власти, общественность.

Период «хрущевской оттепели» способствовал активизации социально-политической жизни советского общества. Рост запросов и потребностей общества, требовал от представителей местных органов власти знаний, компетентности, организаторских способностей. Огромная ответственность ложилась на депутатский состав советов всех уровней, начиная с Верховного Совета республики.

На всех участках республиканского аппарата управления промышленностью, сельским хозяйством, культурно-бытовым строительством в республике работали квалифицированные специалисты. Как правило, министры, начальники управлений, заведующие отделами Совета Министров ДАССР, руководители хозяйственно-отраслевых ведомств люди с высшим специальным образованием и большим опытом. Был укреплён также руководящий состав городского и районного звена. К началу 1971 года из 47 председателей исполкомов городских и районных Советов все имели высшее образование [3. л.18]. Почти половина из них были специалисты промышленного и сельскохозяйственного производства.

К концу 1970 года из 597 председателей сельских и поселковых Советов 413 имели высшее, незаконченное высшее и среднее образование, а 72 человека были заочники высших учебных заведений [3. л.18].

Источником пополнения и обновления аппарата Советов, наряду с партийными и хозяйственными работниками был широкий актив, группировавшийся вокруг советов, прошедший школу общественного самоуправления, освоивший навыки руководства государственными делами.

По-прежнему огромное значение придавалось работе постоянных комиссий. В 1960-70годы году в работе постоянных комиссий местных Советов участвовало от 20 до 28 тыс. человек [2. с.151]. В их числе были не только депутаты, но и активисты, которые привлекались к подготовке вопросов, вносимых комиссиями на рассмотрение исполкомов и Советов к изучению тех или иных проблем, к организаторской работе Советов и их комиссий. Так, только в 1968г. число активистов при постоянных комиссиях местных Советов республики насчитывалось 3653 человека [2. с.151].

Важным источником пополнения кадров являлись внештатные отделы исполкомов местных Советов. Внештатные отделы появились в Советах в начале 60-х годов и в 1969г. их насчитывалось 734 [4. л.165]. Они помогали исполкомам местных Советов в подготовке и проведении мероприятий, запланированных исполкомами, в проверке деятельности предприятий и учреждений, подведомственных Совету.

О важности работы внештатных отделов свидетельствуют многие факты. Так, в 1962 г. в одном из номеров Хасавюртовской газеты была опубликована заметка о запущенности парков и аллей города. Работники внештатных отделов города организовали серию субботников. На улицах и скверах было посажено 30 тыс. деревьев и декоративных кустарников[1..68].

Придавалось большое значение дальнейшему улучшению работы местных Советов среди населения по месту жительства. Микрорайон всё больше становился своеобразным административно-территориальным подразделением, охватывающим территорию домоуправления, жилищно-эксплуатационной конторы, рабочего посёлка, а в сельской местности - населённого пункта, отдалённого от центра сельского Совета.

Поиски правильного решения задачи улучшения работы с населением, проживающим в микрорайонах, привели к появлению таких форм коллективной работы депутатов, как депутатские группы и депутатские Советы.

На территории домоуправлений города Махачкалы действовали депутатские советы. Они объединяли депутатов горсовета, избирательные округа, имеющиеся на территории микрорайона.

Депутатские Советы города рассматривались как оперативные постоянно действующие органы, которые связывали Советы, их исполнительные комитеты с местами. Они организовывали ежедневный приём населения. В соответствии с положением депутатские советы

осуществляли контроль за работой домоуправлений, учреждений и организаций бытового и социально-культурного обслуживания населения, расположенных в данном микрорайоне. Много внимания уделяли депутатские советы улучшению жилищных условий избирателей, рассмотрению их заявлений и жалоб.

Хорошо зарекомендовали себя такие депутатские советы рассматриваемого периода г. Махачкалы, как совет №55 ул. Батырая (председатель Моисеенко А.Д.) силами которого в 60-е годы была проведена канализация, протяженностью более 500 метров, улучшено освещение улиц и домов. Советы №108,110 (председатели Грибова Н., Куликов А.) по ул. Лермонтова и Люксембург, на свои средства провели канализацию и водопровод, занимались озеленением и благоустройством улиц [1. с.72].

Не отставали от городских и сельские депутатские советы. Депутатский совет села Газардкам организовывал систематические субботники, в которых участвовали молодежь, домохозяйки, пенсионеры, рабочие и служащие. Они пропололи на полях совхоза 70 гектаров кукурузы и 10 гектаров бахчевых культур, скопнили на 10 гектарах сено. По инициативе депутатского совета села Кучунказмаляр проводились субботники по озеленению территории населенного пункта, было посажено свыше 1000 декоративных деревьев и кустов на улицах села. Руководители депутатских советов принимали участие в подготовке заседаний исполкома, сами вносили вопросы на его рассмотрение, присутствовали при обсуждении дел, касающихся организации, находящейся на их территории. В 1968 году исполком рассмотрел с участием депутатских советов более 8 различных вопросов[5. л.2].

Серьёзного внимания заслуживает и вопрос о взаимоотношениях депутатских советов с различными самодеятельными организациями населения, действующими в пределах той же территории. Так, актив городского Совета г. Махачкалы в рассматриваемые годы составлял более 2 тыс. человек [2. с.152]. Здесь сложилась разветвленная сеть самодеятельных организаций населения. Кроме того, в микрорайонах работали местные комитеты профсоюзов, ДОСААФ, общество охраны природы, охраны памятников старины, добровольного пожарного общества. Все эти общественные организации населения в целом вели большую и полезную работу, объединяя творческую энергию и инициативу масс.

В практике деятельности многих местных Советов имело место образование депутатских постов, состоявших из депутатов Совета и привлеченного актива. Депутатские посты создавались на особо важных производственных объектах, на заводах, в цехах, на стройках, больницах.

Даже столь беглый обзор наглядно свидетельствует, что местные органы власти действительно привлекали к своей работе широкую общественность. Инициатива депутатов и энтузиазм активистов в рассматриваемый период способствовали решению многих насущных проблем. Именно в работе Советов всех уровней, в том числе и нашей республики, наглядно

прослеживались демократические тенденции. Хотя в условиях господства командно-административной системы, эти тенденции часто гасились партийными организациями.

Список источников и литературы:

1. Саидова М.З. Организационно-массовая и хозяйственно-культурная деятельность Советов Дагестана (1956-1970гг.). \\ Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02.- Отечественная история. Махачкала, 1992.
2. Саидова М.З. Из истории деятельности постоянных комиссий органов государственной власти Дагестана в 50-70 годы XX века. / Евразийский юридический журнал. №7. 2016. - С.151-152.
3. ЦГА РД Ф-р352. Оп.30. Д. 20. Л.18.
4. ЦГА РД Ф-р352. Оп.30. Д. 22. Л.165.
5. ЦГА РД Ф-р352. Оп.30. Д. 55. Л.2.

Хатуев И.З.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры Всеобщей истории,
ФБОУ ВО «Чеченский государственный
университет им. А.А. Кадырова»
hatuev@inbox.ru
Сугаипова А.М.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры Всеобщей истории,
ФБОУ ВО «Чеченский государственный
университет им. А.А. Кадырова»
novaya-cafedra@mail.ru

Интеллигенция Чечено-Ингушетии в Великой Отечественной войне

Аннотация: В статье показаны усилия государственной власти в деле мобилизации населения Чечено-Ингушетии на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны, проанализировать мотивацию чеченской национальной интеллигенции в деле защиты Отечества, рассмотрены ее роль в патриотическом воспитании масс, проследить за многочисленными ратными и трудовыми подвигами представителей интеллектуального и творческого труда республики, рассмотрены основные направления деятельности чеченской интеллигенции в агитационно-пропагандисткой работе среди населения республики, изложены некоторые особенности в деятельности интеллигенции Чечено-Ингушской АССР в период войны, показаны разносторонние формы проявления патриотизма у чеченской интеллигенции, конкретные примеры ее помощи фронту в годы войны.

Ключевые слова: СССР, война, патриотизм, Чечено-Ингушетия, Кавказ, интеллигенция.

День 9 мая 1945 года, когда планету облетела радостная и долгожданная весть о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, стал самым счастливым и радостным праздником для всего прогрессивного человечества, спасенного Вооруженными Силами СССР от гитлеровских агрессоров.

Большинство сограждан по-прежнему считает победу в Великой Отечественной войны величайшим историческим событием. Об этом говорит опрос ВЦИОМ, проведенный несколько лет назад при участии социологических центров целого ряда стран. Наиболее информированными о Второй мировой оказались жители России (72%) [36, с. 2].

Прямым следствием Великой Отечественной войны явилось не только вооруженное противостояние огромных армий, оснащенных самыми разными видами вооружение и боевой техники, но и острая идеологическая борьба двух систем.

Воспитанная десятилетиями Советской власти на коммунистических идеалах интеллигенция народов СССР развернула в период войны мощную идейно-политическую деятельность, главной целью которой была мобилизация народа на борьбу против немецко-фашистских оккупантов [5].

Новые вызовы времени диктовали необходимость коренной перестройки работы интеллигенции в военной обстановке. Более того, власти занялись созданием новых органов, включавших в свой состав представителей интеллигенции и в задачу которых входило налаживание эффективной идейно-политической работы.

Уже на третий день начала войны, 24 июня 1941 года ЦК ВКП (б) своим постановлением образовал Совинформбюро (Советское информационное бюро), призванное по замыслу руководства, информировать жителей страны о главных событиях на фронте и в тылу. В структуре Управления пропаганды и агитации при ЦК партии были сформированы специальные отделы, которые должны были сосредоточиться на различных направлениях проведения идеологической работы (отдел кинематографии, отдел радиовещания, отдел искусства, отдел художественной литературы и др.) [20, с. 14].

Власть ставила перед интеллигенцией важнейшую задачу в проведении агитационно-массовой работы – показать справедливый характер войны, которую ведет Советский Союз против немецко-фашистских оккупантов, способствовать мобилизации всех военных, материальных ресурсов, идейного, интеллектуального потенциала народа страны на противодействие агрессии и защиту независимости СССР.

Секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) В. Иванов в те дни говорил: «В час грозной опасности народы Чечено-Ингушетии едины и монолитны как никогда. Одним горячим стремлением выполнить свой национальный долг, отстоять свою родную землю от немецких захватчиков,

помочь героической армии разгромить врага у предгорий Кавказа наполнены сердца свободолюбивых горцев Чечено-Ингушетии…» [2].

Население Чечни было охвачено патриотическим подъемом. Тысячи чеченцев изъявили желание добровольцами отправится на фронт. Среди добровольцев было немало представителей чеченской интеллигенции. Так, директор школы из селения Аду-Юрт А. Хатуев вместе со старшим пионервожатым этой сельской школы В. Булаевым отправились в самом начале войны в военкомат с просьбой направить их в Красную Армию, чтобы сражаться с немецко-фашистскими оккупантами. Секретарь райкома комсомола В. Батаев, председатель сельсовета Шады-Юрта А. Гучигов также добровольцами попросились на фронт. А из селения Новый-Юрт изъявили желание стать добровольцами Ш. Магомадов, М. Джумаханов, М. Арсенгереев, А. Турлоев, Н. Сугаипов и другие.

Агитационная и идеологическая работа интеллигенции среди масс населения приобрела в период Великой Отечественной войны особое значение. Новые условия, сопряженные с начавшейся масштабной войной, вызвали необходимость перестройки культурно-просветительской и агитационно-пропагандисткой работы Народного комиссариата просвещения, управления по делам искусств и кинофикации, музеев, библиотек, домов культуры и других организаций и учреждений. На это направляли интеллигенцию и отделы пропаганды Чечено-Ингушского обкома партии, горкомов, райкомов ВКП(б) и ВЛКСМ.

Так, руководство Чечено-Ингушской партийной организации в августе 1941 года направило в районные комитеты партии письма, в которых содержалось поручение усилить и масштабировать в массах «широчайшую работу». Более 5 тысяч агитаторов были направлены на различные предприятия, а также в совхозы, избы-читальни. Из агитаторов были сформированы 360 агитколлективов. Только в г. Грозный работу по агитации и пропаганде среди масс проводили почти 3 тысячи агитаторов [3].

Для максимального охвата населения агитационной работой применялось множество форм политической и культурно-массовой работы: читки газет, антифашистских брошюр и книг, специальных выпусков сообщений Совинформбюро и листовок, беседы в бригадах, цехах предприятий, в кинотеатрах, библиотеках, домах культуры, в колхозах. Эта работа велась как непосредственно среди населения, так и через СМИ, прежде всего радио и газеты. Организовывались на местах выставки на военную тематику, в помещениях размещались плакаты и лозунги патриотического содержания.

В самом начале войны, на собрании партактива в г. Грозный были поставлены задачи коренной перестройки политической и пропагандисткой работы с целью мобилизации всех средств и сил на борьбу с фашистскими оккупантами [19, с. 130]. Опираясь на патриотический подъем и энтузиазм рабочих, инженерно-технических работников, тружеников села, интеллигенции, руководство Чечено-Ингушетии все усилия стало прилагать

на всемерное использование материальных и людских ресурсов на нужды фронта.

В первые же дни начала войны, около 17 тысяч жителей Чечено-Ингушетии добровольно записались в народное ополчен6ие [8, с. 42]. Среди них было немало и представителей чеченской интеллигенции.

В агитационно-пропагандисткой деятельности властей значительное место было уделено и интернациональному воспитанию масс, прежде всего, осознанию чеченским и другими народами Северного Кавказа необходимости крепкой дружбы с русским народом. В г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ) 13 августа 1942 года, когда гитлеровцы осуществляли свое активное наступлении на Юге России, состоялся масштабный митинг в знак солидарности народов Кавказа с русскими. Присутствовавший здесь депутат Верховного Совета СССР, делегат от Чечено-Ингушской АССР А. Цомаев отметил в своей речи: «Чеченцы, ингуши, дагестанцы, кабардинцы, осетины – все братские народы Кавказа, мужчины и женщины – к оружию! Умрем, но не отдадим наш край на поругание и разграбление гитлеровским людоедам» [39].

Большую работу проводил и Республиканский музей изобразительных искусств. Организуемые им выставки, посвященные героическим подвигам советского народа, являлись хорошей наглядной агитацией и давали ценный материал агитаторам. Несколькими днями раньше начальник управления по делам искусств при СНК ЧИАССР сделал доклад, в котором сообщалось: «В связи с военным временем и сокращением бюджетных ассигнований временно прекратили свою деятельность и распущены: Государственный театр юного зрителя, Государственный театр кукол, Чечено-ингушский ансамбль песни и танца, ансамбль ашугов, Дом народного творчества, изостудия, Госфилармония, Изомузей, музыкальная школа и музыкальное училище, Художественная мастерская». Это было связано с трудностями военного времени.

Тем не менее, творческая интеллигенция не только принимала непосредственное участие в боях против оккупантов, но и была в числе самых активных проводников агитационной работы. На самых различных участках фронта и тыла звучало мобилизующее и вдохновляющее слово артистов, писателей, поэтов. Не отставали от них художники и журналисты, учителя и ученые. Представители художественной интеллигенции Чечено-Ингушетии проводили активную военно-шефскую работу. «Здесь, - отмечает ученый Ю.А. Болдырев, - также использовали в основном те формы, которые были в других северокавказских республиках» [6, с. 25]. Среди активистов художественного шефства над воинскими частями, госпиталями и другими военными формированиями были известные деятели искусств. «С 22 по 26 апреля 1942 года бригадой артистов Чечено-Ингушского национального театра и радиокомитета под руководством А. Х. Иримова в составе артистов Н. Э. Уликовой, М. К. Кодзоевой, М. А. Эсамбаева, А. К. Давыдова было дано 6 концертов для тружеников Мухдар-

Юртовской МТС. На состоявшихся концертах присутствовало более трех тысяч зрителей» [21, с. 30].

Важным направлением в интернациональном воспитании были и усилия властей, совместно с общественностью, в культурном обмене между разными народами Советского Союза. Так, в регионах страны организовывались «декады национальных культур и искусства». Творческие коллективы совершали гастроли друг к другу. Например, артисты их Москвы дали почти пятьдесят концертов в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Ставрополье и Чечено-Ингушской АССР [37, с. 57].

Большую помощь в агитационно-пропагандистской работе областной партийной организации оказывали пропагандистские группы ЦК ВКП(б), приезжавшие в республику. Пропагандистская группа в составе Гагариной, Разгона, Вахмистрова, Абросина находилась в Чечено-Ингушетии один месяц и прочитала 109 лекций.

До приближения фронта к территории Чечено-Ингушской АССР республика получала центральные газеты по подписке и для розничной продажи: «Правду», «Известия», «Труд», «Красный спорт», «Социалистическое земледелие», «Литература и искусство» и др. Издавались также республиканские газеты: «Грозненский рабочий», «Ленинский путь», «Сердало», 13 районных газет и две фабрично-заводские. 14 августа 1941 года был напечатан первый номер газеты «Социалистически даьхнилелорехьа» (на чеченском языке), которая явилась печатным органом Ножай-Юртовского райкома ВКП(б) и райисполкома. Первым редактором газеты был М. Музаев. До 1943 года было издано брошюр общим тиражом более 200 тысяч экземпляров и листовок более 500 тысяч экземпляров на русском, чеченском и ингушском языках.

Значительный перелом в работе редакций республиканских газет произошел после обсуждения работы редакции газеты «Грозненский рабочий» на бюро обкома ВКПБ 14 августа 1942 года. Были указаны некоторые недостатки в работе печатных изданий республики и поставлены новые задачи. В суровые годы войны набатным призывом звучали стихи поэта Зайнди Муталибова «Вставайте, джигиты!», написанные в июле 1941 года.

Над Родиной нашей могучей
Сверкает топор палача -
Фашисты коричневой тучей
Нагрянули, как саранча.
Мы судьбами с партией слиты,
Сердцами навеки мы с ней!
Вставайте на битву, вставайте, джигиты!
Седлайте, джигиты, коней! [26, с. 3].

Один из классиков современной чеченской литературы Арби Мамакаев в начале войны написал немало патриотических стихов. В театрах ставились

его пьесы «Гнев», «Разведка» и «Матрос Майрбек», воспевающие доблесть Красной Армии на фронтах.

Писатель и поэт Магомед Сулаев свое первое крупное произведение - поэму «Солнце победит», посвященную бессмертному подвигу Героя Советского Союза Х. Нурадилова на полях Великой Отечественной войны, создал в 1943 году.

Чеченский писатель З. Абдуллаев, когда началась война, проходил обучение в Грозненском рабфаке. Чтобы найти применение своим силам в деле обороны страны, он устроился на работу в Грозненское отделение «ОКОН ТАССа» [24, с. 218].

Писатель Чечено-Ингушской АССР и участник боев за оборону Кавказа давал высокую оценку ратным и особенно трудовым подвигам жителей Грозного в период Великой Отечественной войны в своем труде «Героический Грозный». Он отмечал: «И всё же обидно забыт, несправедливо обойден великий труженик войны город Грозный… передо мной во всем величии встал непобежденный город-герой, заслуги которого в войне и в труде ничуть не меньше, чем заслуги Киева, Тулы, Новороссийска…».

«…Атаки гитлеровцев были настолько яростными, - отмечал М. Лукин в своей книге, - что падение города казалось неизбежным. Но грозненцы вместе с частями Красной Армии выстояли… И дело тут не только в самоотверженных усилиях Красной Армии, защищавшей город, но и в повседневных подвигах грозненцев… Части Красной Армии получали от грозненцев все, что нужно было для победы… Наконец враг был вынужден откатиться назад, оставляя сожженные в боях 384 танка и 18700 мертвых солдат на подступах к Грозному» [16, с. 2].

В октябре 1942 года в газете «Красная звезда» была опубликована передовица «Значение боев на юге», в которой руководство страны обратилось к советскому народу, что на защитниках советского юга лежит величайшая ответственность за исход летней кампании 1942 года, за судьбу Советского государства. Их ответственность можно сравнить лишь с ответственностью защитников Москвы осенью 1941 года [27, с. 3]. М. М. Калинин писал: «В предгорьях Кавказа идут невиданные по своим масштабам ожесточенные бои. Над нашей Родиной нависла серьезнейшая опасность… От исхода боев на юге зависит судьба Отечества и жизнь миллионов наших граждан».

Со своими поэтическими произведениями перед воинами Красной Армии, а также перед жителями республики периодически выступали известные в регионе чеченские и ингушские литераторы: А. Мамакаев, Н. Музаев, Х.-Б. Муталиев, Д. Яндиев и др. Идрис Базоркин на суд читателей предложил рассказ «Зарета», очерки «Сын Родины» и «Честь горца». Он же написал патриотическую пьесу «Капитан Ибрагимов». Эти и многие другие произведения писателей и поэтов Чечено-Ингушетии озвучивались на радио, публиковались в республиканских и районных газетах. Высоко оценивал труд чеченских писателей П. Павленко [23, с. 2].

Н. Штанько (Н. Сергеев) написал и опубликовал героическую поэму «Солнце в крови», которая была посвящена легендарному воину, герою Советского Союза Ханпаше Нурадилову.

Люди творческого труда часто выезжали в воинские части и выступали перед солдатами, в том числе, в непосредственной близости от линии фронта. Артисты профессиональных ансамблей, участники концертных бригад давали концерты и для трудящихся Чечено-Ингушетии. Артисты А. Хамидов, А. Исаева, Я. Зубайраев, В. Дакашев, Т. Алиева пользовались большой популярностью среди тружеников тыла республики. Настоящим событием для жителей Чечено-Ингушетии были и выступления талантливых солистов М. Айдамировой и Б. Сулейманова, а также Заслуженного деятеля искусств Чечено-Ингушетии Умара Димаева [25, с. 3].

Бывший заведующий отделом литературы и искусства редакции газеты «Грозненский рабочий» М. Грин рассказывал, как в суровое для нашего города время, когда на подступах к нему разгорелись горячие бои, в Грозном был создан театр народной героики и политической сатиры [13, с. 122].

Артистку Чечено-Ингушского госдрамтеатра Зину Исакову весть о начале войны застала на одной из репетиций. Прямо отсюда в числе ополченцев актеры уехали в Грозный. Это были: Исмаил Ибрагимов, Абухани Туликов, Осман Горчханов, Магомед Сапаров, братья Алхазовы, Ваха Магомадов, Тапа Исаев, Магомед Магомаев - главный художник театра, отец известного певца Муслима Магомаева. Никто из них с фронта не вернулся. Они защищали Родину до последнего и пали смертью храбрых. В последующие годы, вплоть до выселения чеченцев и ингушей, Зина в составе спецфронтовой концертной бригады колесила по фронту, выступая перед бойцами. Позже З. Исакова вспоминала своих соратников и друзей: Асю Исаеву, Мовлади Бадаева, Юсупа Идаева, Ешту Ганукаева, Альви Дениева и др. [14, с. 42].

Героический труд интеллигенции не оставался незамеченным. 30 июля 1943 года Президиумом Верховного Совета ЧИАССР за заслуги в развитии искусства в республике, а также за образцовое обслуживание частей Красной Армии в дни Великой Отечественной войны было присвоено звание народного артиста Чечено-Ингушской АССР Яраги Зубайраеву, Маужды Бадуеву; звание заслуженного артиста ЧИАССР Асе Исаевой, Абдул-Хамиду Хамидову. [7, с. 3].

30 марта 1943 года был издан Указ Президиума Верховного Совета ЧИАССР «О награждении Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ЧИАССР участников фронтовой художественной бригады республиканского Дома пионеров и школьников за образцовое художественное обслуживание госпиталей и фронтовых частей Красной Армии» [34, с. 2].

Интересный, кстати, факт, что в том же году было принято постановление Совета Народных Комиссаров ЧИАССР «О всеобщем обязательном обучении в школах ЧИАССР детей от 8 до 14 лет» [35, с. 3].

Органы власти активно использовали для идеологической работы и научных сотрудников. Так, летом 1942 года Верховный Совет РСФСР посылает Юнуса Дешериева в Грозный для работы в научных учреждениях и органах печати в связи с приближением войны к Северному Кавказу. Здесь он сочетает работу в научных учреждениях с работой главного редактора Чечено-Ингушского радиокомитета [17, с. 2].

Краеведческий музей Чечено-Ингушетии с самого начала войны активно включился в военно-оборонную деятельность. Сотрудники музея подготовили несколько выставок на актуальные патриотические темы, например, такие, как «Победа будет за нами!», «Красная Армия – детище советского народа», «Единство тыла и фронта в Советском Союзе» и др. Кроме этого, коллектив краеведческого музея организовывал показ кинофильмов на патриотическую тему, а также чтение лекций по противовоздушной и противохимической обороне. В здании музея даже было оборудовано газоубежище [14, с. 3]. В 1941 году, накануне Великой Отечественной войны, в Чечено-Ингушской АССР функционировали 343 клубных учреждений [22, с. 220].

Война способствовала появлению нового жанра в чеченской литературе, который можно назвать жанром военной лирики. Направленность и главное содержание духовно-культурной жизни чеченского общества в годы войны определялись охватившим подавляющее большинство населения республики патриотическим подъемом.

В военные годы в Чечено-Ингушской АССР издавались три республиканские газеты: «Грозненский рабочий», «Ленинский путь» (на чеч. яз. «Ленинан некъ»), «Свет» (на инг. яз. «Сердало»). Кроме того, в автономии стабильно издавались 13 районных газет и 2 фабрично-заводские [1, с. 103]. На страницах этих периодических изданий публиковались различные нормативно-правовые акты партийных, советских и военных органов, сводки Совинформбюро. Остальные материалы (статьи, очерки, стихи и др.) несли с собой агитационные и пропагандистские мотивы. Вообще, в самый сложный, начальный период войны газеты выходили в экономном формате. Например, вместо четырех полос республиканские печатные органы нередко содержали только две полосы, а что касается районной печати, то их формат был еще меньше. Учитывая такой усеченный формат газет иногда все их содержание занимали напечатанные акты государства, военные сводки и т.д. Культурная жизнь республики могла и не найти отражение в подобных вариантах газет. Тем не менее, публицистические материалы патриотической направленности все-таки находили место на полосах газет, как республиканских, так и районных.

Периодические издания Чечено-Ингушетии часто публиковали на своих полосах стихотворения местных авторов и поэтов с других регионов на военно-патриотическую тему. К этой ответственной информационно-пропагандистской деятельности присоединились члены Союза писателей Чечено-Ингушетии. Так, известный чеченский поэт, писатель, драматург

Магомед-Салах Гадаев в газете «Сталинский путь» (на чеч. яз. «Сталински некъ») 15 июля 1941 года опубликовал стихотворение «Пойдем на запад» [9, с. 1]. М-С. Гадаев также опубликовал целый ряд и других своих произведений на военную тематику, среди которых можно выделить «Всадники», опубликованное в республиканской газете «Ленинский путь» в феврале 1942 года [10, с. 2]. На полосах того же периодического издания в 1942 году были напечатаны его заметки «Дадим заем» [11, с. 1]. и «Песня Чечено-Ингушской дивизии» [12, с. 2].

Писатель Арби Мамакаев летом 1941 года опубликовал в газете «Ленинский путь» («Ленинан некъ») свое патриотическое произведение «Родная земля» (на чеч. яз. «Хьоме латта») [28, с. 2]. Работая старшим консультантом Союза писателей республики, он написал две пьесы на военно-патриотическую тему «Разведка» и «Гнев», которые были поставлены на сцене Чечено-Ингушского драматического театра.

Писатель-фронтовик и драматург Нурдин Музаев в 1942 году в январском и февральском номерах газеты «Сталинский путь» опубликовал два стихотворения на чеченском языке, посвященном конным соединениям Красной Армии, сражавшимся против немецко-фашистских оккупантов – Речь всадника» [29, с. 2] и «Песня всадника» [30, с. 2].

С самого начала войны в республиканских и районных периодических изданиях печатал свои пламенные патриотические стихотворения тогда еще совсем молодой поэт-фронтовик Зайнди Муталибов. Надо отметить, что его яркие поэтические строки, призывавшие к беспощадной борьбе с агрессором, были весьма популярны в военное время. Среди них можно, например, такие, как «Встанем, джигиты, на защиту страны!» [31, с. 2] или «Идущей на войну медсестре» [32, с. 2].

Интересен и такой факт, что стихи ингушских авторов могли печатать в чеченских газетах и, наоборот, так как близость языков этих народов позволяла читателям понимать смысл произведений. Так, на страницах газеты «Ленинан некъ», издававшейся на чеченском языке были опубликованы военные стихи ингушских поэтов Х.-Б. Муталиева [33, с. 4] и Д. Яндиева [40, с. 2]. Через СМИ до читателей доводили и стихи на тот момент неизвестных авторов. Например, таких, как поэт З. Бакраев [4, с. 4]. или Ш. Халаев [38, с. 2]. Авторы этих стихотворений также воспевали отвагу и героизм тех, кто сражается на фронтах с противником или куют победу над врагом в тылу.

Кроме того, чеченские газеты нередко публиковали на своих полосах перевод стихотворений или иных материалов известных авторов страны, писавших на русском языке. Например, районная газета «Колхозное знамя» вначале 1943 года опубликовала на своих полосах перевод на чеченский язык стихотворение известного советского поэта Евгения Долматовского «Песня о Нурадилове» [18, с. 2]. Можно утверждать, что жанр военной лирики, который получил широкое распространение в чеченской прессе с самого начала Великой Отечественной войны, был в значительной степени новым

явлением в информационно-пропагандистской составляющей жизни республики.

В целом, культурная жизнь Чечено-Ингушетии включала в себя в период Великой Отечественной войны два основных компонента – государственный и национальный. Их синтез формировал некое единое целое, которое можно назвать советским культурным феноменом.

Направленность деятельности интеллигенции Чечено-Ингушетии была военно-патриотической. Местные писатели и поэты издавали произведения, прежде всего, по данному направлению. Культура республики обогатилась в период войны новыми именами, такими, как Я. Зубайраев, В. Татаев, А. Мамакаев и др. Писатели (А. Мамакаев, М. Сулаев, З. Абдуллаев, Х. Ошаев, Х-Б. Муталиев, М-С. Гадаев, поэты З. Бакраев, Ш. Халаев и мн. др.) артисты (З. Исакова, М. Эсамбаев, А. Хамидов, А. Исаева, Я. Зубайраев, В. Дакашев, Т. Алиева, И. Ибрагимов, А. Туликов, О. Горчханов, М. Сапаров, братья Алхазовы, В. Магомадов, Т. Исаев, М. Бадуев и др.), художники (М. Магомаев и др.), музыканты (У. Димаев, М. Бадаев, Ю. Идаев, Е. Ганукаев, А. Дениев и др.), журналисты (Р. Вахаев, А. Гиреев, Ш. Халаев и др.) вносили свой достойный вклад в общее дело достижения победы над врагом, защиты независимости и свободы своей Родины.

Представители чеченкой интеллигенции с первых дней войны активно включились в работу по мобилизации масс на дело защиты Отечества. Выполняя установки партийных и государственных органов власти чеченские музыканты, актеры, учителя, писатели, музейные работники, научные сотрудники принимали самое активное участие во всех важных делах, направленных на приоритетную задачу всех народов Советского Союза – разгром врага и защиту страны от оккупантов.

Качественная пропаганда требовала в военное время повышения уровня квалификации агитаторов. Поэтому в Грозном, как и во всех других крупных городах Северного Кавказа, создавались областные курсы агитаторов. Интеллигенция приняла активное участие в этом актуальном деле. Художники разрабатывали различные варианты материалов наглядной агитации, которая была призвана также сыграть серьезную роль в общей канве новой идейно-воспитательной работы. Издавались сатирические газеты, печатались в больших количествах боевые листки, плакаты, лозунги и иные материалы. Работа в плане наглядной агитации, как и массовых антифашистских митингов явились в годы войны действенным средством в деле патриотического воспитания населения, привития ему ненависти к оккупантам.

Писатели, журналисты, публицисты трудились, готовя свои материалы в периодической печати, и, прежде всего, в газетах. Научная интеллигенция собиралась на свои митинги в ВУЗах и научных учреждениях. На них они заявляли о своей решимости бороться с врагом, в том числе используя свои знания в различных научных направлениях для решения всех самых актуальных нужд фронта.

Представители интеллигенции в СМИ, в художественной литературе, в произведениях искусства, в просвещении проводили идеологическую работу, которая прямо способствовала достижению в итоге Победы над нацисткой Германией и ее союзниками.

Многие представители чеченской интеллигенции – писатели, ученые, учителя и другие работники творческого, образовательного, научного труда непосредственно на полях сражений Великой Отечественной войны сражались в немецко-фашистскими захватчиками (Герой Советского Союза Ибрайхан Байбулатов, Герой Советского Союза Хаважи Магомед-Мирзоев, Герой Российской Федерации Мовлди Умаров, легендарный снайпер Махмуд Амаев, талантливые писатели Зайнди Муталибов, Нурдин Музаев, Билал Саидов, учителя А. Шаипов, М. Оччаев, военврач А. Тутаева, У. Магомед-Мирзоев, А. Назиев, Д. Ахмадов, Ш. Садулаев и многие другие).

Представители интеллигенции Чечено-Ингушской АССР вместе с другими тружениками тыла оказывали самую разностороннюю помощь фронту. Делегации выезжали на передовую, чтобы встретиться с бойцами Красной Армии, передавали им различные подарки. Интеллигенция собирала денежные средства для Фонда обороны страны, перечисляли часть своей заработной платы на нужды фронта. Широко было распространено донорское движение. Артисты и музыканты выезжали к линии боевых действий, чтобы дать концерты защитникам Отечества. Представители интеллигенции героически трудились, сооружая оборонительные рубежи на подступах к Чечено-Ингушетии. Медики занимались лечением больных и раненных бойцов и офицеров Красной Армии. Писатели и поэты публиковали свои патриотические произведения. Художники рисовали плакаты, картины. Работники СМИ посредством, прежде всего, радио и газет доводили всю необходимую информацию для трудящихся тыла. Интеллектуальное и творческое сообщество республики стало составной частью и фронта, и тыла в период войны.

Исследуя, вопросы вклада интеллигенции чеченского народа в общее дело победы над врагом в годы Великой Отечественной войны, необходимо подчеркнуть важность в стране, охваченной войной, такого фактора, как общее духовное состояние населения Чечено-Ингушской АССР, Данный фактор, бесспорно, влиял на состояние тыла, сплоченности жителей республики перед лицом смертельной опасности.

В период войны автономия жила насыщенной культурной жизнью. Можно утверждать, что вся духовна-культурная жизнь жителей Чечено-Ингушетии была пропитана патриотическими чувствами, готовность на все, чтобы разбить оккупантов и защитить суверенитет страны.

На основе вышеприведенных данных из источников и научной, а также публицистической литературы, можно сделать вывод, что чеченская интеллигенция внесла достойный вклад в дело Победы народов Советского союза над нацисткой Германией и ее союзниками.

Список источников и литература

1.Абазатов М.А. Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973.
2.Архив ЧИОКПСС. Ф. 1. Оп.1. Д. 896. Л. 35.
3.Архив ЧИОКПСС. Ф. 1. Оп. 1 Д. 1383. Л. 47.
4.Бакраев З. Нене = Матери //Ленинан некъ = Ленинский путь. 1941. 20 авг. № 196. С. 4. На чеч. яз.
5.Баучиев Х. Б. Вклад интеллигенции Северного Кавказа в идейно-политическую работу в начальный период Великой Отечественной войны. https://kavpravda.ru/pobeda/vklad-intelligentsii-severnogo-kavkaza-v-idejno-politicheskuyu-rabotu-v-nachalnyj-period-velikoj-otechestvennoj-vojny/
6.Болдырев Ю. А. Деятельность творческой интеллигенции Северного Кавказа на фронте // Интеллигенция в истории России: Межрегиональный сборник статей. Ставрополь, 1997.
7.Вести Республики. 2006. 7 марта.
8.Гакаев Х. А. Военно-мобилизационная работа в Чечено-Ингушетии в годы Великой Отечественной войны // Вайнах. 2006. № 6.
9.Гадаев М. Дуьйлало малхбузе = Пойдем на запад // Сталински некъ = Сталинский путь. 1941. 15 июля. № 54. С. 1. На чеч. яз.
10.Гадаев М. Дошлой = Всадники // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1942. 27 февр. №4 9. С. 2. На чеч. яз.
11.Гадаев М. Лур вай заем = Дадим заем // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1942. 21 апр. № 94. С. 1. На чеч. яз.
12.Гадаев М. Нохч-ГIалгIайн дивизин илли = Песня Чечено-Ингушской дивизии // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1942. 24 февр. № 47. С. 2. На чеч. яз.
13.Город Грозный. Грозный,1984.
14.Грин М. Публицист на эстраде. М., 1981.
15.Грозненский рабочий. 1941. 22 июня.
16.Грозненский рабочий. 1990. 5 апреля.
17.Гумс. 2006. 24 июля.
18.Долматовский Е. Нурадиловх лаьцна илли = Песня о Нурадилове // Колхозан байракх = Колхозное знамя. 1943. 1 янв. № 1. С. 2. На чеч. яз.
19.Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Подвиг во имя Родины. Грозный. 2015.
20.История Коммунистической партии Советского Союза. Т.5. кн. 1. М., 1970.
21.Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941-1980): Сборник документов и материалов. Грозный, 1985.
22.Культурное строительство Чечено-Ингушетии (1920-1941). Сб. док. Грозный. 1974.
23.Красная звезда. 1942. 7 октября.
24.Кусаев А. Писатели Чечни. Грозный, 2005.
25.Литература и искусство. 1943. 11 июня.
26.Машар. 2005. 29 апреля.
27.Машар. 2006.10 мая.

28.Мамакаев Іарби. Хьоме латта == Родная земля // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1941. 26 авг. № 201. С. 2. На чеч. яз.
29.Музаев Н. Дошлочун къамел = Речь всадника // Сталински некъ = Сталинский путь. 1942. 6 янв. № 2. С. 2. На чеч. яз.
30.Музаев Н. Дошлойн илли = Песня всадников // Сталински некъ = Сталинский путь. 1942. 21 февр. № 15. С. 2. На чеч. яз.
31.Муталибов З. ГІовттур вай, мохкларба, кІентий = Встанем, джигиты, на защиту страны // Колхозан байракх = Колхозное знамя. 1941. 16 авг. № 62. С. 2. На чеч. яз.
32.Муталибов З. ТІаме йоьдучу медйишига = Идущей на войну медсестре // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1941. 21 окт. № 249. С. 2. На чеч. яз.
33.Муталиев Хь.-Б. ТІема илли = Военная песня // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1941. 24 июля. № 173. С. 4. На инг. яз.
34.Терская новь. 2006. 26 июня.
35.Терская новь. 2006. 27 марта.
36.Труд. 2005. 30 апреля.
37.Хатуев И. З. Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Дисс. канд. ист. наук. Москва, 2005.
38.Халаев Ш. Фашизм йохор ю = Фашизм будет разбит // Сталински некъ= Сталинский путь. 1941. 22 июля. № 56. С. 2. На чеч. яз.
39.ЦГЛ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 10. Л. 154.
40.Яндиев Дж. Мазаевх дола илли = Песня о Мазаеве // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1941. 3 авг. № 182. С. 2. На инг. яз.

УДК 93

Цхобребов Н.Т.,
научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии
Юго-Осетинский научно-исследовательский институт
им. З.Н. Ванеева
г. Цхинвал, Республика Южная-Осетия

Детский мир Северной Осетии в годы Великой Отечественной Войны

Аннотация. В статье впервые рассматривается вопрос ювенальной истории Великой Отечественной войны на региональных материалах. Детскому пространству этого периода до последних десятилетий не уделялось внимания. На современном этапе историографии появились работы, в которых этот вопрос поднят и успешно изучается. В научный оборот вводится корпус источников, ранее не считавшихся важными. В региональном разрезе данная статья является одной из первых работ по ювенальной истории Великой Отечественной войны. В качестве источниковой базы взяты материалы из государственных архивов

Республики Северная Осетия - Алания, в которых отложилось много информации о повседневных практиках детей и молодежи Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны. В результате анализа отложившегося материала был сделан вывод о том, что детское пространство претерпело существенные перемены, вызванные войной: трудовая деятельность стала главным занятием детей и молодежи, молодые поколения республики принимали посильное участие в помощи старшим. Досуг также стал иным, нежели в мирные годы.

Ключевые слова: война, дети, молодежь, помощь старшим, субботники, тимуровцы

В истории Великой Отечественной войны тема детства и молодежи не теряет своей актуальности по настоящее время. Вся предыдущая жизнь советского общества была связана с воспитанием новых поколений советских граждан, которые безоговорочно приняли новую идеологию, новое миропонимание и воспитывались в духе патриотизма и преданности своей Родине.

В данной статье мы составим «дорожную карту» нашего исследования, в которой определим узловые темы.

Прежде всего, нужно определиться с теми возрастными когортами, вокруг которых будет проводиться исследование. Как явствует из статистики 1930-х гг. под эти параметры подпадают дети от 9 до 16 лет, молодые люди от 17 до 30 лет. По сути – это новые уже советские поколения молодых людей, воспитанных в новой идеологической парадигме, где главные постулаты связаны не только с патриотизмом, но и восприятием незыблемости советского строя. Эти идеологические постулаты успешно внедрялись в сознание молодежи через разные источники (школа, вуз, пионерия, ВЛКСМ, участие в общественных акциях и другое).

Изучение жизни детей и молодежи Северной Осетии в годы войны является важным аспектом восполнения истории Великой Отечественной войны на регионах источниках. В этот период произошел кризис повседневности, когда прежние, традиционные формы уступили место военным будням.

В июле 1942 г. территория Северо-Осетинской АССР, как и других северо-кавказских республик была объявлена на военном положении. До этого времени республика представляла хорошую лечебно-восстановительную базу для госпиталей.

На территории Осетии были размещены свыше 60 госпиталей, а так как помещений для них остро не хватало, то правительство республики приняло

решение уплотнить классы, а освободившиеся помещения передать под госпитали. Затем здания полностью занимались ранеными. Например, в городских школах №№6,22, 2, 21, 30 занятия были прекращены. Детей переводили в другие школы [10, л.5]. Часто в одном классе занимались дети разных возрастов. Летом 1942 г. занятия во многих школах прекратились, часть населения республики была вывезена в эвакуацию за пределы региона. В период оккупации части территории республики ряд школьных зданий был разрушен фашистами, в других размещались конюшни, лазареты.

Дети, оказавшиеся в оккупации, пережили страшные истории. В своих воспоминаниях «дети войны» даже по прошествии многих десятилетий остро переживали все то, что с ними происходило в это время. В 2013-2022 гг. проводился сбор воспоминаний «детей войны», которые указывали на зверства, чинимые оккупантами в захваченных населенных пунктах. Так, есть свидетельства о том, что солдаты шутки ради избрали мишенью для стрельбы молодую мать с маленьким ребенком; другой респондент вспоминал, как фашисты застрелили мальчика только за то, что дворовая собака с лаем встретила незваных людей [7].

После освобождения республики от оккупантов часть школьников не вернулась за парты, а сразу пошла на заводы, встав рядом со старшими за станки, либо получали профессиональное образование в ФЗО: «призвать (мобилизовать) городскую молодежь в возрасте 16-18 лет мужского и женского пола в школы ФЗО не позже 2 сентября в количестве 1000 человек, в том числе: по Ленинскому району 350 человек, по Промышленному – 350 человек, по Затеречному – 300 человек» [4, с.37]. Этот призыв был связан с тем, что промышленности требовались квалифицированные рабочие, которых могла дать система ФЗО.

После освобождения Северной Осетии от врага(январь 1943 г.) школьное образование стало восстанавливаться. Ремонтные работы предполагалось завершить к 20 февраля 1943 г., устанавливались связи с шефствующими организациями по оказанию помощи в ремонте; горисполком организовал транспорт для обеспечения завоза дров [9, л. 47]. К концу третьей четверти в городе работало 18 школ, остальные продолжали оставаться в ведении госпиталей.

Школьное дело находилось в центре внимания партийно-советских органов. Так, на XVI-м пленуме горкома ВКП (б) в апреле 1943 г. был поставлен вопрос о состоянии заботы о детях. Было отмечено, что к апрелю заработали 22 неполных средних и средних школы, охватившие обучением свыше 7 тыс. чел., организован детский дом для детей фронтовиков, начал работу Дворец пионеров. Малоимущие семьи получили помощь в виде

детской обуви, изготовленной предприятиями местной промышленности, и свыше 4 тыс. предметов одежды и белья [2, л. 28].

Детский мир переживал ряд особенностей, вызванных войной. Прежде всего, это недостаток питания. Если сравнивать ситуацию в городе и в сельских районах, отметим, что сельские жители могли кормиться за счет своего приусадебного участка. В городе летом 1941 г. введена карточная система, которая строго распределяла продукты питания по категориям. Дети получали в первый период войны по 400 г хлеба, в ходе сражения за Владикавказ норма хлеба была снижена до 250 г. Выпечка хлеба производилась с примесью кукурузной муки, делая его тяжелее [3, л.70].

Не меньше проблем было с одеждой. Одежда перелицовывалась, передавалась от старших к младшим пока возможно было ее носить. Как указывают некоторые авторы, «в стратегиях выживания важнейшее место занял возврат к традиционному укладу жизни с домашним пошивом и постоянной переделкой одежды и обуви» [5]. Современники вспоминали, что в ходу были элементы военной одежды (шапки, сапоги, телогрейки). В гардеробе мальчиков присутствовали портупеи, звездочки на шапки, пилотки и другое.

Досуговое детское пространство в годы войны было связано с улицей и тем, что могла дать улица. Дети рано вовлекались в мир старших. В детской когорте центральное место занимали мальчики 12-14 лет, которые брали на себя заботу о младших домочадцах, а также подрабатывали посильным трудом чтобы помогать матерям. Ученые отмечают, что именно система ценностей в поведении этой группы в послевоенное время стали базой для формирования определенной молодежной субкультуры [6].

Прежде всего, во многих семьях старшие мужчины воевали на фронте, обязанности по содержанию домочадцев ложились на женщин и старших братьев. Большие потери на фронте резко увеличили количество сирот.

В соответствии с постановлением СНК СОАССР от 17 мая 1943 г. «Об устройстве детей-сирот погибших родителей на фронтах Отечественной войны» был произведен учет детей, оставшихся без родителей; принято решение о проведении широкой агитации среди разных слоев населения республики по вопросу патронирования и усыновления детей-сирот и в первую очередь детей фронтовиков [8].

В Северной Осетии функционировало 7 детских домов, содержать которые было довольно сложно. Поэтому старшие воспитанники направлялись в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО, которых насчитывалось более 40 тыс. чел. [1].

Итак, детское пространство Северной Осетии претерпело большие изменения в годы войны: дети раньше взрослели, брали на себя заботы о семье, пытались помогать взрослым. Трудовая деятельность занимала большую часть жизни подростка. Школьная жизнь во многом зависела от финансовых возможностей республиканских властей, кадровой политики и т.д.

Досуговые практики также стали отражением военного времени и выходили из рамок семьи, сосредотачиваясь в публичном пространстве.

Список источников и литературы

1. Габанти А.Б, Социальная защита детей-сирот в годы Великой Отечественной войны: дис. … канд. ист. наук. – Владикавказ, 2011. – 183 с.
2. ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп.1. Д. 147.
3. ГАНИ РСО-А. Ф.3. Оп.1. Д. 17.
4. Городские партийно-государственные органы управления в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Орджоникидзе/Владикавказ). /Л.Х. Дзахова и др. Т.2. – Владикавказ, .2023. С. 245 с.
5. Городские партийно-государственные органы управления в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Орджоникидзе/Владикавказ). /Е.В. Туфанов и др. Т.1. Ставрополь, 2022. – 252 с.
6. «Территория детства» в пространстве Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). https://ryblova.ru/stati/territoriya-detstva-v-prostranstve-velikoj-otechestvennoj-vojny-na-materialah-stalingradskoj-bitvy (дата обращения 22.04.2026)
7. Хубулова С.А. Свидетельства детей Великой Отечественной. //Известия СОИГСИ, 2014, №14. С. 35-39
8. Хубулова С.А., Бизикова А.С. Детский мир военных лет. //Единство народов - решающий фактор победы в обороне Кавказа. 2023. С. 136-142
9. ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп.2. Д. 153.
10. ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп.2. Д. 59.

УДК 94

Эмирханов И.А.
зав. кафедрой истории
Дагестанский государственный педагогический
университет им. Р. Гамзатова,
к.и.н., доцент,
г. Махачкала., РФ.

Проблемы сохранения детского здоровья в Дагестанской АССР в условиях военной действительности (1941-1945 гг.)

Аннотация. Статья посвящена исследованию мер, предпринятых центральными и региональными органами власти и обществом в Дагестане в годы Великой Отечественной войны по охране здоровья детей. На основе анализа различных материалов автор приходит к выводу, что несмотря на чрезвычайные обстоятельства военного времени, проведенные властью и обществом меры, направленные на охрану жизни и здоровья детей, следует считать успешными

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 1941-1945 гг., Дагестан, поддержка детства, охрана детского здоровья.

К числу основных мер государства, направленных на защиту различных категорий гражданского населения страны в годы Великой Отечественной войны, следует отнести организацию медицинского обслуживания и охрану здоровья детей. Однако эта задача значительно осложнялась комплексом неблагоприятных факторов военного времени, такими как сокращение медицинского персонала лечебных учреждений, вызванного мобилизацией их на фронт или переводом на работу в эвакогоспитали, обострением материального положения, а также снижением финансирования учреждений гражданского здравоохранения.

Такая обстановка была характерна практически всем регионам страны, в том числе, Дагестанской автономной республике, которая в условиях военной действительности усугубилась массовым притоком в регион эвакуированного из западных областей страны гражданского населения. Так, Дагестан в военные годы превратился в крупную тыловую базу страны, куда с августа 1941 г. были перебазированы десятки промышленных предприятий вместе с персоналом, а также тысячи бежавших от ужасов войны людей.

Работник Махачкалинского отделения железной дороги Умаханов М.Д. вспоминает, что «эвакуированных из разных республик и областей было тогда так много, что они заполняли вокзал, пристанционную площадь, всю прилегающую к вокзалу территорию, все скверы, городской сад. Такое

скопление людей было опасно в санитарном отношении, могли вспыхнуть инфекционные заболевания» [1, с. 83]. В первую очередь слабое медицинское обслуживание, а также неблагополучное санитарно-эпидемическое положение сказывалось на здоровье детей, ослабленных тяжелыми условиями военного времени, а также кризисным состоянием в материально-бытовом обеспечении.

Несмотря на существующие проблемы, республиканские органы власти делали все возможное для сохранения и укрепления жизни и здоровья детей и подростков, создания нормальных условий для развития, недопущения распространения острых инфекционных заболеваний, а также качественного и своевременного их медицинского обслуживания.

Большую роль в оздоровлении подрастающего поколения сыграли принятые осенью 1942 г. центральными органами власти ряд законодательных актов – постановление СНК СССР «О мероприятиях по улучшению работы органов Наркомздрава и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усилению питания нуждающихся детей», а также приказ Наркомздрава СССР «О мероприятиях по улучшению работы органов здравоохранения и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усилению их питания». Эти документы предусматривали восстановление функционировавшей до войны участковой системы обслуживания детей и подростков.

Кроме того, предпринимались шаги по дальнейшему развитию сети детских консультаций, молочных кухонь и амбулаторий, а также организации дополнительного продовольственного обеспечения для больных детей, нуждающихся в усиленном питании [2, с. 198-200].

Основное внимание органы здравоохранения Дагестана в военные годы уделяли расширению сети детских учреждений в республике, что позволяло не распылять и без того ограниченные ресурсы, а также контролировать качество медицинских услуг, оказываемых молодому поколению. Так, решением СНК СССР от 1 сентября 1943 г. были установлены общие нормы питания и медицинского обслуживания детей, снабжения топливом в детских домах, а также регламентирован порядок проведения в них различных лечебно-профилактических мероприятий.

Согласно данному постановлению, воспитанники детских домов подлежали врачебному осмотру не менее двух раз в год. Кроме того, в служебные функции участковых детских врачей и медицинских сестер были включены обязанность регулярного посещения на дому грудных детей. Документ предписывал укомплектовать детские дома и интернаты медсестрой, а также обеспечить их необходимыми медикаментами и аптечками первой помощи [5, с. 390-391].

Только в 1943 году в ДАССР было открыто семь новых детских домов с охватом 1334 человек, помимо этого, по инициативе колхозников в сельской местности организовали 30 детдомов, где содержались 728 детей. Более 1500 детей постоянно находились на содержании колхозов [4, с. 546].

Большую работу по организации медицинского обслуживания детей проводили профсоюзные организации республики, которые осуществляли шефство над детскими домами. Вдобавок, при профсоюзах были учреждены комиссии, занимавшиеся обследованием санитарного состояния детских учреждений, осуществлением контроля за работой по организации питания и оказания в них необходимой медицинской помощи.

Значительное внимание в Дагестане уделялось организации летнего отдыха для детей, которые восстанавливали свое здоровье в пионерских лагерях, санаториях, а также на открытых в сельской местности различных летних площадках. Только в 1943 г. в республике было организовано 19 постоянных колхозных детских яслей с охватом 721 детей фронтовиков. Кроме того, в летний период было открыто 4353 сезонных детских яслей с охватом 15452 детей и 109 детских площадок с охватом 4023 детей [3, с. 546].

В каждом пионерском лагере действовал медицинский пункт с разработанным планом профилактических мероприятий. По инициативе властей в первом полугодии 1945 г. для укрепления здоровья детей в республике был открыт 31 пионерский лагерь с охватом 2197 детей [4, с. 570].

Большое внимание со стороны власти и общества уделялось организации питания детей для поддержания оптимального уровня их здоровья. Полный рацион питания получали дети, находившиеся в детских дошкольных учреждениях республики. Практически во всех школах городов и рабочих поселков страны для учащихся были введены завтраки. Вдобавок на каждого школьника ежедневно выделялось по 50 г. хлеба и 10 г. сахара к чаю [3, с. 38].

В то же время, для детей, нуждавшимся в усиленном питании, в городах были открыты специальные столовые, где кормили их два раза в день. Так, в начале 1943 г. в городах ДАССР было организовано пять детских столовых с охватом 2100 детей [4, с. 546].

Кроме того, повышенные нормы снабжения продовольственными товарами были предусмотрены для учащихся фабрично-заводских школ, ремесленных и железнодорожных училищ. Учащиеся, проходившие производственное обучение на поземных работах, в горячих и вредных цехах, также получали питание по повышенным нормам [3, с. 31].

Еще одним источником продовольственного снабжения детей служили благотворительные концерты, разовые сборы, организовывавшиеся различными общественными организациями, полученные средства с которых перечислялись в Фонд помощи семьям фронтовиков на организацию питания. Кроме того, денежные средства, поступавшие в Фонд, использовались на организацию детских учреждений и проведение для них оздоровительных мероприятий.

В годы войны органами власти предпринимались активные меры поддержки беременных женщин и матерей. Так, 8 июля 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ, согласно которому многодетные и

одинокие матери получили новые льготы, кроме того, выделялись большие средства на дальнейшее расширение детских лечебно-профилактических учреждений. Документ обязывал администрацию предприятий и учреждений оказывать помощь беременным женщинам и кормящим матерям, снабжая их дополнительными нормами продуктов из подсобных хозяйств. Наряду с этим для многодетных родителей была наполовину снижена плата за содержание детей в детских садах и яслях [6].

В годы Великой Отечественной войны медицинская помощь детям в Дагестане осуществлялась в сложной обстановке, обусловленной недостатком лечебного персонала, острой нехваткой медикаментов и продовольствия, а также обострением эпидемической обстановки. Однако благодаря усилиям власти и общества в регионе были предотвращены массовые эпидемии, и спасены жизни тысяч детей.

Несмотря на трудности военного времени медицинское обслуживание детского населения ДАССР, благодаря постоянному вниманию со стороны центральных и республиканских партийно-советских и общественных организаций, а также проведению лечебно-профилактической работы, находилось в удовлетворительном состоянии. Меры, предпринятые властью и обществом, несмотря на наличие ряда проблем, обусловленных военной действительностью, в целом, оказались успешными, позволив сохранить жизнь и здоровье подрастающего поколения.

Список источников и литературы

1. Дагестан в годы Великой Отечественной войны: воспоминания участников событий. Отв. ред. Г. Д. Даниялов. Махачкала, 1962. 496 с.
2. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: Сборник документов и материалов. / Под ред.: М.И. Барсукова, Д.Д. Кувшинского. М., 1977. 575 с.
3. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. 231 с.
4. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Документы и материалы). Махачкала, 2005. 776 с.
5. Россия XX век. Документы. Дети ГУЛАГа. 1918-1956. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. 632 с.
6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»». Электронный ресурс: http://www.libussr.ru/doc/ussr/ussr_4500.htm (дата обращения 12.04.2026)

УДК 94

Эмирова М.Н.
профессор кафедры всеобщей истории,
к.и.н., профессор,

Дагестанский государственный педагогический
университет им. Р. Гамзатова.
Гаджиева Х.И.
доцент кафедры всеобщей истории,
к.и.н., доцент,
Дагестанский государственный педагогический
университет им. Р. Гамзатова.
г. Махачкала, РФ

История Великой Отечественной войны как фактор патриотического воспитания молодежи

Аннотация: В данной статье авторы исследуют значение истории Великой Отечественной войны как инструмента патриотического воспитания подрастающего поколения. Особую ценность в этом контексте представляет собой изучение вклада советского народа, включая представителей Дагестана, в победу над фашизмом. Каждый аспект войны – от боевых действий до трудового подвига в тылу – служит ярким примером героизма и стойкости всего российского народа, для которого Вторая мировая война стала поистине судьбоносным испытанием.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, патриотизм, народ, война, воспитание, молодежь.

Во многих вузовских учебниках истории есть параграфы, называющиеся почти одинаково - «Итоги и уроки Великой Отечественной войны», «Итоги и уроки Второй мировой войны». 80-летие окончания этих двух самых кровопролитных военных кампаний в истории нашей страны и в истории всего человечества тоже стало своеобразным уроком для политиков, журналистов, учёных-историков. Но, к сожалению, уроки вынесены далеко не однозначные в российском обществе и на Западе.

Бывшие наши союзники по Второй мировой войне - британцы - ненавязчиво советуют устами Алекса Рашмера, «Россия должна глубоко осознать своё мрачное прошлое и испытать по отношению к нему чувство сожаления, а не ностальгии» [6]. Данная цитата, приписываемая Алексу Рашмеру, отражает либерально-западный взгляд на необходимость переосмысления истории России. Автор утверждает, что вместо ностальгии по советскому или имперскому прошлому стране необходимо покаяние и признание «мрачных» страниц своей истории.

История Великой Отечественной войны и вклад в победу над фашизмом советского народа, в том числе и дагестанского, имеет особо важное значение, так как, каждый эпизод войны, битвы на поле боя, работа тыла являются свидетельством героизма и мужества российского народа. Именно народа. Ведь вторая мировая война стала для него тяжелейшим испытанием. Потери, которые понесла наша страна, не имеют аналогов в мировой истории. В этой войне двух идеологий пропагандистская машина германского фашизма была целиком поставлена на рельсы оправдания самой разбойничьей и кровопролитной в истории человечества войны.

Советский Союз не только вышел победителем в этой войне, уничтожив стратегического противника, но и укрепил свою безопасность и создал в Восточной Европе санитарный кордон против нового «натиска на восток».

Задача преподавателя истории заключается в том, чтобы донести до студентов эту главную идейную составляющую историю войны. Советские народы не только выстояли под мощным ударом гитлеровской коалиции, но и нанесли ответный удар такой мощи, что рухнул не только третий рейх, рухнула вскоре колониальная система, выстроенная западными державами в течение столетий. Десятки стран после войны обрели независимость, что является прямым следствием нашей Победы.

Между тем, некоторые историки и политики, особенно радикально правой ориентации, как, например, Ю. Афанасьев или В. Суворов, ставят вопрос о формировании в России единой правдивой истории. Особой популярность в 90-е годы пользовались работы бывшего советского разведчика-перебежчика Резуна, который творил под псевдонимом Виктор Суворов. Он писал о том, что Гитлер нанес превентивный удар, а на самом деле это мы готовились сокрушить нацистскую Германию. Эта книга была издана миллионным тиражом [1, с. 146].

Ю. Афанасьев предлагает новую концепцию истории Отечественной войны 1941 – 1945 гг., в которой вступление СССР в войну произошло не 22 июня 1941 г., а 17 сентября 1939 г., когда советские войска вошли на территорию Польши, присоединив Западную Украину и Белоруссию к Советскому Союзу. Кроме того, в мае 1945 года мы, оказывается, победили Германию, но не нацизм. Освободив Европу, мы принесли в ее страны не свободу, а сталинизм. И наконец, во второй мировой войне, якобы, столкнулись два тоталитарных режима – гитлеровский и сталинский. Историки, подобные Афанасьеву, настаивают на аналогии фашизма и сталинизма [1, с.617].

В 1990 году А. Солженицын опубликовал работу «Как нам обустроить Россию», в которой, в частности, писал, что войну мы не выиграли, а скорее проиграли, и что для нашей страны это была позорная победа, которой нельзя гордиться. Как говорится, комментарии здесь излишни.

По меньшей мере, нелепо и неправильно проводить подобные аналогии. Почему тогда не начинать изучение второй мировой войны с Мюнхенского соглашения 1938 года, развязавшему Гитлеру руки в его агрессивных планах на восток и получившему «карт бланш» от западных держав – Великобритании и Франции?

Слабоизученным вопросом, часто используемым «антисоветскими» историками, является также советско-финская война 1939-1940 гг. Эта война не имела прямого отношения к агрессивной политике Германии в центре Европы. Советско-финский военный конфликт был спровоцирован необходимостью отодвинуть границу Финляндии, находившуюся на расстоянии 32 километров от Ленинграда. В остальном Советский Союз следовал курсу мирной политики. Ответной мерой была передача Финляндии

полуострова Ханко. Заключенный с Германией пакт о ненападении 23 августа 1939 г. – это вовсе не участие в войне на стороне Гитлера против Польши, Австрии, Чехии, Франции и Англии. Нельзя смещать акценты из-за коньюктурных соображений.

В истории второй мировой войны еще много спорных вопросов – о виновности Сталина в неудачах начала войны и причинах слабой подготовленности к ней, о репрессиях против целых народов в годы войны, об участии дагестанцев в битвах на фронтах и участи самого Дагестана в планах сталинского командования и т.д. Предстоит долгая кропотливая работа по созданию объективной отечественной истории и истории Дагестана. И все эти моменты следует не обходить молчанием или окрашивать в черные тона, а постараться показать (в том числе и на всех этих примерах) всю сложность и трагизм положения советского народа в годы войны. Рассекреченные архивные документы в настоящее время позволяют создать более объективную картину готовности Советского Союза к нападению Германии и причины большого количества жертв в начальный период войны. Об этом пишут авторы Бушков А.А.[2, с. 76], Пыхалов И. [9,с. 172]

Одним из актуальных вопросов истории войны является вопрос о репрессиях против кавказских народов. Известно, что уже 30 июня 1941 г. вышел указ, запрещающий призыв в армию представителей горских, в том числе и дагестанских, национальностей. 24 августа был издан указ командующего Закавказским фронтом о запрете призыва в армию военнообязанных из числа представителей всех народностей Дагестана. В то же время в германских войсках служили десятки тысяч из числа предателей и пленных.

Не нужно бояться сказать правду: да, были и такие, были и перебежчики, был развит бандитизм в горах, особенно в период битвы за Кавказ. Летом 1942 года, в разгар операции «Эдельвейс», усилилась заброска агентов-диверсантов, завербованных гитлеровской разведкой из числа дагестанцев. Это был очень сложный период войны. Для осуществления плана Кавказа Гитлер бросил две танковые армии и часть четвертого воздушного флота [3, с. 5-10]. В июле 1942 года, одновременно с началом Сталинградской битвы, вся эта армада обрушилась на Южный фронт советских войск, прорвала его и начала стремительное наступление на Кавказ.

Еще раньше, до начала наступления, гитлеровцы подготовили специально для овладения и охраны нефтяных объектов эсесовские и казачьи полки. Шеф Абвера адмирал Канарис разработал операцию «Шамиль», в ходе которой планировалась высадка десанта в районы Грозного, Майкопа, Малгобека (весь десант был вскоре уничтожен), использование местных противников советской власти. Для диверсий и обработки населения Кавказа и саботажа была создана организация «Тамара». В общем, вермахт очень тщательно готовил эту операцию.

С другой стороны, тем большую значимость обретает победа в этой кровавой схватке за Кавказ. Взятие немцами районов Майкопа и Малгобека и даже водружение ими фашистских знамен на вершинах Эльбруса не помогло им в осуществлении операции. В ходе наступательных боев советских войск, начавшихся 1 января 1943 года, немцы были отброшены от Грозного и начали стремительное отступление с Кавказа [3, с. 5-10].

В период ожесточенных боев за Кавказ по распоряжению Сталина было разрешено формирование добровольческих отрядов из числа местного населения. Этот аспект истории войны является ярким проявлением патриотизма. Уже к началу сентября 1942 года около 5 тысяч добровольцев из Дагестана были направлены на передовую. В том же месяце в Махачкале был сформирован кавалерийский эскадрон под командованием известного ветерана Гражданской войны Кара Караева. Этот отряд прошел боевой путь вплоть до Берлина, что подчёркивает преемственность героических традиций между Гражданской и Великой Отечественной войнами. Все дагестанцы, как призывники, так и добровольцы, проявляли исключительную доблесть и преданность Родине на фронтах – тому существует множество документальных свидетельств. Дагестан по праву может гордиться своими сыновьями.

В современной России наблюдается активизация поисков национальной идеи, сопровождающаяся процессом сплочения общества и возрождением чувства национальной самобытности. Гуманитарные и общественные науки призваны сыграть в этом процессе значимую роль [5, с. 58-70]. Появилась информация в средствах массовой информации о том, что в скором времени в Российской Федерации может быть принят закон, устанавливающий уголовную ответственность за отрицание победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Кампаний по пересмотру роли СССР во второй мировой войне было много и, видимо, будет не меньше. Западные историки и публицисты обычно упрекают Советский Союз в том, что, уничтожив в Европе фашизм, он насаждал там коммунистический режим. Но если считать это оккупацией, то тогда надо оккупацией считать и присутствие армий США на территории современной Европы. Кроме того, после окончания второй мировой войны в 1945 году Европа была поделена между державами –победительницами, и восточная Европа оказалась в сфере политического влияния СССР, так же, как западная – США.

Изучение отечественной истории XX века должно вестись целенаправленно в патриотическом русле, заставляя студентов задуматься о том, почему история развивалась в данном направлении, и задача преподавателя отечественной истории заключается не в том, чтобы определять количество добра и зла каждого правителя, а в том, чтобы определить масштаб его личности, насколько его деяния способствовали величию России.

Да, нам действительно надо осознать своё прошлое, но отнюдь не мрачное, и по-новому взглянуть на историю как Первой мировой, Гражданской войны, так и Второй мировой и Великой Отечественной войн. Только тогда мы сможем дать достойный отпор фальсификаторам истории, старательно пытающимся если не зачеркнуть вовсе, то свести на нет исторические заслуги нашей страны.

Список источников и литературы:

1. Афанасьев, Ю. А. Непреодоленное прошлое / Ю. А. Афанасьев // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – М., 1997. – Т. 2. – С. 617
2. Бушков А.А. Из пламени и дыма. Военные истории. – Москва.: Эксмо – Пресс, 2021, - 332 с.
3. Гаджиева Х.И., Эмирова М.Н. Битва за Кавказ: крах операции Эдельвейс. Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2021. Т. 15.№ 1-2. С. 5-10
4. Гаспарян А.С. Дитя перемен. – Москва.: Проспект, 2025. – 192 с.
5. Гордина Б.Д. Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны. //Вопросы истории. № 12, 2010. - С. 58-70
6. Истерия средних веков. Западная пресса опасно бредит. Российские СМИ глухо молчат. https://ug.ru/isteriya-srednih-vekov-zapadnaya-pressa-opasno-bredit-rossijskie-smi-gluho-molchat/. (дата обращения 24.02.2026)
7. Мединский В. Война 1939-1945. Мифы СССР. - М.: Просвещение, 2014. – 320 с.
8. Микрюков В.Ю. О фальсификации истории Великов Отечественной войны. // Вопросы истории. № 12. 2010, - с. 74-81
9. Пыхалов И.В. Великая оболганная война. — М.: Яуза, Эксмо, 2012. — 576 с.

Сведения об авторах

1. *Аббасзаде Нигар Муталлим кызы*, к.и.н., доцент, Бакинский государственный университет, г. Баку, Республика Азербайджан
2. *Абдуллаева Зоя Гамлет кызы,* к.и.н., доцент Сумгаитский государственный университет, г. Сумгаит, Республика Азербайджан.
3. *Адигозалова Малейка Захир кызы*, научный сотрудник Института истории им. А. Бакиханова НАН Азербайджана. г. Баку. Республика Азербайджан.
4. *Адыгезалов Камиль Мирнаги оглу*, аспирант, преподаватель Губинского филиала Азербайджанского государственного педагогического университета, г. Губа, Республика Азербайджан.
5. *Айдинова Диана Хаджи-Муратовна* , доцент кафедры экономики и прикладной информатики, к.э.н.,ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет», г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика.
6. *Акопян Виктор Завенович,* к.и.н., доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета. г. Пятигорск, Россия.
7. *Акопян Завен Викторович***,** ассистент, Пятигорский государственный университет. г. Пятигорск, Россия.
8. *Алиева Кенуль Гаджи кызы, доктор философии по истории в.н.с. Института ИАЭ им. А. Бакиханова НАН Азербайджана г. Баку, Республика Азербайджана*
9. *Алиева Вафа Тахир кызы.* научный сотрудник Институт истории им. А. А. Бакиханова, НАН Азербайджана, г. Баку, Республика Азербайджан.
10. *Алиева Сурижат Юсуфовна*, к.ю.н.,доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета в Дербенте. г. Дербент, Россия.
11. *Алиева Эмилия Камал гызы,* к.и.н., ведущий научный сотрудник, доцент Института Истории и Этнологии имени А.А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана, г. Баку. email: emiliaaliyeva11@gmail.com
12. *Алимирзаева Эсбет Абдулгамидовна*, к.пед.наук., доцент, НОУ ВО «Институт мировой экономики», г. Дербент, Россия.
13. *Аллахвердиева Сурайя Али Кызы*, ст. преподаватель Бакинского государственного университета. г. Баку, Республика Азербайджан

14. *Амрахов Маис Исраил оглы,* научный сотрудник, Институт Истории и Этнологии им. А.А. Бакиханова. НАН Азербайджана, г. Баку. emrahov48@mail.ru
15. *Акмурзаева Зухра Магомедаминовна***,** д.и.н., профессор кафедры истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова», г. Махачкала, РФ.
16. *Ахмедов Даниял Саидович*, магистрант 1 года обучения исторический факультет Дагестанский государственный педагогический университет. г. Махачкала, РФ
17. *Багишов Эльбрус Рамиз оглы***,** докторант Бакинского Государственного Университета. г.Баку, Республика Азербайджан **elbrus2080@gmail.com**
18. *Бабазаде Али Сияб оглы* оглу, Ст. преподаватель Азербайджанского государственного университета г. Баку, Республика Азербайджан Email: babazadeali512@gmail.com
19. *Бахшалиев Адиль Бахшали*. д.и.н., профессор Сумгаитский государственный университет, г. Сумгаит, Республика Азербайджан
20. *Бахшалиев Фазиль*, д.и.н., профессор, Бакинский государственный университет, г. Баку, Республика Азербайджан.
21. *Бахшалиев Самир Эйнулла оглы,* к.и.н., доцент, Бакинский государственный университет, г. Баку, Республика Азербайджан.
22. *Берулава Эка* – ст. лаборант кафедры истории, археологии и этнологии. г. Сухум, Республика Абхазия.
23. *Бикоев Артур Вячеславович*, аспирант, научный рук-ль: Дзахова Лариса Хасановна, докт. полит. наук, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К. Хетагурова
24. *Гасанов Магомед Раджабович,* д.и.н., профессор кафедры истории Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова. г. Махачкала, РФ.
25. *Гасанов Гаджи Нуру оглу*, завотделом, к.и.н., профессор, Институт Истории и Этнологии им. А.А.Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана. г. Баку.
26. *Гусейнова Байзат Магомедовна* – к.и.н., доцент кафедры истории, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Россия.
27. *Гусейнова Конул Рамиз кызы*, ст. преподаватель, Азербайджанский государственный педагогический колледж, г. Баку, Республика Азербайджан.

28. *Дибиров Юсуп,* соискатель кафедры истории Дагестана. Дагестанский государственный университет. г. Махачкала, РФ.
29. *Джамирзаев Салман Мирзакевич,* д.и.н., ведущий научный сотрудник, комплексного научно-исследовательского института АН Чеченской Республики. г. Грозный, Россия.
30. *Долгиева Марем Белановна***,** к.и.н., профессор Ингушского государственного университета, зав. отделом ИнгНИИ гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, г. Магас.
31. *Джапуа Альбина Эдиковна***,** ст. лаборант кафедры истории и этнологии Абхазии Абхазского государственного университета. г. Сухум, Республика Абхазия.
32. *Имамвердиева Кёнуль Нияз кызы* - доктор философии по истории Институт Археологии и Антропологии НАН Азербайджана. г. Баку, Республика Азербайджан.
33. *Керимов Зафар Махмуд оглы,* ведущий научный сотрудник, доктор философии по истории, доцент Института Истории и Этнологии имени А.А. Бакиханова НАН Азербайджана, г. Баку. zafer.karimov@mail.ru
34. *Каймаразова Лейла Ганиевна*, к.и.н., старший научный сотрудник института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. г. Махачкала, Россия.
35. *Кидирниязов Даниял Сейидахмедович,* д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник ДФИЦ ИИАЭ РАН, г. Махачкала.
36. *Киут Астанда Омаровна*, аспирант Абхазского государственного университета, г. Сухум.
37. *Курбанов Магомед-Загир Юсупович,* ст. н.с. Института ИАЭ ДФИЦ РАН. Г. Махачкала.
38. Лайпанова Р.М. магистрантка института культуры и искусств, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева» г. Карачаевск, РФ. E-mail: islamlaipanov6@gmail.com
39. *Лепшокова Светлана Мурзакуловна,* кандидат педагогических наук, доцент кафедры германской филологии ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский Государственный университет им У.Д. Алиева», г. Карачаевск, Россия. E-mail: lepshokova.sveta62@mail.ru
40. *Лысенко Юлия Михайловна,* к.и.н., старший научный сотрудник института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. г. Махачкала, Россия.
41. *Магомедова Эльмира Магомедовна,* к.и.н., доцент кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова. г. Махачкала.

42. *Маликли Нурлана Алирза кызы*, ст. преподаватель, Бакинский инженерный университет, г. Хырдалан, Республика Азербайджан.
43. *Маммаева Мадина Абдурахмановна*, к.и.н., доцент Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова;
44. *Махадов Ахмедия Камилович,* учитель географии и истории МБОУ «Гимназия 37» им. М. Нурбагандова, аспирант, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
45. *Мугутдинова Наида Шамилевна,* к.и.н., доцент кафедры истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова», г. Махачкала.
46. *Муссакаева Мадина Маратовна,* магистрантка ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет», г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика.
47. *Лобачева Зоя Николаевна,* к. философ. наук Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова; г. Махачкала, Россия.
48. *Нифталиев Рамиль Юзахмед оглы,* ведущий научный сотрудник, доктор философии по истории, доцент, Институт истории и Этнологии им. А.А. Бакиханова, Национальный Академии Наук Азербайджана, ramil.niftaliyev.67@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-5346-443X
49. *Омаров Абдулкадыр Исаевич*, заведующий кафедрой истории Дагестана ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет», д.и.н., профессор, г. Махачкала, Россия.
50. *Пухаева Ольга Равиловна*, научный сотрудник отдела истории и этнологии, Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З.Н. Ванеева, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия.
51. *Савкатов Залимхан Кайрадинович,* аспирант 3 курса,ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, e-mail: zalimhan.savkatov@mail.ru
52. *Саидова Марина Загидовна,* к.и.н., доцент, зав. кафедрой Всеобщей истории «Дагестанский государственный педагогический университет» им. Р. Гамзатова г. Махачкала
53. *Салакая Сослан Шотаевич,* д.и.н., доцент Ахазского государственного университета. г. Сухум.
54. *Салпагарова А.Х.* магистрантка института культуры и искусств, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева г. Карачаевск, РФ

55. *Смыр София Аркадьевна* , ст. лаборант кафедры истории и этнологии Абхазии Абхазского государственного университета. г. Сухум, Республика Абхазия.
56. *Сулаев Иманутин Хабибович*, д.и.н., профессор кафедры Отечественной истории Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Россия.
57. *Султанбеков Р.М.,* к.и.н., доцент кафедры истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова», г. Махачкала.
58. *Сулейманлы Дильшад Курбат кызы***,** магистрант, Сумгаитский государственный университет
59. *Сугаипова Айзан Магомедовна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой и новейшей истории ФГБОУ ВО «Чеченской государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный. novaya-cafedra@mail.ru.
60. *Токова Фатима Аскербиевна*, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», факультет экономики и управления, кафедра экономики и прикладной информатики, г. Карачаевск, Россия
61. *Чекулаев Николай Дмитриевич*, к.и.н., с.н.с., Института ИАЭ ДФИЦ РАН, г. Махачкала.
62. *Хатуев Ислам Заутдинович,* к. и. н., доцент кафедры Новой и новейшей истории Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова.
63. *Цховребов Николай Таймуразович*, научный сотрудник отдела истории и этнологии, Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З.Н. Ванеева, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия.
64. *Шамилова Айсел Магомед кызы*, докторант, Сумгаитский государственный университет, г. Сумгаит, Республика Азербайджан
65. *Шарифов Шахлар Шахбаз оглу*, доктор философии по теологии, доцент Ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии имени А.А. Бакиханова НАНА. г. Баку, Республика Азербайджан.
66. *Эмирова Магги Нурмагомедовна.,* к.и.н., профессор кафедры Всеобщей истории ДГПУ им. Р. Гамзатова. г. Махачкала, Россия.
67. *Эмирханов Исмаил Асланович***,** зав. кафедрой истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова», к.и.н., доцент, г. Махачкала, Россия.
68. *Эрикенова Эльвира Муратовна* – доцент, к.э.н., ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д.

Алиева», факультет экономики и управления, кафедра экономики и прикладной информатики, г. Карачаевск, Россия

Содержание

Предисловие…….3-5

Раздел 1. **НАРОДЫ ДАГЕСТАНА, КАВКАЗА И ЮГА РОССИИ В ДРЕВНОСТИ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ.**

1. *Гасанов М.Р.* Связи Албании с Сарматией…….6-9
2. Адыгёзалов К.М. оглу К истории аграрной политике Российской империи в Карабахском регионе……..10-12
3. *Алиева К.Г. кызы* Развитие обрабатываающей промышленности и ремесленных отраслей в Сурмалинском уезде Эриванской губернии (конец XIX – начало XX веков)……13-17
4. *Ахмедов Д.С.* Ричинское сражение 1239 года: анализ источников……..18-22
5. *Бабазаде А.С. оглу* Иреванский регион в европейских источниках (XVII – XIX вв.) …….23-31
6. *Багишов Э. Р. оглы* Изменения в исторической (политической) географии Азербайджана после реформ А. Гана……32-36
7. *Бахшалиев А.Б.* Формы собственности и вопросы социальных движений в государстве Сефевидов в русско-советской историографии……37-42
8. *Берулава Э. С.* Активная научная деятельность первого абхазского археолога М.М. Трапш……...43-50

9. *Гусейнова Б.М.* К вопросу истории союза сельских общин Антль-Ратль……51-55
10. *Долгиева М.Б.* Отражение социального статуса женщины в архаичном женском пантеоне ингушей……...56-66
11. *Джамирзаев С.М.,* Цивилизационная парадигма этногенеза чеченцев в контексте кавказоведческого составляющего…….67-70
12. *Джапуа Альбина Эдиковна* Проблема репатриации абхазов (к постановке вопроса)……...71-77
13. *Имамвердиева К.Н. кызы* От духовной практики к политической борьбе: политизация суфизма на Кавказе в условиях колониальной политики Российской империи в Азербайджане в начале XIX века……...78-83
14. *Кидирниязов Д.С.* Ногайцы Северного Кавказа и Крыма в политике России и Турции в XVI в……84-92
15. *Керимов З.М. оглу* К вопросу о Туркманчайского договора на положении мусульмано-туркского населения Северного Азербайджана…….93-98
16. *Киут А.О.* Трансформация уклада жизни в Абхазии во второй половине XIX в. (культура и просвещение)……..99-104
17. *Махадов А.К.* Ших – Али хан дербентский и кубинский в свете новых арабоязычных источников…….105-108
18. *Маммаева М.А., Лобачева З.Н.* Кавказская Албания в исторической ретроспективе народов Дагестана…….109-115
19. *Магомедова Э.М.* Дагестан в трудах Е.И. Козубского……116-118
20. *Магомедова Роза Мусаевна*. д.и.н., профессор кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова. г. Махачкала. РФ……...119-121
21. *Магомедов Ш.А.* Дербент в XVIII в.: политическое положение, социально-экономический облик, этноконфессиональный состав населения……122-128
22. *Нифталиев Р.Ю.* О создании и деятельности «Комитета по оказанию помощи пострадавшим от шамахинского землетрясения» в городе Баку……...129-136
23. *Омаров А.И., Дибиров Ю.С.* К вопросу о вариантах и проектах «включения» Северо - Восточного Кавказа в состав Российской Империи в первой половине XIX века……..137-144
24. *Чекулаев Н.Д.* Россия и Дагестан в первой трети XVIII века….145-151
25. *Шарифов Ш.Ш. оглу* Азербайджан как центр распространения ислама на Кавказе в период праведных халифов……152-157
26. *Султанбеков Р.М.* К истории возникновения государственно-политической структуры Зирихгеран……..158-165
27. *Савкатов З.К.* Традиционное скотоводство ногайцев Крыма в нарративных источниках XIX века……..166-174

РАЗДЕЛ 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА И ЮГА РОССИИ В XX ВЕКЕ.

28. *Аббасзаде Н.М. кызы* Основные результаты нового этапа укрепления азербайджанской государственности (2003-2023 гг.)……175-179
29. *Акмурзаева З.М.* XX съезд КПСС в исторических судьбах народов Дагестана: смена эпох, уроки и значение……180-184
30. *Адигозалова М.З. кызы* Российско-сирийские отношения накануне арабской весны……185-192
31. *Алиева Э.К. кызы* Из истории развития красильного ремесла (Боякчалык) в городах Северного Азербайджана в XIX – начало XX вв……...193-201
32. *Алиева В.Т. гызы* Об Агабале Гулиеве и продовольственном снабжение города Баку в годы Первой мировой войны…….202-210
33. *Аллахвердиева С.А. кызы* Вопросы продвижения национальной идеологии в трудах Мухаммада Амина Расулзаде……..211-217
34. *Гусейнова К.Р. кызы* Новые факты и коцептуальные подходы в изучении карабахской проблемы……..218-227
35. *Курбанов М-З. Ю.* Социально-экономические проблемы миграций даргинцев за пределы Дагестана (Ставропольский край и Калмыкия)……...228- 234
36. *Лайпанова Р. М.* Память, наследие и впечатления: музеефикация истории Кавказа в Новейшее время……..235-240
37. *Муссакаева М.М.* Языковое разнообразие и билингвильное образование в школах Северного Кавказа: педагогические стратегии сохранения родных языков……241-249
38. *Маликли Н.А. кызы* Представительство регионов в Парламенте Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920).....250-256
39. *Салпагарова А.Х.* Советская модернизация Северного Кавказа: индустриализация, коллективизация и трансформация традиционного уклада (1920–1940)…….257-263
40. *Токова Ф.А.* Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года……..264-271
41. *Хатуев И.З.* Первая мировая война и политика Турции на Кавказе…….272-281
42. *Шамилова А.М. кызы* Влияние расширения правовых демократических реформ на социально-политическую-политическую жизнь Азербайджанской республики (2016-2020 гг.)……282-286

РАЗДЕЛ 3. ВКЛАД НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ДОСТИЖЕНИЕ ПОБЕДЫ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 гг.

43. *Алиева С. Ю.* Многонациональное единство СССР и его роль в достижении победы в Великой Отечественной войне……287-294
44. *Алимирзаева Э.А.* «Мы все дети одной матери – Родины»: интернациональный подвиг народов Дагестана……..295-297
45. *Абдуллаева З.Г. кызы* Роль дружбы и солидарности советских народов в достижении Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг……..298-303
46. *Бикоев А.В.* Роль военных отделов партийных комитетов Северо-Осетинской АССР в оказании помощи семьям фронтовиков…304-308
47. *Кидирниязов Д.С., Магомаев В.Х.* Промышленность и труженики тыла Северного Кавказа в годы войны: вклад в Великую Победу……..309-314
48. *Каймаразова Л.Г., Лысенко Ю.М.* Интернационализм как консолидирующий фактор победы в Великой Отечественной войне (По материалам письма-газеты «Дагестан своим фронтовикам»)……315-320
49. *Лепшокова С.М.* Единство перед лицом испытания: вклад народов Северного Кавказа в победу в Великой Отечественной войне……321-324
50. *Султанбеков Р.М., Махадов А.К.* Роль женщины в общественно – политической жизни Дагестана в годы Великой Отечественной войны……325-328
51. *Мугутдинова Н.Ш.* Роль патриотического воспитания молодежи Дагестана в современных условиях……329-333
52. *Пухаева О.Р.* Некоторые проблемы повседневной жизни тылового города (Владикавказ в годы Великой Отечественной войны)……..334-339
53. *Сулаев И.Х.* О состоянии колхозов и положении колхозников Дагестанской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг……...340-344
54. *Суздальцева И.А.* Участие рабочей молодежи в организации строительства бронепоезда «Комсомолец Дагестана» в годы Великой Отечественной войны……344-349
55. *Смыр С.А.* Уроженцы села Куланырхуа на фронтах Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)……..350-352
56. *Саидова М.З., Эмирова М.Н.* Становление государственности в Советском Дагестане (20-г. XX века)……..353-355
57. *Саидова М.З.* Из истории деятельности аппарата местных советов, как органов самоуправления (60- 70-е г. XX века)……..356-367
58. *Хатуев И.З. Сугаипова А.М.* Интеллигенция Чечено-Ингушетии в Великой Отечественной войне……..368-372
59. *Цхобребов Н.Т.* Детский мир Северной Осетии в годы Великой Отечественной Войны……373-376

60. *Эмирханов И.А.* Проблемы сохранения детского здоровья в Дагестанской АССР в условиях военной действительности (1941-1945 гг.)……376-381
61. *Эмирова М.Н., Гаджиева Х.И.* История Великой Отечественной войны как фактор патриотического воспитания молодежи…...382-386
62. *Сведения об авторах*……..387-391

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Актуальные проблемы истории народов Кавказа и Юга России

Материалы V международной научной конференции (г. Махачкала, 14-15 мая 2026 г.).

Ответственный редактор:

Султанбеков Рабадан Магомедович
к.и.н., доцент кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова

Издательство Дагестанского государственного педагогического университета им. Р. Гамзатова

Лицензия № Л035-00115-05/00118975 от 24.03.2023 г. Тираж 100 экз.